

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

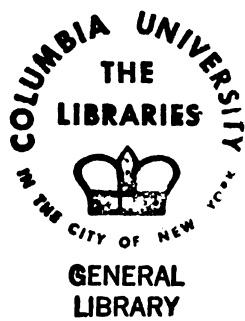
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

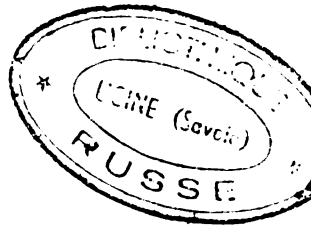
- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

086 1

ТВОРЕНІЯ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО

АѢАНАСІА,

АРХІЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. ГОТЬЕ.

1851.

281.1
Ат 3536

ч. 1

8091 E

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Января 29 дня 1851 года.

*Цензоръ, Московской Семинаріи Ректоръ,
Архимандритъ Евгеній.*

APR 21 1954

086

1. СЛОВО

НА ЯЗЫЧНИКОВЪ.

Вѣдѣніе богочестія и вселенской истины не столько ищетъ нужды въ человѣческомъ наставленіи, сколько познается само собою; потому что едва не вопіеть о себѣ ежедневно въ дѣлахъ, и свѣтлѣ солнца отпрыгаетъ себя въ Христовомъ ученіи. Но поелику тебѣ, блаженный, желательно слышать о семъ; то, по мѣрѣ силъ своихъ, предложу нѣчто о вѣрѣ Христовой; тѣмъ паче, что, хотя и самъ ты можешь найти сіе въ Божіемъ Словѣ, однако же съ любовію слушаешь, что говорятъ и другіе. Ибо какъ святыхъ и богодуховенныхъ Писаній достаточно къ изъясненію истины, такъ и блаженными нашими Учителями сочинены о семъ многія книги. И если кто будетъ читать ихъ, то найдетъ въ нихъ нѣкоторымъ образомъ истолкованіе Писаній, и прійдетъ въ состояніе пріобрѣсти жемаемое имъ вѣдѣніе. Но поелику не имѣемъ въ рукахъ теперь сочиненій сихъ Учителей; то, чему научился я изъ оныхъ, — разумью же о вѣрѣ во Христа Спасителя, — необходимо изложить и сообщить сіе тебѣ письменно, чтобы ученія, заключающагося въ словѣ нашемъ, не почелъ кто маловажнымъ, и не сталъ предполагать, будто бы вѣра во Христа не разумна.

Такія же клеветы въ укоризну нашу слагають языч-
 ники. Они громко смѣются надъ нами, указывая не
 на иное что, а только на крестъ Христовъ. Но тѣмъ
 паче можно пожалѣть о безчувствіи ихъ. Клевеща
 на крестъ, не видятъ они силы креста, наполнив-
 шей цѣлую вселенную, не видятъ, что крестомъ ста-
 ли явны для всѣхъ дѣла боговѣднїя. Ибо если бы
 сами они искренно вникли умомъ въ Божество Хри-
 стово, то не стали бы столько насмѣхаться; а на-
 противъ того, познали бы сего Спасителя міру, по-
 знали бы, что въ крестъ — не вредъ, но врачевство
 твари. Если съ явленіемъ креста уничтожено всякое
 идолослуженіе, и крестнымъ знаменіемъ прогоняется
 всякое бѣсовское мечтаніе; если единому Христу по-
 кланяются, и чрезъ Него познается Отецъ; если про-
 творъчущіе постыждаются, и Христовъ съ каждымъ
 днемъ невидимо преклоняетъ къ Себѣ души преко-
 слововъ; то вправдѣ мы сказать язычникамъ: какъ же
 можно дѣло сіе признать человѣческимъ, а не испо-
 вѣдать паче, что Возшедшій на крестъ есть Божіе
 Слово и Спаситель міра? Мнѣ кажется, что съ языч-
 никами дѣлается тоже, что и съ человѣкомъ, кото-
 рый бы сталъ унижать солнце закрытое облаками, и
 потомъ—дивиться его свѣту, видя, что озаряется имъ
 вся тварь. Какъ прекрасенъ свѣтъ, а еще прекраснѣе
 виновникъ свѣта — солнце; такъ, поелику наполненіе
 цѣлой вселенной боговѣднїемъ есть Божіе дѣло, не-
 обходимо виновникомъ и вождемъ въ такомъ успѣш-
 номъ дѣйствіи быть Богу и Божію Слово.

Итакъ, сперва обличу, сколько могу, невѣжество
 невѣрующихъ, чтобы, по обличеніи лжи, сама собою
 возсіяла, наконецъ, истина, и для тебя несомнѣнно

153, 123, 183.
 11-1, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000.

было, что увѣровалъ ты въ истину, и, познавъ Христа, не впалъ въ обманъ. Думаю же, что съ тобою, какъ съ христороубцемъ, прилично разсуждать о Христе. Ибо увѣренъ, что въдѣніе о Немъ и вѣру въ Него предпочитаешь всему.

Въ началѣ не было зла; потому что и теперь нѣтъ его во святыхъ, и для нихъ вовсе не существуетъ оно. Но люди, въ послѣдствіи, сами противъ себя начали примышлять и воображать злое. Отсюда же, конечно, образовали себѣ и первую мысль объ идолахъ, не сущее представляя какъ сущее.

Создатель міра и Царь царей Богъ, превысшій всякой сущности и человѣческаго примышленія, какъ благій и все превосходящій добротою, сотворилъ родъ человѣческой по образу Своему, собственнымъ Словомъ Своимъ, Спасителемъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, и черезъ уподобленіе Себѣ содѣлалъ его созерцателемъ и знателемъ сущаго, давъ ему мысль и въдѣніе о собственной Своей вѣчности, чтобы человекъ, сохраняя сіе сходство, никогда не удалялъ отъ себя представленія о Богѣ, и не отступалъ отъ сожитія со святыми, но, имѣя въ себѣ благодать Подателя, имѣя и собственную свою силу отъ Отчаго Слова, былъ счастливъ и собесѣдовалъ съ Богомъ, живя невинною, подлинно блаженною и безсмертною, жизнью. Ни въ чемъ не имѣя препятствія къ въдѣнію о Богѣ, человекъ, по чистотѣ своей, непрестанно созерцаетъ Отчій образъ, Бога—Слова, по образу Котораго и сотворенъ, приходитъ же въ изумленіе, уразумѣвая Отчее черезъ Слово о всемъ примышленіе, возносясь мыслію выше чувственнаго и выше всякаго тѣлеснаго представленія, силою ума

своего касаясь божественнаго и мысленнаго на шебесахъ. Когда умъ человѣческой не занятъ тѣлеснымъ, и не примѣшивается къ нему со-внѣ возбуждаемое нимъ вождельнiе, но весь онъ горѣ и собранъ въ себя самомъ, какъ было въ началѣ: тогда, преступивъ за предѣлы чувственнаго и всего человѣческаго, парить онъ въ горнихъ, и взирая на Слово видитъ въ Немъ Отца Словоу, услаждаясь созерцанiемъ Его и обновляясь въ любви къ Нему. Такъ и священныя Писанiя о первомъ сотворенномъ чловѣкѣ, который на еврейскомъ языкѣ названъ Адамомъ, говорятъ, что въ началѣ съ непостыднымъ дерзновенiемъ устремленъ былъ онъ умомъ къ Богу, и сожительствоваль со Святыми въ созерцанiи мысленнаго, какое имѣлъ въ ономъ мѣстѣ, которое святой Моисей, въ переносномъ смыслѣ, наименоваль *раемъ* (Быт. 2, 8.). А къ тому, чтобы видѣть въ себя Бога, достаточно душевной чистоты, какъ и Господь говорить: *блаженни чистii сердцемъ; яко тii Бога узрятъ* (Матѣ. 5, 8.).

Такимъ, по сказанному, Создатель содѣлалъ родъ человѣческой, и желалъ, чтобы такимъ же и пребылъ онъ. Но люди, вознерадѣвъ о совершеннѣйшемъ, и возъившись постигнуть оное, охотѣе взыскали того, что ближе къ нимъ; ближе же къ нимъ были тѣло и тѣлесныя чувства. Посему уклонили они умъ свой отъ мысленнаго, начали же разсматривать самихъ себя. А разсматривая себя, занявшись тѣломъ и пвыми чувственными вещами, и обольщаясь симъ, какъ своею собственностiю, впали въ самовождельнiе, предпочетши собственное созерцанiю божественнаго, и закоснѣвъ въ этомъ, не хотя оставить ближайшаго

къ нимъ, смятенную и возмущенную всякими вождельными душу свою подавили плотскими удовольствиями; наконецъ же, забыли о своихъ силахъ, дарованныхъ Богомъ въ началѣ. Что сіе истинно, — можно видѣть то и на первосозданномъ человѣкѣ, какъ говорятъ о немъ священныя Писанія. Пока умъ его устремленъ былъ къ Богу и къ созерцанію Бога, — онъ отвращался отъ воззрѣнія на тѣло. Когда же, по совету змѣя, оставилъ мысль о Богѣ, и началъ разсматривать себя самого; тогда впалъ въ плотское вождельніе. *И уразумѣша, яко нази бѣша* (Быт. 3, 7.), и уразумѣвъ, устыдились. Узнали же наготу свою, не столько по недостатку одеждъ, но и потому, что совлеклись созерцанія Божественнаго, и обратили мысль къ противоположному. Ибо, уклонившись отъ мысленнаго устремленія къ Единному и Сущему (разумью Бога), и отъ любви къ Нему, вдалились уже въ различныя и частныя пожеланія тѣла. Потому, какъ обыкновенно бываетъ, допустивъ въ себя вождельніе каждой вещи и вдругъ многихъ вещей, начали имѣть привязанность и къ самымъ вождельнымъ; а потому стали бояться оставить ихъ.

Отсега произошли въ душѣ и боязнь, и страхъ, и удовольствіе, и мысли свойственныя смертному. Душа, не желая оставить вождельній, боится смерти и разлученія съ тѣломъ; снова же вождельвая и не достигая подобнаго прежнему, научается убивать и дѣлать неправду. А почему и сіе дѣлаетъ душа, — умъство будетъ объяснить это, по мѣрѣ силъ.

Уклонившись отъ созерцанія мысленнаго, употребляя во зло частныя тѣлесныя силы, услаждаясь разсматриваніемъ тѣла, замѣчая, что удовольствіе для

нее есть нечто доброе, душа въ обольщеніи своемъ злоупотребила наименованіемъ: *доброе*, и подумала, что удовольствіе есть самое существенное добро; какъ и человѣкъ, помѣшавшійся въ умѣ, просить меча на всякаго встрѣчнаго, и думаетъ о себѣ, что поступаетъ въ этомъ благоразумно. Полюбивъ же удовольствіе, душа начала различными способами воспроизводить оное; потому что, по природѣ будучи дѣятельною, хотя отвращается отъ добраго, однако же не прекращаетъ своей дѣятельности, и потому обращаетъ свою дѣятельность уже не на добродѣтель, и не на то, чтобы созерцать Бога, но останавливаясь мыслию на не сущемъ, употребляетъ способности свои превратно, пользуясь ими для измышленныхъ ею вождельній; ибо сотворена свободною, можетъ какъ преклоняться на доброе, такъ и отвращаться отъ добраго; отвращаясь же отъ добраго, непременно останавливается мыслию на противномъ тому. Но не можетъ вовсе прекратить свою дѣятельность, будучи, какъ сказано выше, дѣятельною по природѣ, и сознавая свободу свою, видитъ въ себѣ способность употреблять тѣлесные члены на то и на другое, и на сущее и на не сущее. Сущее же — добро, а не сущее — зло. И сущее называю добромъ, поколику оно имѣетъ для себя образцы въ сущемъ Богѣ; а не сущее называю зломъ, поколику не сущее произведено человѣческими примышленіями. Тѣло имѣетъ у себя глаза, чтобы взирать на тварь, и изъ примѣчаемаго въ ней всестройнаго порядка познавать Создателя. У него есть слухъ для слышанія Божіихъ словесъ и Божіихъ законовъ. У него есть руки для произведенія ими необходимаго, и для молитвеннаго

воздѣянiя ихъ къ Богу. Но душа, уклонившись отъ созерцанiя того, что—добро, и отъ обращенiя на то своей дѣятельности, въ заблужденiи своемъ обращаетъ уже оную на противоположное. Потому, какъ сказано выше, усматривая свои способности, и злоупотребляя ими, воображаетъ, что можетъ обратить и тѣлесныя члены на противоположное. Посему, вмѣсто того, чтобы разсматривать тварь, обращаетъ она глазъ на вождельнiя, доказывая самъ, что и это ей возможно; и думаетъ, что, однажды устремивъ свою дѣятельность, сохранять она свое достоинство, и не погрѣшаетъ, дѣлая, что можно; не знаетъ же, что сотворена, не просто устремлять свою дѣятельность, но устремлять, на что должно. Посему-то и Апостольское слово заповѣдуетъ: *вся лѣть суть, но не вся на пользу* (1 Кор. 10, 23.). Но человѣческая дерзость, имѣя въ виду не то, что полезно и прилично, а что возможно, начала дѣлать противоположное. Потому и руки подвигнувъ на противное, стала ими убивать, и слухъ употребила на преслушанiе, и иные члены, вмѣсто законнаго чадородiя,—на прелободѣянiя, и языкъ, вмѣсто благохваленiя,—на хулы, злословіе и ложныя клятвы, опять и руки—на татьбу, и на то, чтобъ бить подобныхъ намъ человѣковъ, и обонянiе—на разнообразiе благовонiй, возбуждающихъ къ похотливости, и ноги—на скорость *излiяти кровь* (Притч. 1, 16.), и чрево—на пiянство и на пресыщенiе безъ мѣры.

Все же это—порокъ и душевный грѣхъ, и не иное что сему причиной, какъ отвращенiе отъ совершеннѣйшаго. Представь, что ѣздокъ, свѣвъ на коней на ристалищѣ, не обратитъ вниманiя на цѣль, къ кото-

рой ему должно направить свой бѣгъ, а поворотивъ въ другую сторону, просто погонитъ коня, сколько можетъ (а можетъ онъ, сколько хочетъ); и иногда направить коней на встрѣчныхъ, а иногда погонитъ ихъ по стремнинѣ, несясь, куда увлекается быстрою коней, между тѣмъ какъ думаетъ, что и при такомъ бѣгѣ не минуешь цѣли, потому что въ виду у него одна скорость ѣзды, а не смотритъ на то, что далеко онъ отъ цѣли. Такъ и душа, совратившись съ пути къ Богу, и сверхъ мѣры понуждая тѣлесные члены, лучше же сказать, гоня съ ними и себя, погрѣшаетъ, и дѣлаетъ себѣ зло, не примѣчая, что сбилась съ дороги, и удалилась отъ истинной цѣли, на которую взирая христовосный мужъ, блаженный Павелъ сказалъ: *къ преднамѣренному теку, къ почести вышняго званія Христа Иисуса* (Фил. 3, 14.). Такъ Святой, имѣя цѣлю добро, никогда не дѣлалъ зла.

Нѣкоторые изъ еллиновъ, уклоняясь съ пути, и не познавъ Христа, утверждали, что зло существуетъ самостоятельно и само по себѣ: и въ этомъ погрѣшаютъ они по двумъ отношеніямъ. Или Создателя лишаютъ достоянія быть Творцемъ сущаго. Ибо не будетъ Онъ Господомъ сущаго, если зло, какъ они говорятъ, само по себѣ имѣетъ самостоятельность и сущность. Или опять, желая, чтобы Онъ былъ творцемъ всяческихъ, по необходимости дѣлаютъ Его и творцемъ зла; потому что, по словамъ ихъ, и зло— въ числѣ существъ. А сіе окажется нелѣпымъ и невозможнымъ; потому что зло не отъ добра, не въ немъ и не чрезъ него. Ибо не будетъ уже то и добромъ, что имѣетъ смѣшанную природу, или стало причиною зла.

И нѣкоторые еретики, отпавъ отъ церковнаго ученія, и потерпѣвъ крушеніе въ вѣрѣ, въ безуміи своемъ приписываютъ также злу самостоятельность. Кромѣ же истиннаго Отца Христова, воображаютъ себѣ иного бога, и сего нерожденнаго творца зла и виновника злобы признають и создателемъ твари. Но не трудно опровергнуть ихъ божественнымъ Писаніемъ и тѣмъ же самымъ человѣческимъ разумомъ, которымъ, измысливъ сіе, приводятся они въ бѣснованіе. Такъ Господь и Спаситель нашъ Иисусъ Христосъ, подтверждая слова Моисеевы, что *Господь Богъ единъ есть* (Втор. 6, 5.), говоритъ въ Евангеліи Своемъ: *исповадуются, Отче, Господи небесе и земли* (Матѣ. 11, 25.). Если же единъ богъ, и Онъ—Господь неба и земли; то какъ быть иному Богу, кромѣ Его? Гдѣ будетъ признаваемый ими богъ, когда въ цѣломъ объемѣ неба и земли все наполняется единымъ истиннымъ Богомъ? И какъ иному быть творцемъ того, надъ чѣмъ Господь есть самъ Богъ и Отецъ Христосъ, по Спасителеву слову? Развѣ скажутъ, что змій можетъ быть господомъ и принадлежащаго благому Богу, какбы въ равновѣсіи съ Нимъ. Но если станутъ утверждать сіе; то смотри, въ какое впадутъ нечестіе. Между равномошными невозможно будетъ найдтись превосходнѣйшему и совершеннѣйшему. Ибо если безъ воли одного существуетъ другое, то въ обонхъ—равная сила, и въ обонхъ—немошь; въ обонхъ—равная сила, потому что бытіемъ своимъ превосмогають изволеніе другъ друга; и въ обонхъ—немошь, потому что, когда не хотятъ они, противъ воли выходитъ дѣло; и благій существуетъ противъ воли злаго, и змій—противъ воли благаго. Съ дру-

гой стороны, можно сказать и сіе. Если видимыя вещи суть произведенія злаго;—что будетъ произведеніемъ благаго? Ибо ничего не видимъ, кромъ единой твари Создателя. Что же служить и признакомъ бытію благаго, когда нѣтъ Его произведеній, по которымъ бы можно было познать Его? Ибо Создатель познается изъ дѣлъ. Да и вообще, какъ будутъ два существа противоположныя другъ другу? Или что будетъ раздѣлять ихъ, чтобы существовали они одно внѣ другаго? вмѣстѣ имъ быть невозможно; потому что разрушительны одно для другаго; не могутъ же существовать и одно въ другомъ, потому что не соединимо и неподобно естество ихъ. Слѣдовательно, раздѣляющимъ ихъ окажется нѣчто третіе; и оно будетъ также богъ. Но не извѣстнымъ останется, къ какому естеству принадлежитъ сіе третіе, къ естеству ли добраго, или къ естеству злаго; къ естеству же того и другаго принадлежать ему невозможно.

Итакъ, поелику такая мысль ихъ оказывается не твердою,—необходимо просіять истинъ церковнаго вѣдѣнія, а именно, что зло не отъ Бога, и не въ Богъ, что его не было въ началѣ, и нѣтъ у него какой либо сущности; но люди, съ утратою представленія о добрѣ, сами себѣ, по своему произволу, стали примышлять и воображать не сущее. Какъ смѣжающій глаза, когда солнце взошло, и вся земля осіявается свѣтомъ его, вымышляетъ себѣ тму, хотя и нѣтъ тмы, и потомъ ходитъ, блуждая какъ во тмѣ, не рѣдко падая, приближаясь къ стремнинамъ, самъ же остается въ той мысли, что нѣтъ свѣта, а есть тма; ибо думая, что смотритъ глазами, вовсе ничего ими не видитъ: такъ и душа человѣческая, смѣживъ

око, которымъ можетъ созерцать Бога, измыслила себѣ злое, и на него обративъ свою дѣятельность, не знаетъ, что, представляя себя дѣлающею нѣчто, ничего она не дѣлаетъ; потому что воображаетъ не сущее, и не такую уже остается, какою сотворена; но въ какое смѣшеніе сама себя привела, такую и оказывается. Ибо сотворена была созерцать Бога и озаряться Имъ; она же, вмѣсто Бога, взыскала тлѣннаго и тмы, какъ нѣгдѣ и Духъ говоритъ въ писмени: *Сотвори Богъ человѣка правого. И сіи взыскаша помысловъ многихъ* (Еккл. 7, 30.).

Такъ произошло и образовалось въ началѣ изобрѣтеніе и примышленіе зла людьми. Но нужно сказать уже и о томъ, какъ люди дошли до идолобъсіа. Изъ сего узнаешь, что изображеніе идоловъ было вовсе не отъ благаго, но отъ злобы. А что имѣеть худое начало, тѣ, будучи всецѣло худо, никогда ни въ чемъ не можетъ быть признано добрымъ.

Душа человѣческая, не удовольствовавшись примышленіемъ зла, постепенно начала вдаваться еще въ худшее. Познавъ различія удовольствій, утвердившись въ забвеніи божественнаго, услаждаясь же тлѣсными страстями, и имѣя въ виду одно настоящее и уваженіе къ нему, душа помыслила, что нѣтъ уже ничего, кромѣ видимаго, но одно преходящее и тлѣсное—для нея добро. Совратившись же съ пути, и забывъ о себѣ, что сотворена по образу благаго Бога, не созерцаетъ уже, при помощи данныхъ ей силъ, того Бога—Слова, по Которому и сотворена, но, ставъ внѣ себя самой, останавливается мыслию на не сущемъ, и воображаетъ оное. И это какбы зер-

цало, въ которомъ одною могла видѣть Отчій образъ, закрывъ въ себѣ множествомъ столпившихся тѣлесныхъ вождельнѣй, не видитъ уже того, что должно умопредставлять душѣ, а носится повсюду, и видитъ одно то, что подлежитъ чувству. Отсего, исполнившись всякихъ плотскихъ вождельнѣй, и смущаемая уваженіемъ къ чувственному, наконецъ, того Бога, Котораго предала забвенію въ умъ, воображаетъ въ тѣлесномъ и чувственномъ, имя Божіе присвоивъ видимому, и то одно прославляя, что ей кажется угоднымъ, и на что взираетъ она съ пріятностію. Итакъ, идолослуженію предшествуетъ зло какъ причина. Люди, научившись примышлять себѣ не сущее зло, вообразили себѣ также и не сущихъ боговъ. Представъ, что погружившійся въ глубину не видитъ уже свѣта и вещей, видимыхъ при свѣтѣ, потому что глаза его обращены внизъ, и надъ нимъ лежитъ глубокой слой воды; ощущая же одно то, что находится во глубинѣ, думаетъ онъ, что кромѣ сего нѣтъ уже ничего, а, напротивъ того, сіи видимыя имъ вещи составляютъ все въ собственномъ смыслѣ существующее. Такъ и въ древности обезумѣвшіе люди, погружившись въ плотскія пожеланія и мечтанія, предавъ забвенію и понятію и мысль о Богѣ, при слабости своемъ разсудкѣ, лучше же сказать, при отсутствіи разума, видимыя вещи вообразили себѣ богами, прославляя тварь паче Творца, и обожая скорѣе произведенія, нежели ихъ виновника и создателя—Владыку Бога.

Но какъ, въ приведенномъ выше примѣрѣ, погружающійся въ глубину, чѣмъ болѣе сходятъ внизъ, тѣмъ въ большую стремятся тму и глубь; такъ было

и съ человѣческимъ родомъ. Ибо не просто впали люди въ идолослуженіе, и не остановились на томъ, съ чего начали; но въ какой мѣрѣ закосятъ въ превъзвѣсть, въ такой же изобрѣтали себѣ новыя суетыря, и не зная сытости въ ирежнихъ своихъ худыхъ дѣлахъ, пресыщались новыми, преуспѣвая въ срамотѣ, далѣе и далѣе простирая свое нечестіе. О семъ свидѣтельствуеетъ и божественное Писаніе, говоря: *егда придетъ нечестивый во глубину золъ, нерадитъ* (Првч. 18, 3.).

Какъ скоро умъ человѣческой отступилъ отъ Бога, люди, ниспадая въ понятіяхъ и помыслахъ, прежде всего воздали божескую честь небу, солнцу, лунѣ и звѣздамъ, подумавъ, что они—не только боги, но и виновники всего прочаго. Потомъ, еще ниже нисходя омраченными помыслами, наименовали богами эфиръ, воздухъ, и что въ воздухѣ. Поступивъ же далѣе во злѣ, возвеличили уже богами стихіи и начала тѣлеснаго состава: теплоту, холодъ, сухость и влажность. И какъ совершенно упавшіе влачатся по землѣ, подобно землянымъ улиткамъ; такъ злочестивѣйшіе изъ людей, павъ и унизившись въ представленіи о Богѣ, въ число боговъ включили, наконецъ, людей и изображенія людей, какъ еще живыхъ, такъ уже и умершихъ. А возжелавъ еще худшаго, востановившись на томъ мыслию, божественное и премірвое Божіе имя перенесли уже на камни, на деревья, на пресмыкающихся въ водѣ и на сушѣ, и изъ бессловесныхъ—на животныхъ свирѣпыхъ; имъ стали воздавать всякую божескую честь, отвратились же отъ истиннаго, дѣйствительно сущаго, Бога Отца Христова. И, о если бы хотя на этомъ остановилась дер-

зость неразумныхъ, и не сквернили они себя большимъ злочестьемъ, простираясь еще далѣе! Ибо нѣкоторые до того унизились мыслию, и омрачались умомъ, что измыслили себѣ, и вмѣстѣ обоготворили, даже то, что вовсе никогда не существовало, и чего не видно между сотворенными вещами. Смѣшавъ и разумное и безсловесное, и сочетавъ между собою несходное по природѣ, кланяются они тому, какъ богамъ. Таковы у египтянъ боги съ песьими, змѣиными и ослиными головами, а у ливянъ Аммонъ съ головою овна. Иные же, взявъ отдѣльно тѣлесные члены: голову, плеча, руки, ноги, — каждый членъ включили въ число боговъ, и стали обожать, какъ будто не довольствуясь поклоненіемъ цѣлому тѣлу въ его совокупности. Другіе простерли далѣе свое нечестіе, и обоготворивъ то, что было предлогомъ къ пзобрѣтенію спихъ боговъ и къ собственному ихъ злонравію, то есть, сластолюбіе и вождельніе, — и сему кланяются. Таковы у нихъ Эротъ и Афродита въ Паѳосѣ. Другіе же, какбы соревнуя другъ другу въ худомъ, дерзнули причестъ къ богамъ своихъ государей и дѣтей ихъ, или изъ почтенія къ властвовавшимъ, или страшась ихъ самоуправства; таковы въ Критѣ пресловутый у нихъ Зевесъ, въ Аркадіи — Эрміи, у индѣвъ — Діонисій, у египтянъ — Изида, Озирисъ и Оръ. И нынѣ Антиноя, любимца римскаго царя, Адріана, хотя знаютъ, что онъ человекъ, и человекъ не благонравный, но весьма развратный, чтутъ, страшась того, кто далъ о немъ повелѣніе. Ибо Адрианъ, находясь въ Египтѣ, когда умеръ служитель его сластолюбія Антиной, любя юношу и по смерти, повелѣлъ воздавать ему божескую честь;

а тѣмъ и самъ себя обличилъ, и вмѣстѣ далъ знать вообще объ идолослуженіи, что не иначе изобрѣтено оно у людей, какъ пзъ вождельніи къ воображаемому. О семъ свидѣтельствуеть и Божія премудрость, говоря: *начало блуженія умышленіе идоловъ* (Прем. 14, 12.).

И не дивись тому, что говорю, не почитай сего превосходящимъ вѣроятіе. Не такъ давно бывало (а можетъ быть, и до-нынѣ сіе соблюдается), что сенатъ римскій о своихъ отъ начала бывшихъ царяхъ, или о всѣхъ, или о комъ изволитъ и заблагорассудитъ онъ, дѣлалъ постановленіе: «быть имъ въ числѣ боговъ»; и предписывалъ воздавать имъ божескую честь. Если которые ненавистны сенату, то объявляетъ онъ природу ихъ, и какъ враговъ именуетъ людьми; а которые угодны ему, тѣмъ за доблестныя дѣла повелѣваетъ воздавать божескую честь, какъ будто сенаторы имѣютъ власть дѣлать богами, хотя сами они—люди, и не отрицаютъ о себѣ, что они—смертныя. А между тѣмъ надлежало бы, чтобъ дѣлающіе другихъ богами тѣмъ паче сами были боги; потому что творещее должно быть совершеннѣе творимаго; и кто судитъ, тотъ необходимо выше подсудимаго; и кто даетъ, тотъ, безъ сомнѣнія, чѣмъ одаритъ другихъ, тѣ и самъ имѣетъ; какъ и всякій царь, конечно, что имѣетъ, тѣ и даритъ, и самъ—лучше и выше приемиющихъ даръ. Посему, если и они, о комъ хотятъ, о тѣхъ и дѣлають постановленія: «быть имъ въ числѣ боговъ»; то прежде самимъ бы имъ надлежало быть богами. Но сіе-то и достойно удивленія, что они умирая какъ люди, тѣмъ самымъ показываютъ лживость своего приговора о тѣхъ, ко-

торые обоготворены имп. Но обычай сей не новъ, и не въ римскомъ начался сенатъ, напротивъ же того, съ давнихъ временъ получилъ начало, и напередъ замышленъ съ понятіемъ объ идолахъ. Ибо древніе, пресловутые у еллиновъ, боги: Зевсъ, Писидонтъ, Аполлонъ, Ифестъ, Ермій, и—женскаго пола: Ира, Димитра, Аѳина, Артемида, удостоены именования боговъ по указамъ пзвѣстнаго по исторіи у еллиновъ Ѣисея. И давшіе указы, умирая, оплакиваются какъ люди; о комъ же дали они указы, тѣмъ поклоняются какъ богамъ. Какое противорѣчіе и умозступленіе! Зная давшаго указъ, предпочитаютъ ему тѣхъ, о комъ данъ указъ.

И пусть бы еще идолобъсіе ихъ ограничилось только мужами, и не перенесло божескаго именования и на женскій полъ! Ибо и женамъ, которыхъ не безопасно принимать въ общее совѣщаніе о дѣлахъ, воздаютъ божескую честь, и чтутъ ихъ. Таковы тѣ, которыхъ, по сказанному выше, указано чтить Ѣисе-емъ; у египтянъ же: Изда, Кара и Неотера, а у иныхъ: Афродита; ибо имена другихъ, какъ исполненныя всякаго позора, не почитаю позволительнымъ и повторять.

Не только въ древности, но и въ наши времена, многіе, утративъ самыхъ любимыхъ имп, братьевъ, сродниковъ и женъ, и жены, утративъ мужей,—когда сама природа показала, что утраченные были смертные люди,—по причинѣ великой о нихъ скорби, изобразивъ ихъ на картинѣ, и выдумавъ жертвы, поставили на показъ, а жившіе въ послѣдствіи, ради изображенія и художникова искусства, стали таковыми кланяться какъ богамъ, поступивъ вовсе не-

естественно. Ибо родители оплакивали изображенных на картинах вовсе не как боговъ; а если бы признавали ихъ богами, то не плакали бы о нихъ, какъ объ утраченныхъ. Поелику они не признавали ихъ не только богами, до даже и вовсе существующими; то изобразили ихъ на картинахъ, чтобы, видя напомнимое картиною, утѣшиться въ ихъ несуществованіи. И симъ-то безразсудные молятся какъ богамъ, и воздаютъ имъ честь, подобающую истинному Богу! Въ Египтѣ и до-нынѣ еще совершается плачь объ утратѣ Осириса, Ора, Тифона и другихъ. Додонскія утвари и кориванты въ Критѣ доказываютъ, что Дій не богъ, а человекъ, и рожденъ плотояднымъ отцемъ. И удивительно то, что самый мудрый и много похваляемый у еллиновъ за то, что уразумѣлъ Бога, т. е. Платонъ, идетъ съ Сократомъ въ Пирей, поклониться изображенію Артемиды, сдѣланному человѣческимъ искусствомъ!

О таковыхъ и подобныхъ симъ изображеніяхъ идолюбствія, давно, и за-долго прежде, научило Писаніе, говоря: *Начало блуженія умышеніе идоловъ: изобрѣтеніе же ихъ, тлѣніе живота. Ниже бо быша отъ начала, ниже будутъ во вѣки: тщеславіемъ бо человѣческимъ внидоша въ міръ, и сего ради кратокъ ихъ конецъ вѣннися. Горькимъ бо плачемъ статуя отецъ скоро восхищеннаго чада образъ сотворивъ, егоже тогда человекъ мертвъ, нынѣ яко живъа почте, и предаде подручнымъ тайны и жертвы: потомъ временемъ возможшій нечестивый обычай, аки законъ хранимъ бысть, и мучителей повелѣніемъ почитаема бяху изваянная. Иже бо въ лице не могуще чествовати человекъ далнаго ради*

обитанія, издалеча лице изобразивше, явный образ почитаемаго царя сотвориши, яко да отстоящаго аки близь сущаго ласкають съ прильжаніемъ. Въ продолженіе же нечестія и не разумящихъ понуди художниково искусство. Сей бо хотя угодити державствующему, произведе хитростію подобіе на лучшее: множество же челоувѣкъ привлечено благообразіемъ дѣла, прежде вмаль чествованнаго челоувѣка, нынѣ въ бога вѣтшиша. И сіе бысть житію въ прельщеніе, яко или зоключенію, или мучительству послуживше челоувѣцы, несообщно Имя каменію и древамъ обложиша (Прем. 14, 12—21.).

Такъ, по свидѣтельству Писанія, началось и произошло у людей изобрѣтеніе идоловъ. Время уже представитъ тебѣ и обличеніе идолопоклонства, заимствовавъ доказательства не столько отъиѣ, сколько изъ того, что сами язычники думаютъ объ идолахъ.

Если кто возьметъ во вниманіе дѣянія такъ называемыхъ ими боговъ (начну сперва съ сего); то найдеть, что они не только не суть боги, но даже гнуснѣйшіе были изъ людей. Ибо каково видѣть у стихотворцевъ описанныя распутства и непотребства Діевы? Каково слышать, что Дій похищаетъ Гаввимеда, совершаетъ тайныя прелюбодѣянія, боится и мучится страхомъ, чтобы противъ воли его не были разорены троянскія стѣны? Каково видѣть, что онъ скорбитъ о смерти сына своего Сарпедона, хочетъ помочь ему, и не можетъ, что противъ него злоумышляютъ другіе такъ называемые боги, именно: Аенна, Ира и Посидонъ, а ему помогаютъ женщина Фетида и сторукий Эгеонъ; что Дій преодолевается сластолюбіемъ, раблѣпствуетъ женщинамъ, и для нихъ вдается въ опа-

ности, принимая на себя мечтательный видъ безслесныхъ животныхъ, четвероногихъ и птицъ; и что еще укрываютъ его отъ отца злоумышленія, но Кроносъ, который самъ обрѣзалъ отца, убить нмъ? Посему, справедливо ли предполагать богомъ того, кто совершилъ такіа черныя дѣла, какпхъ общіе римскіе законы не дозволяютъ дѣлать п простымъ людямъ? Также, зная непримиримую между собою вражду такъ называемыхъ боговъ въ Иліонѣ за еллиновъ и троянъ, кто не осудитъ ихъ въ безспіи, потому что изъ ревности другъ къ другу раздражали и людей? Или, зная, что Діонидомъ ранены Арей и Афродита, а Иракломъ—Ира и пренесподній, котораго называютъ адскимъ богомъ, Персеемъ же—Діонисій, Аркадомъ—Лавна, что Ифестъ српнуть, и сталъ хромымъ,—кто не заключитъ худо объ ихъ природѣ, и не откажется утверждать, что они—боги? Слыша же, что подлежатъ они страданію и тѣнию, не признаетъ ли ихъ не болѣе какъ людьми, и людьми немощными, и не ставеть ли скорѣе дивиться тѣмъ, которые наносили имъ раны, нежели имъ раненымъ?

Нѣтъ нужды и обличать съ усміемъ сластолюбивые ихъ поступки, превосходящіе всякую мѣру лободвйства,—также изваяніе боговъ изъ золота, серебра, мѣди, желѣза, камней и дерева; потому что все сіе само въ себѣ ненавистно, и само собою показываетъ въ себѣ признакъ заблужденія. А поэтому, жалеть наиваче должно о тѣхъ, которые вводятся смѣ въ обманъ. Ненавидятъ они лободвья, который врпступаетъ къ женамъ ихъ, но не стыдятся боготворить учителей лободвйства; и что по законамъ неспозволительно у людей, то не стыдятся приписывать такъ называемымъ богамъ своимъ.

Притомъ, кланяющіеся камнямъ и деревьямъ не примѣчаютъ, что ногами они попираютъ и жгутъ подобныя вещи, а часть тѣхъ же вещей именуютъ богами. Чтò не за-долго прежде употребили на свои нужды, тò самое, сдѣлавъ изъ сего изваяніе, въ безуміи своемъ чествуютъ, вовсе не примѣчая и не разсуждая, что кланяются не богамъ, но искусству ваятеля. Пока не обтесанъ еще камень, и не обдѣлано вещество, — до тѣхъ поръ попираютъ ихъ, и пользуются ими на потребности свои, часто и низкія; а когда художникъ, по наукѣ своей, приведетъ ихъ въ соразмѣрность, и напечатлѣетъ на веществѣ образъ мужа или жены; тогда, свидѣтельствуя благодарность свою художнику, и купивъ ихъ у ваятеля за деньги, кланяются уже имъ какъ богамъ. Не рѣдко же и самъ дѣлатель истукановъ, какбы забывъ, что имъ они сработаны, молится собственнымъ своимъ произведеніямъ, и чтò недавно обтесывалъ и обрубалъ, тò, по искусственной обдѣлкѣ, именуетъ богами. Ежели бы и слѣдовало удивляться чему въ истуканахъ; то надлежало бы похвалить искусство искусника, и сдѣлавшему не предпочитать того, чтò сдѣлано имъ; потому что не веществомъ украшено и обоготворено искусство, но искусствомъ — вещество. Посему гораздо было бы справедливѣе, чтобъ кланялись они художнику, а не произведеніямъ его; потому что онъ былъ еще прежде сдѣланныхъ искусствомъ боговъ, и какъ ему хотѣлось, такъ и сдѣланы они. Теперь же, отринувъ справедливое, не уваживъ науки и искусства, кланяются тому, чтò сдѣлано по наукѣ и искусству. И когда сдѣлавшій человекъ умираетъ, — его произведенія чествуютъ, какъ нечто бессмертное,

хотя они, если бы не прилагать о нихъ ежедневнаго пощеченія, безъ сомнѣнїя, по природѣ своей, уничтожились бы со временемъ.

Какъ же не пожалѣть о нихъ и по той причинѣ, что, сами видя, кланяются не видящимъ; сами по природѣ—одушевленные и разумные люди, именуяють же богами вовсе не движущихся и не одушевленныхъ? Удивительно также, что сами ихъ охраняють, шлѣя у себя подѣ властію, и служатъ имъ, какъ владыкамъ! И не подумай, что говорю сіе безъ основанія, или лгу на нихъ. Достоверность сего сама собою падаетъ въ глаза; и всякому желающему можно видѣть это. Но лучшее о семъ свидѣтельство находится въ божественномъ Писанїи, которое издревле учитъ, и говоритъ: *Идоли языкъ сребро и золото, дѣла рукъ человѣческихъ: очи имуть, и не узрятъ: уста имуть, и не возглаголютъ: уши имуть, и не услышатъ: ноздри имуть, и не обоняютъ: руки имуть, и не осязуютъ: нозъ имуть, и не пойдутъ: не возгласятъ гортанемъ своимъ. Подобни имъ да будутъ творящїи я* (Псал. 113, 12. 16.). Согласно съ сїимъ и пророческая укоризна; въ томъ же и Пророки обличаютъ идоловъ, когда Духъ говоритъ: *Посрамятся созидающїи Бога, и ваяющїи вси суетная. И вси, отнюдуже быша, изсхоша: и глусїи отъ человекъ да соберутся вси, и да стануть вкупеть: и да посрамятся, и устыдятся вкупеть. Яко наостри древодѣлатъ спичиво, теслою содѣла оное, и свердловомъ сострои е, и состави е крѣпостїю мышцы своя: и взалметъ, и изнеможетъ, и не напїется воды. Древо бо избравъ древодѣлла, постави е въ мѣру, и клеємъ сострои е, и сотвори е яко образъ*

мужескъ, и аки красоту чловѣчю, поставити е въ дому. Посѣче древо въ дубравѣ, еже насади Господь, и дождь возрасти, да будетъ чловѣкомъ на жже-
 ніе, и взявъ отъ него, согрѣся, и изжегше я, испе-
 коша имъ хлѣбы, изъ оставшаго же сотвориша
 боги, и поклоняются имъ. Поль его сожгоша о-
 гнемъ, и на поль его испече мясо, и яде, и насы-
 тисл, и согрѣся, рече: сладко мнѣ, яко согрѣхся,
 и видѣхъ огонь. Оставшему же поклоняется, глаголя:
 избави мя, яко богъ мой еси ты. Не увѣдаша смы-
 слити, яко отемнѣша очи ихъ, еже видѣти, и ра-
 зумѣти сердцемъ своимъ. И не помысли въ сердцѣ
 своемъ, ни помысли въ душѣ своей, ни увѣдѣ смы-
 шленіемъ, яко поль его сожже огнемъ, и испече на
 углѣхъ его хлѣбы, и испекъ мяса снѣдѣ, и остав-
 шее его въ мерзость сотвори, и поклоняются ему.
 Увѣдите, яко пепель есть сердце ихъ, и прельща-
 ются, и ни единъ можетъ души своей избавити:
 видите, не рцете яко лжа въ десницѣ моей (Исаі.
 44, 10—20.). Какъ же не признать всякому безбож-
 ными тѣхъ, кого и божественное Писаніе обвиняетъ
 въ нечестіи? Не злосчастны ли—такъ явно обличаемые
 въ томъ, что вмѣсто истины служатъ вещамъ не-
 одушевленнымъ? Какал у нихъ надежда? Или какос
 будетъ извпненіе возложившимъ упованіе на тварей
 безсловесныхъ и не имѣющихъ движенія, которыхъ
 чествуютъ они вмѣсто истиннаго Бога?

Пусть художникъ соорудилъ бы имъ боговъ, не
 придавалъ никакого образа, чтобъ не имѣть имъ яв-
 наго обличенія въ несмысленности! Скрыли бы они
 отъ людей простыхъ и возможность предположенія,
 что идолы чествуютъ, если бы у идоловъ не было

указанія на чувства, какъ то: глазъ, ноздрей, ушей, рукъ, устъ, остающихся въ бездѣйствіи, такъ что не могутъ воспользоваться чувствомъ, и насладиться чувствуемымъ. Теперь же, имѣя ихъ, вмѣстѣ и не пмѣютъ; стоя, не стоять, сдя, не спдять; потому что не дѣйствуютъ ими; но какое положеніе захотѣль дать имъ соорудитель, въ такомъ и пребываютъ неподвижно, не представляя въ себѣ ни одного признака божественности, но оставаясь совершенно не-одушевленными, и только отъ искусства человѣческаго пріявшими свой видъ.

Пусть также провозвѣстники и провѣщатели такихъ лжебоговъ (разумью стихотворцевъ и бытописателей) просто написали бы, что они—боги, а не описывали бы ихъ дѣяній въ обличеніе небожественности и срамнаго житія! Однимъ пмнемъ Божества могли бы они скрыть истину, лучше же сказать, отъратить многихъ отъ истины. Теперь же, повѣствуя о любодвѣніяхъ и неоптребствахъ Діевыхъ, о дѣтострастнѣи другихъ боговъ, о сладострастной похотливости на женскій полъ, о страхѣ и робости и обнпныхъ порокахъ, не иное что дѣлаютъ, какъ пзобличаютъ самихъ себя, что не только не о богахъ они повѣствуютъ, но даже слагаютъ свои басни не о честныхъ, а о гнусныхъ и далекихъ отъ совершенства, лодахъ.

Но, можетъ быть, злочестивые прибѣгнутъ въ этомъ случаѣ къ свойству стихотворцевъ, говоря, что отличительная черта ствхотворцевъ пзобразать несуществующее, и лгать, слагая басни въ удовольствіе слушателей. Посему-то скажутъ, сложили они басни и о богахъ. Но предлогъ сей всего болѣе для нихъ

ненадеженъ, какъ докажется сіе тѣмъ самымъ мнѣніемъ, какое имѣютъ и предлагаютъ они о богахъ. Ибо, если у стихотворцевъ все — вымыслы и ложь, то ложно будетъ и самое именованіе, когда говорится о Діѣ, Кроноѣ, Ирѣ, Арее и о другихъ. Можетъ быть, какъ говорятъ они, вымышлены и имена, и вовсе нѣтъ ни Зевеса, ни Крона, ни Арея; стихотворцы же на обольщеніе слушателей изображаютъ ихъ, какъ существующихъ. Но если стихотворцами вымышлены боги, которыхъ нѣтъ; то почему же покланяются имъ, какъ существующимъ? Или, можетъ быть, скажутъ еще, что имена стихотворцами не вымышлены, дѣянія же, приписаны богамъ ложно. Но и это не болѣе надежно къ имъ оправданію. Ибо если солганы ими дѣянія, то, безъ сомнѣнія, солганы и имена тѣхъ, чьи дѣянія описывались. Или, если соблюдена ими истина въ именахъ, то по необходимости соблюдена и въ дѣяніяхъ. Съ другой стороны, сложившіе баснь, что они боги, вѣрно знали, что и дѣлать должно богамъ, и не стали бы приписывать богамъ человѣческихъ понятій; какъ дѣйствій огня никто не припишетъ водѣ, потому что огонь жжетъ, а вода, напротивъ, въ сущности холодна. Посему, если дѣянія достойны боговъ, то и дѣятелн будутъ боги. Если же людямъ, и людямъ злонравнымъ, свойственно прелободѣйствовать и дѣлать все выше изчисленное; то и дѣлавшіе это будутъ люди, а не боги; потому что сущность и дѣянія должны быть соотвѣтственными между собою, чтобы образъ дѣйствованія свидѣтельствовалъ о томъ, кто дѣйствовалъ, и по сущности познавалось дѣяніе. Кто разсуждаетъ о водѣ и объ огнѣ, и описываетъ образъ ихъ дѣйствованія, тотъ не скажетъ,

что вода жжетъ, а огонь прохладжаетъ. И если кто поведеть рѣчь о солнцѣ и землѣ; то не станеть утверждать, что земля свѣтитъ, а солнце произращаетъ травы и плоды; напротивъ того, утверждая это, превзошелъ бы онъ всякую мѣру безумія. Такъ языческіе писатели, особенно же преимущественнѣйшій изъ всѣхъ стихотворецъ, если бы знали, что Діи и другіе суть боги, то не приписали бы имъ такихъ дѣяній, которыя обличаютъ, что они не боги, а, напротивъ того, люди, и люди не цѣломудренныя. Или, если солгали они, какъ стихотворцы, и ты увеличишь ихъ въ этомъ; то почему же не солгали они, говоря о мужествѣ дроевъ, и вмѣсто мужества не изобразили немощи, а вмѣсто немощи — мужества? Какъ лгали они о Діѣ и Ирѣ, такъ надлежало имъ уличать Ахиллеса въ недостатокъ мужества, дивиться же силѣ Ферситовой, Одиссея оклеветать въ неблаго-разуміи, изобразить Несторово малоуміе, сложить баснь о женоподобныхъ дѣяніяхъ Діоміда и Ектора и о мужествѣ Екавы, потому что стихотворцамъ, какъ утверждаютъ они, должно все вымышлять и лгать. Теперь же говоря о людяхъ, соблюли они истину, но не побоялись оклеветать такъ называемыхъ боговъ.

Кто нибудь изъ нихъ скажетъ слѣдующее: стихотворцы лгутъ, говоря о непотребныхъ дѣяніяхъ боговъ, а въ похвалахъ, когда Діа называютъ отцемъ боговъ, верховнымъ, олимпійскимъ, и царствующимъ на небѣ, не вымышляютъ они, говорятъ же истину. Но не я одинъ, а и всякій другой можетъ доказать, что это разсужденіе идетъ противъ нихъ; потому что изъ прежнихъ опять доводовъ, въ укоръ имъ, обна-

ружится истина. Дѣянiя изобличаютъ, что они — люди; а похвалы — выше человѣческой природы. Но то и другое не согласно между собою; и небожителямъ не свойственно дѣлать подобныя дѣла, и о дѣлающихъ подобныя дѣла никто не предположитъ, что они — боги. Что же остается подумать? Не то ли, что похвалы ложны и дѣло лести; дѣянiя же, вопреки имъ, говорить истину? И справедливость сего можно дознать изъ обычая. Кто хвалитъ другаго, тотъ не отзывается худо о жизни его; скорѣе же, если и гнусны чьи дѣянiя, по укоризненности дѣлъ, — стараются превозносить такихъ людей похвалами, чтобы, обольстивъ слушателей избыткомъ похвалъ, приккрыть беззаконiя хвалимыхъ. Посему, какъ предположившiй похвалить кого нибудь, если ни въ жизни, ни въ душевныхъ доблестяхъ, не находитъ предлога къ похваламъ, потому что все это срамно, то превозносить его въ другихъ отношенiяхъ, приписывая ему качества, которыя выше его; такъ и стихотворцы, которымъ удвѣляются язычники, приводимые въ стыдъ срамными дѣянiями такъ называемыхъ ими боговъ, присвоили имъ имя выше человѣческаго, не зная того, что предположенiемъ чего-то вышечеловѣческаго не прикроютъ въ нихъ собственно человѣческаго, скорѣе же человѣческими ихъ недостатками изобличать, что неприличны имъ божественныя черты. Думаю же, что стихотворцы противъ воли своей говорили о страстяхъ и дѣянiяхъ боговъ своихъ. Послѣку они несообщно, какъ сказала Писанiе (Прем. 14, 21.), Божiе имя и Божiю честь старались приложить тѣмъ, которые не боги, но смертные люди, и дерзкое предпрiятiе ихъ было

весьма важно и злочестиво; то посему самому невольно вынуждены они истинно изобразить ихъ страсти, чтобы сказанное въ писаніяхъ ихъ о богахъ всемъ последующимъ родамъ служило доказательствомъ, что это — не боги.

Какое же оправданіе, какое доказательство представлять суевѣрные чтители сихъ боговъ, что это дѣйствительно боги? Тѣмъ, что говорено было не за-долго предъ симъ, доказано, что это — люди, и люди не добронравные. Развѣ обратятся къ тому, что высоко цѣнятъ ихъ изобрѣтенія, полезныя для жизни, и скажутъ: и богами они признаны за то, что были полезны для людей. Ибо Зевсъ, какъ сказываютъ, владыкъ искусствомъ паятельнымъ, а Посидонъ — судоходнымъ, Ефестъ — кузнечнымъ, Аѳина — ткацкимъ; Аполлонъ изобрѣлъ музыку, Артемида — псовую охоту, Пра — искусство одѣваться, Димитра — земледѣліе, другіе же — иныя искусства, какъ повѣствуютъ о нихъ историки. Но сіи и подобныя имъ познанія должны люди приписывать не имъ однимъ, а общей человѣческой природѣ, углубляясь въ которую, люди изобрѣтаютъ искусства. Ибо искусство, по словамъ многихъ, есть подражаніе природѣ. Посему, если они были сведущи въ искусствахъ, которыми тщательно занимались; то за сіе нужно признать ихъ не богами, а скорѣе людьми; потому что и они не отъ себя произвели искусства, но подражали въ нихъ природѣ. Поелику, какъ люди, по природѣ способны они были пріобрѣтать познанія въ положенныхъ для людей предметахъ; то вѣдало не удивительно, если, вышкнувъ въ свою природу, и пріобрѣтя о ней познаніе, изобрѣли они искусства. Если же утверждаютъ, что за изобрѣте-

ніе искусствъ справедливо было наименовать ихъ богами; то и изобрѣтателей другихъ искусствъ слѣдуетъ наименовать богами на томъ же основаніи, на какомъ они удостоены сего наименованія. Финикіане изобрѣли письмена, Омиръ—проическую поэзію, елаетецъ Зиновъ—діалектику, сиракузянинъ Кораксъ—риторическое искусство, Аристей ввелъ въ употребленіе пчелиный медъ, Тритолень—сѣяніе жита, спартаецъ Ликуръ и аежиянинъ Соловъ издали законы, Паламидъ изобрѣлъ словосочиненіе, числа, мѣры и вѣсы, а другіе, по свидѣтельству историковъ, сдѣлали извѣстными нныя различныя и для человѣческой жизни полезныя вещи. Поэтому, если познанія дѣлають богами, и за нихъ стали ваять боговъ; то необходимо, чтобы, подобно имъ, стали богами и тѣ, которые въ послѣдствіи были изобрѣтателями другихъ вещей. Если же послѣднихъ не уважають божеской чести, а признають людьми; то слѣдуетъ и Діа, и Иру, и другихъ не именовать богами, но вѣрить, что и они были люди, тѣмъ болѣе, что не были они и благоиравны; какъ и самымъ изваяніемъ кумировъ язычники доказываютъ, что боги ихъ не иное что, какъ люди.

Въ какой нный образъ облакають ихъ ваятели, какъ не въ образъ мужей и женъ? Развѣ еще, что ниже сего, въ образъ животныхъ, по природѣ безсловесныхъ, всякихъ птицъ, четвероногихъ, и кроткихъ и свирѣпыхъ, также—пресмыкающихся, какихъ только производятъ земля, море, и всякое водное естество? Люди, унизившись до скотскаго состоянія страстями и сластолюбіемъ, и не имѣя въ виду ничего иного, кромѣ удовольствій и плотскихъ вожде-

лній, какъ сами устремилсь мыслию въ сія, безсловеснымъ свойственныя, дѣла, такъ въ видѣ же безсловесныхъ стали представлять и Божество, по разнообразію страстей своихъ, изваявъ такое множество боговъ. Ибо у нихъ есть изображенія четвероногихъ, пресмыкающихся и птицъ; какъ и истолкователь божественнаго и истиннаго благочестія говоритъ: *Осуешишися помышленіи своими, и омрачиси неразумное ихъ сердце: глаголющеса быти мудри, обьюродыша, и измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна чловѣка и птицъ и четвероногъ и гадъ. Тѣмже и предаде ихъ въ страсти безчестія* (Рим. 1, 21. 23. 26.). Осквернивъ напередъ душу скотскимъ сластолюбіемъ, какъ сказано выше, ниспали люди до подобныхъ изображеній Божества; а по паденіи, уже какбы преданные тѣмъ самымъ, что отвратился отъ нихъ Богъ, погрязаютъ въ этомъ, и Бога, Отца Слову, изображаютъ въ подобіи безсловесныхъ.

Такъ называемые у еллиновъ философы и люди свѣдущіе, когда обличаютъ ихъ въ этомъ, не отрицаютъ, что видимые ихъ боги суть изображенія и подобія людей и безсловесныхъ, но въ оправданіе свое говорятъ: для того у насъ все сіе, чтобы чрезъ это являлось намъ Божество и давало отвѣты; потому что невидимаго Бога невозможно иначе и познать, какъ при помощи подобныхъ изваяній и обрядовъ. А другіе, сихъ превосходя любомудріемъ, и думая сказать нѣчто еще болѣе глубокомысленное, говорятъ: учрежденія и изображенія сія введены для призванія и явленія божественныхъ Ангеловъ и Силъ, чтобы, являясь въ сихъ изображеніяхъ, сообщали

людямъ вѣдѣніе о Богѣ; это какбы письма для людей; читая ихъ, по бывающему въ нихъ явленію божественныхъ Ангеловъ, могутъ они познать, какое имѣтъ понятіе о Богѣ. Такъ баснословятъ, а не богословствуютъ (не скажемъ сего) языческіе мудрецы! Но если кто со тщаніемъ изслѣдуетъ разсужденіе сіе; то найдетъ, что и сихъ мнѣніе не менѣе ложно, какъ и показанныхъ прежде.

Иной, вступя съ ними въ рѣчь, предъ судомъ истины спросить: Почему Богъ отвѣтствуетъ и познается чрезъ идоловъ: по причинѣ ли вещества, изъ какого сдѣланы идолы, или по причинѣ даннаго имъ образа? Если по причинѣ вещества, то какая нужда въ образѣ? Почему Богъ не является просто во всемъ веществѣ, а прежде нежели сдѣлано изъ него это? Напрасно воздвигали они стѣны храма, заключая въ нихъ одинъ камень, или одно дерево, или часть золота, когда вся земля наполнена ихъ сущностію? А если причиною божественнаго явленія бываетъ наложенный на вещество образъ; то какая нужда въ веществѣ золота, или чего либо иного? Почему Богу не являться лучше въ самыхъ въ природѣ существующихъ животныхъ, которыхъ образъ имѣютъ на себѣ изваянія? На семъ основаніи мысль о Богѣ была бы лучше, если бы являлся Онъ въ одушевленныхъ живыхъ существахъ, словесныхъ или безсловесныхъ, и не нужно было ожидать Его явленія въ вещахъ неодушевленныхъ и не движущихся. Въ этомъ случаѣ язычники впадаютъ въ нечестіе, въ которомъ всего больше противорѣчатъ сами себѣ. Естественныхъ животныхъ, четвероногихъ, птицъ и пресмыкающихся почитаютъ мерзостію, и гнушаются

ни, или по причинѣ ихъ свирѣпости, или по нечистотѣ, и однакоже, изваявъ подобія ихъ изъ камня, дерева, золота, боготворятъ оныя. Надлежало бы имъ лучше чувствовать самыхъ животныхъ, нежели чтить изображенія ихъ, и поклоняться имъ въ изображеніяхъ. Или, можетъ быть, въ идолахъ ни то ни другое, ни образъ ни вещество, не служитъ причиною Божія присутствія; призываетъ же Божество на нихъ одно свѣдущее искусство, которое само есть подражаніе природѣ. Но если при помощи знанія исходитъ Божество на изваянія; то опять, какаѣ нужды въ веществѣ, когда знаніе въ челоуѣкѣ? Ибо если при помощи одного искусства является въ изваяніяхъ Богъ, и потому изваянія чувствуются какъ боги; то надлежало бы поклоняться людямъ, какъ иновѣнникамъ искусства, и ихъ чувствовать, поколику они разумны, и въ себѣ самихъ имѣютъ свѣдѣніе.

На второе же, конечно болѣе глубокомысленное, оправданіе ихъ не безъ основанія можно сказать слѣдующее: Если дѣлается сіе у васъ, елины, не по причинѣ явленія самого Бога, но по причинѣ присутствія тамъ Ангеловъ; то почему изваянія, чрезъ которыя призываете вы Силы, у васъ лучше и выше самыхъ призываемыхъ Силъ? Дѣлая изваянные образы, какъ говорите, для пріобрѣтенія понятія о Богѣ, присвоите сими изваяніямъ честь и наименованіе самого Бога, и въ этомъ поступаете не благочестно. Призывая, что сила Божія превыше ничтожества идоловъ, и потому осмѣливаясь чрезъ нихъ призывать не Бога, но низшія Силы, потомъ, оставивъ Силы сіи въ сторонѣ, камнямъ и деревьямъ присвоили вы имя Того, Чье присутствіе для васъ страшно; и

не камнями, не произведеніемъ чловѣческаго искусства именуєте ихъ, но богами, и поклоняетесь имъ. Если, какъ ложно увѣрите, это у васъ письмена для умозрѣнія о Богѣ; то не справедливо—знаки предпочитать означенному. Если кто напишетъ цареву имя; то предпочитающій написанное царю не останется въ безопасности, а напротивъ того, наказанъ будетъ смертію. Письмена же изобрѣтаются искусствомъ прищупаго. Такъ и вы, если имѣете здравый разумъ, то не можете на вещество переносить такой признакъ Божества, даже изваянія не можете предпочесть и изваявшему. Если идолы, точно какъ письмена, означаютъ явленіе Бога, и потому, какъ означающія собою Бога, достойны обоготворенія; то изваявшему и начертавшему ихъ, разумью опять художника, тѣмъ паче надлежало быть обоготвореннымъ, потому что онъ и могущественнѣе и божественнѣе идоловъ, такъ какъ по его изволенію обдѣланы и получили свой видъ идолы. Посему, если достойны удивленія письмена, то написавшій ихъ возбуждаетъ гораздо большее удивленіе своимъ искусствомъ и душевнымъ знаніемъ.

Итакъ, если идоловъ не слѣдуетъ за сіе почитать богами, то можно еще предложить вопросъ объ идолобѣсіи, если кому желательно знать причину, почему идолы имѣютъ такой образъ. Если Божество чловѣкообразно, а потому и идолы такъ изображаются; то для чего присвоятъ Божеству и подобія безсловесныхъ? Если же у Него подобіе безсловесныхъ животныхъ; то почему присвоятъ Ему изваянія существъ словесныхъ? А если въ Немъ то и другое; и въ томъ и другомъ видѣ представляютъ

они Бога, потому что имѣеть подобіе и безсловесныхъ и словесныхъ существъ; то для чего раздѣляютъ соединенное, и отдѣльно дѣлають изваянія безсловесныхъ и изваянія людей, а не всегда изваянія ихъ имѣють видъ тѣхъ и другихъ, каковыя изображенія дѣйствительно находятся въ баснословіи, на примѣръ: Сиплла, Харибда, Иппокентавръ, и у египтянъ—Анубисъ съ головою пса? Надлежало бы, или только такъ изображать ихъ имѣющихъ двоякую природу, или, если имѣють одинъ только образъ, не вымышлять для нихъ другаго. И еще, если они имѣють мужескій образъ, то для чего придаютъ имъ и подобія женскія? И если женскій имѣють образъ, то для чего ложно представляютъ ихъ въ образъ мужей? Опять, если они—то и другое; то надлежало не раздѣлять, а соединять то и другое, и уподоблять такъ называемымъ жено-мужамъ, чтобы языческое суевѣріе не только обнаруживало въ себѣ нечестіе и клевету, но возбуждало и смѣхъ въ зрителяхъ.

И вообще, если представляютъ себѣ Божество тѣлообразнымъ, а потому воображаютъ у Него, и изваяніямъ даютъ, чрево, руки, ноги, также выю, грудь, уши, члены, у людей служащія къ дѣтороженію; то смотри, до какого нечестія и безбожія увязился умъ ихъ, когда могъ такъ думать о Божествѣ. Ибо Божеству слѣдовало бы посему претерпѣвать неизрѣчно и все прочее, свойственное тѣлу, то есть, быть разсѣкаемымъ, дѣлимымъ, и даже, вообще, подверженнымъ истлѣнію. Сіе же и подобное сему свойственно не Богу, а скорѣе—земнымъ тѣламъ; потому что Богъ безплотенъ, нетлѣненъ, безсмертенъ, и ни въ комъ ни для чего не имѣеть нужды; сіе же тлѣн-

но подобно тѣламъ, и, какъ говорено было прежде, имѣть нужду въ прислугѣ человеческой. Ибо часто видимъ, что обветшавшіе идолы обновляются, уничтоженные временемъ, дождемъ, или какимъ либо изъ земныхъ животныхъ, создаются вновь. А посему можно осудить язычниковъ въ неразуміи за то, что именуютъ богами идоловъ, которыхъ сами дѣлаютъ; просятъ спасенія у тѣхъ, которыхъ искусствомъ своимъ предохраняютъ отъ тлѣнія; молятся объ удовлетвореніи своихъ нуждъ тѣмъ, о комъ знаютъ, что требуютъ собственной ихъ попечительности; и заключая ихъ въ небольшихъ зданіяхъ, не стыдятся называть владыками неба и всей земли.

И не изъ сего только можно усматривать безбожіе язычниковъ, но также и изъ того, что о самыхъ идолахъ мнѣнія ихъ не согласны. Ибо если идолы — боги, какъ говорятъ и любомудрствуютъ о нихъ язычники; то къ которому изъ нихъ прилепится человекъ? И какихъ изъ нихъ можно признать главнѣйшими, чтобы, или, поклоняясь Богу, имѣть на него твердое упованіе, или, признавая Его Божествомъ, какъ говорятъ, не колебаться? Ибо не одни и тѣ же именуется у всѣхъ богами, но большею частію, сколько есть народовъ, столько вымышлено и боговъ. Случается же, что одна область и одинъ городъ разделяются между собою во мнѣніяхъ о почитаніи идоловъ. Финикіяне не знаютъ боговъ, признаваемыхъ египтянами. Египтяне поклоняются не однимъ и тѣмъ же идоламъ съ финикіянами. Скифы не принимаютъ боговъ персидскихъ, а персы — скифскихъ. Пелазги уничтожаютъ даже боговъ чтимыхъ во Фракіи, а фракіяне не признаютъ чтимыхъ египтянами. Инды съ ара-

камн, аравы съ еѳіонами, и еѳіоны съ ними, имѣють различныхъ идоловъ. Сиряне не чтуть боговъ клинкійскихъ, каппадокіяне же именуютъ богами не признаваемыхъ въ Киликіи; иныхъ вымыслили себѣ вѣнціане, а иныхъ—армяне. И къ чему приводитъ многіе примѣры? Обитатели твердой земли поклоняются инаковымъ богамъ съ островитянами, и островитяне чтуть инаковыхъ съ жителями твердой земли. И вообще, каждый городъ и каждое селеніе, не зная сосѣднихъ боговъ, предпочитаютъ имъ своихъ, которыхъ и признають только богами. О гнусныхъ же египетскихъ обычаяхъ нѣтъ нужды и говорить; они у всѣхъ передъ глазами; тамъ города держатся суевѣрій противоположныхъ и одно другому противорѣчащихъ; сосѣди всегда стараются чествовать противное тому, что чествуютъ живущіе смѣжно съ ними. Крокодилу поклоняются одни какъ Богу, у жителей же ближайшихъ мѣстъ почитается онъ мерзостію. Льва чтуть одни какъ Бога, а внѣ города не только не воздають ему чести, но даже встрѣтивъ убиваютъ его какъ звѣря. Рыбу, включенную однимъ въ число боговъ, въ другомъ мѣстѣ ловятъ въ пищу. Оттого у нихъ—войны, мятежи, всякаго рода предлоги къ убійствамъ, и все обаяніе страстей. Удивительно же то, что пелазги, по сказанію историковъ, у египтянъ узнавъ имена боговъ, не знаютъ египетскихъ боговъ, воздають же честь богамъ другимъ, а не египетскимъ. И вообще, у всѣхъ народовъ, зараженныхъ идолослуженіемъ, различны вѣрованія и обряды богослуженія, а не найдешь у нихъ одного и того же.

Сему и быть надлежало; потому что, утративъ мы-

сленное устремленіе къ единому Богу, люди впали во многое и различное; уклонившись отъ истиннаго Отчаго Слова, Спасителя всѣхъ Христа, носятся они мыслію по многимъ вещамъ. Какъ отвратившіеся отъ солнца и находящіеся въ темномъ мѣстѣ кружатся по многимъ непроходимымъ путямъ, и кто передъ ними, тѣхъ не примѣчаютъ, а кого нѣтъ, тѣхъ представляютъ стоящими передъ ними, и видя не видятъ: такъ, подобнымъ же сему образомъ, и у тѣхъ, которые отвратились отъ Бога и омрачены въ душѣ, умъ находится въ круженіи; они, какъ піяные и не способные видѣть, представляютъ себѣ не сущее.

Не малымъ обличеніемъ дѣйствительнаго безбожія язычниковъ служить и сіе. Поелику въ каждомъ городѣ и въ каждой области боги различны, и ихъ много, притомъ, одинъ истребляетъ боговъ другаго; то всѣми истребляются всѣ. У однихъ почитаемые богами у другихъ дѣлаются жертвами и возліаніями въ честь ими именуемыхъ боговъ. И на оборотъ, что у однихъ употребляется въ жертву, то у другихъ почитается богомъ. Египтяне чтутъ вола и Аписа, т. е. тельца; а другіе вола и тельца приносятъ въ жертву Дію. Правда, что въ жертву приносятъ не тѣхъ самыхъ, которые обоготворены; однако же, принося подобное, приносятъ, по видимому, тоже самое. Ливіане признаютъ богомъ овна, котораго и называютъ Аммономъ; а у другихъ овець часто закалается въ жертву. Инды воздаютъ честь Діонисію, симъ именемъ, въ переносномъ смыслѣ, называя вино; у другихъ же вино употребляется на возліаніе инымъ богамъ. Иные чтутъ и именуютъ богами рѣки, источники, особливо же египтяне всему предпочитаютъ

воду; между тѣмъ другіе, и даже сами египтяне, обожающіе это, водою омывають свои и чужія нечистоты, и оставшеся по умовеніи выливають съ безчестіемъ. Но почти все подотворимое египтянами у другихъ обращается въ жертву богамъ. Посему сами язычники смѣются надъ египтянами, что боготворятъ они не боговъ, но вещи, другими и даже ими самими употребляемыя на очищеніе и жертвы.

Нѣкоторые дошли уже и до такого злочестія и безумія, что закалаютъ и приносятъ въ жертву ложнымъ богамъ своимъ самыхъ людей, тогда какъ боги сіи суть подобіе и образъ людей. Злосчастные сіи не примѣчаютъ, что закалаемыя ими жертвы служатъ первообразами вымышленныхъ и чувствуемыхъ ими боговъ. Имъ-то приносятъ въ жертву людей; приносятъ почти подобное подобному, или, вѣрнѣе сказать, лучшее худшему, одушевленныхъ закалаютъ въ жертву неодушевленнымъ, разумныхъ приводятъ на закланіе не имѣющимъ движенія. Скифы, именуемые Таврійскими, въ жертву, такъ называемой у нихъ дѣвъ, закалаютъ претерпѣвшихъ кораблекрушеніе и взятыхъ въ плѣнъ еллиновъ. Столь злочестиво поступаютъ они съ подобными себѣ людьми, и въ такой мѣрѣ изобличаютъ жестокость боговъ своихъ, что убиваютъ даже тѣхъ, кого Промыслъ спасъ отъ опасностей на морѣ; и симъ какбы противятся самому Промыслу, потому что звѣрскою своею душою уничтожаютъ Его благодѣяніе. Другіе же, когда возвращаются съ войны побѣдителями, раздѣливъ плѣнниковъ на сотни, и изъ каждой взявъ по одному, столько человекъ закалаютъ въ честь Арею, сколько изберутъ по числу сотенъ. И не скифы одни совер-

шають такія мерзости, по врожденной варварамъ свирьпости; напротивъ того, обычное это дѣло, свойственное злобѣ идоловъ и бѣсовъ. Ибо въ древности египтяне приносили людей въ жертву Ирѣ, а финикіяне и критяне принесеніемъ въ жертву дѣтей своихъ умилюствовали Крона. И древніе римляне челоуѣческими жертвами чтли Діа, называемаго Латіаріемъ. Такъ или иначе, но всѣ вообще, и сквернили и сквернились; сквернились сами, совершая убійства, и сквернили храмы свои, окуряя ихъ подобными жертвами.

И отъ этого много золь приключилось людамъ. Они видя, что пріятно сіе демонамъ, и сами вскорѣ стали подражать богамъ своимъ, совершая подобныя преступленія, и вмѣняя въ заслугу себѣ подражаніе, по мнѣнію ихъ, существамъ совершеннѣйшимъ. Отсего люди стали вдаваться въ челоуѣкоубійства, дѣтоубійства и всякія непотребства. Каждый почти городъ, отъ уподобленія въ нравахъ богамъ своимъ, сдѣлался исполненнымъ всякаго разврата. Предъ идолами нѣтъ цѣломудреннаго кромѣ того, чѣ непотребство ими засвидѣтельствовано. Въ финикійскихъ капищахъ, въ древности, сидѣли женщины, и въ даръ тамошнимъ богамъ своимъ приносили начатки изъ цѣны блуда своего, думая умилюствовать тѣмъ богиною свою, и заслужить ея благоволеніе. И мужи, отрекшись отъ своего пола, не желая принадлежать къ мущинамъ, претворяютъ себя въ полъ женскій, чтобы угодить и оказать тѣмъ честь матерн, такъ называемыхъ ими, боговъ. Вообще, всѣ живутъ срамно, соревнуютъ другъ другу въ худомъ, и какъ сказалъ святой служитель Христовъ Павель: *жены бо ихъ измѣниша*

естественную подобу въ презестественную: такожде и мужи оставше естественную подобу женска пола, разжегошася похотию своєю другъ на друга, мужи на мужехъ студъ содѣвающе (Римл. 1, 26. 27.).

А онии и подобными снмъ дѣлами подтверждають они и обличають, что и, такъ называемые ими, боги вели такую же жизнь. Ибо у Діа научились они дѣторастлѣнію и прелюбодѣянію, у Афродиты—блуду, у Реи—непотребству, у Арея—убійствамъ, у другихъ же — инымъ подобнымъ дѣламъ, за которыя законы наказываютъ, и которыми гнушается всякій цѣлому-дренный человекъ. Посему справедливо ли почитать богами тѣхъ, которые дѣлають подобныя дѣла? Не лучше ли за развратность нравовъ признать, что они бессмысленнѣе и самыхъ безсловесныхъ? Справедливо ли также и воздающихъ имъ божескую честь почитать людьми? Не лучше ли пожалѣть о томъ, что они бессмысленнѣе безсловесныхъ, и бездушнѣе неодушевленныхъ? Если бы обратили они вниманіе, что душа ихъ одарена умомъ; то не винулись бы во всё это съ такою опрометчивостию, и не отреклись бы отъ истиннаго Бога, Отца Христова.

Но, можетъ быть, вревосходѣйшіе изъ язычниковъ и исполненные удивленія къ твари, будучи пристыждены обличеніями въ сихъ мерзостяхъ, и сами не отрекнутся, что дѣйствительно сіе предосудительнѣе и стоитъ обличенія, но останутся въ той мысли, что служеніе міру и частямъ міра есть несомнѣнное для нихъ и неоспоримое вѣрованіе. Даже будутъ хвалиться, что не камни, не дерева, вообще не изображенія

людей и безсловесныхъ, птицъ, гадовъ и четвероногихъ чествуютъ и обожаютъ они, но солнце, луну, все небесное украшеніе, а также—землю и все влажное естество. При семъ скажутъ: никто не можетъ доказать, будто бы и это по природѣ не боги, когда для всякаго явно, что они—не вещи неодушевленные и безсловесныя, но по природѣ выше людей, потому что одни населяютъ небо, а другіе—землю.

И сіе мнѣніе стоитъ того, чтобы разсмотрѣть и повергнуть оное изслѣдованію. Ибо и въ этомъ слово наше, безъ сомнѣнія, найдетъ, что послужитъ истиннымъ обличеніемъ язычникамъ. Но прежде, нежели приступимъ къ разсмотрѣнію и начнемъ доказательство, достаточно замѣтить, что сама тварь едва не вопіетъ противъ нихъ, указывая на своего Творца и Создателя—Бога, надъ нею и надъ всѣмъ царствующаго Отца Господу нашему Иисусу Христу, отъ Котораго отвращаются сіи мнимые мудрецы, поклоняются же произшедшей отъ Него твари, и боготворятъ ее, хотя сама она поклоняется своему Творцу, и исповѣдуетъ того Господа, отъ Котораго отрицаются они ради ея. Ибо такимъ образомъ люди, удивляющіеся частямъ міра и признающіе ихъ богами, весьма будутъ пристыждены взаимною другъ для друга потребностію частей сихъ. Она показываетъ и даетъ знать, что Отецъ Слова есть дѣйствительно Господь и Творецъ сихъ частей, требующій отъ нихъ безпрекословнаго Себѣ повиновенія, какъ говорить и Божіе законоположеніе: *небеса повѣдаютъ славу Божію, твореніе же руку Его возвъщаетъ твердь* (Псал. 18, 1.).

Достоверность сего не сокрыта отъ взоровъ, но

весьма очевидна всякому, у кого не вовсе ослѣплено умное око. Ибо если кто возьметъ во вниманіе отдѣльныя части твари, и будетъ разсматривать каждую въ особенности, напримѣръ: и солнце возьметъ само по себѣ, и луну отдѣльно, а также и землю, и воздухъ, и теплоту, и холодъ, и сухость, и влажность, въ взаимной ихъ между собою связи, и каждую изъ сихъ частей станетъ разсматривать особо, какъ она есть сама по себѣ; то безъ сомнѣнія найдетъ, что ни одна часть міра сама для себя не достаточна, но все оны имѣютъ нужду одна въ другой, и только при взаимной другъ другу помощи дѣлаются самостоятельными. Солнце обращается вмѣстѣ со всемъ небомъ, и въ немъ заключается, въ же небснаго кругообращенія не могло бы и существовать. Луна и прочія звѣзды свидѣтельствуютъ о томъ, что вспомошествуетъ имъ солнце. Оказывается также, что и земля даетъ плоды не безъ дождей, а дождь не можетъ падать на землю безъ содѣйствія облаковъ, и облака никогда не являются и не составляютъ сами собою безъ воздуха, и воздухъ нагрѣвается не самъ собою, но отъ ээира, свѣтлымъ же дѣлается, когда озаренъ солнцемъ. Источники и рѣки образуются не безъ земли; земля не сама на себѣ утверждена, но поставлена на водахъ, и держится какими-то связями въ среднѣ вселенной; море и всю землю обтекающій со-внѣ великій океанъ приводятся въ движеніе вѣтрами, и устремляются, куда понудитъ ихъ сила вѣтровъ; самые вѣтры происходятъ не сами собой, но, какъ говорятъ разсуждающіе о нихъ, составляются въ воздухъ отъ теплоты и нагрѣванія его ээиромъ, и съ помощію того же воздуха дуютъ всюду.

Кто же, при всей малосмысленности, не знает, что четыре стихии, изъ которыхъ образовалось естество тѣль, — разумью теплоту и холодъ, сухость и влажность, — поддерживаются только въ совокупномъ соединеніи, а раздѣленные и разобщенныя, отъ преобладанія преизбыточествующей изъ нихъ, дѣлаются уже одна для другой разрушительными? Теплота истребляется увеличивающимся холодомъ; а холодъ, опять, уничтожается силою теплоты. Сухое увлажняется влажнымъ, и послѣднее исеушается первымъ. Посему какъ же вещи сіи будутъ богами, имѣя нужду въ помощи другихъ? Или какъ можно просить у нихъ чего либо, когда сами одна отъ другой требуютъ себя содѣйствія? Если у насъ слово о Богѣ; то Онъ ни въ комъ не имѣетъ нужды, самодоволенъ, самоисполненъ, въ Немъ все состоится, лучше же сказать, Онъ всему даетъ самостоятельность. Справедливо ли же будетъ наименовать богами солнце, луну и другія части творенія, когда онѣ не таковы, напротивъ же того, имѣютъ нужду во взаимномъ другъ другу содѣйствіи?

Но, можетъ быть, язычники, имѣя доказательство передъ глазами, и сами сознаются, что части творенія, взятая раздѣльно и сами по себѣ, не достаточны; стануть же утверждать, что, когда всѣ части, совокупленныя вмѣстѣ, составляютъ одно великое тѣло, тогда цѣлое есть Богъ. По составленіи изъ частей цѣлаго, не будетъ уже имъ нужды ни въ чемъ постороннемъ, цѣлое же будетъ и само для себя довольно, и для всего достаточно. Такъ скажутъ намъ мншмые мудрецы, чтобы и за сіе выслушать себя обличеніе. Даже слово сіе докажетъ, что злочестіе ихъ,

при великомъ невѣжествѣ, не меныше злочестія тѣхъ, о которыхъ сказано прежде.

Ежели отдѣльныя вещи, будучи между собою связаны, наполняютъ собою цѣлое, и цѣлое составляетъ изъ отдѣльныхъ вещей: то цѣлое состоитъ изъ частей, и каждая вещь есть часть цѣлаго. Но сіе весьма далеко отъ понятія о Богѣ. Богъ есть цѣлое, а не части; Онъ не изъ различныхъ составленъ вещей, но Самъ есть Творецъ состава всякой вещи. Смотри же, какъ нечестиво выражаются о Божествѣ, которые такъ говорятъ о Немъ. Если Богъ состоитъ изъ частей, то, безъ сомнѣнія, окажется Себѣ самому неподобнымъ, и составленнымъ изъ вещей неподобныхъ. Ибо если Онъ—солнце, то не луна; если—луна, то не земля; и если—земля, то не будетъ моремъ. А такимъ образомъ, перебирая каждую часть отдѣльно, найдешь несообразность такого ихъ разсужденія. То же заключеніе можно противъ нихъ вывести изъ разсмотрѣнія нашего человѣческаго тѣла. Какъ глазъ—не слухъ, слухъ—не рука, чрево—не грудь, и выя также—не нога, но каждый изъ сихъ членовъ имѣетъ собственную свою дѣятельность, и изъ сихъ различныхъ членовъ составляется одно тѣло, въ которомъ части соединены взаимною нуждою, раздѣлятся же съ наступленіемъ времени, когда собравшая ихъ во едино природа произведетъ раздѣленіе, потому что такъ угодно повелѣвшему Богу: такъ (да позволить сіе сказать самъ Совершеннѣйшій), если части творенія, сочетавая ихъ въ едино тѣло, именуютъ Богомъ, то необходимо, чтобы, по доказанному уже, Богъ самъ въ Себѣ былъ не подобенъ Себѣ, и также дѣлился, сообразно съ природою дѣлимыхъ частей.

Но согласно съ истиннымъ умозрѣніемъ, можно еще и иначе обличить ихъ безбожіе. Если Богъ по естеству безплотенъ, невидимъ, не осязаемъ; то почему представляютъ они Бога тѣломъ, и что видимо глазами и осязаемо рукою, тому воздаютъ божескую честь? И еще, если утвердилось уже такое понятіе о Богѣ, что Онъ во всемъ всемогущъ, и ничто не обладаетъ Имъ, но Онъ всемъ обладаетъ и надъ всемъ владычествуетъ; то обоготворяющіе тварь какъ не примѣчаютъ, что она не подходитъ подъ такое опредѣленіе Бога? Когда солнце бываетъ подъ землею, — свѣтъ его затемняетъ земля, и онъ не видимъ. Луну же днемъ скрываетъ солнце блистаніемъ своего свѣта. Земные плоды нерѣдко побиваетъ градъ; огонь отъ прилива воды угасаетъ; зиму гонитъ весна, а лѣто не позволяетъ веснѣ преступать свои предѣлы, и лѣту опять осень воспрещаетъ выходить изъ собственныхъ своихъ предѣловъ. Итакъ, если бы это были боги, то надлежало бы, чтобъ они не были преодолеваемы и затмѣваемы другъ другомъ, но всегда находились одно при другомъ, и вмѣстѣ производили общія свои дѣйствія; надлежало бы, чтобъ днемъ и ночью солнце, и въ совокупности съ нимъ луна и прочій сонмъ звѣздъ, имѣли равный свѣтъ, и свѣтъ ихъ всемъ свѣтилъ и всѣхъ осіявалъ; надлежало бы, чтобы и лѣто, и зима, и весна, и осень, были вдругъ, не попеременно, а въ одно время; надлежало бы, чтобъ море и источники смѣшались, и доставляли людямъ общее питіе; надлежало бы, чтобы въ то же время были и безвѣтріе и дыханіе вѣтровъ; надлежало бы, чтобы огонь и вода въ совокупности удовлетворяли одной и общей потребности

человѣческой, и никто не терпѣлъ отъ ихъ вреда; потому что, по мнѣнію людей, они—боги, и дѣлаютъ все не ко вреду, а скорѣе—къ пользѣ. Если же сіе не возможно, по причинѣ взаимной ихъ противоположности; то вещи, одна другой противныя, противоборственные и между собою несовмѣстимыя, возможно ли называть богами, и воздавать имъ божескую честь? Если несогласны онѣ между собою по природѣ; то могутъ ли подавать миръ другимъ молящимся, и будутъ ли для нихъ охранителями единомыслия?

Посему, какъ доказано въ словѣ, по всей справедливости, не могутъ быть истинными богами ни солнце, ни луна, ни другая какая часть твари, а тѣмъ паче—изваяніе изъ камней, изъ золота и изъ другихъ веществъ, и также—вымышленные стихотворцами Зевсъ, Аполлонъ и другіе. Напротивъ того, одни суть части творенія, другія — вещи неодушевленные, а третьи были только смертные люди. Потому служеніе имъ и обоготвореніе ихъ есть внушеніе не благочестія, но безбожія и всякаго злочестія, и доказательство великаго уклоненія отъ вѣдѣнія единого и единственно истиннаго Бога, разумью же Отца Христова. А когда изблѣчено сіе, и доказано, что языческое идолослуженіе исполнено всякаго безбожія, и введено не на пользу, а на погибель челоуѣческой жизни; теперь, какъ обѣщано было въ началѣ слова, по изблѣченіи заблужденія, пойдемъ, наконецъ, путемъ истины, и обратимъ взоръ къ Вождю и Создателю всеяней—Отчему Слову, чтобы чрезъ Него уразумѣть намъ и Бога Отца Его, и показать язычникамъ, сколько удалились они отъ истины. Сказанное доселѣ

клонилось только къ изобличенію заблужденій въ міръ; путь же истины будетъ имѣть цѣлію дѣйствительно сущаго Бога.

Къ познанію же и точному уразумѣнію истины имѣемъ нужду не въ комъ другомъ, а только въ себѣ самихъ. Путь къ Богу не такъ далекъ отъ насъ, какъ превыше всего самъ Богъ; онъ не внѣ насъ, но въ насъ самихъ; и начало его можетъ быть нами найдено, какъ и Моисей училъ, говоря: *глаголь въры въ сердце твоемъ есть* (Рим. 10, 8. Втор. 30, 14.). И Спаситель, давая разумѣть и подтверждая тоже самое, сказалъ: *царствіе Божіе внутри васъ есть* (Лук. 17, 21.). Внутри же себя имѣя въру и царствіе Божіе, можемъ вскорѣ узрѣть и уразумѣть Царя вселенной — Спасительное Отчее Слово. Да не отговариваются служащіе идоламъ елины, и вообще, никто другой да не обольщаетъ самъ себя, будто бы нѣтъ у нихъ такового пути, а потому и имѣютъ они предлогъ къ своему безбожію. Всѣ мы вступили на путь сей, и всѣмъ онъ открытъ, хотя и не всѣ имъ идутъ, но многимъ желательно оставлять его; потому что влекутъ ихъ со-внѣ житейскія удовольствія.

А если кто спроситъ: что же это за путь? Отвѣчаю:—душа каждаго, и въ ней умъ; потому что однимъ умомъ можетъ быть созерцаемъ и уразумѣваемъ Богъ. Развѣ нечестивые, какъ отреклись отъ Бога, такъ откажутся и отъ того, что имѣютъ душу? Это и всего справедливѣе было бы сказать имъ; потому что не имѣющимъ только ума свойственно отрицаться отъ его Творца и Создателя Бога. Посему-то для людей простыхъ нужно вкратцѣ доказать и то, что всякій человекъ имѣетъ душу, и душу разумную; по-

тому что иные, особливо еретики, отрицають и сіе, полагая, что человекъ есть не болѣе какъ видимый образъ тѣла;—нужно для того, чтобы, когда будетъ сіе доказано, могли они сами въ себѣ имѣть ясное обличеніе идолослуженія.

Первымъ не малымъ признакомъ того, что душа человеческая разумна, служитъ отличеніе ея отъ безсловесныхъ; ибо по естественной привычкѣ называемъ ихъ безсловесными по тому самому, что родъ человеческій разуменъ. А потомъ не маловажнымъ будетъ доказательствомъ и то, что одинъ человекъ разсуждаетъ о находящемся вѣдъ его, мысленно представляетъ и то, чего нѣтъ передъ нимъ, и опять разсуждаетъ и обсуживаетъ, чтобы изъ обдуманнаго избрать лучшее. Безсловесныя видятъ то одно, что передъ ними, стремятся къ тому одному, что у нихъ передъ глазами, хотя бы въ послѣдствіи былъ отъ того имъ вредъ; но человекъ стремится не къ видимому, а напротивъ того, видимое глазами обсуживаетъ разсудкомъ; не рѣдко, устремившись уже, разсудкомъ бываетъ удержанъ, и что имъ обдуманно, обсуживаетъ снова. И всякій, если только онъ—другъ истины, сознаетъ, что умъ человеческій не одно и тоже съ тѣлесными чувствами; а потому, какъ нѣчто иное, бываетъ судіею самыхъ чувствъ; и если чувства чѣмъ предзаняты, то умъ обсуживаетъ и припоминаетъ это, и указываетъ чувствамъ лучшее. Дѣло глаза — видѣть только, ушей — слышать, усть — вкушать, воздрей—принимать въ себя запахъ, рукъ—касаться; но разсудить, что должно видѣть и слышать, до чего должно касаться, что вкушать и обонять, — не дѣло уже чувствъ; судятъ же о семъ душа и умъ ея. Рука

можетъ, конечно, взяться и за мечъ, уста могутъ вку-
сить и ядъ, но они не знаютъ, что это вредно, если
не произнесетъ о томъ суда умъ. И это (чтобъ ви-
дѣть намъ дѣло въ подобіи) походить на хорошо на-
строенную лиру, и на свѣдущаго музыканта, у кото-
раго она въ рукахъ. Каждая струна на лирѣ имѣетъ
свой звукъ, то густый, то тонкій, то средній, то
пронзительный, то какой-нибудь другой; но судить
о согласіи звуковъ, и распознать стройный ихъ ладъ,
невозможно безъ знатока; ибо тогда только оказы-
вается въ нихъ согласіе и правильный ладъ, когда
держащій въ рукахъ лиру ударитъ по струнамъ, и
мѣрно коснется каждой. Подобно сему, поелику и
чувства въ тѣлѣ настроены какъ лира, когда управ-
ляетъ ими свѣдущій умъ, тогда душа разсуждаетъ и
знаетъ, что дѣлать и какъ поступать. Но сіе свой-
ственно только людямъ, и сіе-то есть разумность че-
ловѣческой души, пользуясь которою отличается она
отъ безсловесныхъ, и доказываетъ о себѣ, что она
дѣйствительно не одно и то же съ видимымъ въ тѣлѣ.
Тѣло часто лежитъ на землѣ, а человекъ представ-
ляетъ и созерцаетъ, что на небѣ. Тѣло часто поко-
ится, безмолвствуетъ и сидитъ, а человекъ—внутрен-
но въ движеніи, и созерцаетъ, что вѣн его, пересе-
лаясь и переходя изъ страны въ страну, встрѣчаясь
съ знакомыми, не рѣдко предугадывая и предузнавая
по этому дѣла свои на другой день. Что же это
иное, какъ не разумная душа, которая въ человекѣ
размышляетъ, и представляетъ, что выше его?

А для тѣхъ, которые дошли даже до безстыдства
неразумности, строгимъ доказательствомъ послужить
и слѣдующее. Тѣло по природѣ смертно; почему же

человѣкъ размышляетъ о безсмертіи, и не рѣдко, изъ любви къ добродѣтели, самъ на себя навлекаетъ смерть? Или, тѣло—временно; почему же человѣкъ представляетъ себѣ вѣчное, и поэтому пренебрегаетъ тѣмъ, что у него подъ ногами, вождельствуетъ же вѣчнаго? Тѣло само о себѣ не помыслить ничего подобнаго; оно не помыслило бы и о томъ, что внѣ его; потому что оно смертно и временно. Необходимо же быть чему-либо другому, что помышляло бы о противоположномъ и не естественномъ тѣлу. Итакъ, что же это опять будетъ, какъ не душа разумная и бессмертная? Не со-внѣ, но внутри въ тѣлѣ, какъ музыкантъ на лирѣ, производитъ она совершеннѣйшіе звуки. Опять, глазу естественно смотреть, и слуху—слушать; почему же одного отвращаются они, а другое избираютъ? Кто отвращаетъ глазъ отъ зрѣнія? Или кто заключаетъ для слышанія слухъ, по природѣ способный слышать? Или кто не рѣдко удерживаетъ отъ естественнаго стремленія вкусъ, по природѣ назначенный для вкушенія? Кто запрещаетъ до шнаго касаться рукъ, по природѣ дѣятельной? И обоняніе, данное для ощущенія запаховъ, кто отвращаетъ отъ принятія въ себя оныхъ? Кто производитъ сіе вопреки тому, что естественно тѣлу? Или почему тѣло, отвращаясь отъ требуемаго природою, склоняется на советъ другаго, и обуздывается его мановеніемъ? Все сіе доказываетъ не иное что, какъ разумную душу, владычествующую надъ тѣломъ. Тѣло же само себя движетъ, но приводится въ движеніе и движется другимъ, какъ и конь не самъ себя впрягаетъ, но понуждаетъ его владыющій имъ. Посему-то и даются людямъ законы—дѣлать доброе и отвращать

щаться порока; для безсловесныхъ же, лишенныхъ разумности и мышления, и худое остается невнятнымъ и неразличимымъ.

Итакъ, думаю, сказаннымъ досель доказано, что въ людяхъ есть разумная душа. Но въ церковномъ ученіи, для убѣжденія въ томъ, что не должно быть идоламъ, необходимо знать, что душа и безсмертна. Познаніе же о семъ всего болѣе облегчается для насъ познаніемъ тѣла, и различеніемъ души отъ тѣла. Ибо если въ словѣ нашемъ доказано, что душа—не одно и тоже съ тѣломъ, тѣло же по природѣ смертно; то необходимо душѣ быть безсмертною по тому самому, что она не подобна тѣлу. И опять, если, по доказанному, душа движеть тѣло, а сама ни чѣмъ другимъ не приводится въ движеніе; то слѣдуетъ изъ сего, что душа самодвижна, и, по сложеніи съ себя тѣла въ землю, опять будетъ сама себя приводить въ движеніе. Ибо не душа подвергается смерти, умираетъ же тѣло, въ слѣдствіе разлученія съ нимъ души. Посему, если бы душа приводима была въ движеніе тѣломъ, то по разлученіи съ движущимъ ей слѣдовало бы умереть. А если душа движеть и тѣло; то тѣмъ паче необходимо ей приводить въ движеніе и себя. Приводя же себя въ движеніе, по необходимости будетъ она жить и по смерти тѣла; потому что движеніе души не иное что есть, какъ жизнь ея; какъ, безъ сомнѣнія, и о тѣлѣ говоримъ, что тогда оно живетъ, когда движется; и тогда бываетъ смерть его, когда прекращается въ немъ движеніе. Но сіе яснѣе можно видѣть изъ душевной дѣятельности, пока душа еще въ тѣлѣ. Если и тогда, какъ душа заключена въ тѣлѣ и соединена съ нимъ, не ограни-

живается она малостию тѣла, и не соразмѣряется съ оною; тѣло лежитъ иногда на одрѣ, и какбы уснувъ смертнымъ сномъ, пребываетъ недвижимо, а душа по силѣ своей бодрствуетъ, возвышается надъ природою тѣла, и хотя пребываетъ въ тѣлѣ, но, какбы пресекаясь изъ него, представляетъ и созерцаетъ, что превыше земли, не рѣдко же, поощряемая чистотою ума, воспаряетъ къ святымъ и Ангеламъ, пребывающимъ внѣ земныхъ тѣлъ, и бесѣдуетъ съ ними; то, разрѣшившись отъ тѣла, когда будетъ сіе угодно соединившему ее съ онымъ Богу, не тѣмъ ли паче, и не въ большей ли еще мѣрѣ, приобрететъ она яснѣйшее вѣдѣніе о безсмертіи? Ибо, если и связанная тѣломъ жила такую жизнь, которая внѣ тѣла, то по смерти тѣла тѣмъ паче будетъ жить, и не прекратится жизнь ея; потому что такъ сотворилъ ее Богъ Словомъ Своимъ, Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ. И помышляетъ и мудрствуетъ она о безсмертномъ и вѣчномъ, потому что сама безсмертна. Какъ тѣлесныя чувства, поелику тѣло смертно, видятъ смертное; такъ душѣ, созерцающей безсмертное, и помышляющей о безсмертномъ, необходимо и самой быть безсмертною, и жить вѣчно. Ибо понятія и созерцанія безсмертія никогда не оставляютъ ее, пребывая въ ней и служа какбы подгнетомъ къ поддержанію безсмертія.

Посему-то душа имѣетъ понятіе и о созерцаніи Бога, и сама для себя дѣлается путемъ, не со-внѣ заимствуя, но въ себѣ самой почерпая вѣдѣніе и разумѣніе о Богѣ Словѣ. А поэтому утверждаемъ (о чемъ говорено уже было и прежде), что язычники, какъ отреклись отъ Бога, и кланяются вещамъ не-

одушевленнымъ, такъ, думая о себѣ, что нѣтъ въ нихъ разумной души, и причисляя себя къ бесловеснымъ, въ этомъ самомъ несутъ наказаніе за свое безуміе. И потому, какъ неодушевленные, благоговѣя предъ вещами неодушевленными, достойны они состраданія и руководства. Если же увѣрены они (какъ и въ правѣ быть увѣренными), что есть въ нихъ душа, и имѣютъ высокое понятіе о своей разумности; то для чего, какбы не имѣя души, отраживаются поступать вопреки разуму, не мудрствуютъ, какъ должно мудрствовать, но ставятъ себя выше и Божества? Ибо сами имѣя безсмертную и невидимую ими душу, уподобляютъ Бога вещамъ видимымъ и смертнымъ. Или почему, какъ отступили отъ Бога, такъ паки не прибѣгнуть къ Нему? Какъ отвратились они мыслию отъ Бога, и не сущее стали представлять себѣ богами, такъ могутъ возвыситься умомъ души своей, и снова обратиться къ Богу. Обратиться же къ Богу будетъ для нихъ возможно, если свергнуть съ себя скверну всякаго вождельнія, въ какую облеклись, и въ такой мѣрѣ омоются, что отринуть все чуждое душѣ и въ нее привзошедшее, представлять же ее чистую отъ всякихъ примѣсей, какою была она сотворена; и такимъ образомъ прійдутъ въ состояніе созерцать въ ней Отчее Слово, по Которому сотворены въ началѣ. Ибо созданы мы по образу и подобію Божію, какъ даетъ разумѣть о семъ божественное Писаніе, говоря отъ лица Божія: *сотворимъ человека по образу Нашему и по подобію* (Быт. 1, 26.).

Посему, когда душа слагаетъ съ себя всю излишнюю на нее скверну грѣха, и соблюдаетъ въ себѣ одинъ чистый образъ, тогда (чему и быть слѣдуетъ)

съ просвѣтлѣніемъ онаго, какъ въ зеркаль, созерцаеть въ немъ Отчій образъ — Слово, и въ Слово уразумѣеть Отца, Котораго образъ есть Спаситель. Или, если ученіе души недостаточно, потому что умъ ея омрачается вѣшнимъ, и не видитъ она лучшаго; то вѣдѣніе о Богѣ можно также заимствовать отъ видимаго; потому что тварь порядкомъ и стройностію, какбы письменами, даетъ уразумѣть, и возвыщаетъ своего Владыку и Творца.

Богъ благъ, челоуѣколюбивъ, благопопечителенъ о сотворенныхъ Имъ душахъ; и поелику по естеству Онъ невидимъ и непостижимъ, превыше всякой сотворенной сущности, а родъ челоуѣческій, происшедшій изъ ничего, не достигъ бы вѣдѣнія о Немъ несовершенномъ; то посему-то самому и привелъ Онъ тварь Словоиъ Своимиъ въ такое устройство, чтобы Его, невидимаго по естеству, могли познавать люди хотя изъ дѣлъ. Ибо изъ дѣлъ не рѣдко познается и такой художникъ, котораго мы не видали. Говорять, на-примѣръ, о ваятелѣ Фидіѣ, что произведенія его соразмѣрностию и взаимною соответственностію частей показываютъ въ себѣ Фидію, хотя и нѣтъ его предъ зрителями. Такъ и изъ порядка въ мірѣ можно познать Творца и Создателя его, Бога, хотя и невидимъ Онъ тѣлеснымъ очамъ. Никто не смѣетъ сказать, будто бы Богъ во вредъ намъ употребилъ невидимость естества Своего, и оставилъ Себя совершенно непознаваемымъ для людей. Напротивъ того, по сказанному выше, въ такое устройство привелъ Онъ тварь, что, хотя невидимъ по естеству, однакоже познается изъ дѣлъ. И не отъ себя говорю сіе, но такъ наученъ я Богословами; и одинъ изъ нихъ,

Павелъ, пишеть къ римлянамъ: невидимая бо Его отъ созданія міра творенми помышляема видима суть (Рим. 1, 20.), и съ дерзновеніемъ говорить ликаонянамъ: и мы подобострастни есмы вамъ чловѣцы, благовѣствующе вамъ отъ сихъ суетныхъ обратитися къ Богу живу, Иже сотвори небо и землю и море и вся, яже въ нихъ: Иже въ мимошедшыя роды оставилъ бѣ вся языки ходити въ путехъ ихъ: и убо не несвидѣтельствована Себе остави, благотворя, съ небесе намъ дожди дая, и времена плодоносна, исполняя пищу и веселіемъ сердца наша (Дѣян. 14, 15—17.). Ибо, взирая на небесный кругъ, на теченіе солнца и луны, на положенія и круговращенія прочихъ звѣздъ, совершающіяся различно и по противоположнымъ направленіямъ, впрочемъ такъ, что при всемъ разнообразіи соблюдается звѣздами одинаковый порядокъ,—кто не прійдетъ къ той мысли, что не сами себя привели онѣ въ устройство, но есть иный приводящій ихъ въ устройство Творецъ? И взирая на восходящее ежедневно солнце, на луну, являющуюся ночью, по неизмѣнному закону, совершенно въ равное число дней, убывающую и возрастающую, также на звѣзды, изъ которыхъ однѣ блуждаютъ, и разнообразно измѣняютъ свое теченіе, а другія движутся въ неуклонномъ направленіи,—кто не составитъ себѣ такого понятія, что, безъ сомнѣнія, есть правящій ими Создатель? Также, видя, что противоположныя по природѣ вещи соединены и пребываютъ въ согласной стройности, на-примѣръ, срастворены огонь съ холодомъ, и сухость съ влажностію, и не враждуютъ между собою, но какбы изъ чего-то единого составляютъ одно тѣло,—

кто не сдѣлаетъ такого заключенія, что внѣ сихъ вещей есть Сочетавшій ихъ? И видя, что зима уступаетъ мѣсто веснѣ, весна—лѣту, лѣто—осени, что сии времена года по природѣ противоположны, одно охлаждаетъ, другое палитъ, одно питаетъ, а другое истощаетъ, однако же, всѣ они равно и безвредно служатъ къ пользѣ людей,—кто не подумаетъ, что есть Нѣкто совершеннѣйшій всего этого, и Онъ, приводя все въ равенство, всѣмъ правитъ, хотя и не видишь ты Его? Или, взирая на облака, носимыя въ воздухѣ, и на водную тяготу, связанную въ облакахъ, кто не приобрететъ себѣ понятія о Связавшемъ все это, и Повелѣвшемъ, чтобы такъ было? Или, смотря на эту землю, по природѣ весьма тяжелую, поставленную на водѣ, и неподвижно стоящую на томъ, что по природѣ удобовидно,—кто не размыслитъ самъ съ собою, что есть Богъ сотворившій и устроившій ее? Или, видя по временамъ плодоносіе земли, дожди съ неба, разлитія рѣкъ, появленіе новыхъ источниковъ, рожденіе животныхъ отъ несходныхъ между собою, притомъ примѣчая, что бываетъ сіе не всегда, а въ опредѣленные на то времена, и вообще, усматривая, что вещами не сходными и противоположными достигается равный и одинаковый между ними порядокъ,—кто не сдѣлаетъ заключенія, что есть единая Сила, которая, пребывая неизменною, привела сіе въ устрейство, и распоряжается симъ, какъ Ей благоугодно? Всѣ сии вещи никогда не могли бы ни состояться, ни произойти сами собою, по взаимной противоположности естествовъ. Вода по природѣ тяжела, и течетъ внизъ; облака же легки, не имѣютъ тяжести, и стремятся вверхъ; однако же, видимъ, что облака но-

сать на себѣ воду, которая тяжелѣе ихъ. Также, земля весьма тяжела, а вода легче ея; однако же, болѣе тяжелое поддерживается легчайшимъ, и земля не падаетъ внизъ, а стоитъ неподвижно. Мужескій полъ—не то же, что и женскій; однако же, полы между собою соединяются, и обими совершается одно рожденіе подобнаго живаго существа. Короче сказать, холодное противоположно теплomu, влажное противоборствуетъ сухому; однако же, сошедшись вмѣстѣ, не оказываютъ между собою вражды, но согласно составляютъ одно тѣло, и служатъ къ происхожденію всего. Итакъ, вещи, по природѣ одна другой противоборствующія и противоположныя, не соединились бы между собою, если бы не былъ совершеннѣе ихъ связавшій ихъ Господь, Которому уступаютъ и повинуются и самыя стихіи, какъ рабы послушныя владыкъ. Каждая стихія не противоборствуетъ другой, стремясь къ тому, что свойственно ей по природѣ, но всѣ онѣ соблюдаютъ между собою согласіе, признавая соединившаго ихъ Господа. По природѣ онѣ противоположны, а по изволснiю Правящаго ими дружелюбны. Но если бы не были приводимы въ единое сраствореніе высшимъ повелѣніемъ; то какимъ бы образомъ стеклись и соединились тяжелое съ легкимъ, или сухое съ влажнымъ, или круглое съ прямымъ, или огонь съ холодомъ, или, вообще, море съ землею, или солнце съ луною, или звѣзды съ небомъ, и воздухъ съ облаками, когда каждая вещь не сходна съ другою по природѣ? Великое произошло бы между ними смѣшеніе; потому что одно палить, другое охлаждаетъ, одно по тяжести влечетъ внизъ, другое, напротивъ, по легкости — вверхъ; солнце освѣщаетъ, а

воздухъ омрачаетъ. И звѣзды враждовали бы между собою; потому что однѣ имѣютъ положеніе выше, а другія ниже. И ночь не уступала бы мѣста дню, но всегда пребывала бы съ нимъ въ борьбѣ и раздорѣ. А въ такомъ случаѣ увидѣли бы мы уже не благоустройство, но разстройство, не порядокъ, но безчпніе, не приведеніе въ единый составъ, а во всемъ разединеніе, не соблюденіе мѣры, а отсутствіе оной; потому что, при раздорѣ и противоборствѣ каждой отдѣльной части, или все уничтожилось бы, или что-либо одно оказалось одерживающимъ верхъ. Но и это опять доказывало бы разстройство цѣлаго; потому что оставшееся что-нибудь одно и лишненное содѣйствія всего прочаго дѣлало бы цѣлое не соразмѣрнымъ, какъ въ тѣлѣ оставшаяся одна нога и одна рука не сохраняютъ въ себѣ цѣлаго тѣла. Какимъ бы сталъ міръ, если бы въ немъ осталось одно солнце, или круговращалась одна луна, или была одна ночь, или всегда продолжался день? Какая была бы опять стройность, если бы осталось одно небо безъ звѣздъ, или звѣзды остались безъ неба? Что было бы пользы, если бы оставалось одно море, и если бы простиралась одна земля безъ воды и безъ другихъ частей творенія? Какъ произошли бы на землѣ человѣкъ, или вообще живое существо, при взаимномъ мятежѣ стихій и преобладаніи чего-либо одного, не достаточнаго къ составленію изъ себя тѣла? Ибо изъ одной теплоты или изъ одного холода, или изъ одной влажности или сухости, ничто не составилось бы во вселенной; но повсюду было бы все безпорядочно и несвязно. Даже и самое, по видимому, преобладающее не могло бы имѣть самостоятельности безъ по-

собія прочихъ вещей; потому что при такомъ только пособіи имѣеть оно самостоятельность. Итакъ, поелику во всемъ открывается не безчиніе, но порядокъ, не отсутствіе мѣры, но соразмѣрность, не разстройство, но благоустройство и всестройное сочетаніе міра; то необходимо заключить и составить себѣ понятіе о Владыкѣ, Который все соединилъ и скрѣпилъ, во всемъ произвелъ согласіе. Хотя и невидимъ Онъ очамъ, но порядокъ и согласіе вещей противоположныхъ даютъ уразумѣть ихъ Правителя, Распорядителя и Царя. Если увидимъ, что городъ, населенный множествомъ различныхъ людей, большихъ и малыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, также—старыхъ и молодыхъ, мужчинъ, и женщинъ, управляется добропорядочно, и жители, хотя различны между собою, но единомысленны: ни богатые не возстаютъ на бѣдныхъ, ни большіе на малыхъ, ни молодые на старыхъ, но все равномерно живутъ въ мирѣ; если, говорю, примѣтимъ все сіе; то безъ сомнѣнія поймемъ, что единомысліе поддерживается присутствіемъ градоправителя, хотя и не видимъ его. Ибо безчиніе есть признакъ безначалія, а порядокъ доказываетъ, что есть владычествующій. И въ тѣмъ примѣчая, что члены между собою согласны, глазъ не противоборствуетъ слуху, рука не возстаетъ противъ ноги, но каждый членъ безмятежно отправляетъ свое служеніе,—конечно, заключаемъ изъ сего, что есть въ тѣмъ душа, правительница членовъ, хотя и не видимъ ее. Такъ, видя порядокъ и стройность вселенной, необходимо представлять Властителя вселенной Бога, и притомъ одного, а не многихъ.

И самый порядокъ міроуправленія и согласная во

всѣхъ стройность доказываютъ не многихъ, но еди-
наго Міроправителя и Вождя—Слово. Если бы тварь
липла многихъ правителей; то не соблюдался бы та-
кой во всемъ порядокъ, но все пришло бы опять въ
безпорядокъ, потому что каждый бы изъ многихъ
наклонялъ все къ своему наитренію, и противобор-
ствовалъ другимъ. Какъ выше утверждали мы, что
многобожіе есть безбожіе; такъ многоначаліе по не-
обходимости будетъ безначаліемъ. Поелику каждый
уничтожаетъ власть другаго, то ни одинъ не окажет-
ся начальствующимъ, но у всѣхъ произойдетъ безна-
чаліе. А гдѣ нѣтъ начальствующаго, тамъ непремѣн-
но бываетъ безпорядокъ. И на оборотъ, единый по-
рядокъ и единомысліе многихъ и разныхъ доказыва-
ютъ, что у нихъ одинъ начальникъ. Если кто издали
слышитъ лиру, на которой много разныхъ струнъ, и
движется ихъ стройному согласію, потому что звучитъ
не та одна струна, у которой звукъ густъ, и не та
одна, у которой звукъ тонокъ, и не та одна, которая
имѣетъ звукъ средній, но звучать все въ равномъ
между собою соотношеніи; то, конечно, заключить изъ
сего, что лира не сама себя приводитъ въ движеніе,
и что не многіе ударяютъ въ струны, но одинъ есть
музыкантъ, хотя и не видишь ты его, и онъ искус-
ствомъ своимъ звукъ каждой струны срастворяетъ въ
единое стройное согласіе. Такъ, поелику въ цѣломъ
мірѣ есть всестройный порядокъ, ни горнее не воз-
стаетъ противъ дольняго, ни дольнее противъ горняго,
но все стремится къ одному порядку; то слѣдуетъ
представлять себѣ не многихъ, а единаго Правителя
и Царя всей твари, Который все озаряетъ свѣтомъ
Своимъ, и приводитъ въ движеніе.

Не должно думать, что у твари много правителей и творцевъ; но съ строгимъ благочестіемъ и истинною согласно—вѣровать въ единого ея Создателя, что ясно доказываетъ и самая тварь. Ибо надежнымъ признакомъ, что Творецъ вселенной одинъ, служить то, что міровъ не много, а одинъ. Если бы много было боговъ; то надлежало бы, чтобъ и міровъ было много, и они были различны. Многимъ же устроить одинъ міръ, и единому міру быть твореніемъ многихъ, неприлично было бы, по открывающимся въ этомъ несообразностямъ. Во-первыхъ, если бы одинъ міръ произошелъ отъ многихъ; то показывалъ бы безсиліе сотворившихъ; потому что одно дѣло совершенно многими, а это немаловажный признакъ, что свѣдѣніе каждаго въ дѣлѣ творенія было не совершенно. Ибо, если бы и одного было достаточно, то не стали бы взаимныхъ недостатковъ восполнять многие. Сказать же, что въ Богъ есть недостатокъ, не только нечестиво, но и крайне беззаконно. И у людей назовутъ художника слабымъ, а не совершеннымъ, если одно дѣло можетъ онъ совершить не одинъ, но только вмѣстѣ со многими. А если каждый могъ совершить цѣлое, всѣ же производили оное для участія въ дѣлѣ; то смѣшно будетъ предполагать, что каждый дѣйствовалъ для славы, чтобы не подозрѣвали его въ безспіи; и опять, приписывать Богамъ тщеславіе—весьма нелѣпо. Притомъ, если каждый одинъ имѣлъ довольно силъ создать цѣлое, то какаѣ нужда во многихъ, гдѣ на все достаточно одного? И съ другой стороны, нечестиво и нелѣпо будетъ предположеніе, что твореніе одно, а творившихъ много, и они различны; потому что, по естественной причинѣ, единое

и совершенное лучше различнаго. Надобно же знать и то, что если бы міръ произведенъ былъ многими, то имѣлъ бы различныя и несходныя между собою движенія; потому что, имѣя свои отношенія къ каждому изъ сотворившихъ, имѣлъ бы и столько же различныхъ движеній. Отъ различія же, какъ говорено было и прежде, опять произошли бы разстройство и во всемъ безпорядокъ. И корабль, управляемый многими, не поплыветъ прямо, пока кормиломъ его не овладѣетъ одинъ кормчій. И лира, въ струны которой ударяютъ многіе, не издастъ согласныхъ звуковъ, пока не ударить въ нихъ одинъ искусникъ. Итакъ, поелику тварь одна, и міръ одинъ, и порядокъ въ немъ одинъ; то должно представлять себѣ и единаго Царя и Создателя твари Господа. Ибо и самъ Создатель для того сотворилъ одинъ всецѣлый міръ, чтобы устройство многихъ міровъ не привело къ мысли о многихъ Создателяхъ. Поелику же твореніе одно; то вѣруемъ, что и Творецъ онаго одинъ. И міръ одинъ не потому, что Создатель одинъ; Богъ могъ сотворить и иные міры. Но поелику сотворенный міръ одинъ; то необходимо вѣровать, что и Создатель онаго одинъ.

Кто же сей Создатель,—это всего болѣе необходимо уяснить и сказать утвердительно, чтобы иный, невѣдѣніемъ сего введенный въ заблужденіе, не почелъ Создателемъ кого другаго, и отсего не впалъ опять въ одинаковое съ язычниками безбожіе. Думаю же, что никто не имѣетъ о семъ колеблющагося мнѣнія. Ибо если въ словѣ нашемъ показано, что такъ называемые стихотворцами боги—не боги, и обоготворяющіе тварь изоблечены въ заблужденіи, вообще же

доказано, что языческое идолослуженіе есть безбожіе и нечестіе; то, по уничиженіи идоловъ, совершенно необходимо, наконецъ, нашей вѣрѣ быть благочестивою, и Богу, Которому мы поклоняемся, и Котораго мы проповѣдуемъ, быть единымъ и истиннымъ Богомъ, Господомъ твари и Создателемъ всякаго существа. Кто же это, какъ не всесвятый и превысшій всякой сотворенной сущности Отець Христовъ? Онъ, какъ наилучшій кормчій, собственной Своею Премудростію и собственнымъ Своимъ Словомъ, Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, спасительно управляетъ, и распоряжаетъ всѣмъ въ мірѣ, и все творитъ, какъ Самъ признаетъ сіе наилучшимъ. И оно прекрасно, какъ скоро сотворено, и мы видимъ сотворенное, потому что и сіе угодно Ему. И никто не долженъ сомнѣваться въ этомъ. Ибо если бы движеніе твари было не разумно, и вселенная носилась, какъ ни есть; то справедливо могъ бы иный не вѣрить утверждаемому нами. Если же тварь приведена въ бытіе словомъ, премудростію и вѣднїемъ, и во всемъ мірѣ есть благоустройство; то необходимо настоятелемъ и строителемъ сего быть не иному кому, какъ Божию Слову.

Словомъ же называю не то, которое ввѣдрено и прирождено въ каждой изъ сотворенныхъ вещей, и которое иные обыкли называть *сѣменоноснымъ* (а);

(а) По ученію Зинона и Стойковъ, какъ Богъ называется *сѣменоноснымъ словомъ* (*ὁ Λόγος σπερματικός*), такъ и начала всѣхъ сотворенныхъ вещей, вложенныя въ нихъ Богомъ, именуются *сѣменоносными же словами* (*οἱ λόγοι σπερματικοί*).

такое слово неодушевленно, ни о чемъ не мыслить, ничего не представляетъ, но дѣйствуетъ только внѣшнимъ искусствомъ, сообразно съ знаніемъ влагающаго оное. Также не то разумью слово, какое имѣеть словесный человѣческій родъ, не слово сочетаваемое изъ слоговъ и напечатываемое въ воздухъ. Но разумью живаго и дѣйственнаго Бога, источникъ Слово Благаго и Бога всяческихъ, Слово, Которое и отлично отъ сотворенныхъ вещей и отъ всякой твари, и есть собственное и единственное Слово благаго Отца, вселенную же сію привело въ устройство, и озаряеть Своимъ промышленіемъ. Какъ благое Слово благаго Отца, Оно благоустроило порядокъ вселенной, сочетавая противоположное съ противоположнымъ и устрояя изъ сего единое согласіе. Какъ Божія сила и Божія премудрость, Оно вращаетъ небо, и повѣсивъ землю ни на чемъ не опирающуюся, водрузило ее Своимъ мановеніемъ. Имъ солнце стало свѣтоноснымъ и озаряеть вселенную. Отъ Него и луна имѣеть свою мѣру свѣта. Имъ и вода повѣшена на облакахъ, и дожди наводняютъ землю, и море заключено въ предѣлы, и земля украшена всякаго рода растеніями, и произращаетъ зелень. Если бы какой невѣрующій, слыша утверждаемое нами, спросилъ: дѣйствительно ли есть Божіе Слово?—то сомнѣніемъ о Божіемъ Словѣ показалъ бы онъ свое безуміе. Между тѣмъ, имѣеть онъ доказательство въ видимомъ, что все состоялось Божіимъ Словомъ и Божіею Премудростію, и ни что сотворенное не утвердилось бы, если бы не было, по сказанному, произведено Словомъ, и Словомъ Божіимъ. Но, будучи Словомъ, Оно, какъ сказано, не изъ слоговъ сочетается, подобно человѣческому слову, а

есть неизмѣняемый образъ Отца Своего. Люди сложены изъ частей, и сотворены изъ ничего; у нихъ и слово—слагаемое и разлагающееся. Но Богъ есть Сый и не сложенъ; потому и Слово Его есть Сый; Оно не сложно, но есть единый и Единородный Богъ и Благій произшедшій отъ Отца, какбы изъ благаго источника; Оно все приводитъ въ устройство и содержитъ.

И подлинно досточудна причина, по которой Слово, и Божіе Слово, низошло къ сотворенному; она показываетъ, что и неприлично было совершиться сему иначе, а не такимъ образомъ, какъ дѣйствительно совершается. Естество сотворенныхъ вещей, какъ произшедшее изъ ничего, само въ себѣ взятое, есть что-то текучее, немощное, смертное. Богъ же всяческихъ— по естеству благъ и выше всякой доброты, и посему челоуколюбивъ; потому что въ благомъ не можетъ ни къ кому быть зависти. Посему-то не завидуетъ Онъ никому въ бытіи, но хочетъ, чтобы всѣ наслаждались бытіемъ, и всѣмъ могъ Онъ являть Свое челоуколюбіе. Итакъ, усматривая, что всякое сотворенное естество, сколько зависитъ отъ заключающихся въ немъ самомъ причинъ, есть нѣчто текучее и разрушающееся, на тотъ конецъ, чтобы вселенная не подверглась разрушенію, и не разрѣшилась опять въ небытіе, все сотворивъ вѣчнымъ Словомъ Своимъ, и осуществивъ тварь, не попустилъ ей увлекаться и обуреваться собственнымъ своимъ естествомъ, отъ чего угрожала бы ей опасность снова прійти въ небытіе, но какъ Благій управляетъ вселенною и поддерживаетъ се въ бытіи Словомъ же Своимъ, Которое само есть Богъ, чтобы тварь, озаряемая влады-

чествомъ, промышленіемъ и благоустроениемъ Слова, могла твердо стоять въ бытіи, какъ причастная по-
длинно сущаго отъ Отца Слова, и Имъ вспомо-
ствуемая въ бытіи, и не подверглась бы тому, чему
могла бы подвергнуться (т. е. небытію), если бы
не соблюдалъ ее Богъ—Слово, *Иже есть образъ
Бога невидимаго, перворожденъ всяя твари: яко
Тьмъ и въ Немъ состоятъ всяческая, видимая и
невидимая: и Той есть глави Церкви (Кол. 1, 15—
18.)*, какъ въ святыхъ Писаніяхъ учать служители
истины.

Сіе-то всемогущее, всесовершенное, святое Отчее
Слово, низшедши во вселенную, повсюду распростра-
вило силы Свои, озаривъ и видимое и невидимое, въ
Себѣ все содержитъ и скрѣпляетъ, ничего не оста-
вивъ лишнимъ силы Своей, но оживотворяя и со-
храняя все и во всемъ, и каждую вещь въ особен-
ности, и вдругъ все въ совокупности; начала же вся-
кой чувственной сущности, каковы: теплота, холодъ,
влажность и сухость, срастворяя во едино, дѣлаетъ
Оно не противодѣйственными, но производящими одну
согласную стройность. Имъ и Его силою дѣлается,
что огонь не противоборствуетъ холоду, и влажность—
сухости, а напротивъ того, сіи, сами въ себѣ противо-
положныя стихіи, сошедшись вмѣстѣ, какъ друже-
ственныя и родственныя, производятъ изъ себя ви-
димыя вещи, и служатъ началами бытію тьмъ. По-
корствуя сему Богу—Слову, иное оживотворяется на
земль, а иное осуществляется на небѣ. Его силою,
по сказанному выше, все море и великій океанъ со-
вершаютъ движеніе свое въ собственныхъ своихъ пре-
дѣлахъ, и вся суша одѣвается зеленью и украшается

разными всякаго рода растѣніями. И чтобы не длить времени, каждую извѣстную вещь именуя особо, скажу: изъ всего, что существуетъ и бываетъ, ничего нѣтъ такого, что произошло бы и состоялось не въ Слово и не Словомъ, какъ говорить и Богословъ: *Въ началъ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. Вся Тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. 1, 1. 3.).

Какъ музыкантъ, настроивъ лиру, и искусно сводя густые звуки съ тонкими, и средніе съ прочими, производитъ одно требуемое сладкогласіе: такъ и Слово—Божія Премудрость, держа вселенную, какъ лиру, и что въ воздухъ, сводя съ тѣмъ, что на землѣ, а что на небѣ—съ тѣмъ, что въ воздухъ, цѣлое сочетавая съ частями, и обращая Своимъ мановеніемъ и изволеніемъ, прекрасно и стройно производитъ единый міръ и единый въ міръ порядокъ; само неподвижно пребываетъ у Отца, и все приводитъ въ движеніе Своимъ снисхожденіемъ во вселенную, чтобы каждая вещь благоугодна была Отцу Его. Ибо въ томъ открывается чудное дѣйствіе Божества Его, что однимъ и тѣмъже мановеніемъ, не въ разныя времена, но вдругъ, и все въ совокупности, и прямое и круглое, горнее, среднее, дольнее, влажное, холодное, теплое, видимое и невидимое, обращаетъ и приводитъ въ устройство, сообразно съ природою каждой вещи. Ибо однимъ и тѣмъже мановеніемъ Его прямое движется какъ прямое, круглое обращается какъ круглое, и среднее приводится въ движеніе, какъ оно есть, теплое согрѣвается, сухое иссушается, и все, сообразно съ своею природою, оживотворяется, и приводится Имъ въ бытіе; а такимъ образомъ произво-

дтся нмъ нѣкая чудная, и подлинно божественная, стройность. И чтобы понять это изъ примѣра, представъ утверждаемое нами въ подобіи большого лика воющихъ. Ликъ состоитъ изъ разныхъ людей, изъ дѣтей и женъ, стариковъ и также молодыхъ; вдругъ, одинъ управляющій ликомъ подаетъ знакъ, и каждый поетъ по своимъ способностямъ и силамъ, мужъ какъ мужъ, дитя какъ дитя, старый какъ старый, и молодой какъ молодой; но все въ совокупности выводить одну стройную пѣснь. Или представъ, какъ душа наша въ одно и то же время приводитъ въ движеніе чувства наши, сообразно съ дѣятельностію каждаго, и какъ скоро предстаеъ одинъ предметъ, все чувства приводятся въ дѣйствіе, глазъ видитъ, слухъ слышитъ, рука осязаетъ, обоняніе пріемлетъ въ себя запахъ, вкусъ вкушаетъ, а не рѣдко и другія части тѣла начинаютъ дѣйствовать, напримѣръ, ноги—ходить. Или объяснимъ утверждаемое нами и третьимъ примѣромъ. Всего болѣе уподобляется это большому благоустроенному городу, который управляется присутвіемъ приводящаго оный въ устройство правителя и царя. Царь едва появится, дастъ приказъ, обратитъ на все взоръ, какъ все ему повинуются; одни спѣшатъ воздѣлывать землю, другіе—черпать воду въ водопроводахъ, кто идетъ сѣять, кто отправляется въ совѣтъ, кто входитъ въ церковь, судія идетъ судить, градоправитель — давать законы, художникъ съ поспѣшностію принимается за работу, вореходецъ отправляется къ морю, плотникъ — на стройку, врачъ идетъ врачевать, зодчій—созидать, и одинъ уходитъ въ поле, другой приходитъ съ поля, одни занимаются дѣлами въ городѣ, другіе выходятъ

изъ города, и опять въ него возвращаются. Все же это производится и устроается присутствіемъ одного градоправителя и его повелѣніемъ. Хотя примѣръ этотъ и малъ, впрочемъ точно также, въ возвышеннѣйшемъ только понятіи, надобно представить себѣ и цѣлую тварь. По единому манію Божія Слова все въ совокупности приводится въ устройство; каждою вещію совершается ей свойственное, всѣми же вообще выполняется единый порядокъ. Ибо мановеніемъ и силами начальственного и владычественнаго во вселенной Божія и Отчаго Слова вращается небо, движутся звѣзды, является солнце, круговращается луна, освѣщается солнцемъ воздухъ, согревается эфиръ, дуютъ вѣтры, горы возносятъ вершины свои въ высоту, море волнуется и питаетъ въ себѣ живыя твари, земля, пребывая неподвижною, приноситъ плоды, человекъ образуется, живетъ, и потомъ умираетъ; однимъ словомъ, все одушевляется и движется, огонь горитъ, вода прохлаждаетъ, источники струятся, рѣки наводняются, годы и времена года протекають, падаютъ дожди, скопляются облака, идетъ градъ, отвердѣвають снѣгъ и ледъ, летаютъ птицы, пресмыкаются гады, плаваютъ живущія въ водахъ, море носитъ на себѣ корабли, земля застываетъ, и въ опредѣленное время покрывается зеленою, произращаетъ дерева, иное обновляется, иное зрѣетъ, иное же, достигнувъ совершеннаго возраста, старѣетъ и умираетъ, одно исчезаетъ, другое рождается и появляется. Все же сіе и гораздо еще большее, чего по множеству не въ силахъ мы и описать, дивносодѣтельное и чудодѣйственное Божіе Слово, озаряя и оживотворяя, мановеніемъ Своимъ приводитъ въ движеніе и благо-

устройство, содѣвая единый міръ, и не вѣ Себя остав-
ляя и невидимыя Силы; потому что и ихъ, какъ
Творецъ, сообъемля въ цѣломъ, также содержитъ и
оживотворяетъ Своимъ мановеніемъ и промышлені-
емъ. И ни что не можетъ служить оправданіемъ въ
невѣріи сему. Ибо какъ промышленіемъ Слова, и тѣла
возрастаютъ, и разумная душа движется, мыслить и
живетъ (на это не нужно приводить много доказа-
тельствъ, потому что видимъ сіе на дѣлѣ); такъ тѣ
же опять Божіе Слово однимъ и простымъ мановені-
емъ, Своєю силою, приводитъ въ движеніе и содер-
жить и сей видимый міръ и невидимыя Силы, со-
общая каждому существу свойственную ему дѣятель-
ность. Почему божественныя Силы приводятся въ
движеніе божественно, а видимыя вещи—какъ мы ви-
димъ это.

Самъ же Вождь и Царь всего, Собою утверждая
все, дѣлаетъ все къ славъ и вѣдѣнію Отца Своего,
и дѣлами, какія совершаетъ Онъ, какбы учить и
говорить: *отъ величества и красоты созданий срав-
нительно Рододѣлатель познавается* (Прем. 13, 5.).
Какъ, возрѣвъ на небо и разсмотрѣвъ его украше-
ніе и свѣтъ звѣздъ, должны мы восходить мыслию
въ Слово, Которымъ все приведено въ благоустрой-
ство; такъ, представляя умомъ Божіе Слово, необхо-
димо намъ представлять и Отца Его Бога, отъ Ко-
торого исходя, справедливо именуется Слово истолко-
вателемъ и Ангеломъ Отца Своего. Сіе можно намъ
видѣть и на себѣ самихъ. Когда у человѣка исходитъ
слово: заключаемъ, что источникъ слова есть мысль,
и внимая въ оное, усматриваемъ означаемую словомъ
мысль; тѣмъ паче, въ высшихъ представленіяхъ и въ

несравненномъ превосходствѣ, усматривая силу Слова, составляемъ себѣ понятіе и о благомъ Его Отцѣ, какъ говоритъ самъ Спаситель: *видѣвый Мене, видѣ Отца Моего* (Іоан. 14, 9.).

Но яснѣе и въ большей мѣрѣ проповѣдуетъ о семъ все богодухновенное Писаніе, основавшись на которомъ и я пишу тебѣ это; потому и ты, читая сіе, можешь вѣрить сказанному мною; ибо слово подтверждаемое многими имѣетъ непререкаемое доказательство.

Итакъ Божіе Слово издревле предограждало народъ іудейскій, говоря объ уничтоженіи идоловъ: *не сотвори себѣ кумира, и всякаго подобія, елика на небеси горѣ, и елика на земли низу* (Исх. 20, 4.). Причину же уничтоженія идоловъ даетъ видѣть въ другомъ мѣствѣ, говоря: *идоли языкъ сребро и золото, дѣла рукъ человѣческихъ: уста имуть, и не возглаголютъ: очи имуть, и не узрятъ: уши имуть, и не услышатъ: ноздри имуть, и не обоняютъ: руцѣ имуть, и не осяжутъ: нозѣ имуть, и не пойдутъ* (Псал. 113, 12—15.). Не прешло оно молчаніемъ и ученія о твари; напротивъ же того, хорошо зная красоту тварей, чтобы иныя, взирая на нихъ, не какъ на дѣло Божіе, по красотѣ ихъ не стали кланяться имъ, какъ богамъ, предограждаетъ людей, говоря: *да не воззрѣвъ очима, и видѣвъ солнце и луну, и всю красоту небесную, прелстився поклонишися имъ, яже раздѣли Господь Богъ твой всѣмъ языкомъ, иже подъ небесемъ* (Втор. 4, 19.). Раздѣляя не для того, чтобы твари сіи были богами языческихъ народовъ, но чтобы, по сказанному, изъ дѣйствія ихъ и язычники познали Создателя вселенной Бога. Народъ же іудей-

скій издревле имѣлъ у себя полнѣйшее ученіе; потому что не изъ дѣлъ только творенія, но и изъ божественныхъ Писаній, почерпалъ вѣдѣніе о Богѣ. И вообще, отвлекая людей отъ идольской прелести и отъ неразумнаго представленія о богахъ, Писаніе говоритъ: *да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ Мене* (Исх. 20, 3.). Воспрещаетъ людямъ имѣть иныхъ боговъ, не потому, что иные—дѣйствительно боги, но чтобы, отвратившись отъ истиннаго Бога, не начали обоготворять несуществующее; а таковы наименованные богами у стихотворцевъ и историковъ, о которыхъ доказано, что это—не боги. И самый образъ выраженія показываетъ, что они—не боги; сказано: *да не будутъ тебѣ бози иніи*; чѣмъ означаетъ будущее время; а что произойдетъ въ будущее время, того, когда говорится о семъ, нѣтъ еще.

Истребивъ же языческое, или идольское, безбожіе, уюкло ли божественное ученіе, попустило ли чело-вѣческому роду влаться вовсе не причастнымъ вѣдѣніямъ о Богѣ? Нѣтъ; а напротивъ того, предваряетъ ою мысль сію, говоря: *слыши Израилю: Господь Богъ твой, Господь единъ есть* (Втор. 6, 4.). И еще: *возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего, и отъ всея силы твоея* (5.). И еще: *Господу Богу твоему да поклонишия, Тому единому послужиши, и къ Нему прильпишия* (13.). А что о промышленности и о благоустроеніи Слова, простирающихся на все и во всемъ, свидѣтельствуетъ все богодухновенное Писаніе, достаточнымъ доказательствомъ утверждаемаго теперь служить та вѣра въ Слово, съ какою говорятъ Богословы: *Основалъ еси землю, и пребываетъ. Учиненіемъ Твоимъ пребываетъ день*

(Псал. 118, 90. 91.). И еще: *пойте Богови нашему въ гуслахъ: одъвающиму небо облаки, уготовляющему земли дождь, прозябающему на горахъ траву, и злакъ на службу чловѣкомъ, дающему скотомъ пищу* (Псал. 146, 7—9.). Черезъ кого же дасть? Не черезъ Того ли, Кѣмъ все сотворено? Ибо кѣмъ сотворено, тотъ, по естественному порядку, и промышляетъ о всемъ. Кто же это, какъ не Божіе Слово, о Которомъ въ другомъ Псалмѣ говорить: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его вся сила ихъ* (Псал. 32, 6.)? Подтверждаемъ же, что и все о Немъ и Имъ сотворено, въ чемъ и увѣряетъ насъ, говоря: *Той рече, и быша: Той повель, и создашася* (9.); какъ и великій Моисей въ томъ же удостовѣряетъ, въ началъ мірозданія объясняя сказанное, и говоря: *и рече Богъ: сотворимъ чловѣка по образу Нашему и по подобію* (Быт. 1, 26.); потому что, и совершая твореніе неба, земли и всего, Ему же говорилъ Отець: да будетъ небо; да соберутся воды, и да явится суша, да изведетъ земля траву и всякое животное; посему и можно обличить іудеевъ, какъ не вѣрно пользующихся Писаніями. Ибо спросятъ у нихъ: съ кѣмъ бесѣдуетъ Богъ, когда говорить, и повелѣвая? Если повелѣвалъ тварямъ, и съ ними бесѣдовалъ; то напрасно было слово; тварей еще не было, а только должны были произойти. Никто же не говоритъ съ тѣмъ, чего нѣтъ. Никто не повелѣваетъ, и не обращаетъ рѣчи къ произшедшему еще, чтобъ оно произошло. Если бы Богъ повелѣвалъ тому, что будетъ; то надлежало бы сказать: *будь, небо; будь, земля; произрасти, трава; будь сотворенъ, чловѣкъ*. Теперь же не сотворилъ еще

сего, а повелѣваетъ, говоря: *сотворимъ челоѣка*, и: да произрастетъ трава,—чѣмъ показывается, что Богъ разглагольствуетъ о семъ съ Кѣмъ-то близкимъ къ Нему. Поэтому необходимо, чтобы съ Нимъ былъ кто, съ кѣмъ собесѣдуя, творилъ Онъ вселенную. Кто же это какъ не Слово Его? Съ Кѣмъ (пусть скажутъ) бесѣдовать Богу, какъ не съ Словомъ Своимъ? Или Кто былъ съ Нимъ, когда творилъ Онъ всякую тварную сущность, какъ не Премудрость Его, Которая говоритъ: когда творилъ небо и землю, съ Нимъ *блгохъ* (Притч. 8, 27.). Подъ наименованіемъ же неба и земли заключаетъ все сотворенное на небѣ и на землѣ. Сопребывая же со Отцемъ, какъ Премудрость, и на Него взирая, какъ Слово, создаетъ, приводитъ въ бытіе и благоустраиваетъ вселенную, и какъ сила Отчая поддерживаетъ въ бытіи всю совокупность тварей, какъ говоритъ Спаситель: все, что вижу творящаго Отца, и Я также творю (Іоан. 5, 19.); и священные Ученики Его учать: *вслческая Тлмъ и о Немъ* быша (Кол. 1, 16.). Онъ, какъ благое рожденіе отъ Благаго и какъ истинный Сынъ, есть Отчая Сила и Премудрость и Слово, и все это не по причастию, не потому, что дано Ему сіе со-внѣ, какъ дается Его причастникамъ, которые Имъ умудряются, чрезъ Него содѣлываются сильными и разумными, но потому, что Онъ есть источникъ Премудрости, источникъ Слова, источникъ, собственно Отчая, Сила, источникъ Свѣтъ, источникъ Истина, источникъ Правда, источникъ Добродѣтель, Отпечатлѣніе, Сіяніе, Образъ; короче сказать, всесовершенный плодъ Отца, единственный Сынъ, неизмѣняемый Отчій Образъ. И кто, кто изочтетъ Отца, чтобы изыскать и силы

Слова Его? Ибо, какъ Онъ есть Отчее Слово и Отчая Премудрость, такъ и снисходя къ тварямъ, для познанія и уразумѣнія ими Рождшаго, дѣлается для нихъ источною святынею, источною жизнію, Дверію, Пастыремъ, путемъ, Царемъ, Вождемъ, Спасителемъ во всемъ, животворящимъ Свѣтомъ и общимъ о всѣхъ промышленіемъ. Сего-то благаго и зиждительнаго Сына имѣя отъ Себя, Отецъ не сокрылъ Его не извѣстнымъ для тварей, но ежедневно открываетъ Его всемъ; потому что Имъ все стоитъ и живетъ. А въ Немъ и чрезъ Него являетъ Отецъ и Себя самого, какъ говорятъ Спаситель: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. 14, 10.); почему необходимо Слово быть въ Рождшемъ, и Рожденному быть совѣчнымъ Отцу.

Но при всемъ томъ, когда ничто не существуетъ независимо отъ Отчаго Слова, небо же и земля и все, что на нихъ, Отъ Него зависятъ,—несмысленные люди, отвергнувъ вѣдѣніе о Немъ и благочестіе, не сущее предпочли сущему; вмѣсто дѣйствительно сущаго Бога обоготворили не сущее, служа твари вмѣсто Творца, и дѣлая неразумное и злочестивое дѣло. Это подобно тому, какъ если бы кто дивился произведеніямъ художника, и приведенный въ изумленіе зданіями въ городѣ сталъ попирать ногами самого здателя, или бы началъ хвалить мусикійское орудіе, но отрывуль бы того, кто составилъ и настроилъ оное. Подлинно, это люди несмысленные и слѣпотствующие! Какъ иначе узнали бы мы домъ, корабль, лиру, если корабля не построилъ кораблестроитель, дома не воздвигъ зодчій, лиры не сдѣлалъ музыкантъ? Посему, какъ отрицающій это безумецъ, и

даже выше всякаго безумца, такъ, по моему мнѣнію, не здравы умомъ и тѣ, которые не признають Бога, и не чтуть Слова Его, общаго всѣхъ Спасителя и Господа нашего Іисуса Христа, — Слова, Которымъ Отець все благоустроляетъ и содержитъ, и промышляетъ о всемъ во вселенной.

И ты, христіанецъ, имѣя вѣру въ Него и благочестіе, радуйся и будь благонадеженъ, что плодомъ вѣры въ Него будетъ безсмертіе и небесное царство, если только душа благоустроляетъ себя по Его законамъ. Ибо какъ живущимъ по заповѣдямъ Его—наградой вѣчная жизнь, такъ идущимъ противоположную стезею, а не стезею добродѣтели,—великій стыдъ и неотвратимая опасность въ день суда, за то, что, зная путь истины, дѣлали противное тому, что знали.

2. СЛОВО

о воплощеніи Бога—Слова, и о пришествіи Его къ намъ во плоти.

Въ предъидущемъ словѣ, изъ многого взявъ не многое, но въ достаточной мѣрѣ, разсуждали мы о заблужденіи язычниковъ касательно идоловъ, о суевѣрїи ихъ, и о томъ, какъ изобрѣтено оно въ началѣ, именно же, что люди по испорченности своей вымыслили для себя поклоненіе идоламъ; а также, по благодати Божіей, предложили нѣчто и о Боже-

ствъ Отчаго Слова, о промышленіи и силѣ Его во вселенной, именно же, что Имъ благоустроаетъ все благій Отець, по Его мановенію приводится все въ движеніе, и о Немъ оживотворяется. Теперь же, блаженный и вонстинну христолюбивый, будемъ, согласно съ благочестивою вѣрою, говорить о вочеловѣченіи Слова, и божественное Его къ намъ пришествіе (на что іудеи клеветуютъ, надъ чѣмъ елліны издѣваются, и чему мы поклоняемся) постараемся объяснить такъ, чтобы видимое уничтоженіе Слова тѣмъ паче возбудило въ тебѣ большее и сильнѣйшее къ Нему благоговѣніе. Ибо чѣмъ большому осмѣянію подвергается Оно невѣрными, тѣмъ убѣдительнѣйшее представляетъ свидѣтельство о Божествѣ Своемъ. Чего не постигаютъ люди, находя то невозможнымъ, о томъ доказываетъ Оно, что это возможно; надъ чѣмъ издѣваются люди, какъ надъ неприличнымъ, то, по благодати Своей, дѣлаетъ Оно благолѣпнымъ; что люди ухищренно осмѣиваютъ, какъ человѣческое, въ томъ силу Своею даетъ Оно видѣть Божественное, при мнимомъ Своемъ уничтоженіи, крестомъ низлагая идольское мечтаніе, издѣвающихся же и невѣрующихъ невидимо убѣждая, признать Божество Его и силу.

При изложеніи же нами всего этого, надобно тебѣ содержать въ памяти сказанное прежде, чтобы, какъ быть въ состояніи уразумѣть причину явленія во плоти столь великаго Отчаго Слова, такъ не подумать, будто бы Спаситель пріялъ на Себя тѣло по естественному порядку, но утвердиться въ той мысли, что Онъ по естеству безплотенъ, и есть Слово, однако же, по челоуколюбію и благодати Отца Сво-

его, для нашего спасенія явился намъ въ человѣчскомъ тѣлѣ. А намъ, ведя разсужденіе объ этомъ, прилично будетъ сказать напередъ о сотвореніи вселенной и о Создателѣ оной Богъ, чтобы такимъ образомъ всякій могъ видѣть, какъ сообразно было обновленію твари совершиться Словомъ, создавшимъ ее въ началѣ. Ибо въ этомъ не окажется никакого противорѣчія, если Отецъ тѣмъже Словомъ, Которымъ создалъ тварь, содѣлалъ и ея спасеніе.

Созданіе міра и сотвореніе вселенной многіе объясняли различно, и каждый, какое хотѣлъ, такое и составлялъ о семъ понятіе.

Одни говорятъ, что все произошло само собою и случайно. Таковы эпикурейцы, которые баснословятъ противъ себя, что нѣтъ и Промысла во вселенной, утверждая сіе прямо вопреки очевидному и видимому. Ибо если, какъ они утверждаютъ, все произошло само собою безъ Промысла; то надлежало всему произойти однообразно, и быть подобнымъ, а не различнымъ; во вселенной, какъ въ единомъ тѣлѣ, надлежало всему быть солнцемъ или луною, и у людей надлежало цѣлому тѣлу быть или рукою, или глазомъ, или ногою. Теперь же этого нѣтъ; но видимъ, что одно—солнце, другое—луна, а иное—земля, и въ человѣческихъ также тѣлахъ одно—нога, другое—рука, иное—голова. А таковой распорядокъ даетъ знать, что произошло сіе не само собою, даже показываетъ, что предшествовала сему причина, изъ которой можно уразумѣвать и приведшаго въ порядокъ и сотворившаго вселенную Бога.

Другіе же, и въ числѣ ихъ великій у еллиновъ Платонъ, разсуждали, что Богъ сотворилъ вселенную.

Т. XVII.

ную изъ готоваго и несотвореннаго вещества; потому что Богу и не возможно было бы сотворить что-либо, если бы не было готоваго вещества, какъ и у древодѣля должно быть готовое дерево, чтобъ могъ онъ сработать что-нибудь. Но утверждающіе это не знаютъ, что приписываютъ тѣмъ Богу безсиліе. Если не самъ Онъ—виновникъ вещества, но, вообще, всякое существо творитъ изъ вещества готоваго; то явно, что Онъ безсиленъ, потому что ничего дѣйствительнаго не въ состояніи произвести безъ вещества, какъ и въ древодѣль, безъ сомнѣнія, безсиліе его—причиной, что, не имѣя у себя дерева, не можетъ сдѣлать никакой нужной вещи. И въ этомъ предположеніи,—что, если бы не было вещества, то Богъ и не прозвель бы ничего,—можно ли уже творцемъ и создателемъ назвать того, кто возможность творить получилъ отъ другаго, именно же, отъ вещества? Если допустить сіе предположеніе; то, по словамъ ихъ, Богъ будетъ только художникъ, а не творецъ бытія, если Онъ обрабатываетъ готовое вещество, а не самъ—виновникъ и вещества. Вообще, не можетъ быть названъ Онъ творцемъ, если не творитъ и того вещества, изъ котораго произошло сотворенное.

А еретики вымышляютъ себѣ много Создателя вселенной, кромѣ Отца Господа нашего Иисуса Христа, и въ слѣпотѣ своей много о семъ велерѣчатъ. Господь говоритъ іудеямъ: *Нѣсте ли чли, яко сотворивый искони мужескій полъ и женскій, сотворилъ Я естъ? И рече: сего ради оставитъ человекъ отца своего и матеръ, и прильнитъ къ женѣ своей, и будета два въ плоть едину (Матѣ. 19, 4. 5.);*

потомъ, указывая на Творца, говоритъ еще: *еже Богъ сочета, человекъ да не различаетъ* (6.). Какъ же они вводятъ тварь чуждую Отцу? Если и по словамъ Иоанна, который все объемлетъ словомъ своимъ, *вся Тьма быша, и безъ Него ничтоже бысть* (Иоан. 1, 3.); то какъ возможенъ вѣный Создатель, кромѣ Отца Христова?

Такъ они баснословятъ: божественное же ученіе пѣра Христова отвергаетъ ихъ суесловіе, какъ безбожіе. Оно признаетъ, что вселенная не сама собою произошла, потому что есть о ней Промысль, и не изъ готоваго вещества сотворена, потому что Богъ не безсиленъ; но изъ ничего, вовсе не существовавшую прежде вселенную, привелъ въ бытіе Богъ Словомъ, какъ сказано Моисеемъ: *въ началъ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. 1, 1.). И въ весьма полезной книгѣ *Пастырь* говорится: «прежде всего вѣруй, что единъ есть Богъ, Который сотворилъ, устроилъ и привелъ въ бытіе вселенную изъ ничего». Сіе же давая разумѣть, и Павелъ говоритъ: *вѣрою разумѣваемъ совершитися въкомъ глаголомъ Божиимъ, во еже отъ невидимыхъ видимымъ быти* (Евр. 11, 3.). Богъ благъ, лучше же сказать, Онъ — источникъ благодати. Въ благомъ же ни къ кому не можетъ быть зависти. Посему, никому не позавидовать въ бытіи, изъ ничего все сотворилъ собственнымъ Словомъ Своимъ, Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ.

Преимущественно же предъ всѣмъ, что на землѣ, скалившись надъ человѣческимъ родомъ, и усмотрѣвъ, что по закону собственного бытія не имѣеть оныхъ достаточныхъ силъ пребывать всегда, Богъ да-

ровалъ людямъ нѣчто большее: не создалъ ихъ просто, какъ всѣхъ безсловесныхъ животныхъ на землѣ, но сотворилъ ихъ по образу Своему, сообщивъ имъ и силу собственнаго Слова Своего, чтобы, имѣя въ себѣ какбы нѣкіе отбѣнки Слова, и ставъ словесными, могли пребывать въ блаженствѣ, живя истинною жизнью, и въ подлинномъ смыслѣ—жизнію святыхъ въ раю. Но зная также, что человеческое произволеніе можетъ преклоняться на ту и другую сторону,—данную людямъ благодать предварительно оградишь закономъ и мѣстомъ; ибо, введя ихъ въ рай Свой, далъ имъ законъ, чтобы, если сохранять благодать, и пребудутъ добры, то, кромѣ обѣтованія имъ безсмертія на небесахъ, и жизнь ихъ въ раю была безпечальна, безболѣзненна и беззаботна; а если впадутъ въ преступленіе, и перемѣнившись сдѣлаются худы, напередъ знали о себѣ, что въ смерти претерпятъ естественное тлѣніе, и не будутъ жить болѣе въ раю, но, умирая уже внѣ его, останутся въ смерти и тлѣніи. На сіе же указываетъ и божественное Писаніе, говоря отъ лица Божія: *отъ всякаго древа, еже въ раи, съѣдию съѣси: отъ древа же, еже разумѣти доброе и лукавое, не съѣсте отъ него; а въ онъже еще день съѣсте отъ него, смертію умрете* (Быт. 2, 16. 17.). Смертію же умрете, что иное значить, какъ не только необходимость умереть, но и оставаться въ тлѣніи смерти?

Дивишься, можетъ быть, почему, предположивъ говорить о вочеловѣченіи Слова, разсуждаемъ теперь о началѣ людей. Но и это не чуждо цѣли нашего разсужденія. Говоря о пришествіи къ намъ Спасителя, необходимо намъ сказать и о началѣ людей.

Изъ сего узнаешь, что наша вина послужила поводомъ къ Его пришествію, и нашимъ преступленіемъ вызвано челоѡколюбіе Слова, чтобы Господь пришелъ къ намъ, и явился среди людей. Мы стали побужденіемъ къ Его воплощенію; для нашего спасенія показалъ Онъ столько челоѡколюбія, что принялъ на Себя челоѡческое тѣло, и явился въ вѣль.

Такъ Богъ сотворилъ челоѡка, и возжелалъ, чтобы пребывалъ онъ въ нетлѣннн. Но люди, вознерадѣвъ и уклонившись отъ устремленія ума своего къ Богу, остановившись же мыслию на зломъ, и измысливъ себя оное (какъ сказано о семъ въ первомъ словѣ), подверглись тому смертному осужденію, какии предварительно угрожалъ имъ Богъ, и не остались уже такии, какии были созданы, но какъ поныслили, такъ и растлились, и смерть, воцарившись, овладѣла ими; потому что преступленіе заповѣди возвратило ихъ въ естественное состояніе, чтобы, какъ сотворены были изъ ничего, такъ и въ самомъ бытіи, со временемъ, по всей справедливости, потерпѣли тлѣніе. Ибо, если, нѣкогда по природѣ бывъ ничто, призваны въ бытіе явленіемъ и челоѡколюбіемъ Слова; то слѣдовало, чтобы въ людяхъ, по истощаніи въ нихъ понятія о Богѣ, и по уклоненіи къ не сущему (ибо злое есть не сущее, а доброе есть сущее, какъ происшедшее отъ сущаго Бога), истощилось и продолжающееся навсегда бытіе. А это и значить, разрѣшившись оставаться въ смерти и тлѣнн. Ибо челоѡкъ, какъ сотворенный изъ ничего, по природѣ смертенъ; но, по причинѣ подобія Сущему, если бы сохранилъ оное устремле-

ніемъ къ Нему ума своего, могъ замедлять въ себѣ естественное тлѣніе, и пребылъ бы нетлѣннымъ, какъ говоритъ Премудрость: *храненіе законовъ утвержденіе нерастлѣнія* (Прем. 6, 19.). Будучи же нетлѣннымъ, онъ жилъ бы уже какъ Богъ, о чемъ даетъ разумѣть и божественное Писаніе, говоря въ одномъ мѣстѣ: *Азъ рѣхъ: бози есте и сынове Вышняго вси: вы же яко челоувѣцы умираете, и яко единъ отъ князей падаете* (Пс. 81, 6. 7.).

Богъ не только сотворилъ насъ изъ ничего, но, по благодати Слова, даровалъ намъ и жизнь по Богу. Но люди, уклонившись отъ вѣчнаго, и по совету діавола обратившись къ тлѣнному, сами для себя стали виновниками тлѣнія въ смерти; потому что, какъ сказано выше, по природѣ они были тлѣнны, но свойственнаго имъ по природѣ избѣгли бы по благодати, какъ причастники Слова, если бы пребыли добрыми; по причинѣ соприсущаго имъ Слова, не приблизилось бы къ нимъ естественное тлѣніе, какъ говоритъ и Премудрость: *Богъ созда челоувѣка въ неистлѣніе, и во образъ собственной Своей вѣчности: завистию же діаволею смерть вниде въ міръ* (Прем. 2, 23. 24.). Когда же совершилось сіе: люди стали умирать, и тлѣніе сильно воздѣйствовало уже въ нихъ, превозмогая надъ всѣмъ челоувѣческимъ родомъ, въ большей еще мѣрѣ, нежели сколько было сіе естественно, поколику, въ слѣдствіе преступленія заповѣди, воспользовалось оно противъ нихъ и Божіею угрозою, да и сами люди въ прегрѣшеніяхъ своихъ не остановились на извѣстныхъ предѣлахъ, но, постепенно простираясь далѣе, преступили, наконецъ, всякую мѣру. Бывъ въ

началъ изобрѣтателями зла, и сами на себя призвавъ смерть и тлѣніе, въ послѣдствіи же совратившись въ неправду, отваживаясь на всякое беззаконіе и не останавливаясь на одномъ худомъ дѣлѣ, но непрестанно къ новымъ худымъ дѣламъ примышляя еще новыя, люди содѣлались ненасытими во грѣхѣ. Повсюду были прелюбодѣвія и татѣбы; вся земля наполнилась убійствами и хищеніями. У закона не было заботы о растлѣніи и неправдѣ. Всякое злое дѣло совершаемо было и каждымъ порознь и всеми сообща. Города вели войну съ городами; народы возставали противъ народовъ; вся вселенная раздражаема была мятежами и раздорами, потому что всякій оказывалъ соревнованіе въ беззаконіи. Не далеко стало отъ людей и противуестественное, но какъ сказалъ свидѣтель Христовъ Апостоль: *жены бо ихъ измѣниша естественную подобу въ презестественную: такожде и мужи, оставше естественную подобу женска пола, разжегошася похотию своею другъ на друга, мужи на мужехъ студъ содѣвающе, и возмездіе, еже подобаше прелести ихъ, въ себѣ воспріемлюще* (Рим. 1, 26. 27.).

Когда же смерть болѣе и болѣе овладевала чрезъ это людьми, и тлѣніе въ нихъ оставалось; тогда родъ человѣческій растлѣвался, словесный же и по образу созданный человекъ исчезалъ, и Богомъ совершенное дѣло гибло; потому что, какъ сказано выше, смерть превозмогала надъ ними по силѣ уже закона, и невозможно было избѣжать закона, такъ какъ оный, по причинѣ преступленія, постановленъ былъ Богомъ. Выходило нѣчто, въ подлинномъ смыслѣ, и ни съ чѣмъ несообразное и вмѣстѣ неприличное. Ни съ чѣмъ

несообразно было Богу, изрекши слово, солгать, и человеку, когда узаконено Богомъ, чтобы онъ, если преступить заповѣдь, смертію умеръ, не умирать по преступленіи, слову же Божию остаться нарушеннымъ. Тогда не было бы въ Богъ правды, если бы, когда сказано Богомъ, что умрешь, человекъ не умеръ. Но также и неприлично было, чтобы однажды сотворенныя разумныя существа и причастныя Слова Его погибли, и чрезъ тлѣніе опять обратились въ небытіе. Сіе не достойно было бы благодсти Божіей, чтобы сотворенное Богомъ растлѣвалось отъ обольщенія людей діаволомъ. Съ другой стороны, всего не приличнѣе было въ людяхъ, или по собственному ихъ нерадѣнію или по бѣсовскому обольщенію, уничтожиться Божію художеству.

Итакъ, когда истлѣвали словесныя твари, и гибли такія Божія произведенія, что надлежало сдѣлать Богу, Который благъ? Попустить ли, чтобы тлѣніе надъ ними превозмогло, и смерть ими обладала? Какая же была нужда сотворить ихъ въ началѣ? Надлежало бы лучше не творить, нежели сотвореннымъ оставаться непризрѣнными и гибнуть. Если Богъ сотворивъ оставляетъ безъ вниманія, что произведеніе Его истлѣваетъ; то изъ такого нерадѣнія въ болѣшей мѣрѣ познается безсиліе, а не благодсть Божія, нежели когда бы не сотворилъ Онъ людей въ началѣ. Если бы не сотворилъ; то никто и не подумалъ бы вмѣнять сего въ безсиліе. А когда сотворилъ и привелъ въ бытіе; вовсе было бы ни съ чѣмъ несообразно гибнуть произведеніямъ, и особенно въ виду Сотворившаго. Итакъ, надлежало не попускать, чтобы люди поглощались тлѣніемъ, потому что сіе

было бы неприлично Божіей благодати и не достойно ея. Но какъ и сему надлежало быть; такъ, съ другой опять стороны, противопологалась тому справедливая въ Богъ причина,— пребыть Ему вѣрнымъ законоположенію Своему о смерти. Ибо для нашей же пользы и для нашего сохраненія ни съ чѣмъ несообразно было оказаться лжецомъ Отцу истины—Богу.

Итакъ, чему надлежало быть въ этомъ случаѣ, или что надобно было содѣлать Богу? Потребовать у людей покаянія въ преступленіи? Сіе можно бы признать достойнымъ Бога, разсуждая, что, какъ преступленіемъ виали люди въ тлѣніе, такъ покаяніемъ достигли бы опять нетлѣнія. Но покаяніемъ не соблюлась бы справедливость въ отношеніи къ Богу. Опять не былъ бы Онъ вѣрнымъ Себѣ, если бы смерть перестала обладать людьми. Притомъ, покаяніе не выводитъ изъ естественнаго состоянія, а прекращаетъ только грѣхи. Если бы прегрѣшеніе только было, а не послѣдовало за нимъ тлѣніе; то прекрасно было бы покаяніе.

Если же люди, въ слѣдствіе предшествовавшаго преступленія, однажды сдѣлались подвластными естественному тлѣнію, и утратили благодать Божія обрза; то чему иному надлежало совершиться? Или въ комъ иномъ была потребность для возвращенія таковой благодати и для воззванія челоуѣковъ, кромѣ Бога—Слова, изъ ничего сотворившаго вселенную въ началѣ? Ему принадлежало—и тлѣнное привести опять въ нетлѣніе, и соблюсти, что всего справедливѣе было для Отца. Поелпку Онъ—Отчее Слово, и выше всѣхъ; то естественнымъ образомъ Онъ только одинъ могъ все возсоздать, Онъ одинъ долѣлъ къ

тому, чтобы за всѣхъ пострадать и за всѣхъ ходатайствовать предъ Отцемъ.

Посему-то безплотное, нетлѣнное, невещественное Божіе Слово приходитъ въ нашу область, отъ которой и прежде не было далекииъ; потому что ни одна часть творенія не осталась лишенною Его, но, пребывая со Отцемъ Своимъ, наполняетъ Оно и всю вселенную во всѣхъ частяхъ ея. Но приходитъ, снисходя Своимъ къ намъ человеколюбіемъ и явленіемъ среди насъ. И видя, что словесный человѣческій родъ гибнетъ, что смерть царствуетъ надъ людьми въ тлѣннѣ; примѣчая также, что угроза за преступленіе поддерживаетъ въ насъ тлѣніе, и несообразно было бы отмѣнить законъ прежде исполненія его; примѣчая и неприличіе совершившагося, потому что уничтожалось то, чему само Оно было Создателемъ; примѣчая и превосходящее всякую мѣру злонавіе людей, потому что люди, постепенно, до нестерпимости увеличивали оное ко вреду своему; примѣчая и то, что всѣ люди повинны смерти,—сжалилось Оно надъ родомъ нашимъ, умилилось надъ немощію нашею, снисшло къ нашему тлѣнію, не потерпѣло обладанія смерти, и чтобъ не погибло сотворенное, и не оказалось напраснымъ, что содѣлано Отцемъ Его для людей,—пріемлетъ на Себя тѣло, и тѣло нечуждое нашему. Ибо не просто восхотѣло быть въ тѣлѣ, и не явиться только пожелаю. А если бы восхотѣло только явиться, то могло бы совершить Свое Богоявленіе и посредствомъ инаго совершеннѣйшаго. Но пріемлетъ наше тѣло, и не просто, но отъ пречистой, нерастлѣнной, неискусумужней Дѣвы, тѣло чистое, нимало неприкосновенное мужескому обще-

вію. Будучи Всемощнымъ и Создателемъ вселенной, въ Дѣвѣ уготовляетъ въ храмъ Себѣ тѣло, и усволяетъ Себѣ оное, какъ орудіе, въ немъ давая Себя познавать, и въ немъ обитая. И такимъ образомъ, у васъ заимствовавъ подобное нашему тѣлу, потому что всѣ мы были повинны тлѣнію смерти, за всѣхъ предавъ оное смерти, приносить Отцу. И это совершаетъ Оно по челолюбію для того, чтобы съ одной стороны, поелику всѣ умирали, закону объ встлѣніи людей положить конецъ тѣмъ, что власть его исполнилась на Господнемъ тѣлѣ, и не имѣть уже мѣста въ разсужденіи подобныхъ людей; а съ другой стороны, людей обратившихся въ тлѣніе снова возвратитъ въ нетлѣніе, и оживотворитъ ихъ отъ смерти, присвоеніемъ Себѣ тѣла и благодатию воскресенія уничтожая въ нихъ смерть, какъ соломѣю огнемъ. Слово знало, что тлѣніе не иначе могло быть прекращено въ людяхъ, какъ только непремѣнною смертію; умереть же Слову, какъ безсмертному и Отчему Сыну, было невозможно. Для сего-то самаго пріемлетъ Оно на Себя тѣло, которое бы могло умереть, чтобы, какъ причастное надъ всеми Суцдаго Слова, довѣло оно къ смерти за всѣхъ, чтобы ради обитающаго въ немъ Слова пребыло нетлѣннымъ, и чтобы, наконецъ, во всѣхъ прекращено было тлѣніе благодатию воскресенія. Потому, воспріятое Имъ на Себя тѣло принося на смерть, какъ жертву и закланіе, свободное отъ всякой скверны, симъ приношеніемъ сходственнаго во всѣхъ подобныхъ уничтожило немедленно смерть. Ибо Слово Божіе, будучи выше всѣхъ, и Свой храмъ, Свое тѣлесное орудіе, принося въ искупительную за всѣхъ цѣну, смертію Сво-

ею совершенно выполнило должное, и такимъ образомъ, посредствомъ подобнаго тѣла со всеми сопрѣбывая, нетлѣнный Божій Сынъ всѣхъ, какъ и слѣдовало, облекъ въ нетлѣніе обѣтованіемъ воскресенія. И самое тлѣніе въ смерти не имѣетъ уже власти надъ людьми, ради Слова, вселившагося въ нихъ посредствомъ единаго тѣла. Если великій Царь входитъ въ какой-либо великій городъ, и вселяется въ одномъ изъ домовъ его; то безъ сомнѣнія высокой чести удостоивается такой городъ, и никакой врагъ или разбойникъ не нападетъ и не разоритъ его; скорѣе же приложитъ о немъ все раченіе, ради царя, вселившагося въ одномъ изъ домовъ его. Такъ было и съ Царемъ вселенной; когда пришелъ Онъ въ нашу область и вселился въ одно изъ подобныхъ нашимъ тѣлъ; тогда прекратились, наконецъ, вражескія злоумышленія противъ людей, уничтожилось тлѣніе смерти, издревле надъ ними превозмогавшее. Ибо погибъ бы родъ человѣческой, если бы Владыка и Спаситель всѣхъ, Сынъ Божій, не пришелъ положить конецъ смерти.

И сіе великое дѣло, подлинно, всего болѣе приличествовало Божіей благодати. Если царь, построивъ домъ или городъ, когда по нерадѣнію живущихъ въ немъ, нападутъ на него разбойники, не оставляетъ его вовсе безъ призрѣнія, но защищаетъ и спасаетъ, какъ собственное свое произведеніе, взирая не на нерадѣность жителей, но на то, что прилично ему самому: то тѣмъ паче всеблагій Богъ, Отчее Слово, когда сотворенный Имъ родъ человѣческой снизшелъ въ тлѣніе, — не презрѣлъ его, но привзошедшую смерть стеръ приношеніемъ собственнаго Своего тѣла, нера-

дѣніе же людей исправилъ Своимъ ученіемъ, все чело-
вѣческое исполнивъ Своею силою. Удостовереніе
же въ этомъ можетъ всякій найдти у Богослововъ
самого Спасителя, читая въ писаніяхъ ихъ, когда
говорять: *ибо любви Христова обдержитъ насъ суж-
дшихъ сіе: яко аще Единъ за всѣхъ умре, то убо
 вси умроша, и за всѣхъ умре, да не ктому себѣ
 живемъ, но за насъ умершему и воскресшему отъ
 мертвыхъ Господу нашему Іисусу Христу (2 Кор. 5,
 14. 15.).* И еще: *а умаленнаго малымъ чимъ отъ
 Ангель видимъ Іисуса, за пріятіе смерти, славою и
 честію вѣнчанна, яко да благодатию Божіею за
 всѣхъ вкуситъ смерти (Евр. 2, 9.).* Потомъ Писа-
ніе показываетъ и причину, почему надлежало воче-
ловѣчиться не иному кому, но самому Богу—Слову,
говоря: *подобаше бо Ему, Егоже ради всяческая
 и Имже всяческая, приведу многи сыны въ славу,
 началника спасенія ихъ страданми совершити (10.).*
А спми словами означаетъ, что не иному кому слѣ-
довало возвести людей отъ постигшаго ихъ тлѣнія,
какъ Богу—Слову, сотворившему ихъ и въ началѣ. И
что само Слово пріяло на Себя тѣло для принесенія
жертвы за подобныя тѣла, сіе даютъ разумѣть Писа-
нія, говоря: *понеже убо дѣти пріобщишася плоти
 и крости, и Той преискреннъ пріобщишася тѣхъже,
 да смертію упразднитъ имущаго державу смерти,
 сиречь, діавола, и избавитъ ихъ, елицы страхомъ
 смерти чрезъ все житіе повинни бѣша работѣ
 (14. 15.).* Ибо Слово, принесеніемъ въ жертву соб-
ственнаго Своего тѣла, и положило конецъ осуждав-
шему насъ закону, и обновило въ насъ начатокъ жи-
зни, даровавъ надежду воскресенія. Поелику отъ са-

мого челоѣка зависѣло, что смерть овладѣла людьми, то по сему самому вочеловѣченіемъ Бога Слова снова произведено истребленіе смерти и востаніе жизни, по слову христовоснаго мужа: *понеже бо челоѣкомъ смерть бысть, и челоѣкомъ воскресеніе мертвыхъ: якоже бо во Адамъ вси умирають, такожде и о Христь вси оживуть*, и такъ далѣе (1 Кор. 15, 21. 22.). Ибо нынѣ, уже не какъ осужденные умираемъ, но, какъ имѣющіе востать, ожидаемъ общаго всѣхъ воскресенія, которое во время свое явптъ и оное совершившій и даровавшій Богъ.

Такова первая причина Спасителява вочеловѣченія. По пзъ слѣдующаго можно всякому дознать, что благое пришествіе Его къ намъ имѣло и другія важныя причины.

Обладающій всѣми Богъ, когда собственнымъ Словомъ Своимъ сотворилъ челоѣческій родъ, видя также немощь челоѣческаго естества, а именно, что не имѣетъ оно достаточныхъ силъ—само собою познать Создателя и вообще приобрѣсти себѣ понятіе о Богѣ, потому что Богъ нерожденъ, а твари произошли изъ ничего, Богъ безплотенъ, а люди по тѣлу созданы гдѣ-то долу, и вообще, всему сотворенному многого не достаеъ къ уразумѣнію и вѣдѣнію Сотворшаго, при-мѣчая, говорю, сіе, и сжалившись опять надъ родомъ челоѣческимъ, какъ Благій, не оставилъ людей лишеными вѣдѣнія о Немъ, чтобы и самое бытіе не сдѣлалось для нихъ бесполезнымъ. Ибо какаѣ польза быть сотворенными, и не знать Творца своего? Или какъ люди могли быть словесными, не знаѣ Отчаго Слова, Которымъ сотворены? Ни чѣмъ не отличались бы они отъ безсловесныхъ, если бы ничего не позна-

вали, кромѣ земнаго. Для чего бы и создалъ ихъ Богъ, если бы не восхотѣлъ, чтобъ они познавали Его? Посему-то, чтобы люди не оставались невѣдущими Бога, какъ Благій, сообщаетъ имъ собственный Свой образъ,—Господа нашего Иисуса Христа, и творить ихъ по образу и по подобію Своему, чтобы при таковой благодати, представляя себѣ Образъ, разумно же Отчее Слово, могли приобрѣтать понятіе о самомъ Отцѣ, и познавая Творца, жить благополучно и подлинно блаженною жизнію.

Но несмысленные люди, вознерадѣвъ также и о такой данной имъ благодати, столько уклонились отъ Бога, и до того омрачились въ душѣ своей, что не только предали забвенію понятіе о Богѣ, но стали вымышлять себѣ одно вмѣсто другаго. Ибо вмѣсто истины соорудили себѣ идоловъ, существу Богу предпочли не сущее, служа твари вмѣсто Творца, а что хуже всего, честь Божию перенесли на дерева, на камни, на всякое вещество, и на людей, и дѣлали еще худшее этого, какъ говорено было въ предъидущемъ словѣ. Дошли же они до такого нечестія, что начали, наконецъ, поклоняться бѣсамъ, и выполняя ихъ пожеланія, наименовали ихъ богами, и непрестанно болѣе опутываясь нечестивыми страстями, какія возбуждали въ нихъ бѣсы, въ угодность имъ (о чемъ говорено было прежде) стали приносить въ жертву безсловесныхъ животныхъ и закалать людей. Потому обучали у нихъ и волшебству; по мѣстамъ обольщали людей прорицаніемъ; причины рожденія и бытія своего стали всѣ приписывать звѣздамъ и всему, что на небѣ, ни о чемъ иномъ не помышляя, кромѣ видимаго. Вообще, все исполнено стало нечестія

и беззаконія; только Богъ и Слово Его не были познаваемы, хотя не скрывалъ Онъ Себя отъ людей въ неизвѣстности, и не простое далъ имъ о Себѣ вѣдѣніе, но многообразно и многократно раскрывалъ имъ оное. Ибо хотя и благодать, сообщенная въ образѣ Божіемъ, достаточна была къ тому, чтобы привести къ познанію Бога—Слова, и чрезъ Него къ познанію Отца; однако же Богъ, зная немощь людей, промышлялъ о нихъ и въ случаѣ ихъ нерадѣнія, чтобы, если и вознерадятъ познавать Бога въ самихъ себѣ, не оставались въ невѣдѣніи о Создателѣ, имѣя предъ очами дѣла творенія. Поелику же нерадѣніе постепенно нисходило къ худшему; то Богъ не оставилъ опять безъ промышленія Своего и такуюю человеческую немощь, давъ законъ, и пославъ къ людямъ извѣстныхъ имъ Пророковъ, чтобы, если облѣнятся возвести взоръ на небо и познать Творца, близъ себя имѣли ученіе; потому что люди всего ближе могутъ учиться лучшему у людей же. Итакъ, взирая на величіе неба, и разсматривая стройность творенія, можно было людямъ познавать и Вождя твари — Отчее Слово, Которое Своимъ о всемъ промышленіемъ всемъ даетъ познавать и Отца, и для того приводитъ вселенную въ движеніе, чтобъ всѣ чрезъ Него познавали Бога. Или если и это было тяжело для людской лѣности; то могли они бесѣдовать со святыми, и отъ нихъ узнать Создателя всѣхъ Бога и Отца Христова, узнать, что поклоненіе идоламъ есть безбожіе и исполнено всякаго нечестія. А познавъ законъ, можно имъ было также прекратить всѣ беззаконія, и жить добродѣтельною жизнію. Ибо законъ данъ былъ не для однихъ іудеевъ, и не ради ихъ однихъ посыла-

лись Пророки; но, хотя къ іудеямъ они посылались, и іудеями были гонимы, однакожь, для цѣлой вселенной служили священнымъ училищемъ въдѣнія о Богѣ и внутренней жизни. Такова была Божія благодѣтельность, таково челоуѣколюбіе. Однако же, люди, препобѣждаемые мгновенными удовольствіями, бѣсовскими мечтаніями и прелестями, не возвели взора къ истинѣ, но обременяли себя еще большимъ числомъ золъ и грѣховъ, такъ что казались уже не словесными тварями, но по вѣдамъ можно было признать ихъ безсловесными.

Посему, когда люди въ такой мѣрѣ обезсловесились, и бѣсовская прелесть повсюду столько затмила и сокрыла въдѣніе объ истинномъ Богѣ, что надлежало сдѣлать Богу? Прейдти ли молчаніемъ все это? Попустить ли, чтобы люди обольщаемы были демонами, и не знали Бога? Какаѣ же была нужда создать челоуѣка въ началѣ по образу Божію? Надлежало, просто сотворить его безсловеснымъ, или сотворенному словеснымъ не жить ему жизни безсловесныхъ. Какаѣ вообще была потребность, пріобрѣсти челоуѣку понятіе о Богѣ въ началѣ? Если теперь недостойны онъ сего пріобрѣтенія; то не надлежало давать ему и въ началѣ. На что же было потребно сіе сотворшему Богу, или какаѣ въ этомъ слава Ему, если сотворенные имъ люди не поклоняются Ему, но другихъ признають творцами своими? Оказывается, что Богъ создалъ ихъ не для Себя, а для другихъ. Царь, хотя и челоуѣкъ, однако же не попускаеть, чтобы основанные имъ города отдавались въ рабство другимъ, или прибѣгали къ кому иному; но напоминая имъ писаніями, не рѣдко же посылаетъ къ

нимъ друзей, а если потребуеть нужда, приходитъ и самъ, пристыдить ихъ, наконецъ, присутствіемъ своимъ, только бы не раболѣпствовали они другимъ, и трудъ его не сталъ напрасенъ. Не тѣмъ ли паче пощадитъ Богъ Свои твари, чтобъ не уклонялись онѣ отъ Него, и не служили не существу, обильно же, когда такое уклоненіе дѣлается для ихъ причиною погибели и уничтоженія? Не надлежало же погибнуть содѣлавшимся однажды причастниками Божіа образа.

Итакъ, чтò должно было содѣлать Богу? Или чему надлежало совершиться, какъ не обновленію созданнаго по Образу, чтобы чрезъ сей Образъ люди опять могли познать Бога? А это могло ли совершиться, если бы не пришелъ Самъ Образъ Божій, Спаситель нашъ Иисусъ Христосъ? Не могло совершиться сіе чрезъ людей, потому что сами они сотворены по образу; не могло—и чрезъ Ангеловъ; потому что и они не образы. Посему-то Божіе Слово пришло самолично, чтобы Ему, какъ Отчему Образу, можно было возсоздать по образу сотвореннаго человека. Съ другой стороны, опять не совершилось бы сіе, если бы не были уничтожены смерть и тлѣніе. Посему-то Слово нужно было принять на Себя смертное тѣло, чтобы Имъ, наконецъ, могла быть уничтожена смерть, и люди опять обновилсь по образу. Итакъ для дѣла сего не довѣлъ ни кто другой, кромѣ Отчаго Образа. Поелку написанный на деревѣ лѣкъ сдѣлался невиднымъ отъ внѣшнихъ нечистотъ, то надобно было опять прійти тому, чей это лѣкъ, чтобъ на томъ же веществѣ можно было возобновить изображеніе; ибо ради изображеннаго лѣка и самое

вещество, на которомъ онъ написанъ, не бросается, но возстановляется на немъ ликъ. Подобно сему и все-святой Сынъ Отца, какъ Отчій образъ, пришелъ въ ваши страны, чтобы обновить челоуѣка созданнаго по сему Образу, и какбы взыскать погибшаго оставленіемъ грѣховъ, какъ и Самъ говоритъ въ Евангеліяхъ: *прииде взыскати, и спасти погибшаго* (Матѣ. 18, 11.). Почему и іудеямъ сказалъ Онъ: *аще кто не родится* (Іоан. 3, 3.), не рожденіе отъ жены разумѣя, какъ они понимали, но означая возрожденіе и возсозданіе въ душѣ того, что по образу.

Поелику же идолобѣсіе и безбожіе овладѣли все-ленною, и сокрыто стало вѣдѣніе о Богѣ; то кому было научить вселенную объ Отцѣ? Если скажутъ — челоуѣку; то невозможно было людямъ обойдти всю подсолнечную; они по природѣ своей не были бы въ состояніи совершить такой путь, не могли бы заслужить въ этомъ и вѣроятія, не имѣли бы и достаточныхъ силъ, чтобы самимъ собою противостать такому бѣсовскому обольщенію и мечтанію. Поелику всѣ были душевно поражены и приведены въ смятеніе бѣсовскою прелестію и идольскою тщетою; то какъ можно было людямъ переувѣрять челоуѣческую душу и челоуѣческой умъ, когда не могли ихъ и видѣть? А чего не видятъ кто, можетъ ли то преобразовать? Но можетъ быть скажутъ, что для сего достаточно было твари. Но если бы достаточно было твари; то не произошло бы столькихъ золъ. Тварь была; но тѣмъ не менѣе люди погрязали въ томъ же заблужденіи о Богѣ. Посему, въ комъ была опять потребность, какъ не въ Богѣ—Словѣ, Который видѣть и душу и умъ, все въ тваряхъ приводитъ въ

движеніе, и чрезъ тварей даетъ познавать Отца? Тому, Кто собственнымъ Своимъ промышленіемъ и благоустроеніемъ вселенной учитъ объ Отцѣ, надлежало и возобновить сіе ученіе. Какъ же бы совершилось сіе? Скажутъ, можетъ быть: сіе можно было совершить тѣмъ же способомъ, то есть, снова показать дѣлами творенія, что нужно знать о Богѣ. Но это было уже мало надежно, и вовсе ненадежно; потому что люди и прежде оставили сіе безъ вшманія, и очи ихъ устремлены были уже не горѣ, но дому.

Посему-то, желая оказать людямъ вѣрную помощь, Слово Божіе приходитъ какъ человекъ, пріемля на Себя тѣло подобное тѣламъ человѣческимъ, и помогаетъ дольшимъ, то есть, тѣлесными своими дѣлами, чтобы тѣ, которые не восхотѣли познать Его изъ промышленія Его о вселенной и изъ правленія оного, хотя изъ тѣлесныхъ Его дѣлъ познали Божіе во плоти Слово, а чрезъ него и Отца. Какъ добрый учитель, попечительный объ ученикахъ своихъ, спуская къ тѣмъ, которые не способны воспользоваться высшими познаніями, конечно, преподаетъ путь познанія низшія; такъ поступило и Божіе Слово, какъ говоритъ и Павелъ: *понеже бо въ премудрости Божіей не разумъ міръ премудростію Бога, благоизволилъ Богъ буйствомъ проповѣди спасти вѣрующіихъ* (1 Кор. 1, 21.). Поелику люди, уклонившись отъ умозрѣнія о Богѣ, и какбы погрузившись во глубину, устремляя очи дому, взыскали Бога въ вещахъ раждающихся и чувственныхъ, воображая себѣ богами людей смертныхъ и демоновъ; то челолюбивый и общій всѣхъ Спаситель, Божіе Слово, пріемлетъ на себя тѣло, какъ человекъ живетъ среди людей,

и обращаетъ на Себя чувства всѣхъ людей, чтобы пред-
 полагающіе Бога въ тѣлесномъ изъ того, что Гос-
 подь производитъ тѣлесными Своими дѣлами, уразу-
 мѣли истину, и чрезъ Него дошли до мысли объ
 Отцѣ, и чтобы они, какъ люди, имѣя въ мысли все
 человѣческое, увидѣли, что куда ни обратятъ чувства
 свои, вездѣ предупреждены сими дѣлами, и все на-
 участь ихъ истинѣ. Если изумѣвали предъ тварію,
 то увидятъ, что тварь исповѣдуетъ Христа Господа.
 Если мысль ихъ была предубѣждена въ пользу людей,
 и ихъ почитали они богами; то изъ дѣлъ Спасителя,
 сравненныхъ съ дѣлами человѣческими, содѣлается
 явнымъ, что единственный у людей Спаситель—Бо-
 жій Сынъ; потому что у признаваемыхъ богами
 нѣтъ такихъ дѣлъ, какія совершены Божиимъ Словомъ.
 А если были предубѣждены въ пользу демоновъ;
 то видя, какъ Господь изгоняетъ ихъ, познаютъ,
 что онъ одинъ есть Божіе Слово, а демоны—не боги.
 Если же умъ ихъ былъ занятъ людьми уже умершими,
 и потому покланялись они проямъ, и тѣмъ, кого
 стихотворцы наименовали богами; то, видя воскресе-
 ніе Спасителя, исповѣдуютъ, что тѣ боги ложны,
 и что одинъ истинный Господь—Отчее Слово, влады-
 чествующее и надъ смертію. Для сего-то Господь
 и родился, и явился человѣкомъ, и умеръ и воскресъ,
 дѣлами Своими унижая и помрачая дѣла когда-либо
 жившихъ людей, чтобы отъ всего того, чѣмъ
 бы ни были предубѣждены люди, отвлечь ихъ, и
 научить вѣдѣнію истиннаго Отца Его, какъ и Самъ
 говоритъ: *приде зыскати, и спасти погибшаго.*
 Появляю мысль человѣческая однажды писанная въ
 чувственное, то Слово благоволило содѣлать Себя

видимымъ, посредствомъ тѣла, чтобы, ставъ человекомъ обратить на Себя вниманіе людей, отвлечь къ Себѣ чувства ихъ, и когда увидятъ Его человекомъ, тѣми дѣлами, какія производитъ Онъ, убѣдить ихъ наконецъ, что Онъ — не только человекъ, но и Богъ, Слово и Премудрость вѣстнаго Бога. Сіе намъ вѣреваясь выразить, и Павелъ говоритъ: *въ любви вкоренени и основани, да возможете разумѣти со всѣми свѣтлыми, что широта и долгота и глубина и высота, разумѣти же преспѣвающую разумъ любовь Христову, да исполнитесь во всяко исполненіе Божіе* (Ефес. 3, 17—19.). Ибо Слово, распростершись всюду, и горѣ и долу, и въ глубину и въ широту, горѣ—въ твореніи, долу—въ вочеловѣченіи, въ глубину—во адѣ, въ широту же—въ мірѣ, все наполнило вѣдніемъ о Богѣ. А посему-то не тотчасъ по Своемъ пришествіи совершаетъ жертву за всѣхъ, предавая тѣло на смерть, и воскрешая оное, и дѣлая Себя невидимымъ тѣлесно; напротивъ же того, и самымъ тѣломъ привлекаетъ на Себя взоры людей, пребывая въ тѣлѣ и творя такіа дѣла, являя такіа знаменія, которыя показывали въ Немъ уже не человека, но Бога—Слово. Ибо Спаситель вочеловѣченіемъ явилъ сугубое человеколюбіе и тѣмъ, что уничтожилъ въ насъ смерть и обновилъ насъ, и тѣмъ, что, будучи не познанъ и невидимъ, явилъ Себя въ дѣлахъ, и показалъ, что Онъ — Отчее Слово, Вождь и Царь вселенной.

Онъ не былъ такъ объятъ тѣломъ, чтобы, когда былъ въ тѣлѣ, тогда не былъ и внѣ тѣла, и когда приводилъ въ движеніе тѣло, тогда вселенная лишена была Его дѣйствія и промышленія. Но, что всего

удивительнѣе, Онъ, какъ Слово, ни чѣмъ не былъ содержимъ, а напротивъ Самъ все содержалъ. И какъ, пребывая въ цѣлой твари, хотя по сущности Онъ внѣ всего, однакоже, силами Своими присущъ во всемъ, все благоустроая, на все и во всемъ простирая Свое промышленіе, оживотворяя и каждую тварь и всѣ твари въ совокупности, объемля цѣлую вселенную, и не объемлясь ею, но весь всецѣло пребывая въ единомъ Отцѣ Своемъ; такъ, и въ человѣческомъ пребывая тѣлѣ, и Самъ оживотворяя оное, внѣ всякаго сомнѣнія, оживотворялъ и вселенную, пребывалъ во всѣхъ тваряхъ, и былъ внѣ вселенной, давалъ познавать Себя въ тѣлѣ дѣлами, и не переставалъ являть Себя въ дѣйствіяхъ на вселенную. Душѣ свойственно, хотя разсматривать въ помыслахъ и то, что внѣ ея тѣла, однакоже, не простираетъ своихъ дѣйствій на что-либо внѣ ея тѣла, и своимъ присутствіемъ не приводитъ въ движеніе, что отдалено отъ тѣла. Человѣкъ, когда думаетъ о чемъ-либо отдаленномъ, чрезъ это не приводитъ еще отдаленнаго въ движеніе, и не переноситъ съ одного мѣста на другое. И если кто спитъ у себя въ домѣ, и размышляетъ о томъ, что на небѣ, то не движетъ еще чрезъ это солнца, и не обращаетъ неба; но, хотя видитъ ихъ движущимися и сотворенными, однако же, не можетъ поэтому произвести ихъ. Не таково было Божіе Слово въ человѣкѣ. Оно не связывалось тѣломъ; а напротивъ того, Само напротивъ обладало онимъ; посему, и въ тѣлѣ Оно было, и находилось во всѣхъ тваряхъ, и было внѣ существъ, и упокоевалось въ Единомъ Отцѣ. И, что чуднѣе всего, провождало жизнь, какъ человѣкъ, все оживотворяло, какъ Сло-

во, и сопробывало со Отцемъ, какъ Смиѣ. Посему, когда раждала Дѣва, Оно не страдало, и пребывая въ тѣлѣ, не сквернилось, но напротивъ того, освящало наипаче и тѣло; потому что, и пребывая во всѣхъ тваряхъ, не дѣлается Оно всему причастнымъ; а напротивъ того, все Имъ наипаче оживотворяется и питается. Если и солнце, Имъ сотворенное и нами видимое, круговращаясь на небѣ, не сквернится прикосновеніемъ къ земнымъ тѣламъ, и не омрачается тмою, а напротивъ того, само ихъ освѣщаетъ и очищаетъ; то тѣмъ паче всесвятое Божіе Слово, Творецъ и Господь солнца, давая познавать Себя въ тѣлѣ, не пріяло на Себя скверны, а напротивъ того, будучи нетлѣннымъ, оживотворяло и очищало и смертное тѣло. Ибо сказано: *Иже грѣха не сотвори, ни обрѣтесе лествъ во устѣхъ Его* (1 Петр. 2, 22.).

Посему, когда богословствующіе о Словѣ говорятъ, что Оно ѣсть, пьетъ, и родилось; тогда знай, что тѣло, какъ тѣло, родилось и питалось приличною пищею, само же сопробывающее въ тѣлѣ Божіе Слово, все благоустроило, и тѣмъ, что совершало Оно въ тѣлѣ, показывало въ Себѣ не человека, но Божіе Слово. Говорится же сіе о Немъ потому, что тѣло, которое вкушало пищу, родилось, страдало, было тѣломъ не кого-либо другаго, но Господа. И поелику Господь сталъ человекомъ; то прилично было говорить о Немъ и сіе, какъ о человекѣ, чтобы явствовало, что дѣйствительно, а не мечтательно, имѣеть Онъ тѣло.

Но какъ изъ сего познавали Его присущимъ тѣлесно, такъ дѣлали, какія совершилъ чрезъ тѣло, давать Онъ разумѣть въ Себѣ Божія Сына. Посему-

то къ невѣрнымъ іудеямъ и взывалъ, говоря: *еще не творю дѣла Отца Моего, не имите Ми вѣры: еще ли творю, еще и Мнѣ не вѣруете, дѣломъ Моимъ вѣруйте: да разумѣете и познаете, яко во Мнѣ Отецъ, и Азъ во Отца* (Іоан. 10, 37. 38.). Какъ, будучи невидимымъ, познается Онъ изъ дѣлъ творенія, такъ, содѣлавшись человѣкомъ, и невидимый подъ покровомъ тѣла, дѣлами даетъ знать, что совершающій снъ дѣла—не человѣкъ, а Божія Сила и Божіе Слово. Ибо не человѣческое, но Божіе дѣло—повелѣвать бѣсамъ, и изгонять ихъ. И видя, какъ изцѣлялъ Онъ болѣзни, въ какія ввергнуть былъ родъ человѣческой, кто почтетъ его человѣкомъ, а не Богомъ? Онъ очищалъ прокаженныхъ, хромимъ давалъ силу ходить, глухимъ отверзалъ слухъ, слѣпыхъ дѣлалъ зрящими, вообще, отгонялъ отъ людей всякія болѣзни и всякія немощи. А изъ сего всякій могъ усматривать Божество Его. Ибо видя, что возвращалъ Онъ человѣку и то, чего не доставало отъ рожденія, и родившемуся слѣпымъ отверзалъ очи, кто не заключитъ изъ сего, что Ему подчинено и самое рожденіе человѣческое, что Онъ—Создатель и Творецъ онаго? Кто возвращаетъ человѣку, чего не было у него отъ рожденія, о томъ, безъ сомнѣнія явно, что Онъ—Господь и рожденія человѣческаго. Посему-то въ началѣ, приходя къ намъ, созидаетъ Себѣ тѣло отъ Дѣвы, чтобы и въ этомъ показать всемъ не малый призвакъ Божества Своего; потому что создавшій тѣло сіе есть Творецъ и прочихъ тѣлъ. И видя, что тѣло происходитъ отъ снпной дѣвы безъ мужа, кто не придетъ къ той мысли, что явившійся въ снп тѣлъ есть Творецъ и Господь и

прочихъ тѣлъ? Также видя, что сущность воды измѣнена и претворена въ вино, кто не заключить, что сотворившій сіе есть Господь и Творецъ сущности всѣхъ водъ? Посему-то, какъ Владыка, ступаетъ Онъ на море, и по оному ходитъ какъ по сушѣ, и въ этомъ показывая видящимъ признакъ Своего владычества надъ всѣмъ. Насыщая же малымъ количествомъ пищи великое число людей, и изъ недостатка производя избытокъ, такъ что пятью хлѣбами насытились пять тысячъ человѣкъ, и еще столько же осталось,—не иное что, давалъ симъ разумѣть, но то самое, что Онъ Господь промышленности о вселенной.

Все же благоугодно было сотворить Спасителю, чтобы люди, которые не познавали Его о всемъ промышленности, и не уразумѣвали Божества Его изъ творенія, хотя бы возбужденные тѣлесными Его дѣлами, возвели къ Нему взоръ, а чрезъ Него приобрѣли себѣ понятіе вѣдѣнія объ Отцѣ, по сказанному выше, изъ частнаго заключая о промышленіи Его въ цѣлой вселенной. Ибо, видя власть Его надъ бѣсами, или видя, что бѣсы исповѣдуютъ Его Господомъ своимъ, кто еще станетъ колебаться мыслию, что Онъ—Божій Сынъ, Божія Премудрость и Сила? Онъ содѣлалъ, что и самая тварь не умолчала, но, что всего чуднѣе, во время смерти, лучше же сказать, во время торжества Его надъ смертію, то есть, на крестѣ, вся тварь исповѣдала, что познаваемый и страждущій въ тѣлѣ не просто есть человѣкъ, но Божій Сынъ и Спаситель всѣхъ. Ибо, когда солнце отвратило зракъ свой, земля потряслась, горы распались, всѣ пришли въ ужасъ; тогда показывало сіе, что Распятый на крестѣ Христосъ есть Богъ, а вся тварь—раба Его,

страхомъ своимъ свидѣтельствующая о присутствіи Владыки.

Такъ Богъ—Слово явилъ Себя людямъ въ дѣлахъ. Но слѣдуетъ описать также и конецъ пребыванія Его въ тѣлѣ и обращенія съ людьми, сказать, какова была тѣлесная Его смерть (тѣмъ паче, что въ этомъ главизна нашей вѣры, и это въ устахъ у всѣхъ вообще людей), чтобы знать тебѣ, какимъ образомъ и изъ сего, ничѣмъ не менѣе, познается во Христвъ Богъ и Божій Сынъ. Что касается до причины пришествія Его во плоти, то, сколько было возможно, отчасти и по мѣрѣ силъ нашего разумнія, объяснили мы это выше; а именно сказали, что преложить тѣльное въ нетѣльное—не иному кому принадлежало, какъ Спасителю онаго, и въ началѣ сотворившему вселенную изъ ничего, что въ людяхъ снова возсоздать образъ—не иному кому было свойственно, какъ Отчему Образу, что смертное воскресить безсмертнымъ—не иному кому было свойственно, какъ восточной жизни—Господу нашему Иисусу Христу, что научить объ Отцѣ, упразднить же идольское служеніе—не иному кому принадлежало, какъ вселенную приводящему въ благоустройство Слову, единому, Единородному, истинному Отчему Сыну. Поелику же, наконецъ, надлежало заплатить долгъ, лежащій на всѣхъ; ибо, по сказанному выше, должны были всѣ умереть, что и было главною причиною Его пришествія; то послѣ того, какъ доказалъ Божество Свое дѣлами, приносить, наконецъ, и жертву за всѣхъ, вмѣсто всѣхъ предавая на смерть храмъ Свой, чтобы всѣхъ содѣлать свободными отъ отвѣтственности за древнее преступленіе, о Себѣ же, въ нетѣльномъ тѣлѣ Своемъ явивъ на-

чатокъ общаго воскресенія, доказать, что Онъ выше и смерти.

И не дивись, что многократно говоримъ тоже и о томъ же. Поелпку бесѣдуемъ о Божіемъ благоволеніи; то много разъ изъясняемъ одну и ту же мысль, чтобы не оказалось что-либо опущеннымъ, и не подпали мы обвиненію, что сказанное нами неудовлетворительно. Ибо лучше подвергнуться порицанію за тождесловіе, нежели опустить что-либо такое, о чемъ должно было написать.

Итакъ тѣло, поелпку имѣло оно общую со всѣми тѣлами сущность, и было тѣломъ человѣческимъ, хотя, по необычайному чуду, образовалось изъ единыхъ Дѣвъ, однако же, будучи смертнымъ, по закону подобныхъ тѣлъ, подверглось смерти; по причинѣ же снисшествія въ оное Слова, не потерпѣло свойственнаго тѣлесной природѣ тлѣнія, а напротивъ того, ради вселившася въ немъ Божія Слова, пребыло вне тлѣнія. И чуднымъ образомъ въ одномъ и томъ же совершилось то и другое: и смерть всѣхъ приведена въ исполненіе въ Господнемъ тѣлѣ, и уничтожены имъ смерть и тлѣніе ради соприсущаго въ немъ Слова. Нужна была смерть, и надлежало совершиться смерти за всѣхъ, во исполненіе долга лежащаго на всѣхъ. Посему-то, какъ сказано выше, поелпку не возможно было умереть Слову, потому что Оно безсмертно,—пріяло Оно на Себя тѣло, которое могло умереть, чтобы, какъ Свое собственное, принести его за всѣхъ, и какъ за всѣхъ пострадавшему, по причинѣ пребыванія Своего въ тѣлѣ, *упразднить имущаго державу смерти, сиречь, діавола, и избавить сихъ, слиць страхомъ смерти повинни быша работи* (Евр. 2, 14. 15.).

Поелткѣ умеръ за насъ общій всѣхъ Спаситель; то несомнѣнно, что мы, вѣрные о Христь, не умираемъ уже теперь смертію, какъ древо, по угрозѣ закона, потому что такое осужденіе отмѣнено; но съ прекращеніемъ и уничтоженіемъ тлѣнія благодати воскресенія, по причинѣ смертности тѣла, разрѣшаемъ уже только на время, какое каждому опредѣлилъ Богъ, да возможемъ улучшить лучшее воскресеніе. Наподобіе сѣмянъ, ввергаемыхъ въ землю, мы разрѣшаясь не погибаетъ, но какъ посѣянные воскреснемъ; потому что смерть упразднена по благодати Спасителя. Посему-то и блаженный Павелъ, содѣлавшись для всѣхъ поручителемъ въ воскресеніи, говоритъ: *Подобаетъ тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облещися въ безсмертіе. Егда же тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе, и смертное сіе облечется въ безсмертіе, тогда будетъ слово написанное: пожртва бысть смерть побѣдою. Гдѣ ти смерти жало? Гдѣ ти аде побѣда (1 Кор. 15, 53—55.)?*

Скажутъ: Если нужно было Ему за всѣхъ предать тѣло на смерть; то почему не сложилъ съ Себя тѣла, какъ человекъ, наединѣ, но простерся и до распятія? Прпличнѣе было бы сложить съ Себя тѣло съ честью, нежели претерпѣть вмѣстѣ съ поруганіемъ такую смерть.—Смотри же, такое возраженіе не есть ли опять человѣческое? А что совершено Спасителемъ, то—по истинѣ божественно, и во многимъ причинамъ достойно Его Божества. Во-первыхъ, смерть, приключавшаяся людямъ, приходила къ нимъ по вемощи ихъ естества; не могутъ они долго пребывать въ жизни, и со временемъ раз-

рушаются ; потому приключаются съ ними болѣзни, они изнемогаютъ и умираютъ. Господь же не немощенъ, но Божія Сила, Божіе Слово, источная Жизнь. Посему, если бы сложилъ съ Себя тѣло гдѣ-либо наединѣ и, какъ обычно людямъ, на одрѣ, то подумали бы, что и Онъ потерпѣлъ сіе по немощи естества, и ничѣмъ не преимущественнѣе прочихъ людей. Поелку же Онъ—Жизнь и Божіе Слово, и смерти надлежало совершиться за всѣхъ ; то, какъ Жизнь и Сила, Собою укрѣплялъ тѣло, когда же надлежало совершиться смерти,—не въ Себѣ, но отъ другихъ заимствовалъ предлогъ къ совершенію жертвы ; потому что не надлежало терпѣть болѣзни Господу, врачующему болѣзни другихъ, и также не надлежало изнемогать тѣлу, въ которомъ Онъ подкрѣплялъ другихъ въ немощахъ. Но почему жѣ и смерти не воспретилъ также, какъ и болѣзни ? Потому что для принятія смерти имѣлъ Онъ тѣло, и неприлично было воспретить смерти, чтобы не воспрепятствовать и воскресенію. А также неприлично было, чтобы и болѣзнь предшествовала смерти ; иначе вмѣнилось бы сіе въ немощь Явившемуся въ тѣлѣ. Но развѣ не алкалъ Онъ ? Да, алкалъ по свойству тѣла, но не истаевалъ голодомъ ; потому что облекшійся въ тѣло былъ Господь. Посему-то, хотя умерло тѣло для искупленія всѣхъ, но не видѣло тлѣнія ; ибо воскресло всецѣлымъ ; потому что было тѣломъ не кого-либо инаго, но самой Жизни.

Скажетъ кто нибудь: надлежало укрыться отъ злоумышленія іудеевъ, чтобы тѣло Свое сохранить совершенно безсмертнымъ.—Пусть слышитъ таковой, что и сіе неприлично было Господу. Слову Божию,

истинной Жизни, какъ неприлично было самому навести смерть тѣлу Своему, такъ не свойственно было избѣгать смерти наносимой другими, и не преслѣдовать смерть до истребленія. Посему справедливо поступилъ Господь, что не сложилъ съ Себя тѣла самъ, а также и не избѣгалъ злоумышляющихъ юдеевъ. Такое дѣло не немощь показывало въ Словѣ, а напротивъ того, давало уразумѣть въ Немъ Спасителя и Жизнь; потому что ожидалъ смерти, чтобы ее истребить, и наносимой смерти спѣшилъ положить конецъ для спасенія всѣхъ. Сверхъ того, Спаситель пришелъ положить конецъ не Своей смерти, но смерти всѣхъ людей; почему не собственною смертію (какъ Жизнь и не имѣлъ Онъ смерти) сложилъ съ Себя тѣло, но принялъ смерть отъ людей, чтобы и сію смерть, коснувшуюся къ тѣлу Его, истребить совершенно.

Притомъ, и изъ слѣдующаго можно видѣть, почему Господне тѣло имѣло такую кончину. У Господа главною цѣлію было воскресеніе тѣла, которое имѣлъ Онъ совершить; ибо знаменіемъ победы надъ смертію служило то, чтобы всѣмъ показать оное, всѣхъ увѣрить, что совершено Имъ уничтоженіе тлѣнія, и даровано уже нетлѣніе тѣламъ. И какбы всѣмъ въ залогъ сего нетлѣнія и въ признакъ будущаго для всѣхъ воскресенія, соблюлъ Онъ тѣло Свое нетлѣннымъ. Посему, если бы тѣло пострадало отъ болѣзни, и Слово въ виду всѣхъ разрышилось отъ тѣла; то Врачующему болѣзни другихъ не прилично было бы не позаботиться о собственномъ Своемъ орудіи, изнуряемомъ болѣзнями. Какъ повѣрили бы, что отгонялъ Онъ немощи другихъ, если бы изне-

могъ у Него собственный храмъ? Или, стала бы смѣяться, что не можетъ удалитъ отъ Себя болѣзнь, или, почли бы не человѣколюбивымъ и къ другимъ, потому что можетъ, и не дѣлаетъ. А если бы безъ какой-либо болѣзни, безъ какого-либо страданія, гдѣ-либо наединѣ, въ особомъ мѣстѣ, или въ пустынѣ, или въ домѣ, или гдѣ бы-то ни было, сокрылъ Онъ тѣло, и потомъ, опять внезапно явившись, сказалъ о Себѣ, что воскресъ изъ мертвыхъ; то всѣ почли бы сіе за басню; и слову Его о воскресеніи не повѣрили бы тѣмъ паче, что вовсе не было бы свидѣтельствующаго о смерти Его; воскресенію же должна предшествовать смерть; потому что безъ предшествовавшей смерти не было бы и воскресенія. Посему, если бы смерть тѣла приключилась гдѣ-либо втайнѣ; то, поелику смерть была невидима и совершилась не при свидѣтеляхъ,—и воскресеніе тѣла было бы не явно и не засвидѣствовано. И почему бы воскресши сталъ проповѣдовать о воскресеніи, когда смерти попустилъ совершиться не явно? Или почему бы,—когда въ виду всѣхъ изгонялъ бѣсовъ, слѣпому отъ рожденія возвратилъ зрѣніе, и воду претворилъ въ вино, удостоверяя тѣмъ, что Онъ—Божіе Слово,—не показать въ виду всѣхъ, что смертное нетѣнно, въ удостовѣреніе, что Онъ—Жизнь? Какъ и ученики Его возпымали бы дерзновеніе проповѣдывать воскресеніе, не имѣя права сказать, что прежде Онъ умеръ? Или какъ повѣрили бы имъ, когда бы стали утверждать, что сперва была смерть, а потомъ воскресеніе, если бы свидѣтелями смерти не имѣли тѣхъ самыхъ, предъ кѣмъ съ дерзновеніемъ утверждали сіе? Если и въ

тогда случать, когда и смерть и воскресеніе совершились въ виду у всѣхъ, тогдашніе фарисеи не хотѣли вѣрить, но даже и видѣвшихъ воскресеніе принуждали отрицать оное; то безъ сомнѣнія, если бы совершилось сіе скрытно, — сколько придумали бы предлоговъ къ невѣрію? Какъ же показаны были бы и коонецъ смерти и побѣда надъ нею, если бы не въ виду всѣхъ, призывавъ смерть, обличилъ ее, что она уже мертва, истощенная нетлѣніемъ тѣла?

Но нужно предупредить намъ своимъ отвѣтомъ то, что могутъ сказать другіе. Ибо скажутъ, можетъ быть, и сіе: если смерти Его надлежало совершиться въ виду всѣхъ, и быть засвидѣтельствованною, чтобъ повѣрили и слову о воскресеніи; то надлежало бы хотя придумать славную смерть, чтобъ избѣжать по крайней мѣрѣ безчестія креста. — Но если бы такъ поступилъ, то подалъ бы о Себѣ подозрѣніе, что имѣетъ силу не надъ всякою смертію, а только надъ тою, которую придумалъ для Себя; и тѣмъ не меньшій былъ бы опять предлогъ къ невѣрію въ воскресеніе. Посему-то не отъ Него, но по злоумышленію, приключилась тѣлу смерть, чтобы Спасителю истребить ту самую смерть, какую люди навесли Ему. И какъ доблестный борецъ, высокій и разумомъ и мужествомъ, не самъ себя избираетъ противниковъ, чтобы не подать подозрѣнія, будто бы иныхъ страшится, но предоставляетъ сіе власти зрителей, особливо — если непріязненны ему, чтобъ возложивъ того, кто будетъ противопоставленъ ему, удостовѣрить въ своемъ превосходствѣ предъ всѣми: такъ и Жизнь всѣхъ, Господь и Спаситель нашъ Христосъ, не отъ Себя придумалъ смерть тѣлу, что-

бы не показаться боящимся другой какой смерти, но, приѣмля смерть отъ другихъ, и именно отъ враговъ, какую они почли ужасною, безчестною и ненавистною, такую и претерпѣлъ на крестѣ, чтобы, и ее низложивъ, о Себѣ удостовѣрить, что Онъ есть Жизнь, державу же смерти упразднить совершенно. И совершилось весьма чудное и необычайное дѣло: думали нанести смерть безчестную, но она-то и послужила знаменіемъ побѣды надъ самою смертію.

Для чего не претерпѣлъ Іоанновой смерти чрезъ усѣкновеніе главы, не претрениъ, какъ Исаія? — Для того, чтобы и въ смерти сохранить тѣло не раздробленнымъ и всецѣлымъ, а потому, чтобы и предлога не было намѣревающимся раздѣлять Церковь.

И это въ отвѣтъ вѣншнимъ, которые любятъ много умствовать. Но и изъ насъ кто-нибудь, не по любви, а изъ любознѣнія, можетъ спросить: для чего претерпѣлъ не иное что, а крестъ? — Пусть слышитъ и онъ, что пострадать такъ, а не иначе, къ нашей служило пользѣ; и для насъ—всего лучше, что претерпѣлъ сіе Господь. Ибо, если пришелъ Онъ на Себѣ понести клятву, на насъ бывшую, то какъ бы иначе сталъ клятвою, если бы не принялъ смерть бывшую подъ клятвою? Но это — крестъ; нбо такъ написано: проклятъ висай на древь (Втор. 21, 23.). Потомъ, ежели Господня смерть есть искупленіе всѣхъ, и Господнею смертію разоряется *средостѣнне ограды* (Ефес. 2, 14.), и совершается призваніе язычниковъ; то какъ бы призвалъ насъ, если бы не былъ распятъ? На одномъ крестѣ умирають съ распростертыми руками. Посему Господу прилично было и крестъ претерпѣть, и распростерть

руки, чтобы одною рукою привлечь къ Себѣ ветхій народъ, а другою—званныхъ изъ язычниковъ, тѣхъ же и другихъ соединить въ Себѣ. Сіе и самъ Онъ изрекъ, давая разумѣть, какою смертію искупитъ всѣхъ. Ибо говоритъ, когда *вознесенъ буду, вся привлеку къ Себѣ* (Іоан. 12, 32.). И еще: если врагъ рода нашего діаволь, павъ съ неба, блуждаетъ по здѣшнему дольному воздуху, и тамъ властвуя надъ другими демонами, подобными ему непокорностію своею, производитъ чрезъ нихъ мечтанія въ оболыщаемыхъ, и намъ реваается задерживать восходящихъ, о чемъ говоритъ и Апостоль: *по князю власти воздушный, иже нынѣ дѣйствуетъ въ сынѣхъ противленія* (Ефес. 2, 2.); Господь же пришелъ низложить діавола, очиститъ воздухъ, и намъ для восхождения на небо открыть путь, какъ сказалъ Апостоль: *завѣсою, сиречь плотію Своею* (Евр. 10, 20.), а сему надлежало совершиться смертію: то какою пною смертію совершилось бы это, какъ не смертію принятою въ воздухъ, то есть, на крестъ? Ибо только крестъ умираетъ въ воздухъ. Посему-то Господь не безъ причины претерпѣлъ крестъ; ибо вознесенный на немъ очистилъ воздухъ отъ діавольской и всякой бѣсовской козни, говоря: *видѣхъ сатану, яко молнію спадша* (Лук. 10, 18.), открывая же путь къ восхожденію на небо, обновилъ оный, говоря также: *возмите врата князи ваша, возмитеся врата вѣчная* (Псал. 23, 9.). Ибо не для самого Слова, какъ Господа вслеческихъ, нужно было отверзтіе вратъ, и ни что сотворенное не заключено было для Творца; но имѣли въ семъ нужду мы, которыхъ возносилъ Онъ собственнымъ тѣломъ

Своимъ ; потому что, какъ на смерть принесъ за всѣхъ тѣло, такъ тѣломъ же опять проложилъ всѣмъ путь и къ восхожденію на небо. Итакъ, смерть за насъ на крестъ была прилична и сообразна съ дѣломъ ; причина къ тому оказывается во всѣхъ отношеніяхъ достаточною, и ведетъ къ вѣрнымъ заключеніямъ, что спасенію всѣхъ надлежало совершиться крестомъ. Ибо и въ этомъ случаѣ, то есть, на крестѣ, Господь не оставилъ Себя не явленнымъ, но сверхъ всего содѣлалъ и то, что и тварь засвидѣтельствовала о присутствіи ея Создателя.

Храмъ же Свой—тѣло не на-долго оставилъ въ такомъ состояніи, но, показавъ только мертвымъ отъ прираженія къ нему смерти, немедленно и воскресилъ въ третій же день, вознося съ Собою и знаменіе побѣды надъ смертію, то есть, явленное въ тѣлѣ нетлѣніе и непрічастность страданію. Могъ бы Онъ и въ самую мнуну смерти воздвигнуть тѣло, и показать снова живымъ ; но прекрасно и предусмотрительно не содѣлалъ сего Спаситель ; потому что сказали бы, что тѣло вовсе не умирало, или что не совершенная коснулась его смерть, если бы въ тоже время показалъ и воскресеніе. И если бы смерть и воскресеніе послѣдовали въ тотъ же промежутокъ времени ; то, можетъ быть, не явною содѣлалась бы слава нетлѣнія. Посему-то, чтобы показать тѣло мертвымъ, Слово и пострадало среди дня, и въ третій день всѣмъ показало тѣло нетлѣннымъ. Чтобы показать смерть въ тѣлѣ, воскресило его въ третій день ; но чтобы, воскреснувъ послѣ долгаго пребыванія и совершеннаго истлѣнія во гробѣ, не подать случая къ невѣрію, будто бы имѣеть на Себѣ уже не то,

а иное тѣло (и по одной долговременности иной не по-
вѣрилъ бы явившемуся, и забылъ прошедшее); то,
по сей самой причинѣ, не болѣе терпѣть трехъ
дней, и не длить ожиданія слышавшихъ, что ска-
зано Имъ было о воскресеніи, но, пока слово звуча-
ло еще въ слухъ ихъ, пока не отводили еще очей
и не отрывались мыслию, пока живы еще были на
земль, и на томъ же находились мѣстѣ и умертви-
вшіе и свидѣтельствующіе о смерти Господня тѣла, —
самъ Божій Сынъ показалъ, что тѣло, въ продол-
женіе трехъ дней бывшее мертвымъ, безсмертно и
нетлѣнно. И для всѣхъ стало явно, что тѣло умерло
не по немощи естества вселившагося Слова, но для
уничтоженія въ немъ смерти силою Спасителя.

А что смерть сокрушена, что крестъ содѣлался
побѣдою надъ нею, что она не имѣетъ уже болѣе
силы, но дѣйствительно мертва, сему немаловаж-
нымъ признакомъ и яснымъ удостовѣреніемъ слу-
жить то, что пренебрегается она всѣми учениками
Христовыми, всѣ наступаютъ на нее, и не боятся ея,
во крестнымъ знаменіемъ и вѣрою во Христа попи-
раютъ ее какъ мертвую. Древле, пока не совершилось
еще божественное Спасителево пришествіе, страш-
на была смерть и самымъ святымъ, и всякаго умира-
ющаго оплакивали какъ погибшаго. Теперь же, по-
елку Спаситель воскресилъ тѣло, смерть уже не
страшна, но всѣ вѣрующіе во Христа попираютъ ее,
какъ ничтожную, и скорѣе рѣшаются умереть, нежели
отречься отъ вѣры во Христа. Ибо несомнѣнно зна-
ютъ, что умирающіе не погибаютъ, но живы, и чрезъ
воскресеніе сдѣлаются нетлѣнными. Одинъ лукавый
дѣволъ, древле зло наругавшійся надъ цари смертію,

остался истинно мертвымъ, по уничтоженіи смертныхъ болѣзней. И вотъ доказательство сему: люди прежде, нежели увѣруютъ во Христа, представляютъ себѣ смерть страшною, и боятся ея; а какъ скоро приступаютъ къ Христовой вѣрѣ и къ Христову ученію, до того пренебрегаютъ смертію, что съ готовностію устремляются на смерть, и дѣлаются свидѣтелями воскресенія, совершеннаго Спасителемъ въ низложеніе смерти; даже младенцы возрастомъ спѣшаютъ умереть, и не только мужи, но и жены, учатся, какъ бороться со смертію. Столько немощною стала она, что и жены, прежде обольщенныя ею, смѣются теперь надъ нею, какъ надъ мертвою и разслабленною. Когда законный царь побѣдитъ въ брани похитителя власти, и свяжетъ его по рукамъ и ногамъ; тогда всякій уже мимоходящій издѣвается надъ нимъ, наноситъ ему удары, терзаетъ его, не боясь его неистовства и свирѣпости, потому что побѣжденъ онъ царемъ. Такъ, поелику смерть побѣждена и оцозорена Спасителемъ на крестѣ, связана по рукамъ и ногамъ, то всѣ ходящіе о Христѣ попираютъ смерть, и дѣлаются за Христа мучениками, издѣваются надъ нею, осмѣивая ее и говоря написанное выше: *гдѣ ти смерти побѣда? гдѣ ти аде жало?* Маловажное ли это свидѣтельство о немощи смерти, или маловажное ли это доказательство одержанной надъ нею Спасителемъ побѣды, когда дѣти о Христѣ и юныя дѣвы ни во что ставятъ здѣшнюю жизнь, и помышляютъ о томъ, чтобы умереть? Человѣкъ по природѣ бонется смерти и тѣлеснато разрушенія. И всего необычайнѣе, что облекшійся вѣрою крестною пренебрегаетъ и тѣмъ, что естественно, и не бонется смерти за Христа.

Огонь имѣетъ естественное свойство жечь. Если же скажутъ, что есть вещество, которое не боится огненнаго сожженія, и даже доказываетъ собою, что огонь надъ нимъ безсиленъ, и таковъ, какъ говорятъ, у индовъ каменный лень (*); то, если не вѣрять кто такимъ рассказамъ, захочетъ же опытомъ извѣдать сказанное, безъ сомнѣнія, одѣвшись въ несгораемое вещество и бросившись въ огонь, удостовѣрится, наконецъ, въ безсиліи огня. Или, если пожелаетъ кто увидѣть связаннаго мучителя; то конечно, пойдетъ для сего въ область и владѣнія побѣдителя, и тамъ надѣясь увидить, что бывшій для другихъ страшнымъ сталъ уже безсиленъ. Подобно сему, если кто, и послѣ столькихъ доказательствъ, не вѣруетъ еще во Христа, и послѣ того, какъ было такое множество Христовыхъ мучениковъ, преспѣвающіе же о Христвѣ ежедневно посмѣваются надъ смертію, колеблется еще мыслию въ томъ, дѣйствительно ли смерть упрямна и возымѣла свой конецъ; то прекрасно онъ дѣлаетъ, что изъявляетъ удивленіе при всемъ этомъ; но да не будетъ же по крайней мѣрѣ упоренъ въ невѣрїи, и да не отрицаетъ съ безстыдствомъ того, что такъ очевидно, а напротивъ того, какъ взявшій каменный лень узнаетъ, что въ огнѣ онъ несгораемъ, или какъ желающій видѣть связаннаго мучителя идетъ во владѣніе побѣдителя, такъ и сей, не доверяющій побѣдѣ надъ смертію, пусть восприметъ вѣру Христову, и приступитъ ко Христову ученію; тогда онъ увидитъ немощь смерти и побѣду надъ нею. Ибо многіе прежде не вѣровали и смѣялись, въ послед-

* Амѣнтъ.

ствѣн же, увѣровавъ, до того стали пренебрегать смерть, что сами сдѣлались Христовыми мучениками.

Если же крестнымъ знаменіемъ и вѣрою во Христа попирается смерть; то, предъ судомъ истины, ясно видно, что одержалъ побѣду и восторжествовалъ надъ смертію, и довелъ ее до изнеможенія не иной кто, а самъ Христосъ. И если прежде смерть была сильна, а потому и страшна, нынѣ же, по пришествіи Спасителя, послѣ смерти и воскресенія тѣла Его, смерть пренебрегается; то явно, что она упразднена и побѣждена Христомъ, возшедшимъ на крестъ. Если по прошествіи ночи является солнце, и озаряются всѣ надземныя мѣста подъ солнцемъ; то конечно, нѣтъ сомнѣнія, что это же самое солнце, которое повсюду разлило лучи свои, и тму разсѣяло, и все освѣтило. Такъ, поелвку смерть пренебрегается и попирается, со времени спасительнаго явленія въ тѣлѣ и крестной кончины Спасителя; то явно, что тотъ же Спаситель, который явился въ тѣлѣ и упразднилъ смерть, и нынѣ ежедневно торжествуетъ надъ нею въ ученикахъ Своихъ. Ибо когда видимъ, что люди, по природѣ немощные, устремляются на смерть, не ужасаются ея разрушительности, не страшатся нисхожденія во адъ, но съ сердечною готовностію призываютъ на себя смерть; не трепещутъ мученій, но идти за Христа на смерть предпочитаютъ даже здѣшней жизни; или когда бываемъ зрителями того, какъ мужи, жены и малыя дѣти, по благочестивой вѣрѣ во Христа, стремятся и сиѣшати на смерть: тогда будетъ ли кто столько скудоумень, или столько мало-вѣренъ, и до того ослѣпленъ умомъ, чтобъ не понять и не разсудить, что Христосъ, за Котораго

люди терпят мученіе, Самъ уготовляетъ и даетъ каждому побѣду надъ смертію, приводя ее въ изнеможеніе въ каждомъ изъ увѣровавшихъ въ Него, и носящихъ на себѣ крестное знаменіе? Кто видитъ пошраемую змѣю, тотъ (особливо если зналъ прежнюю ея свирѣпость) не сомнѣвается уже, что змѣя мертва и совершенно изнемогла, если только не повредился овъ къ умъ, и здравы у него тѣлесныя чувства. Кто видя, что дѣти играютъ львомъ, не познаетъ изъ этого, что левъ мертвъ, или потерялъ всю свою силу? Какъ въ истинѣ сего можно увѣриться своими глазами: такъ, поелику вѣрующіе во Христа посмѣваются надъ смертію и пренебрегаютъ ею, то никто да не сомнѣвается болѣе, никто да не остается въ невѣріи, что смерть упразднена Христомъ, и разрушительность ея уничтожена и прекращена.

Сказанное предъ симъ—не маловажнымъ служить подтвержденіемъ тому, что смерть упразднена, и крестъ Господень есть знаменіе побѣды надъ нею. А что общимъ всѣхъ Спасителемъ и истинною всѣхъ жизнью—Христомъ совершено уже безсмертное воскресеніе тѣла,—на то для имѣющаго здоровое око ума яснѣйшее всякаго слова доказательство представляется въ видимомъ. Ибо если, какъ показано въ семъ словѣ, смерть упразднена, и при Христовомъ содѣйствіи всѣ попрраютъ ее; то тѣмъ паче самъ Онъ первый попралъ и упразднилъ ее собственнымъ тѣломъ Своимъ. По умерщвленіи же Имъ смерти, чему надлежало быть? Не тому ли, чтобы тѣло воскресло, и симъ явлено было торжество надъ смертію? Изъ чего же и явствовало бы, что смерть упразднена, если бы не воскресло Господне тѣло?

Если же кому недостаточно еще сего доказательства о воскресеніи Господнемъ, то пусть въ утверждаемомъ удостовѣрится тѣмъ, что видитъ передъ глазами. Ибо если сдѣлавшійся мертвымъ не можетъ обнаруживать никакихъ дѣйствій, и благотворность его простирается только до гроба, а потомъ прекращается, однимъ же живымъ можно дѣйствовать и имѣть вліяніе на людей; то, кому угодно, пусть разсмотримъ, и въ слѣдствіе усмотрѣннаго сдѣлается судію, и сознается въ истинѣ. Поелику Спаситель такъ дѣйствуетъ на людей, и ежедневно повсюду такое множество населяющихъ Елладу и варварскую землю невидимо убѣждаетъ приступать къ вѣрѣ въ Него, и покорствоватъ ученію Его; то будетъ ли еще кто-либо колебаться мыслию, что дѣйствительно было воскресеніе Спасителя, и что Христосъ живъ, вѣрнѣе же сказать, что Онъ есть Жизнь? Свойственно ли мертвому приводить мысль человѣческую въ такое умиленіе, чтобы люди отрекались отъ отеческихъ законовъ, и поклонялись Христову ученію? Или, если Христосъ бездѣйственъ (ибо такимъ быть свойственно мертвому); то какимъ образомъ прекращаетъ Онъ дѣйственность въ дѣйствующихъ и живыхъ, и прелободѣй уже не прелободѣйствуетъ, челоѣкоубійца уже не убиваетъ, обидчикъ не домогается уже корысти, нечестивецъ не нечестуетъ болѣе? Если не воскресъ Онъ, но мертвъ; то какъ же ложныхъ боговъ, которые по утвержденію невѣрующихъ живы, и чествуемыхъ ими идоловъ изгоняетъ, преслѣдуетъ и низлагаетъ? Ибо гдѣ только именуется Христосъ и вѣра Его, тамъ истребляется всякое идолослуженіе, обличается всякая бѣсовская прелесть. Ни одинъ демонъ

ве терпѣть и имени Христова, но едва слышитъ оное, какъ предается бѣгству. А это—дѣло не мертваго, но живаго, и преимущественно дѣло Божіе. Иначе, смѣшно будетъ объ изгоняемыхъ Имъ демонахъ, и объ упраздняемыхъ Имъ идолахъ утверждать, что они живы; а Кто изгоняетъ Своею силою и обращаетъ ихъ въ ничто, Кого всѣ исповѣдуютъ Сыномъ Божиимъ,—о Томъ говорить, что Онъ мертвъ. Невѣрующіе воскресенію сами на себя произносятъ важное обличеніе, если Христа, Котораго называютъ они мертвымъ, не изгоняютъ всѣ демоны и чувствуемые у нихъ поклоненіемъ боги, напротивъ же того, Христосъ всѣхъ ихъ обличаетъ въ томъ, что они мертвы. Ибо если справедливо, что мертвый бездѣйственъ; Спаситель же ежедневно совершаетъ столько дѣлъ, привлекая людей къ благочестію, убѣждая къ добродѣтельной жизни, научая безсмертію, исполняя любви къ небесному, открывая имъ вѣдѣніе объ Отцѣ, вдыхая силу противъ смерти, являя Себя каждому, истребляя идольское безбожіе; между тѣмъ, какъ ничего такого не могутъ сдѣлать чтимые невѣрными боги и демоны, напротивъ же того, въ присутствіи Христовомъ дѣлаются мертвыми, имѣющими одинъ бездѣйственный и пустой призракъ, и крестнымъ знаменіемъ прекращается всякое волшебство, обращается въ ничто всякое чародѣйство, всѣ идолы лишаются своихъ поклонниковъ, и остаются ими, всякое неразумное наслажденіе прекращается, и всякій человекъ обращаетъ взоръ отъ земли къ небу: то кого же послѣ сего назвать мертвымъ? Совершающаго ли все сіе Христа? Но несвойственно дѣйствовать мертвому, какъ вовсе бездѣйственному и лежащему бездыхан-

нымъ, что и примѣчаемъ въ демонахъ и идолахъ, какъ мертвыхъ. Сынъ Божій, какъ живой и дѣйственный, ежедневно дѣйствуетъ и совершаетъ спасеніе всѣхъ, а смерть ежедневно оказывается изнемогшею, идолы и демоны избличаются въ томъ, что они мертвы; почему никто уже не можетъ сомнѣваться въ воскресеніи Господня тѣла.

Но невѣрующій воскресенію Господня тѣла не знаетъ, по видимому, силы Божія Слова и Божіей Премудрости. Ибо если Господь вполнѣ воспріялъ на Себя тѣло, и усвоилъ Себѣ оное не безъ особенныхъ важныхъ причинъ, какъ доказано сіе въ словѣ; то какъ же надлежало Господу поступить съ тѣломъ? Или, какой конецъ долженъ былъ послѣдовать съ тѣломъ, какъ скоро Слово единожды снизшло на него? Не могло оно не умереть, какъ смертное и за всѣхъ приносимое на смерть, для чего и уготовалъ Себѣ оное Спаситель. Но не могло оно и остаться мертвымъ; потому что содѣлалось храмомъ Жизни. Посему, хотя умерло, какъ смертное, однако же оживло, по силѣ обитающей въ немъ Жизни, и признакомъ воскресенія служить дѣла.

Если же не вѣрятъ воскресенію Господня тѣла, потому что тѣло невидимо; то смотри,—не вѣрующіе отрицаютъ сообразное съ естествомъ; потому что Богу свойственно быть невидимымъ, но познаваемымъ изъ дѣлъ, какъ сказано было выше. Посему, если нѣтъ дѣлъ, то справедливо не вѣрятъ невидимому; а если дѣла вопіютъ и доказываютъ ясно; то для чего произвольно отрицаютъ столь явно обнаруживающую жизнь воскресенія? Если помраченъ умъ; то внѣшними даже чувствами можно видѣть непререкае-

мую силу Христову и Божество. Слепый, если и не видит солнца, то, ощутивъ произведенную имъ теплоту, знаетъ, что есть надъ землею солнце. Такъ и прекословящіе, если еще не вѣруютъ, до-нынѣ слѣпотствуя для истины, то, познавая силу на другихъ вѣрующихъ, да не отрицаютъ Божества Христова и совершеннаго Христомъ воскресенія. Ибо явно, что если Христосъ мертвъ, то не изгонялъ бы Онъ демоновъ, не расхищаль бы корыстей идольскихъ; потому что демоны не послушались бы мертваго. Если же явственно изгоняются они Христовымъ именемъ; то ясно видно, что Христосъ не мертвъ, тѣмъ болѣе, что демоны, видя и не зримое людьми, если бы Христосъ былъ мертвъ, могли бы знать сіе, и вовсе не стали бы повиноваться Ему. Теперь же нечестивые не вѣруютъ, но демоны видятъ, что Онъ — Богъ, и потому бѣгутъ и припадаютъ къ Нему, говоря, что говорили, когда былъ въ тѣлѣ: *вѣмы Тя, Кто еси, Святый Божій* (Марк. 1, 14.); и: *остави, чгд намъ и Тебѣ, Сыне Божій* (Матѣ. 8, 29.); молю Тебя, не мучь меня. Итакъ, поелику бѣсы исповѣдуютъ, и дѣла свидѣтельствуютъ ежедневно; то (никто да не противится безстыдно истинѣ!) явственно видно, что Спаситель воскресилъ тѣло Свое, и что истинный Божій Сынъ (отъ Бога, какъ отъ Отца, Сый, собственное Его Слово и Премудрость и Сила), напоследокъ время для спасенія всѣхъ воспріялъ на Себя тѣло, научилъ вселенную вѣдѣнію Отца, упразднилъ смерть, и всѣмъ даровалъ петлѣніе обѣтованіемъ воскресенія, въ начатокъ сего воскресенія воскресивъ собственное Свое тѣло, и памятникъ победы надъ смертію и ея разрушительностію показавъ въ крестномъ знаменіи.

Когда же сіе дѣйствительно такъ, и ясное есть доказательство воскресенія Господня тѣла и побѣды, одержанной Спасителемъ надъ смертію: обличимъ теперь и невѣріе іудеевъ и кощунство язычниковъ. Ибо при всемъ этомъ, можетъ быть, іудеи еще невѣрствуютъ и язычники смѣются, нападая на неприличіе креста и вочеловѣченія Божіа Слова. Но слово наше не замедлитъ одержать верхъ надъ тѣми и другими, особенно же, имѣя у себя противъ нихъ очевидныя доказательства.

Невѣрующіе іудеи имѣютъ себѣ обличеніе въ тѣхъ Писаніяхъ, которыя и сами читаютъ. Ибо все вообще богодухновенное Писаніе, съ начала до конца, вопіетъ о семъ, какъ ясно показываютъ самыя реченія.

Пророки издревле предвозвѣщали о чудѣ, совершившемся на Дѣвѣ, и о рожденіи Ею, говоря: *се Дѣва во чревь пріиметь, и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануиль, еже есть сказуемо: съ нами Богъ* (Матѣ. 1, 23.). Моисей же, подлинно великій и признаваемый у нихъ истиннымъ, оправдывая и признавая за истину изреченное другимъ о вочеловѣченіи Спасителя, внесъ сіе въ свои писанія, говоря: *возсілетъ звѣзда отъ Іакова и человекъ отъ Израиля, и погубитъ князи Моавитскія* (Числ. 24, 17.). И еще: *Коль добри дома твои Іакове, и кущы твоя Израилю! Яко дубравы остыняющыя, и яко садіе при рѣкахъ, и яко кущы, яже водрузи Господь, яко кедри при водахъ. Изыдетъ человекъ отъ стѣмене его, и обладаетъ языки многими* (5—7.). И еще: *прежде неже разумѣти Отрочати, назвати отца или мать, пріиметь силу Дамаскову, и корысти Самарійскія предъ царемъ Ассирійскимъ*

(Иса. 8, 4.). Снмъ предвозвѣщается, что явится человекъ; во и о томъ, что грядущій есть Господь всѣхъ, прорицають также Пророки, говоря: *се Господь съидитъ на облацъ легцъ, и придетъ во Египеть, и потрясутся рукотворенная египетская* (Иса. 19, 1.). И оттуда вызываетъ Его Отець, говоря: *изъ Египта возвахъ Сына Моего* (Ос. 11, 1.).

Но не умолчано и о смерти Его; а напротивъ того, весьма ясно изображается она въ божественныхъ Писаніяхъ. Не убоились сказать и о причинѣ смерти, а именно, что претерпитъ оную не ради Себя, но для безсмертія и спасенія всѣхъ; сказано и о злоумышленіи іудеевъ и объ оскорбленіяхъ, какія причинены Ему іудеями, чтобы всякій изъ нихъ разумѣлъ совершающееся, и не обманывался. Посему говорятъ: *Человѣкъ въ язвъ сый, и вѣдый терпѣти болѣзнь, яко отвертися лице Его, безчестенъ бысть, и не смѣнися. Сей грѣхи наша носитъ, и о насъ болѣзнуеть, и мы смѣнникомъ Его быти въ трудъ и въ язвъ, и во озлобленіи. Той же язвенъ бысть за грѣхи наша, и мученъ бысть за беззаконія наша, наказаніе мира нашего на Немъ, язвою Его мы исцѣльхомъ* (Иса. 53, 3—5.). Подивись человеклоубію Слова! За насъ терпитъ безчестіе, чтобы мы сдѣлались славными. Ибо сказано: *Вси яко овцы заблудихомъ, человекъ отъ пути своего заблуди, и Господь предаде Его грѣхъ ради нашихъ. И Той, зане озлобленъ бысть, не отверзаетъ устъ, яко овца на заколеніе ведеса, и яко агнецъ предъ стригущимъ Его безгласенъ, тако не отверзаетъ устъ Своихъ. Во смиреніи судъ Его взятыя* (6—8.). Потомъ, чтобы по страданіямъ Его не предположили въ Немъ

обыкновеннаго челоуѣка, Писаніе предотвращаетъ таковыя челоуѣческія предположенія, и изображаетъ Его высшую челоуѣческой силу и несходство естества Его съ нашимъ, говоря: *Родъ же Его кто исповѣсть? Яко вземлется отъ земли животь Его, ради беззаконій людей ведеса на смерть. И дамъ лукавыя вмѣсто погребенія, и богатыя вмѣсто смерти Его: яко беззаконія не сотвори, ниже обрѣтеса лествъ во устьхъ Его. И Господь хочетъ очистити Его отъ язвы (8—10.).*

Но, можетъ быть, слыша пророчества о смерти, пожелаешь узнать и указанія на крестъ? И сіе не умолчано, но весьма явственно выражено Святыми. Моисей первый и велегласно предвозвѣщаетъ, говоря: узрите животь вашъ висящъ предъ очима вашима, и не будете въры яти (Втор. 28, 66.). Но и послѣ него жившіе Пророки свидѣтельствуютъ также о семъ, говоря: *Азъ же яко агня незлобное ведомое на заколеніе, не разумѣхъ: на Мя помыслиша помысль лукавый, глаголюще: прїидите и вложимъ древо въ хлѣбъ Его, и истребимъ Его отъ земли живущихъ (Іер. 11, 19.).* И еще: *Ископаша руцъ Мои и нозъ Мои: исчетрша вся кости Моя. Раздѣлиша ризы Моя себѣ, и о одежди Моей меташа жребій (Пса. 21, 17—19.).* Смерть же на высотѣ и на деревѣ не иная какая можетъ быть, какъ крестъ. Ни въ какомъ также родѣ смерти не прознаются ноги и руки, какъ на одномъ крестѣ.

Поелику же съ пришествіемъ Спасителя всѣ народы повсюду начали познавать Бога; то и сего не оставили безъ указанія Пророки, а напротивъ того, и объ этомъ есть упоминаніе въ святыхъ писменахъ.

Ибо сказано: *Будеть корень Иессеовъ, и возстаная владѣти языки. На Того языцы уповати будутъ* (Иса. 11, 10.).

Вотъ немногія мѣста — въ доказательство совершившагося; но и все Писаніе исполнено обличеніями не-вѣрія іудеевъ. Ибо кто когда-либо изъ праведниковъ, святыхъ пророковъ и патриарховъ, о которыхъ повѣствуется въ божественныхъ писаніяхъ, родился тлѣсно отъ одной дѣвы? Или, какая жена имѣла достаточныя силы — безъ мужа произвести на свѣтъ чело-вѣка? Не отъ Адама ли родился Авель? Не отъ Іа-реда ли Энохъ? Не отъ Ламеха ли Ной? Не отъ Фарры ли Авраамъ? Не отъ Авраама ли Исаакъ? Не отъ Исаака ли Іаковъ? Не отъ Іакова ли Іуда? Не отъ Амрама ли Моисей и Ааронъ? Не отъ Елканы ли рожденъ Самуилъ? Не отъ Иессея ли Давидъ? Не отъ Давида ли Соломонъ? Не отъ Ахаза ли Езе-кія? Не отъ Амаса ли Іосія? Не отъ Амаса ли Исаія? Не отъ Хелкинъ ли Іеремія? Не отъ Вузія ли Іезе-киль? Не каждый ли виновникомъ рожденія своего имѣлъ отца? Кто рожденъ отъ одной дѣвы, между тѣмъ, какъ Пророкъ съ крайнею заботливостію указы-ваетъ на сіе? Чье рожденіе предваряла звѣзда на небѣ, и указывала вселенной рожденнаго? Моисей по рожденіи скрывается былъ родителями. О Давидѣ не было и слуха у сосѣдей; почему и великій Самуилъ не зналъ его, но спрашивалъ: есть ли еще иный сынъ у Иессея? Авраамъ, когда былъ уже великъ, узнавъ ближними. Христова же рожденія не чело-вѣкъ былъ свидѣтелемъ, но свидѣтельствовала о немъ звѣзда, явившаяся на небѣ, откуда снизшелъ Христосъ.

Кто же изъ бывшихъ когда либо царей, прежде
Т. XVII.

нежели могъ онъ назвать отца или мать, царствовалъ уже и торжествовалъ побѣды надъ врагами? Не тридцати ли лѣтъ воцарился Давидъ? И не въ юношескихъ ли годахъ воцарился Соломонъ? Не семь ли лѣтъ было Іоасу, когда вступилъ онъ на царство? Не около ли семи лѣтъ было, царствовавшему послѣ, Іосіа, когда принялъ онъ правленіе? Но и въ такомъ будучи возрастѣ, могли уже они называть отца и мать. Кто же сей, почти до рожденія царствующій и собирающій корысти съ враговъ?

Быль ли такой царь у Израиля и Іуды (пусть изслѣдуютъ и скажутъ іудеи), на котораго бы возлагали все упованіе народы, и пребывали въ мирѣ? Не справедливѣе ли сказать, что народы отъсюду возставали на нихъ? Пока стоялъ Іерусалимъ, — непримиримая была у нихъ брань, и всѣ были противниками Израилю: ассиріяне притѣсняли, египтяне гнали, вавилоняне дѣлали нашествія. И что удивительно, — даже сосѣдніе съ ними сиріяне были ихъ врагами. Давидъ не воевалъ ли съ моавитянами, не поплъ ли сиріяны? Іосія не защищался ли отъ сопредѣльныхъ народовъ? Езекиа не боялся ли высокоумїя Сеннахиримова? Не ополчался ли Амаликъ на Моисея? Аммореи не противились ли Іисусу Навину? Не вступали ли съ нимъ въ брань жители Іерихона? И вообще, у язычниковъ съ израильтянами никогда не бывало дружественныхъ договоровъ. Поэтому, ктоже сей царь, на котораго народы возлагаютъ упованіе? Это стѣдуетъ вниманія. Ибо долженъ быть такой царь; потому что Пророку солгать невозможно.

Кто также изъ святыхъ пророковъ или изъ древнихъ патріарховъ умеръ на крестѣ за спасеніе всѣхъ?

Или кто язвенъ и умерщвленъ, чтобъ всѣ стали здоровыми? Кто изъ праведниковъ или изъ царей ходилъ во Египеть, и при вшествіи его пали египетскіе идолы? Ходилъ туда Авраамъ, но послѣ него идолопоклонство снова овладѣло всѣми. Родился тамъ Моисей, но тѣмъ не менѣе продолжалось тамъ ложное богослуженіе обольщенныхъ. У кого, по свидѣтельству Писанія, ископаны были руки и ноги? Или кто, вообще, висѣлъ на деревѣ, и скончался на крестѣ за спасеніе всѣхъ? Авраамъ, оскудѣвъ въ силахъ, умеръ на одрѣ; Исаакъ и Яковъ умерли также, простерши ноги на одрѣ. Моисей и Ааронъ скончались на горѣ; а Давидъ кончилъ жизнь въ дому, и народы не злоумышляли противъ него. Хотя и искалъ жизни его Саулъ, но спасался онъ невредимымъ. Исаія былъ претрентъ, но не висѣлъ на деревѣ. Іеремія терпѣлъ поруганія, но умеръ не осужденный. Іезекиль страдалъ, но не за народъ, а въ знаменіе того, что будетъ съ народомъ.

Притомъ, если они и страдали, то были такіе же люди, каковы и всѣ мы, по сходству природы. Но Тотъ, Кого Писанія изображаютъ страждущимъ за всѣхъ, именуется не просто человекомъ, но Жизнію всѣхъ, хотя и былъ подобенъ людямъ по естеству. Ибо сказано: узрите Животъ вашъ висящъ предъ очима вашима; и: *родъ Его кто исповѣсть?* Изучивъ родословіе всѣхъ святыхъ, можно о каждомъ съ самаго начала рассказать: кто онъ, и отъ кого произошелъ; но родословіе Того, Кто содѣлывается Жизнію, слово Божіе именуется неповѣдимымъ. Посему о комъ же говорятъ это божественныя писанія? Или

чѣмъ Онъ такъ великъ, что столько предвозвѣщаютъ о Немъ Пророки?

Но въ Писаніяхъ не найдешь никого инаго, кроме общаго всѣхъ Спасителя, Божія Слова, Господа нашего Иисуса Христа. Ибо Онъ произошелъ отъ Дѣвы, явился на земли челоуѣкомъ, и родословіе Его по плоти—неисповѣдимо; потому что никто не можетъ наименовать Отца Его по плоти, такъ какъ тѣло Его не отъ мужа, но отъ одной Дѣвы. Какъ можно указать, по родословію, отцевъ Давидова, Моисеева и всѣхъ Патріарховъ; такъ Спасителява рожденія, по плоти, никто не можетъ прозвести по родословію отъ мужа. Онъ содѣлалъ, что тѣлесное Его рожденіе указала звѣзда; потому что Слово, нисходящему съ неба, надлежало имѣть и знаменіе на небѣ, и раждающагося Царя твари должна была ясно познать вся тварь. И дѣйствительно, родился Онъ въ Иудей, и персы пришли поклониться Ему. Еще прежде явленія Своего въ тѣлѣ одерживаетъ Онъ побѣду надъ сопротивными демонами, и торжествуетъ надъ идолослуженіемъ. Язычники повсюду, проклиная отеческій навѣкъ и идольское безбожіе, возлагаютъ, наконецъ, упованіе на Христа, и Ему вручаютъ себя, какъ можно это видѣть собственными своими глазами. Не въ иное время прекратилось и египетское безбожіе, но именно, когда снизшелъ туда тѣломъ, какъ на облакъ носимый, Господь вселенной, и упразднилъ идольскую прелесть, всѣхъ же привелъ къ Себѣ, а чрезъ Себя—къ Отцу. Онъ распять, имѣя свидѣтелями солнце, тварь и приводящихъ Его на смерть. И смертію Его совершилось спасеніе всѣхъ, искуплена вся тварь. Онъ есть общая всѣхъ Жизнь,

и въ искупительную жертву за спасеніе всѣхъ, какъ овца, предалъ на смерть тѣло Свое, хотя и не вѣруютъ тому іудеи.

Если и сіе почитаютъ недостаточнымъ; то да убѣдятся другими пророчествами, которыя также имѣютъ у себя въ рукахъ. Ибо о комъ говорятъ Пророки: *Явленъ быхъ не ищущимъ Мене, обрѣтохся не вопрошающимъ о Мнѣ. Рекохъ: се есмь, языку, иже не призваша имене Моего: прострохъ руцѣ Мои къ людемъ не покаряющимъ и противоглаголющимъ* (Иса. 65, 1. 2.)? Кто же содѣлался явленнымъ? спросятъ у іудеевъ. Если—Пророкъ; то пусть скажутъ: когда скрываюся, чтобы явиться въ послѣдствіи? Что же это за пророкъ, который изъ неявленныхъ сталъ явленнымъ, и распростеръ руки на крестъ?—Это не кто-нибудь изъ праведниковъ, но единое Божіе Слово, безплотное по естеству, и ради насъ явившееся въ тѣлѣ, и за всѣхъ пострадавшее.

Если же и сего для нихъ недостаточно; то пусть будутъ постыжены другими пророчествами, видя въ нихъ столь ясное обличеніе. Ибо Писаніе говорить: *Укрѣпитесь руцѣ ослабленныи, и колына разслабленная, утѣшитесь малодушнии умою, укрѣпитесь, не бойтесь: се Богъ нашъ судъ воздаетъ, Той придетъ и спасетъ насъ. Тогда отверзутся очи слѣпыхъ, и уши глухихъ услышатъ. Тогда скачутъ хромый яко елень, и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ* (Иса. 35, 3—6.). Итакъ, что могутъ сказать о семъ? Или, какъ вообще осмѣляются противиться и этому? Пророчество даетъ разумѣть, что придетъ Богъ; а знаменія показываютъ и время пришествія. Ибо говорятъ, что въ Божественное прише-

ствіе слѣпые будутъ прозирать, хромые — ходить, глухіе — слышать, и языкъ гугнивыхъ сдѣлается яснымъ. Итакъ пусть скажутъ: когда таковыя знаменія бывали въ Израилѣ, или бывало ли что подобное сему въ Іудеи? Очистился прокаженный Нееманъ; но ни одинъ глухій не сталъ слышать, ни одинъ хромый не сталъ ходить. Илія и Елисей воскрешали мертвыхъ; но не прозиралъ слѣпый отъ рожденія. Великое, подлинно, дѣло — воскресить мертваго; однако же, и сіе не таково, какъ Спасителево чудо. При томъ, если Писаніе не умолчало о прокаженномъ и о мертвецѣ у вдовицы, то безъ сомнѣнія, если бы хромый сталъ ходить, и слѣпый прозрѣлъ, слово не преминуло бы и сіе сдѣлать извѣстнымъ. Поелику же умолчано о семъ въ Писаніяхъ; то явно, что никогда и не бывало сего прежде. Когда же совершилось сіе, не тогда ли только, когда само Божіе Слово пришло во плоти? Когда сіе исполнилось, не тогда ли, какъ хромые стали ходить, гугнивые начали говорить ясно, глухіе услышали, слѣпые отъ рожденія прозрѣли? Посему-то и іудеи, видѣвшіе тогда чудеса сіи, какъ не слыжавшіе, чтобъ бывало сіе въ другое время, сказали: *Отъ вѣка нѣсть слышано, яко кто отверзе очи слѣпу рожденну. Аще не бы былъ Сей отъ Бога, не могъ бы творити ничесоже* (Іоан. 9, 32. 33.).

Но, можетъ быть, по трудности оспаривать явное, не стануть они отрицать написаннаго, будутъ же утверждать, что и они ожидаютъ всего этого, но Богъ — Слово еще не пришелъ. И дѣйствительно, при всякомъ случаѣ повторяя сію отговорку, не стыдятся они упорно стоять противъ самой очевидности. Но и въ этомъ, болѣе даже нежели въ чемъ дру-

гомъ, обличены будутъ не нами, но премудрымъ Давидомъ, который, указывая на настоящее время и на божественное Спасителево пришествіе, говоритъ: *Седьдесятъ седмиць сократишася о людехъ Твоихъ и о градъ святѣмъ, яко да скончается грѣхъ, и запечатаются грѣси, и загладятся неправды, и очистятся беззаконія, приведется правда вѣчная, и запечатается видѣніе и пророкъ, и помажется Святыи святыхъ. И увѣси и уразумѣиши отъ исхода словесе, еже отвѣщати, и еже соградити Иерусалимъ, даже до Христа Старѣйшины* (Дан. 9, 24. 25.). При другихъ пророчествахъ можно еще отъискивать хотя предлоги къ тому, чтобъ написанное относить къ будущему времени; но что въ состояніи будутъ они сказать на сіе, или вообще, какое осмѣлятся сдѣлать возраженіе? Здѣсь указанъ Помазанникъ (Христосъ), предвозвѣщено, что помазуемый—не просто человекъ, но Святыи святыхъ, что до пришествія Его будетъ стоять Иерусалимъ, и наконецъ, не станетъ Пророка и видѣнія во Израилѣ. Помазаны были въ древности Давидъ, Соломонъ и Езекиа; но стояли еще Иерусалимъ и все мѣсто, пророчествовали еще и Пророки: Гадъ, Асафъ, Нафанъ, а послѣ нихъ—Исаія, Осія, Амосъ и другіе. Притомъ сами помазанные назывались святыми людьми, а не святыми святыхъ. Если стануть указывать на плѣвеніе, и скажутъ, что Иерусалима тогда нѣ было; то скажутъ ли тоже и о Пророкахъ? Когда, въ древности, народъ израильскій переселился въ Вавилонъ; были тамъ Даніилъ и Іеремія, пророчествовали также Іезекиль, Аггей и Захарія. Слѣдовательно, іудеи слагаютъ чистыя басни, когда исполненіе про-

рочества съ настоящаго времени переносятъ на времена будущія. Когда во Израили не стало пророка и видѣнія, не съ того ли времени, какъ пришелъ Христосъ Святой святыхъ? Вотъ знаменіе и важный признакъ явленія Божія Слова:—Іерусалимъ уже не существуетъ; ни одинъ пророкъ не востаетъ, и нѣтъ уже у нихъ откровенія видѣній. Сему и быть надлежало. Когда пришло уже знаменуемое, —какая еще нужда въ знаменующемъ? Когда наступила дѣйствительность, —какая нужда въ тѣни? Для сего-то и пророчествовали, пока не пришла источная Правда, пока не пришелъ Искупующій грѣхи всѣхъ. Для сего-то и Іерусалимъ стоялъ столько времени, чтобы изучались тамъ прообразованія истины. Поелику же явился Святой святыхъ; то справедливость требовала, чтобъ запечатаны были видѣніе и пророчество, и прекратилось царство іерусалимское. Дотолъ помазываемы были у нихъ цари, пока не помазанъ Святой святыхъ. И Іаковъ пророчествуетъ, что до Него будетъ стоять іудейское царство, говоря: *не оскудѣетъ князь отъ Іуды, и вождь отъ чреслъ его, дондеже придутъ Отложенная ему: и Той чашіе языковъ* (Быт. 49, 10.). Почему и самъ Спасительъ взываетъ, говоря: *законъ и пророцы до Іованна прорекоша* (Матѣ. 11, 13.). Итакъ, если у іудеевъ доннынъ есть царь, или пророкъ, или видѣніе; то справедливо отрекаются они отъ пришедшаго Христа. Если же нѣтъ ни царя, ни видѣнія, но запечатано уже всякое пророчество, и городъ и храмъ плѣнены; то для чего столько нечествуютъ и грѣшатъ, что хотя видятъ совершившееся, но отрицаются отъ совершившаго сіе Христа? Почему, видя, что язычниками

оставляютъ идоловъ, и ради Христа возлагаютъ упованіе на Бога Израилева, они отрицаются отъ Христа, Который по плоти произошелъ отъ Иессеева корня, и уже царствуетъ? Если бы язычники стали служить иному Богу, а не исповѣдывали Бога Авраамова, Исаакова, Иаковлева и Моисеева; то былъ бы у нихъ хорошій еще предлогъ—говорить, что Богъ не пришелъ. Если же язычники чествуютъ того Бога, Который Моисею далъ законъ, изрекъ обътованіе Аврааму, и Котораго Слово обезчестили іудеи; то почему не признаютъ, или лучше сказать, добровольно не видятъ, что Господь, о Которомъ пророчествуютъ Писанія, возсіялъ вселенной, и явился въ ней тѣлесно, какъ изрекло само Писаніе: *Богъ Господь явился намъ* (Псал. 117, 27.); и еще: *посла Слово Свое, и изшъли я* (Псал. 106, 20.); и еще: *не ходатай, ниже Ангель, но самъ Господь спасе ихъ* (Исаі. 63, 9.)? Они въ такомъ же состояніи, какъ и помѣшавшійся въ умъ, который видитъ землю освѣщаемую солнцемъ, но отрицаетъ освѣщающее ее солнце. Ибо что еще надлежало сдѣлать Ожидаемому ими, по пришествіи Своемъ? Призвать язычниковъ? Но они уже призваны. Сдѣлать, чтобы не стало ни пророка, ни царя, ни видѣнія? И сіе уже сдѣлано. Обличить идольское безбожіе? Оно уже обличено и осуждено. Упразднить смерть? И та уже упразднена. Что же надлежало сдѣлать Христу, и Имъ не сдѣлано? Или что остается еще не исполненнымъ, чтобы іудеямъ теперь съ радостію взяться за сіе, и утверждаться въ невѣрїи? Ибо ежели (какъ видимъ) нѣтъ у нихъ ни царя, ни пророка, ни Іерусалима, ни жертвы, ни видѣнія; напротивъ же того, вся земля наполнена

вѣдѣніемъ Божиимъ, и язычпкц, научаемые Словомъ, Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ, оставивъ безбожіе, притекають уже къ Богу Авраамову; то и для самыхъ безстыдныхъ іудеевъ ясно видно, что Христось пришелъ, что Онъ всѣхъ вообще озарилъ свѣтомъ Своимъ, и преподалъ истинное и божественное ученіе объ Отцѣ Своемъ.

Сіе и многое другое въ божественныхъ писаніяхъ весьма можетъ служить къ облпченію іудеевъ; въ разсужденіи же язычпковъ даже очень можно подивиться, что смѣются они, надъ чѣмъ вовсе не должно смѣяться, между тѣмъ, какъ въ ослѣпленіи своемъ не видятъ своего позора, воздавая честь деревьямъ и камнямъ. Впрочемъ слово наше не имѣетъ недостатка въ доказательствахъ. Почему, постараемся и ихъ убѣдить сильными доводами, заимствованными напаче изъ того, что у насъ самихъ передъ глазами.

Что у насъ несообразнаго или достойнаго осмѣлія? Тѣ конечно, что Слово, какъ говоримъ мы, явилось въ тѣлѣ? Но и сами они, если будутъ друзьями истины, сознаются, что въ этомъ нѣтъ никакой несообразности. Если вовсе отрицають они, что есть Божіе Слово; то напрасно смѣются надъ тѣмъ, чего не знаютъ. Если же признають, что есть Божіе Слово, что Оно—Властитель вселенной, что Имъ Отецъ создалъ тварь, и Его промышленіемъ все во вселенной озаряется, оживотворяется, и имѣетъ бытіе, и надъ всѣмъ Оно царствуетъ, а потому, изъ дѣлъ промышленія познается сіе Слово, а чрезъ Него и Отецъ; то, прошу выикнуть, не сами ли надъ собою смѣются они, не зная того? Еллинскіе философы говорятъ, что міръ есть великое тѣло. И въ

этомъ вѣрны онѣ истинѣ. Ибо видимъ, что міръ и части его подлежатъ чувствамъ. Итакъ, ежели въ міръ, который есть тѣло, есть Божіе Слово, и Оно пребываетъ во всѣхъ, совокупно и отдѣльно взятыхъ, частяхъ міра: что удивительнаго или что несообразнаго, когда утверждаемъ, что то же Слово пребывало и въ человѣкѣ? Если вообще, ни съ чѣмъ несообразно быть Ему въ тѣлѣ; то несообразно пребывать Ему и во вселенной, все озарять и приводить въ движеніе Своимъ промышленіемъ; потому что и вселенная есть тѣло. А если прилично Слову пребывать въ міръ, и открывать Себя во вселенной; то прилично Ему явиться и въ человѣческомъ тѣлѣ, которое бы Имъ озарилось, и приводимо было въ дѣйствіе; потому что и родъ человѣческой есть часть цѣлаго міра. Если же части неприлично—содѣлаться орудіемъ Его къ сообщенію вѣдѣнія о Божествѣ; то гораздо болѣе несообразности—открывать Ему Себя въ цѣломъ міръ. Ежели,—когда цѣлое человѣческое тѣло приводится въ дѣйствіе и просвѣщается человѣкомъ,—назоветъ кто несообразнымъ, чтобы силы человѣка были и въ перстѣ ноги; то всякій почтетъ его несмысленнымъ за то, что, дозволяя человѣку пребывать и дѣйствовать въ цѣломъ, воспрещаетъ ему быть въ части. Такъ, кто соглашается и вѣрить, что во вселенной есть Божіе Слово, и Имъ вселенная озаряется и приводится въ движеніе, тотъ не можетъ признать несообразнымъ, чтобъ и одно человѣческое тѣло приводимо было въ движеніе и озарилось Тѣмъ же Словомъ. Если же, на томъ основаніи, что родъ человѣческой сотворенъ и произошелъ изъ ничего,—по мнѣнію ихъ, неприлично намъ

говорить о явленіи Спасителя въ человѣкѣ; то значить, что они исключаютъ Слово и изъ всей твари; потому что вся тварь изъ ничего также приведена въ бытіе Словомъ. Если же нѣтъ несообразности—Слову быть въ твари, хотя она и сотворена; то нѣтъ несообразности—быть Ему и въ человѣкѣ. Ибо, что представляютъ о цѣломъ, то необходимо представлять имъ и о частяхъ; а человѣкѣ, по сказанному выше, есть часть цѣлаго. Посему, вовсе нѣтъ неприличія, чтобы Слово было въ человѣкѣ, и чтобы все въ мірѣ Имъ же и о Немъ же озарялось, приводилось въ движеніе и жило, какъ и ихъ писатели говорятъ, что о *Немъ живемъ, движемся и есмь* (Дѣян. 17, 28.). Что же послѣ сего достойно осмѣянія въ утверждаемомъ нами, — что Слово въ орудіе для явленія Своего употребляетъ то, въ чемъ Оно пребываетъ? Если бы не пребывало Оно въ этомъ, то не могло бы и употребить. Если же допускаемъ, что Слово пребываетъ и въ цѣломъ и въ частяхъ: что невѣроятнаго, если Оно, въ чемъ пребываетъ, въ томъ и являетъ Себя? Если бы Слово, всецѣло пребывая Своими силами въ каждой твари и во всѣхъ тваряхъ, и все приводя въ наилучшее благоустройство, восхотѣло въщать и содѣлать вѣдомымъ Себя и Отца Своего чрезъ солнце, или луну, или небо, или землю, или воды, или огонь; то никто не сказалъ бы, что дѣйствуетъ Оно несообразно; потому что Оно содержитъ все въ совокупности, и какъ во всемъ, такъ и въ каждой части пребываетъ, и невидимо являетъ Себя. Такъ ничего нѣтъ несообразнаго, если Оно, приводя въ благоустройство вселенную и все оживотворяя, и восхо-

тъмъ содѣлать Себя вѣдомымъ чрезъ людей, въ орудіе къ явленію истины и къ сообщенію вѣдѣнія объ Отцѣ, употребило человѣческое тѣло; потому что и человѣчество есть часть цѣлаго. И какъ умъ, пребывая въ цѣломъ человѣкѣ, даетъ о себѣ знать частію тѣла, то есть языкомъ, и никто не скажетъ, чтобы снмъ умалялась сущность ума; такъ, если Слово, пребывая во всемъ, употребило въ дѣло человѣческое орудіе, то сіе не должно казаться несообразнымъ. Ибо если, по сказанному, неприлично Слово—употребить орудіемъ тѣло, то неприлично—быть Ему и въ цѣломъ.

Если спросятъ: почему же явилъ Себя не въ другихъ лучшихъ частяхъ твари, и въ орудіе употребилъ не что-либо лучшее, на примѣръ: солнце, или луну, или звѣзды, или огонь, или эфиръ, но одного человѣка?—то пусть знаютъ, что Господь пришелъ не показать Себя, но уврачевать и научить страждущихъ. Ибо явиться только и поразить зрителей—значило бы прійти на показъ. Врачующему же и обучающему свойственно было, не просто прійти, но послужить къ пользѣ имѣющихъ нужду въ помощи, и явиться такъ, чтобы сіе было стерпимо для нуждающихся, и чѣмъ-либо превосходящимъ потребности страждущихъ не были приведены въ смущеніе требующіе помощи, отъ чего и Божіе пришествіе содѣлалось бы для нихъ бесполезнымъ. Никакая тварь не заблуждала въ понятіяхъ о Богѣ, кромѣ одного человѣка. Конечно, ни солнце, ни луна, ни небо, ни звѣзды, ни вода, ни эфиръ не измѣняли своего чина, а напротивъ того, зная Создателя своего и Царя—Слово, они пребываютъ, какими созда-

ны; только люди уклонились отъ добра, вмѣсто истины измыслили себѣ не сущее, и честь, подобающую Богу, также вѣдѣніе о Немъ, перенесли на бѣсовъ и на людей, изваянныхъ изъ камней. Поелику оставить это безъ прѣзрѣнія—недостойно было Божіей благодати, люди же не въ состояніи были познать Бога, Который править и владычествуетъ во вселенной; то справедливо въ орудіе Себѣ брать часть цѣлаго—человѣческое тѣло, и пребываетъ въ ономъ, чтобы, когда не могли познать Его въ цѣломъ, познали хотя въ части; и когда не могли усмотрѣть невидимой Его силы, пришли въ состояніе дойти до сего умомъ хотя чрезъ заключеніе отъ подобнаго; потому что людямъ, по причинѣ сходственнаго тѣла и совершенныхъ чрезъ оное Божіихъ дѣлъ, скорѣе и ближе можно познать Отца Его, разсудивъ, что совершенныя Имъ дѣла суть не человѣческія, но Божіи. И если, по словамъ язычниковъ, не сообразно было Слову открывать Себя въ дѣлахъ тѣлесныхъ; то таже была бы несообразность, если бы познавали Его изъ дѣлъ вселенной. Какъ пребывая въ твари, Слово не общается ничему тварному, а напротивъ того, содержитъ все силою Своею: такъ, и употребивъ орудіемъ тѣло, не приобщилось Оно ничему тѣлесному, а напротивъ того, Само осватило и тѣло. Если и Платонъ, которому удивляются еллины, говорить: «произведшій міръ, видя, что онъ обуревается и въ опасности—погрузиться въ область неподобія, съѣвъ у кормила души, помогаетъ и исправляетъ всѣ ошибки»: что невѣроятнаго въ утверждаемомъ нами, а именно, что Слово, когда человѣчество впало въ за-

блужденіе, возстало при немъ, и явилось человѣкомъ, чтобы обуруемое человѣчество спасти Своимъ управленіемъ и благодію ?

Но, можетъ быть, язычники и согласятся на сіе отъ стыда, однако же, пожелаютъ утверждать, что Богу, когда восхотѣлъ вразумить и спасти людей, надлежало совершить сіе однимъ мановеніемъ, какъ содѣлалъ то древо, когда создалъ міръ изъ ничего; но не должно было Слову Его касаться тѣла.—На сіе возраженіе ихъ, кстати будетъ сказать слѣдующее: Древо, когда еще вовсе ничего не существовало, для созданія вселенной потребно было одно мановеніе и изволеніе. Когда же человѣкъ созданъ, и нужда потребовала урочевать не то, чего не было, но что уже сотворено; тогда Врачу и Спасителю слѣдовало прійти къ сотворенному уже, чтобы урочевать существующее. Посему-то содѣлался Онъ человѣкомъ, и въ дѣйствіе употребилъ человеческое орудіе—тѣло. А если бы не сей надлежало употребить способъ; то какъ иначе должно было прійти Слову, когда пожелало Оно дѣйствовать орудіемъ? Или, откуда должно было взять сіе орудіе, какъ не изъ того, что сотворено уже, и имѣло нужду въ Божествѣ Его, по причинѣ подобія? Въ спасеніи имѣло нужду не что-либо несуществующее, для чего достаточно было бы одного повелѣнія; напротивъ того, растлѣнъ былъ и погибалъ сотворенный уже человѣкъ. Посему-то Слово справедливо и прекрасно употребило человеческое орудіе, и открыло Себя во всемъ.

При семъ должно еще знать, что происшедшее растлѣніе было не внѣ тѣла, но въ немъ самомъ началось, и нужно было—вмѣсто тлѣнія привить къ

нему жизнь, чтобы, какъ смерть произошла въ тѣлѣ, такъ въ немъ же произошла и жизнь. Если бы смерть была внѣ тѣла, то и жизни его надлежало бы произойти внѣ. Если же смерть привилась къ тѣлу, и какъ въ немъ пребывающая, возобладала имъ; то нужно было и жизни привиться къ тѣлу, чтобы, облекшись въ жизнь, свергло оно съ себя тлѣніе. Иначе, если бы Слово было внѣ тѣла, а не въ самомъ тѣлѣ; то, хотя смерть естественнымъ образомъ была бы побеждена Словомъ (потому что смерть не въ силахъ противиться жизни), но тѣмъ не меньше оставалось бы въ тѣлѣ начавшееся въ немъ тлѣніе. Посему Спаситель справедливо облекся въ тѣло, чтобы, по привитіи тѣла къ жизни, не оставалось оно долѣе въ смерти, какъ смертное, но, какъ облекшееся въ безсмертіе, по воскресеніи пребывало уже безсмертнымъ. Ибо, однажды облекшись въ тлѣніе, не воскресло бы оно, если бы не облеклось въ жизнь. И еще: поелику смерть могла явиться не сама по себѣ, а только въ тѣлѣ, то Слово облеклось для сего въ тѣло, чтобы, обрѣтши смерть въ тѣлѣ, истребить ее. Ибо вообще, какъ показалъ бы Господь, что Онъ—Жизнь, если бы не оживотворилъ мертвеннаго? Если кто не допуститъ огня до соломы, которая по природѣ своей истлѣваетъ отъ огня; то солома, хотя не сгараетъ, однако же все еще остается соломою, и огонь не перестаетъ ей угрожать; потому что, по природѣ своей, истребительнъ онъ для соломы. Но если кто обложитъ соломѣ большимъ количествомъ каменнаго льна, который, какъ сказываютъ, противодѣйственъ огню; то солома уже не боится огня, находя для себя без-

опасность въ несгораемой оболочкѣ. То же самое можно сказать о тѣлѣ и о смерти. Если бы повелѣніе только не допускало смерть до тѣла,—оно тѣмъ не меньше, по общему закону тѣлѣ, оставалось бы смертнымъ и тлѣннымъ. А чтобы не было сего,—облечено тѣло въ безплотное Божіе Слово, и такимъ образомъ не боится уже ни смерти, ни тлѣнія; потому что имѣеть ризою жизнь, и уничтожено въ вещь тлѣніе.

Итакъ, сообразно съ цѣлію, Божіе Слово воспріимло на Себя тѣло, и употребило человѣческое орудіе, чтобы и тѣло оживотворить, и какъ въ твари познается Оно изъ дѣлъ, такъ дѣйствовать и въ чловѣкѣ, и явить Себя повсюду, ничего не оставивъ лишнимъ Божества Своего и вѣдѣнія о Себѣ. Ибо, опять повторяю то же, возвращаясь къ прежнему, а именно: Спаситель содѣлалъ сіе, чтобы, какъ Онъ, присутствуя всюду, все наполняетъ, такъ и все исполнилось вѣдѣнія о Немъ, о чемъ говорить и божественное Писаніе: *исполнися вся земля вѣдѣнія Господня* (Иса. 11, 9.). Ибо, если кто захочетъ взрѣть на небо,—пусть увидитъ благоустройство его. А если не можетъ взирать на небо, приникаетъ же только взоромъ на людей,—пусть видитъ силу Его въ дѣлахъ, несравнимую съ силами человѣческими, и познаетъ среди чловѣковъ сего единого Бога—Слово. Если же кто совращенъ демонами, и имъ удивляется; то пусть видитъ, какъ Онъ изгоняетъ демоновъ, и заключитъ изъ сего, что Онъ—Владыка и демоновъ. Если кто погруженъ въ водное естество, и думаетъ, что это—богъ (какъ египтяне чествуютъ воду); то пусть видитъ, какъ Онъ претворяетъ воду,

и познаеть, что Господь—Творецъ воды. Если кто и во адъ низойдетъ, и снизшедшимъ туда яроамъ будетъ дивиться, какъ богамъ; то пусть видитъ Его воскресеніе и побѣду надъ смертію, и заключить, что и у нихъ одинъ Христось есть истинный Господь и Богъ. Господь коснулся всѣхъ частей твари, освободилъ вселенную отъ всякой прелести, и обличилъ, какъ говоритъ Павелъ: *совлекъ начала и власти, изблочи на Крестъ* (Кол. 2, 15.), чтобы никто уже не могъ обмануться, но повсюду находилъ истинное Божіе Слово. Такъ человекъ отъсюду заключенный, и вездѣ, то есть, на небѣ, во адѣ, въ человекѣ, на землѣ, видя раскрытое Божество Слова, не обманывается уже въ разсужденіи Бога, но покланяется единому Слову, и чрезъ Него достаточно познаеть Отца.

Въ сихъ разсужденіяхъ представлены нами причины, которыми язычники справедливо должны быть постыждены. Если же и оныхъ не почитаютъ достаточными къ своему посрамленію; то въ утверждаемомъ пусть увѣритъ ихъ, по крайней мѣрѣ, то, что всякій видитъ у себя предъ глазами. Когда люди начали оставлять служеніе идоламъ? Не съ того ли времени, какъ явился среди человекоевъ истинный Богъ—Божіе Слово? Когда, и у еллиноевъ и повсюду, умолкли и опустѣли прорицалища? Не тогда ли, какъ Спаситель явилъ Себя даже на землѣ? Когда о такъ называемыхъ стихотворцами богамъ и яроамъ стали разсуждать, что они—только смертные люди? Не съ того ли времени, какъ Господь восторжествовалъ надъ смертію, и воспринятое Имъ на Себя тѣло соблюлъ нетлѣннымъ, воскресивъ оное изъ мертвыхъ? Когда

пренебрежены демонская прелесть и бѣснованіе? Не тогда ли, какъ Слово,—Божія Сила, Владыка всѣхъ и самыхъ демоновъ, свизшедши ради челоувѣческой немощи, явился на земль? Когда стали попирать и искусство и училища волшебства? Не послѣ ли того, какъ было среди людей Богоявленіе Слова? И вообще, когда обьюродѣла еллинская премудрость? Не тогда ли, какъ явила Себя на земль истинная Божія Премудрость? Въ древности вся вселенная и всякая страна предавалась заблужденію, служа идоламъ, и люди кромѣ идоловъ ничего инаго не признавали богами. Теперъ же въ цѣлой вселенной люди оставляютъ суевѣрное служеніе идоламъ, притекаютъ ко Христу, Ему поклоняются какъ Богу, чрезъ Него познаютъ и Отца, Котораго не въдали. И что удивительно: тысячи были различныхъ чтилищъ, каждое мѣсто имѣло своего особеннаго идола, и этотъ, такъ называемый ими, богъ не въ состояніи былъ перейти на ближайшее мѣсто, чтобы убѣдить и живущихъ по сосѣдству его же чествовать; но и въ своемъ мѣстѣ едва былъ чтимъ всѣми, никто же другой не воздавалъ чести сосѣднему богу, а каждый берѣгъ собственно своего идола, его почитая господомъ всѣхъ; только Христось—у всѣхъ одинъ; вездѣ поклоняются тому же Христу, и чего не могла сдѣлать идольская немощь, то есть, убѣдить хотя по близости живущихъ, то совершилъ Христось, убѣдивъ не только близкихъ, но и всю вообще вселенную, чествовать одного и того же Господа, а чрезъ Него—и Бога Отца Его. Въ древности все было наполнено прелестью прорицаній; прорицалища въ Делфахъ, въ Додонѣ, въ Віотіи, въ Ликіи, въ Ливіи, въ Египтѣ, въ

Кавпрахъ, и Писоія, во мнѣніи людей, составляли предметъ удивленія. Нынѣ же, послѣ того, какъ воз-
 вѣщается всюду Христось, прекратилось ихъ умо-
 изступленіе, и нѣтъ уже у нихъ прорицающаго. Въ
 древности демоны обольщали людей призраками, по-
 селялись въ источникахъ, или рѣкахъ, или деревьяхъ,
 или камняхъ, и такими обаяніями приводили въ изум-
 леніе несмысленныхъ; нынѣ же, по божественномъ
 явленіи Слова, мечтанія ихъ прекратились; потому
 что человекъ, употребивъ только одно крестное зна-
 меніе, отражаетъ отъ себя ихъ прелесть. Въ древно-
 сти почитали люди богами, и по заблужденію чест-
 вовали, именуемыхъ у стихотворцевъ, Діа, Крона, Апол-
 лона и Ироевъ; нынѣ же, по явленіи между человекѣми
 Спасителя, они оказались смертными людьми, одинъ
 же Христось признается у людей истиннымъ Богомъ,
 отъ Бога Богомъ — Словомъ. Чтò же сказать о вол-
 шебствѣ, возбуждавшемъ у нихъ такое удивленіе? До
 пришествія Слова, было оно и сильно и дѣйственно
 у египтянъ, у халдеевъ, у индовъ, и приводило зри-
 телей въ изумленіе; но съ пришествіемъ Истины и
 явленіемъ Слова, и оно обличено и совершенно упраз-
 днено. Объ еллинской же мудрости и о велерѣчіи
 философовъ, думаю, никто и не потребуетъ у насъ
 слова; потому что чудо сіе—въ глазахъ у всѣхъ.
 Столько писали мудрецы еллинскіе, но и малаго чи-
 сла людей изъ близкихъ къ нимъ мѣсть не могли
 увѣрить въ безсмертіи и убѣдить къ добродѣтельной
 жизни. Одинъ Христось не высокими реченіями,
 чрезъ людей не мудрыхъ въ словѣ, въ цѣлой все-
 ленной многочисленныя собранія людей убѣдилъ пре-
 небрегать смертію, помышлять же о безсмертномъ,

презирать временное, взирать же на вѣчное, славу на землѣ вмѣнять ни во что, возжелѣвать же одной небесной славы.

Все же утверждаемое нами не на словахъ только опирается, но имѣеть свидѣтельство истины въ самомъ опытѣ. Ибо, кому угодно, пусть прійдетъ и разсмотритъ ясныя черты добродѣтели въ Христовыхъ дѣвахъ и юношахъ, въ чистотѣ соблюдающихъ цѣломудріе, а также—вѣру въ безсмертіе въ толпкомъ сонмѣ Христовыхъ мучениковъ. А кто сказанное предъ симъ хочетъ извѣдать собственнымъ опытомъ, тотъ пусть прійдетъ, и противъ демонскаго мечтанія, противъ прелести пророчаній, противъ чудесъ волшебства, употребить знаменіе осмѣиваемаго ими креста, и пропнесетъ только имя Христово; тогда увидитъ, какъ демоны обращаются имъ въ бѣгство, пророчанія прекращаются, всякое волшебство и обаяніе уничтожается.

Итакъ, кто же и какою силою облеченъ — сей Христосъ, Который Своимъ именемъ и присутствіемъ повсюду затмилъ все и упразднилъ, одинъ превозмогаетъ всѣхъ, и цѣлую вселенную наполнилъ Своимъ ученіемъ? Пусть дадутъ на сіе отвѣтъ елпны, которые такъ много насмѣхаются, и не стыдятся того. Если Онъ—человѣкъ; то какъ же одинъ человѣкъ преодолѣлъ силу всѣхъ ихъ боговъ, и Своею силою сдѣлалъ явнымъ, что они—ничто? Если же назовутъ Его волхвомъ; то возможное ли дѣло, чтобы волхвомъ было уничтожено, а не скорѣе—поддержано, всякое волшебство? Если бы побѣдилъ нѣсколькихъ волхвовъ, или превзошелъ только одного; то въ правѣ были бы они подумать, что превосходствомъ своего искусства превзошелъ искусство другихъ. Если же

надъ всякимъ вообще волшебствомъ и надъ самымъ именемъ его одержалъ побѣду крестъ Христовъ; то явно, что не волхвъ былъ Спаситель, предъ Которымъ, какъ предъ своимъ Владыкою, обращаются въ бѣгство демоны, призываемые въ помощь другими волхвами. Кто же Онъ? Пусть скажутъ еллины, которые о томъ только прилагаютъ стараніе, чтобы осмѣять. Можетъ быть, осмѣлятся сказать, что былъ демонъ, а потому и имѣлъ силу? Но утверждающіе это весьма достойны осмѣянія, и ихъ можно посрамить прежними доводами. Ибо какъ быть демономъ тому, кто изгоняетъ демоновъ? Если бы просто изгонялъ демоновъ; то можно бы еще подумать, что отъ князя бѣсовскаго получилъ власть надъ низшими бѣсами, какъ говорили іудеи, ругаясь надъ Христомъ. Если же именемъ Его отражается и изгоняется всякое демонское бѣснованіе; то очевидно, что и въ этомъ они обманываются, и что Господь нашъ и Спаситель Христосъ имѣлъ не какую-либо демонскую, какъ думаютъ они, силу. А если же Спаситель—не просто человекъ, и не волхвъ, и не какой-либо демонъ, упразднилъ же и затмилъ Божествомъ Своимъ и гаданія стихотворцевъ, и бѣсовскую прелесть, и еллинскую мудрость; то явно, и да будетъ всѣми признано, что истинно Божій Онъ Сынъ, Слово, Премудрость и Сила Отчая.

Посему-то и дѣла Его—не дѣла человеческія, но выше человека, и дѣйствительно, какъ по самой видимости, такъ и по сравненію ихъ съ дѣлами человеческими, должны быть признаны дѣлами Божиими. Ибо кто изъ бывшихъ когда-либо людей отъ единой дѣвы образовалъ себя тѣло? Или кто изъ людей

врачевалъ когда-либо болѣзни, подобныя тѣмъ, отъ которыхъ изцѣлялъ общій всѣмъ намъ Господь? Кто исправлялъ природныя недостатки, и слѣпому отъ рожденія давалъ зрѣніе? У нихъ Аскліпій обоготоворенъ за то, что упражнялся во врачевномъ искусствѣ, и противъ тѣлесныхъ страданій придумалъ травы, не самъ производя ихъ изъ земли, но отыскавъ съ по-
мощію естествознанія. Чтò же сіе значитъ въ сравненіи съ дѣлами Спасителя? Не язвы изцѣлялъ Онъ, во какбы вновь раждалъ и возстановлялъ тѣло. Еллины Ираклу, какъ богу, поклонялись за то, что сражался съ равными себѣ людьми, и хитростію умерщвлялъ звѣрей. Чтò же значитъ сіе въ сравненіи съ тѣмъ, чтò совершенно Словомъ? Оно изгоняло изъ людей болѣзни, бѣсовъ и самую смерть. Божескія почести воздаютъ они Діонисию за то, что былъ у людей наставникомъ пиянства; а истинный Спаситель, Господь вселенной, учившій цѣломудрію, осмѣивается ими! Но оставимъ сіе; чтò скажутъ они о другихъ чудесахъ Божества Его? Какой человекъ умиралъ, и солнце оттого омрачалось, земля колебалась? Вотъ до-нынѣ умираютъ люди, и прежде умирали; бывало ли же когда при чьей смерти подобное чудо?

Но оставлю дѣла, совершенныя Имъ въ тѣлѣ, и упомяну о томъ, чтò содѣлано Имъ по воскресеніи тѣла Его. Когда бывалъ человекъ, котораго бы ученіе отъ края до края земли, одно и то же, превозмогло повсюду, а потому и чествованіе Его распространялось по всей землѣ? Или, если Христось, какъ говорятъ они, есть человекъ, а не Богъ—Слово; то почему же боги ихъ не воспретятъ, чтобы чествова-

ніе Его проникало и въ тѣ страны, гдѣ имъ покланяются? Напротивъ того, Слово, куда ни приходитъ, вездѣ ученіемъ Своимъ прекращаетъ служеніе симъ богамъ, и посрамляетъ ихъ мечтанія. Много прежде Него было царей и мучителей на зѣмль, много, по сказанію исторіи, было мудрецовъ и волхвовъ у халдеевъ, у египтянъ и у индовъ. Кто же изъ нихъ, не говорю—по смерти, но даже при жизни своей, могъ имѣть такую силу, чтобы ученіемъ своимъ наполнить ему всю землю, и отъ идольскаго суевѣрія отворотить такое множество людей, какое Спаситель нашъ привлекъ отъ идоловъ къ Себѣ? Еллинскіе философы написали многое съ убѣдительностію и искусствомъ въ словъ; но что же доказали они такъ, какъ доказалъ крестъ Христовъ? Мудрованія ихъ до кончины ихъ нравились людямъ, но и то, чѣмъ по видимому превосходили они при жизни, составляло между ними предметъ спора, и они состязались, ухищряясь другъ противъ друга. Божіе же Слово (что всего удивительнѣе), преподавъ ученіе Свое въ выраженіяхъ бѣдныхъ, затмило самыхъ мудрыхъ, и всѣхъ привлекая къ Себѣ, обратило ученія ихъ въ ничто, наполнило же церкви Свои. И чудное дѣло, — Господь, пріявъ смерть какъ человекъ, обратилъ въ ничто вѣлерьчіе мудрыхъ объ идолахъ! Чья смерть изгоняла когда-либо демоновъ? И чьей смерти боялись когда-либо демоны, какъ смерти Христовой? Гдѣ только произносится имя Спасителя, — изгоняется тамъ всякій демонъ. Кто же въ такой мѣръ укротилъ въ людяхъ душевныя страсти, что и блудники живутъ цѣломудренно, и человекѣубійцы не владычествуютъ болѣе мечемъ, и прежде боязливые дѣла-

ются мужественными? И вообще, кто убѣдилъ варваровъ и разные языческіе народы отложить свое неистовство и помышлять о мирѣ? Не вѣра ли Христова, не крестное ли знаменіе? Кто же иный увѣрилъ такъ людей въ безсмертія, какъ крестъ Христовъ и воскресеніе тѣла Христова? Всякую ложь соплетали язычники, однако же, не могли выдумать воскресенія своихъ идоловъ; они вовсе и не помышляли даже о возможности—тѣлу снова существовать по смерти; и снѣгъ особенно иный станеть доказывать язычникамъ, что такимъ образомъ мыслей изобличали они немощь своего идолослуженія, и уступили власть Христу; такъ что и въ этомъ для всѣхъ видѣнъ Божій Сынъ. Кто же изъ людей, по смерти или даже при жизни своей, училъ дѣвству, а не думалъ, что добродѣтель сія невозможна въ людяхъ? Спаситель же нашъ и Царь всѣхъ Христосъ столько силенъ въ ученіи о дѣвствѣ, что и дѣти, не достигшія еще законнаго совершеннолѣтія, сверхъ закона даютъ объѣтъ дѣвства. Кто изъ людей могъ когда-либо обойдти столько странъ, быть у скифовъ, у еѳіоповъ, или у персовъ, или у арменъ, или у готѣовъ, или у такъ называемыхъ за-океаннхъ народовъ, или у живущихъ далѣе Гирканіи, или вообще, ходить и къ египтянамъ и къ халдеямъ, къ народамъ преданнымъ волшебству, сверхъ мѣры суевѣрнымъ, свирѣпымъ нравами, и вездѣ проповѣдывать добродѣтель, цѣломудріе, возставать противъ идолослуженія? Общій же всѣхъ Господь, Божія Сила, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, не только проповѣдывалъ чрезъ учениковъ Своихъ, но и убѣдилъ сердца людей, отложить свирѣпость нравовъ, не чтить болѣе отеческихъ боговъ, познать

же Его единого, и чрезъ Него научиться чествовать Отца. Въ древности еллины и варвары, служа идоламъ, вели между собою войны, и были жестоки къ роднымъ. По причинѣ взаимныхъ непримиримыхъ ссоръ, никому вообще невозможно было идти ни сушей, ни моремъ, не вооруживъ руки мечемъ; цѣлую жизнь проводили они вооруженно, и мечъ служилъ имъ опорой вмѣсто жезла и всякой помощи. И хотя служили они идоламъ, какъ сказалъ я, и совершали возліянiя демонамъ, однако же, идольское суевѣріе не могло научить ихъ смягченію суровыхъ нравовъ. Когда же приняли они Христово ученіе; тогда чуднымъ образомъ, какбы въ умиленіе пришли сердца ихъ, и отложили они кровожадную жестокость, не думаютъ уже о войнахъ, но все у нихъ мирно, вездѣ видно расположеніе къ дружелюбію. Кто же прозвель все это? Кто ненавидѣвшихъ другъ друга соединилъ союзомъ мира? Кто, какъ не возлюбленный Отчій Сынъ, общій всѣхъ Спаситель, Иисусъ Христосъ, Который по любви Своей совершилъ все для нашего спасенiя? Еще издревле предречено было о возстановленіи Имъ мира, когда Писаніе говоритъ: *расткуютъ мечи своя на орала, и копiя своя на серпы, и не возметъ языкъ на языкъ меча, и не навыкнутъ ктому ратоватися* (Исаи 2, 4.). И въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго; даже и нынѣ варвары, по врожденной грубости нравовъ, пока приносятъ еще жертвы своимъ идоламъ, неистовствуютъ другъ противъ друга, и ни часа не могутъ пробыть безъ оружія; но какъ скоро слышатъ Христово ученіе, тотчасъ оставивъ войны, обращаются къ земледѣлію, и руки свои не мечемъ уже вооружаютъ, но простираютъ на молитву.

и вообще, не другъ съ другомъ воюють, но вооружаются на діавола и демоновъ, поборая ихъ цѣломудріемъ и душевною доблестію.

Все же сіе, какъ служить признакомъ Божества Спасителя (ибо чему люди не могли научиться у идоловъ, тому научились они у Спасителя), такъ не маловажное заключаетъ въ себѣ обличеніе безсилія и ничтожества демоновъ и идоловъ. Ибо демоны, зная безсиліе свое, въ древности возбуждали людей къ междоусобіямъ, для того именно, чтобы, по прекращеніи взаимной вражды, не обратились они къ борьбѣ съ демонами. И дѣйствительно, ученики Христовы, не ведя войнъ между собою, и нравами и добродѣтельною жизнію ополчаются противъ демоновъ, и преслѣдуютъ ихъ, и посмѣваются надъ вождемъ ихъ діаволомъ; потому что въ юности они цѣломудренны, въ искушеніяхъ воздержны, въ трудахъ терпѣливы, оскорбляемые охотно переносятъ обиды, лишаемые небрегутъ о сѣмъ, и что всего удивительнѣе, пренебрегаютъ смертію, и дѣлаются Христовыми мучениками.

И еще скажу объ одномъ весьма чудномъ признакѣ Божества Спасителя. Какой вообще человекъ, волхвъ ли, мучитель ли, царь ли, могъ когда-либо самъ собою вступить въ борьбу съ такимъ числомъ противниковъ, и когда всѣ виды идолослуженія, все демонское воинство, вся чародѣйная наука, вся еллинская мудрость были во всей еще силѣ, процвѣтали и всѣхъ приводили собою въ изумленіе, — всему этому противостать, и все это низложить однимъ ударомъ, какъ совершилъ сіе Господь нашъ, истинное Божіе Слово? Онь, изобличая невидимо заблужденіе каждаго, одинъ

у всѣхъ враговъ исхитилъ всѣхъ людей; и покланявшіеся идоламъ попраютъ уже ихъ, дивившіеся волшебствамъ сожигаютъ чародѣйныя книги; мудрецы предпочитаютъ всему истолкованіе Евангелія, и кому кланялись, тѣхъ оставляютъ, а надъ Кѣмъ посмѣвались какъ надъ распятымъ, Тому покланяются, исповѣдуя Его Христомъ Богомъ; именовавшіеся у нихъ богами изгоняются крестнымъ знаменіемъ, распятый же Спаситель въ цѣлой вселенной именуется Богомъ и Божіимъ Сыномъ; боги, которымъ покланялись лзычники, осуждаются ими какъ скверные, пріавшіе же Христово ученіе—по жизни цѣломудреннѣе оныхъ боговъ. Ежели все сіе и подобное сему есть дѣло человѣческое; то пусть, кто хочетъ, доказываетъ и убѣждаетъ, что тѣже было и прежде. Если же все сіе не человѣческимъ, но Божіимъ оказывается дѣломъ, и дѣйствительно есть дѣло Божіе; то для чего столько нечествуютъ невѣрующіе, не признавая содѣлавшаго сіе Владыку? Они въ такомъ же заблужденіи, какъ и человекъ, который изъ дѣлъ творенія не познаетъ Зиждителя ихъ Бога. Ибо если бы познали Божество Его по тѣмъ силамъ, какія явлены Имъ во вселенной; то уразумѣли бы, что и тѣлесныя дѣла Христовы суть не человѣческія, но свойственныя только Спасителю всѣхъ—Божію Слову. Уразумѣвъ же сіе, какъ сказалъ Павелъ, *не быша Господа славы распяли* (1 Кор. 2, 8.).

Какъ желающій узрѣть Бога, по самому естеству невидимаго и вовсе не подлежащаго зрѣнію, познаетъ и постигаетъ Его изъ дѣлъ; такъ и тотъ, кто не усматриваетъ умомъ своимъ Христа, пусть уразумѣваетъ Его изъ дѣлъ тѣлесныхъ, и пусть изслѣдуетъ,

148. 143.
С. 117. 120, 121, 123

человѣческія ли, или Божіи это дѣла. И если чело-
вѣческія, то пусть смѣется; а если не чело-
вѣческія, то пусть признаетъ сіе, и не смѣется
уже надъ тѣмъ, что не должно быть осмѣиваемо, но
лучше—подивится, что посредствомъ уничиженнаго
явлено намъ божественное, чрезъ смерть распро-
стерлось на всѣхъ безсмертіе, и чрезъ вочеловѣченіе
Слова дознаны и промышленіе о всѣхъ и Судѣтель и
Зидатель онаго—само Божіе Слово. Оно вочеловѣ-
чилось, чтобы мы обожились; Оно явило Себя тѣ-
лесно, чтобы мы приобрѣли себѣ понятіе о невиди-
момъ Отцѣ; Оно претерпѣло поруганіе отъ людей,
чтобы мы наслѣдовали безсмертіе. Само Оно ни
въ чемъ не понесло ущерба, потому что безстра-
стно, нетѣленно, есть источное Слово и Богъ; страж-
дущихъ же чело-вѣковъ, ради которыхъ и пре-
терпѣло сіе, соблюло и спасло Своимъ безстра-
стіемъ. И вообще, заслуги Спасителя, совершенныя
чрезъ вочеловѣченіе Его, столь велики и многочислен-
ны, что пожелать изобразить ихъ—значило бы упо-
добиться чело-вѣку, который устремилъ взоръ на мор-
скую пучину, и хочетъ перечестъ ея волны. Какъ
невозможно объять глазами всѣхъ волнъ, потому
что чувству покусившагося на это представляются
непрестанно новыя и новыя волны; такъ и намѣреваю-
щемуся объять умомъ всѣ заслуги, совершенныя
Христомъ въ тѣлѣ, невозможно даже вмѣстить ихъ
въ помыслъ; потому что вновь представляющіяся
мыслямъ его—гораздо многочисленнѣе тѣхъ, которыя,
какъ думаетъ онъ, объялъ уже мыслию. Посему
лучше не отваживаться говорить о всѣхъ вообще
заслугахъ Христовыхъ, когда и части ихъ изобразить

невозможно, но упомянуть еще объ единой, и доставить тебѣ самому, удивляться всѣмъ въ совокупности; потому что всѣ онѣ равно удивительны, и куда бы ни обратилъ кто взоръ, повсюду его въ изумленіе приводятъ Божество Слова.

Итакъ, послѣ сказаннаго, достойно твоего изученія, и должно быть положено тобою въ основаніе всему говоренному, и возбудить особенное въ тебѣ удивленіе, что съ пришествіемъ Спасителя идолослуженіе уже не возрастало, и остающееся доселѣ умалается и постепенно прекращается, также и еллинская мудрость не оказываетъ уже успѣховъ, но и оставшьяся доселѣ наконецъ исчезаетъ, демоны не обольщаютъ уже мечтаніями, прорицаніями, волшебствами, но едва только отваживаются и покушаются на сіе, какъ бывають посрамлены знаменіемъ креста. Короче же сказать, обрати вниманіе на то, что Спасителево ученіе повсюду растеть, всякое же идолослуженіе и все противоборствующее върѣ Христовой ежедневно умалается, ослабѣваетъ и падаетъ, и вникнувъ въ сіе, поклонись общему всѣхъ Спасителю, всемогущему Божію Слову, и осуди тѣ, чтѣ имъ умалено и обращается въ ничто. Какъ съ явленіемъ солнца тма не имѣетъ уже силы, но если и оставалась еще гдѣ, изгоняется повсюду; такъ, по божественномъ явленіи Божія слова, не имѣетъ уже силы идольская тма, но всѣ части вселенной озаряются повсюду Его ученіемъ. Если царь не показывается въ какой-либо области, но безвыходно остается у себя въ домѣ; то не рѣдко бываетъ, что люди мятежные, употребивъ во зло затворничество царя, присвоиваютъ себѣ его имя, и каждый, принявъ на себя видъ царя, оболь-

щаетъ простодушныхъ, а люди вводятся въ обманъ ивнемъ, слыша, что царь есть, между тѣмъ, какъ они не видятъ его, по совершенной невозможности войти къ нему въ домъ. Но когда придетъ и покажетъ себя настоящей царь; тогда мятежники, обольщавшіе народъ, обличаются его появленіемъ, люди же, видя настоящаго царя, оставляютъ тѣхъ, которые обманывали ихъ прежде. Такъ и демоны въ древности вводили людей въ заблужденіе, себѣ присвоивъ божескую честь; но какъ скоро Божіе Слово явилось во плоти, и открыло намъ Отца Своего,—демонская прелесть уничтожается и прекращается; люди же, взирая на истинное Отчее Слово и Бога, оставляютъ идоловъ, и признають уже истиннаго Бога. А сіе служитъ признакомъ, что Христось есть Божіе Слово и Божія Сила. Поелику человѣческое прекращается, пребываетъ же глаголь Христовъ; то явно для всѣхъ, что прекращающееся—временно, а пребывающій есть Богъ и Сынъ Божій, истинное единое Слово.

Сіе долженъ былъ я предложить тебѣ, христолюбець, вкратцѣ, сколько нужно для первоначальнаго изображенія и начертанія Христовой вѣры, и божественнаго Христова къ намъ пришествія. Если же сіе послужитъ для тебя поводомъ—самому читать Писанія, и выискнуть въ настоящей ихъ смыслъ; то изъ сказаннаго въ Писаніяхъ узнаешь болѣе полныя и ясныя подробности того, что сказано мною; потому что Писанія изглагоmány и написаны Богомъ чрезъ мужей богомудрыхъ; а я сообщалъ твоему любовъдѣлю, чему научился у богодухновенныхъ учителей, читавшихъ сіи Писанія и содѣлавшихся свидѣтелями Божества Христова.

Изъ сихъ же Писаній узнаешь и о второмъ Христовомъ, славномъ и воистину божественномъ, къ намъ паки пришествіи, когда Христось приидеть уже не въ униженіи, но во славъ Своей, не въ смиреніи но въ свойственномъ Ему величіи, приидеть не пострадать, но воздать, наконецъ, всѣмъ плодъ Креста Своего, то есть воскресеніе и нетлѣніе. И уже не судится Онъ, но Самъ судить всѣхъ, *яже кійждо съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла* (2 Кор. 5, 10.), въ оное Свое пришествіе, въ которое добрымъ уготовано царство небесное, а дѣлавшимъ худое—огонь вѣчный и тма кромѣшняя. Ибо такъ говоритъ самъ Господь: *глаголю вамъ: отсель узрите Сына Человѣческаго сѣдѣща одесную силы, и грядуща на облацѣхъ небесныхъ* (Матѣ. 26, 64.) во славъ Отчей. Посему-то спасительное слово приуготовляетъ насъ ко двю сему, и говоритъ: *будите готови* (Матѣ. 24, 44.), и: *бдите, яко не вѣсте, въ кій часъ приидеть* (42). Ибо, по слову блаженнаго Павла, *всѣмъ явитися намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ, да приметь кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла.*

Но для изслѣдованія и истиннаго уразумѣнія сказаннаго въ Писаніи, потребны хорошая жизнь, чистая душа, и христоподражательная добродѣтель, чтобы умъ, преуспѣвъ въ этомъ, былъ въ состояніи достигать желаемаго, и приобретать оное, въ какой только мѣрѣ естеству человѣческому возможно познаніе о Божіемъ Словѣ. Ибо безъ чистаго ума и безъ подражанія жизни святыхъ никто не возможетъ уразумѣвать словеса святыхъ. Кто пожелаетъ видѣть солнечный свѣтъ, тотъ, безъ сомнѣнія, протретъ и яснымъ

сдѣлаеть глазъ свой, доведя себя почти до одинаковой чистоты съ тѣмъ, что желаетъ видѣть, чтобы такимъ образомъ глазъ самъ сталъ свѣтомъ, и увидѣлъ солнечный свѣтъ. Или, кто пожелаетъ осмотрѣть городъ или страну, тотъ, безъ сомнѣнія, для осмотра сего отправится на самое мѣсто. Такъ и желающему постигнуть мысль богослововъ должно предочистить и убѣлить душу жизнью, и уподобленіемъ въ дѣлахъ святымъ приблизиться къ нимъ, чтобы, ведя одинаковый съ ними образъ жизни, уразумѣвать и открывенное имъ Богомъ, и наконецъ, какбы соединившись съ ними, избѣгать грѣховныхъ опасностей и огня за грѣхи въ день суда, воспріять же блага, предназначенныя святымъ въ небесномъ царствѣ: *ихже око не видѣтъ, и ухо не слышитъ, и на сердце челоуѣку не въздоша, аже уготова Богъ живущимъ добродѣтельно, и любящимъ Бога и Отца* (1 Кор. 2, 9.), о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ. Имъ и съ Нимъ самому Отцу совокупно съ Сыномъ въ Духѣ Святомъ честь, держава и слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

3. ИЗЛОЖЕНІЕ ВѢРЫ.

Вѣруемъ во единаго нерожденнаго Бога Отца, Вседержителя, Творца всему видимому и невидимому, имѣющаго бытіе отъ Себя. И во единаго Единороднаго—Слово, Премудрость, Сына, безначально и пречестно отъ Отца рожденнаго, — не устно и мысленно произносимое слово, не изліяніе Совершеннаго, не

отсыкъ и не отпрыскъ безстраднаго Естества, но Сына самосвершеннаго, живаго и дѣйственнаго; истинный, равночестный и равнославный Образъ Отца; ибо сказано, что такова воля Отца, да якоже чтутъ Отца, тако чтутъ и Сына (Іоан. 5, 23.); Бога истиннаго отъ Бога истиннаго, какъ говоритъ Іоаннъ въ соборныхъ посланіяхъ: *И да будемъ во истинныхъ Сынъ Его Іисусъ Христъ. Сей есть истинный Богъ и животъ вѣчный* (1 Іоан. 5, 20.); Вседержителя отъ Вседержителя; ибо надъ чѣмъ начальствуетъ, и чѣмъ обладаетъ Отецъ, надъ всѣмъ тѣмъ начальствуетъ, и всѣмъ тѣмъ обладаетъ и Сынъ, всецѣлый отъ всецѣлаго, подобный Отцу, какъ говоритъ Господь: *видѣвый Мене, видѣ Отца* (Іоан. 14, 9.). Рожденъ же Онъ неизреченно и недомыслимо: *родъ бо Его кто исповѣсть* (Іса. 53, 8.)? Иначе сказать: никто. И (при скончаніи вѣковъ низшелъ изъ нѣдръ Отчихъ, и отъ Пречистой Дѣвы Маріи воспріимъ нашего чловѣка, Христа Іисуса, Котораго по собственному изволенію предаль за насъ на страданіе, какъ говоритъ Господь: *никтоже возметъ душу Мою отъ Мене: область имамъ положить ю, и область имамъ паки пріяти ю* (Іоан. 10, 18.). По сему-то чловѣку распятый и умершій за насъ, воскресъ Онъ изъ мертвыхъ и вознесся на небеса. Созданный для насъ въ начало путей (1 Притч. 8, 22.), пребывая на земль, показаль намъ во тмѣ свѣтъ, спасеніе отъ заблужденія, жизнь изъ мертвыхъ и входъ въ рай, изъ котораго Адамъ изгнаъ, и въ который паки вошелъ черезъ разбойника, какъ сказалъ Господь: *днесъ со Мною будеши въ раи* (Лук. 23, 43.), въ который восходиль и Павель;—показаль вхожденіе на небеса, *идъже пред-*

теча вниде о насъ Господній человекъ (Евр. 6, 20.), въ которомъ будетъ судить живыхъ и мертвыхъ. Равно вѣруемъ и въ Духа Святаго, вся испытующаго, и глубины Божія (1 Кор. 2, 10.), анаематствуя всь ученія, мудрствующія противное сему.

Не представляемъ себѣ Сыно-Отца, подобно савеліанамъ, называя Его односущимъ, а не едносущнымъ, и тѣмъ отрицая бытіе Сына. Не приписываемъ Отцу удобостраждающаго тѣла, какое понесъ на Себѣ Сынъ для спасенія всего міра. Три Упостаси должны быть представляемы нераздѣльными между собою, какъ о людяхъ представляемъ тѣлесно, чтобы и намъ, подобно язычникамъ, не ввести многобожія; но представляя какбы рѣку, которая исходя изъ истока, не отдѣляется отъ него, хотя два здѣсь вида и два имени. Ибо Отецъ—не Сынъ, и Сынъ — не Отецъ, потому что Отецъ есть Отецъ Сыну, и Сынъ есть Отчій Сынъ. Какъ истокъ — не рѣка, и рѣка — не истокъ, но тотъ и другая суть одна и таже вода, изъ истока лиющаяся въ рѣку: такъ и Божество отъ Отца неизлѣнно и неотлучно пребываетъ въ Сынѣ, какъ Господь говоритъ: *изыдохъ отъ Отца, и иду ко Отцу* (Іоан. 16, 28.). *Сый въ лоно Отчи* (Іоан. 1, 18.) всегда у Отца; и въ лоно Отчемъ никогда не истощалось Божество Сына; ибо сказано: *Азъ блъхъ при Немъ устроля* (Притч. 8, 23.). Не представляемъ себѣ тварію, или созданиемъ, или изъ не сущаго произшедшимъ Творца вселенной Бога, Сына Божія, Сущаго отъ Сущаго, Единаго отъ Единаго; потому что превѣчно рождена отъ Отца равная Ему Слава и Сила; ибо кто видѣлъ Сына, тотъ видѣлъ и Отца. Все сотворено чрезъ Сына, но самъ Онъ — не тварь,

накъ говорить Павелъ о Господѣ: *всѣческая Тѣмъ создашася; и Той есть прежде всѣхъ* (Кол. 1, 16. 17.). Не говорить, что прежде всего сотворенъ, но *есть прежде всѣхъ*; и слово *создашася* относить къ слову *всѣческая*, а выраженіе: *есть прежде всѣхъ* прилагаетъ къ одному Сыну. Итакъ, Онъ по естеству есть Совершенное отъ Совершеннаго Рожденіе, рожденное прежде всѣхъ холмовъ, т. е. прежде всякой словесной и разумной сущности; какъ и въ другомъ мѣстѣ Павелъ называетъ Его *перворожденнымъ всея твари* (Кол. 1, 15.); но назвавъ перворожденнымъ, показываетъ симъ, что Онъ — не тварь, а рожденіе Отца; ибо странно о Божествѣ Его употребить сказуемое: тварь. Все сотворено Отцемъ чрезъ Сына; одинъ Сынъ превѣчно рожденъ отъ Отца; потому *перворожденъ есть всея твари* Богъ Слово, *Неизмѣнный отъ Незмѣннаго*.

Тѣло, которое Онъ насъ ради понесъ на Себѣ, есть тварь. О Немъ говорить Іеремія, по переводу Седмидесяти толковниковъ: *созда Господь спасеніе въ насажденіе ново: въ немже спасеніи обидутъ чловѣцы* (Іерем. 31, 22.); а у Акилы то же изреченіе излагается: *созда Господь новое въ женѣ*. Созданное же въ насажденіе намъ спасеніе новое, а не древнее, при насъ, а не при жившихъ прежде насъ, есть Іисусъ, какъ Спаситель, содѣлавшійся чловѣкомъ; *имя же Іисусъ переводится иногда словомъ: спасеніе, и иногда — словомъ: Спаситель*. Спасеніе отъ Спасителя точно также, какъ освѣщеніе отъ свѣта. Итакъ, Спасителемъ созданное спасеніе есть новое, какъ говорить Іеремія: *созда намъ спасеніе ново*; и какъ выражаетъ Акила: *создалъ Господь новое въ женѣ*, т. е.

въ Маріи: потому что ничего новаго не создано въ жень, кромѣ Господня тѣла, рожденнаго отъ Дѣвы Маріи безъ плотскаго общенія, какъ и въ Притчахъ оутъ Лица Исусова говорится: *Господь созда Мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя* (Притч. 8, 22.); не сказано же: прежде дѣлъ созда мя, чтобы изреченія сего не принялъ кто о Божествѣ Слова. Итакъ оба изреченія написаны объ Исусѣ, относительно къ тѣлу. Ибо *въ начало путей* созданы Господній человекъ, котораго явилъ Онъ намъ во спасеніе, *зане Тѣмъ имамы приведеніе ко Отцу* (Ефес. 2, 18.). Онъ есть путь, приводящій насъ къ Отцу, а путь есть нечто тѣлесно видимое; и это есть Господній человекъ.

Все сотворило Божіе Слово, Само будучи не тварію, но Рожденіемъ; потому что въ числѣ тварей ничего не сотворило равнаго, или подобнаго Себѣ. Раждать—прилично Отцу, а творить—художнику. Произведеніе и тварь есть тѣло, которое насъ ради понесъ на Себѣ Господь, *Иже бысть намъ*, какъ говоритъ Павелъ, *премудрость отъ Бога, и освященіе, и правда, и избавленіе* (1 Кор. 1, 30.), хотя Слово—прежде насъ и прежде всякой твари, и было, и есть Отчая Премудрость.

Святый же Духъ, исходя отъ Отца, всегда пребываетъ въ рукахъ посылающаго Отца и носящаго Сына, и Имъ Онъ наполняетъ всяческая. Отецъ, имѣя бытіе отъ Себя, какъ сказали мы, родилъ Сына, а не создалъ,—родилъ какъ реку отъ истока, какъ растеніе отъ корня, какъ сіяніе отъ свѣта, все же это видимъ въ природѣ нераздѣльнымъ. Черезъ Него Отцу

Слава, держава и величіе прежде всѣхъ вѣковъ и во всѣ вѣки вѣковъ! Аминь.

4. НА СЛОВА : *вся Мѣя предана суть Отцемъ Моимъ: и никтоже знаетъ, кто есть Сынъ, токмо Отецъ: и кто есть Отецъ, токмо Сынъ, и емуже аще волишь Сынъ открыти (Матѣ. 11, 27.).*

И сего не уразумѣвъ держащіеся Аріевой ереси, Евсевій и сообщники его, нечестиво говорятъ о Господѣ: «Если *вся предана* (и подъ словомъ *вся* разумѣють они господство надъ тварію); то было, когда не имѣлъ сего. Если-жъ не имѣлъ; то Онъ не отъ Отца, потому что, если бы отъ Отца былъ, то, какъ Сущій отъ Него, всегда имѣлъ бы сіе, и не было бы Ему нужды принимать это». Но сими-то словами изобличится наиболее ихъ неразуміе; потому что изреченіе сіе означаетъ не начальство надъ тварію, или господство надъ вещами сотворенными, но имѣеть въ виду дать нѣкоторое понятіе о домостроительствѣ.

Если тогда *предана* Ему *вся*, когда сказалъ сіе: то явно, что, прежде пріятія Имъ всего, тварь не имѣла въ себѣ Слова. Какъ же сказано: *всѣческая въ Немъ состоится* (Кол. 1, 17.)? Если же вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ произошло тварь, *вся она предана* Ему; то не было нужды предавать; потому что *вся Тѣмъ быша* (Іоан. 1, 3.), и излишне было бы предавать Господу то, чему Самъ Онъ—Создатель. Онъ былъ Господь сотвореннаго по тому самому, что со-

творилъ сіе. Но если уже по сотвореніи вся предана Ему; то вникни въ несообразность. Ибо если предана, и на принятіи Имъ, Отецъ устранился; то подвергается опасности впасть съ иными въ баснословіе, будто бы Отецъ, предавъ Сыну, Самъ отступился отъ міра. Или если, когда содержитъ все Сынъ, содержитъ также и Отецъ, то надлежало бы сказать не предана, но—Отецъ принялъ въ общеніе, какъ Павелъ Силуана. А въ семъ еще болѣе несообразности. Богъ ни въ комъ не имѣетъ нужды, и не по необходимости принялъ въ помощь Сына; но, будучи Отцемъ Сыну, чрезъ Него все творить, и не передаетъ Ему твари, но чрезъ Него и въ Немъ промышляетъ о твари, такъ что и воробей не падетъ на землю безъ воли Отца, и трава не одвѣется безъ Бога. Впрочемъ, тогда какъ *дѣлаетъ Отецъ*, и Сынъ *дѣлаетъ досель* (Іоан. 5, 17.).

Итакъ суетно мудрованіе нечестивыхъ. Приведенное изреченіе не то значить, что они думаютъ, указываетъ же на Господне во плоти домостроительство. Когда человекъ согрѣшилъ и палъ, а съ паденіемъ его все пришло въ смятеніе, услилась *смерть отъ Адама даже до Моисея* (Рим. 5, 14.), земля подверглась проклятію, отверзся адъ, заключился рай, раздражилось небо, человекъ въ конецъ развратился и уподобился скотамъ, діаволъ же поругался надъ нами; тогда Богъ, Который человекѣлюбивъ, и не хочетъ, чтобы погибъ созданный по образу Его человекъ, *врекъ: кого пошлю, и кто поидетъ?* Вся безмолвствовали, и Сынъ сказалъ: *се Азъ, послѣ Мя*. Тогда-то конечно Отецъ, сказавъ Ему: *иди* (Иса. 6, 8. 9.), *предаль* Ему человека, чтобы само Слово

стало плотію, и принявъ на Себя плоть, во всемъ обновило его. Ибо Слово преданъ челоуѣкъ, какъ Врачу, чтобы уврачевать отъ угрызенія змія; какъ Жизни, чтобы воскресить мертваго, какъ Свѣту чтобы озарить тму; и сущему Слову, чтобы обновить словесную тварь. Посему, какъ скоро *вся предана* Слову, и Оно стало челоуѣкомъ; тотчасъ все обновлено и усовершено: земля вмѣсто проклятія пріемлетъ благословіе, рай отверзтъ разбойнику, адъ ужаснулся, гробы отверзлись, когда мертвецы воскрешены, взялись врата небесныя, да увидетъ Грядущій отъ Эдома (Псал. 23, 9.). Самъ Спаситель, чтобы показать, какимъ именно образомъ *вся предана* Ему, какъ говорить Матѳеѳ, немедленно присовокупилъ: *прійдите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Матѳ. 11, 28.). Мнѣ вы предавы, да упокою утружденныхъ, и оживотворю умерщвленныхъ. Согласно съ симъ — и читаемое у Іоанна: *Отець любитъ Сына, и вся даде въ руцѣ Его* (Іоан. 3, 35.). Далъ для того, чтобы, какъ все Имъ сотворено, такъ все о Немъ же могло и обновиться. Ибо не для того, чтобы изъ бѣднаго сталъ Онъ богатымъ, предается Ему, не для того, чтобы, не имѣя власти, пріять власть, пріемлетъ Онъ все;—да не будетъ сего!—а напротивъ того, чтобы Ему, какъ Спасителю, все обновить: ибо прилично было, какъ въ началѣ созданія *Имъ*, такъ и при исправленіи, о *Немъ* же прійти сему въ бытіе, съ тою разностию въ реченіяхъ, что въ началѣ *Имъ* пришло въ бытіе, а въ послѣдствіи,—когда все пало, Слово стало плотію и облеклось въ плоть,—въ Немъ все обновилось. Ибо Само страдая, насъ упокоило,

Само ала, насъ напитало, и, нисходя во адъ, насъ возвело изъ ада. Тогда, при сотвореніи всего, было повелѣніе прійти въ бытіе, напр. *да произведеть, да будетъ* (Быт. 1, 3. 20.); при исправленіи же прилично было, чтобы Ему было предано, да само Слово содѣлается чловѣкомъ, и все въ Немъ обновится. Ибо оживотворялся сущій о Немъ чловѣкъ. Для того Слово и соединилось съ чловѣкомъ, чтобы клятва не имѣла болѣе силы надъ чловѣкомъ. Для того въ 71-мъ Псалмѣ умоляющіе Бога о чловѣчскомъ родѣ говорятъ: *Боже, судъ Твой Цареви даждь* (ст. 1.), чтобы смертное наше осужденіе, которое было противъ насъ, предано было Сыну, и Онъ уже въ Себѣ уничтожилъ сіе осужденіе, умерши за насъ. Сіе разумѣя, и Самъ Онъ сказалъ въ 87-мъ псалмѣ: *на Мнѣ утвердися ярость Твоя* (8.); потому что Самъ понесъ на Себѣ гнѣвъ, который лежалъ на насъ, какъ говоритъ и въ 137 псалмѣ: *Господь воздастъ за Мя* (8.).

Посему такъ должно понимать сказанное: *вся предана Спасителю*; и въ этомъ смыслѣ, можно сказать, передается Ему то, чего не имѣлъ. Ибо прежде сего не былъ Онъ чловѣкомъ; сталъ же чловѣкомъ, чтобы спасти чловѣка. Въ началъ не было плотію Слово, но въ послѣдствіи стало плотію, и ею, по слову Апостола, примирило вражду съ нами, и *закоузъ заповѣдей ученьми упразднило: да оба созиждеть во единого новаго чловѣка, творя міръ, и примиритъ обоихъ во единомъ тѣлѣ Отцу* (Ефес. 2, 15. 16).

Что имѣеть Отецъ, то принадлежитъ и Сыну, какъ говоритъ у Іоанна: *вся, елика имать Отецъ,*

Моя суть (Іоан. 16, 15); и весьма выразительны слова сн. Ибо когда содѣлался тѣмъ, чѣмъ не былъ; тогда все предается Ему. А когда хочетъ указать на Свое единство съ Отцемъ; тогда не скрываетъ и учить, говоря: *вся, елика имать Отець, Моя суть*. И по-дивиться должно точности слова. Не сказать: *вся, елика имать Отець*, дакъ Мнѣ, чтобы не заключили, будто бы не имѣлъ когда-то сего; но говорить: *Моя суть*; ибо сіе, состоя во власти Отца, также—и во власти Сына.

Но должно еще изслѣдовать: что *имать Отець*? Если означается симъ тварь; то прежде твари ничего не имѣлъ Отець, и что имѣеть, оказывается занимающимъ сіе у твари. Да не подумаемъ сего! Ибо какъ Самъ Онъ—прежде твари, такъ прежде же твари имѣеть все, что ни имѣеть, и сіе, какъ вѣруемъ, принадлежитъ и Сыну. Ибо если *Сынъ въ Отцѣ* (Іоан. 14, 10): то все, что имѣеть Отець, принадлежитъ и Сыну.

Но симъ изреченіемъ низлагается лукавство неправомыслящихъ, которые говорятъ: «если все предается Сыну; то Отець прекращаетъ власть свою надъ тѣмъ, что предано Сыну; потому что вмѣсто Себя поставляетъ Сына: *Отець бо не судитъ никому, но судъ весь даде Сынови* (Іоан. 5, 22)». Но да заградятся уста глаголющихъ неправедная (Псал. 62, 12)! Ибо самъ Отець не лишился владычества потому, что судъ *весь даде Сынови*. И если сказано, что Отцемъ предано все Сыну; то посему не перестаетъ Самъ быть надъ всѣмъ.

Поелику же явнымъ образомъ отдѣляютъ отъ Отца Единороднаго Божія, неотдѣльнаго по естеству, хотя

сн злочестивцы въ безуміи своемъ стараются отдѣ-
 лить Его на словахъ, не разумѣя, что свѣтъ никакъ
 не отдѣлимъ отъ солнца, но естественно въ немъ пре-
 бываетъ; то (хотя и дерзко входитъ въ изслѣдованіе
 ведомыслимомъ естествомъ),—воспользовавшись скуд-
 нымъ подобіемъ, заимствованнымъ отъ того, что—обык-
 новенно и у насъ подъ руками, должно намъ объ-
 яснить мысленное словомъ. Посему, какъ имѣющему
 здравый умъ не возможно представить, что солнечный
 свѣтъ, озаряющій вселенную, сіяетъ безъ солнца,
 потому что солнечный свѣтъ соединенъ съ естествомъ
 солнца; и если-бы свѣтъ сказалъ: «отъ солнца заим-
 ствую то, что все озаряю, что всё растетъ и укрѣп-
 лется моею теплою»; то ни одинъ безумецъ не
 подумаетъ именованіе солнца отдѣлять отъ естества,
 которое отъ него происходитъ, и которое есть свѣтъ:
 такъ, благочестиво—думать, что Божественная сущность
 Слова соединена по естеству съ Отцемъ Своимъ. Ибо
 разсматриваемое нами изреченіе представляетъ самое
 ясное истолкованіе искомаго; такъ какъ Спаситель
 сказалъ: *всл, елика имать Отець, Моя суть*. Сіе
 означаетъ, что всегда пребываетъ Онъ со Отцемъ.
 Ибо слова: *елика имать* даютъ разумѣть, что Отець
 имѣетъ владычество; а слова: *Моя суть* показы-
 ваютъ нераздѣльное единеніе. Посему необходимо
 должны мы представлять, что въ Отцѣ есть нескон-
 чаемость бытія, вѣчность, безсмертіе, и сіе пребываетъ
 въ Немъ не какъ что-либо Ему чуждое, но, какъ въ
 Источникѣ, покоится въ Немъ и въ Сынѣ. И когда
 хочешь представить что о Сынѣ, тогда познай пре-
 жде, что есть въ Отцѣ, и потомъ вѣруй, что тоже
 самое есть и въ Сынѣ. Если Отець есть тварь, или

произведеніе; то и Сынъ—тоже. И если позволительно сказать объ Отцѣ, что было, когда Онъ не былъ, или что Онъ—изъ не сущаго; то пусть будетъ сіе сказано о Сынѣ. Но если нечестиво утверждать, что есть это въ Отцѣ; то да будетъ нечестиво представлять сіе и въ Сынѣ. Ибо что принадлежитъ Отцу, то принадлежитъ и Сыну; кто чтитъ Сына, тотъ чтитъ пославшаго Его Отца (Іоан. 5, 23); кто прие­млетъ Сына, тотъ съ Нимъ прие­млетъ и Отца (Іоан. 13, 20); кто видѣлъ Сына, тотъ видѣлъ и Отца (Іоан. 14, 9). Поэтому какъ Отецъ—не тварь, такъ не тварь и Сынъ, и какъ невозможно сказать объ Отцѣ, что было, когда Онъ не былъ, или что Онъ—изъ не сущаго, такъ неприлично говорить сіе и о Сынѣ. Напротивъ же того, какъ въ Отцѣ—нескончаемость бытія, безсмертіе, вѣчность, несозданность; такъ точно слѣдуетъ думать намъ и о Сынѣ, по написанному: *якоже Отецъ имать животъ въ Себѣ; тако даде и Сынови животъ имѣти въ Себѣ* (Іоан. 5, 26). Сказано же: даде, чтобы указать на дающаго Отца; но какъ въ Отцѣ, такъ и въ Сынѣ, есть жизнь; изъ чего заключаемъ о нераздѣльности и вѣчности бытія. И посему-то съ такою точностію Спаситель сказалъ; *елика имать Отецъ*, чтобы и здѣсь, говоря объ Отцѣ, не быть признаннымъ за самого Отца. Не сказалъ Онъ: «Я—Отецъ»; но: *елика имать Отецъ*.

И Единородный Отчій Сынъ отъ Отца именуется Отцемъ же, впрочемъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ, можетъ быть, приняли бы вы, заблуждающіеся аріане; напротивъ того, Онъ—Сынъ родившаго Его Отца; Отецъ же будущаго вѣка. Ибо должно отнять у васъ всѣ ваши предположенія. У Пророка сказано: *родися*

намъ Сынъ, и дадеся намъ, Егоже начальство бысть на рамы Его: и нарицается имя Его—велика совета Ангелъ, Богъ крѣпкій, Властитель, Отецъ—будущаго вѣка (Иса. 9, 6). Итакъ Единородный есть и Отецъ будущаго вѣка, и Сынъ Божій, есть Богъ крѣпкій и Властитель, и ясно доказано, что *вся, елика имать Отецъ*, суть и у Сына, и, какъ Отецъ даетъ жизнь, такъ и Сыну равно возможно живить, *ихже хощеть* (Іоан. 5, 21). Ибо сказано: *мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и оживутъ* (Іоан. 5, 25). Одна воля, одно хотѣніе—у Отца и Сына; потому что и естество у нихъ одно и нераздѣльно.

Напрасно утруждаютъ себя аріане, не понимая сказаннаго Спасителемъ нашимъ: *вся, елика имать Отецъ, Моя суть*. Сими словами и Савелліево низлагается заблужденіе, и обличается неразуміе нынѣшнихъ іудеевъ. Ибо, по разуму сихъ словъ, Единородный имѣетъ жизнь въ Себѣ, какъ имѣетъ Отецъ; и Онъ одинъ знаетъ, кто есть Отецъ; потому что во Отцѣ пребываетъ, и Отца имѣетъ въ Себѣ. Онъ есть Отчій образъ; слѣдовательно въ Немъ, какъ въ образъ, есть все то, что принадлежитъ Отцу. Онъ есть равнообразная печать, показывающая въ Себѣ Отца; Онъ — живое, истинное Слово, сила, премудрость, освященіе и избавленіе наше. *О Немъ бо живемъ и движемся и есмь* (Дѣян. 17, 28), и никтоже знаетъ, кто есть Отецъ, токмо Сынъ, и—кто есть Сынъ, токмо Отецъ.

Какъ же нечестивые осмѣливаются суесловить о томъ, о чемъ не позволительно умствовать, когда они—люди, и не въ состояніи объяснить и того, что на землѣ? И что говорю о томъ, что на землѣ? Пусть ска-

жугь намъ о себѣ самихъ, если въ состояніи будутъ изслѣдовать собственную свою природу подлинно дерзкіе и самонадѣянные эти люди, не трепещущіе славы, *въ нюже желаютъ приникнути Ангелы* (1 Петр. 1, 12), которые—столько выше насъ и природою и чиномъ. Ибо что ближе къ Богу Херувимовъ и Серафимовъ? Но и они, не только не смѣютъ взирать, или предстоять въ прямомъ положеніи, но даже не съ обнаженными, но какбы съ прикровенными лицами произносятъ славословіе, немолчными устами въ трисвятой пѣсни прославляя не иное что, а только Божіе неизреченное естество. И никто изъ богомудрыхъ Пророковъ, особенно сподобившихся сего видѣнія, не возвыщаль намъ, что, произнося первое *святъ*, Серафимы восклицаютъ громкимъ голосомъ, а второе произносятъ тише, третіе же еще слабѣе, и потому, собственно величаютъ только первую Святыню, вторую же подчиняютъ Ей, и третію поставляютъ еще ниже. Да не приближается къ намъ сіе безуміе богомерзкихъ и безразсудныхъ еретиковъ! Всепѣтая, досточтимая и достопокланяемая Троица есть единая, нераздѣльная и неопикуемая. Сочетается же неслитно, и какъ Единица дѣлится несъемо. Почему, досточтимыя сіи живыя существа троекратнымъ возношеніемъ славословія, зывая: *святъ, святъ, святъ*, показываютъ три совершенныя Упостаси, а единымъ произношеніемъ слова: *Господь* выражаютъ единую сущность.

Посему умаляющіе Единороднаго Сына Божія хулятъ Бога, имѣя ложное понятіе о совершенствѣ, и, несправедливо называя Его несовершеннымъ, дѣлаютъ себя достойными самага жестокаго наказанія;

потому что приносящіе хулу на одну изъ Божественныхъ Упостасей не получаютъ отпущенія грѣховъ ни въ семь вѣкъ, ни въ будущемъ. Но Богъ—силенъ отверзеть сердечныя очи ихъ къ познанію Солнца правды, да, познавъ Того, Кого прежде отвергали, вмѣстѣ съ нами и они прославяютъ Его неослабно благочестивымъ разумомъ; потому что Его есть царство,—Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и во вѣки. Аминь.

5. ОКРУЖНОЕ ПОСЛАНИЕ (341 г.).

Помѣстнымъ сослужителямъ, возлюбленнымъ Господомъ, Аѳанасій желаетъ о Господѣ радоваться.

Что потеряли мы, это ужасно и невыносимо; нѣтъ возможности и памяти передать сіе достойнымъ того образомъ. Но чтобы скорѣе можно было выразумѣть ужасъ совершившагося, за лучшее призналъ я привести на память сказаніе изъ Писанія. Однажды мужъ левитинъ, женѣ котораго нанесено было поруганіе (а она была еврейка и изъ колѣна Іудина), увидѣвъ чрезмѣрность злодѣянія, и пораженный беззаконіями, на какія противъ него отважились, какъ повѣствуетъ божественная книга Судей (гл. 19.), раздробивъ тѣло жены на части, послалъ во весь колѣна Израилевы, чтобы всѣ убѣдились—въ этомъ злодѣянніи видѣть обиду не ему одному, но всѣмъ вообще, и если будутъ сострадательны, отмстятъ, а если останутся равнодушными, на себя понесутъ стыдъ, какъ ставшіе уже участниками въ причиненіи обиды. Посланные извѣстны о случившемся; и всякій слышавшій и видѣвшій

сказалъ: никогда не бывало ничего подобнаго съ того дня, какъ вышли сыны Израилевы изъ земли египетской. Почему подвиглись всѣ колѣна Израилевы, и всѣ, какбы сами потерпѣли обиду, собрались противъ преступниковъ. Наконецъ, учинившіе беззаконіе были преслѣдованы войною, и стали для всѣхъ отверженными; потому что собравшіеся не смотрѣли на единоплеменность, но имѣли въ виду преступленіе.

Знаете, братія, сіе сказаніе и подробности дѣла, изображенныя въ Писаніи. Я не намѣренъ распространяться о семъ болѣе; потому что пишу людямъ знающимъ, и спѣшу вашему благоговѣнію указать а событія настоящія, которыя важнѣе и тѣхъ. Ибо для того и упомянулъ о семъ сказаніи, чтобы, тогдашнее сравнивъ съ настоящимъ, и уразумѣвъ, сколько послѣднее превосходитъ жестокостію древнее, вознегодовали вы еще болѣе, нежели израильтяне на тогдашнихъ беззаконниковъ; потому что лютость гоненій, воздвигнутыхъ на насъ, гораздо выше; и бѣдствіе левита маловажно въ сравненіи съ тѣмъ, на что нынѣ отваживаются противъ Церкви; лучше же сказать, сего и не слышно было никогда во вселенной, и никто не извѣдывалъ подобныхъ золъ. Тогда поругана была одна женщина, и одинъ левитъ потерпѣлъ насиліе; а теперь поругана цѣлая Церковь, оскорблено святилище, и, что еще важнѣе, благочестіе гонимо нечестіемъ. Тогда каждое колѣно Израилево, видя отторгнутый членъ одной женщины, приходило въ ужасъ; а теперь видимы расторгнутые члены цѣлой Церкви, и посланные, частію къ вамъ, а частію къ другимъ, извѣщаютъ о поруганіи и обидѣ, какія претерпѣли они.

Потому, умоляю, подвигнитесь и вы, какъ будто обида нанесена не намъ однимъ, но и вамъ; пусть каждый подастъ помощь, какъ будто и самъ страдаетъ, чтобы не повредились въ скоромъ времени и правила церковныя, и вѣрованіе Церкви; потому что— въ опасности теперь то и другое, если Богъ вскорѣ чрезъ васъ не исправитъ допущенныхъ безпорядковъ, и Церковь не будетъ защищена. Не теперь даны правила и уставы церквамъ, но прекрасно и твердо преданы Отцами нашими; не теперь началась вѣра, но отъ Господа перешла къ намъ чрезъ учениковъ Его. Посему да не погибнетъ въ настоящіе дни, что соблюдалось въ церквахъ издревле и до насъ, и да не будетъ взыскано съ насъ, что ввѣрено было намъ. Подвигнитесь, братія; потому что вы—строители тайнъ Божіихъ, и видите, какъ расхищаются онѣ другими. Подробности услышите отъ писмоподателей; а я поспѣшилъ изобразить кратко, чтобы въ подлинности узнать вамъ, что никогда не бывало еще ничего подобнаго съ Церковію, со дня, какъ вознесшійся Спаситель заповѣдалъ ученикамъ, сказавъ: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Матѳ. 28, 19.).

А что въ отношеніи ко мнѣ и къ Церкви сдѣлано противузаконно, сіе было такъ: По обычаю собирались мы мирно, народъ радовался нашимъ собраніямъ, и всѣ преуспѣвали въ житіи по Богу, сослужители мои въ Египтѣ, Фивайдѣ и Ливіи, сохраняли любовь и миръ и другъ къ другу и ко мнѣ; вдругъ египетскій епархъ обнародываетъ писанія, имѣющія видъ указа, что нѣкто Григорій изъ Каппадокіи поступаетъ моимъ преемникомъ, по царской волѣ. Такой слухъ всѣхъ

привелъ въ смятеніе ; это было нѣчто новое и въ первый только разъ слышимое. Народъ тѣмъ паче сталъ сходиться въ церкви , а чрезъ это еще болѣе узнали, что ни сами они , ни епископъ , ни пресвитеръ, и ни другой кто вообще, никогда не приносили на меня жалобъ ; съ Григоріемъ же видѣли однихъ аріанъ, узнали , что и самъ онъ—аріанинъ, присланный Евсевіевыми единомышленниками. А вы знаете , братія, что единомышленники Евсевіевы всегда были покровителями и сообщниками нечестивой ереси арианствующихъ, и чрезъ нихъ всегда строили мнѣ козни, и были виновниками удаленія моего въ Галлію. Поэтому народъ справедливо вознегодовалъ, всѣ вопіяли, свидѣтельствуясь другими судіями и цѣлымъ городомъ, что, поеліку не было на меня никакой жалобы отъ священнослужителей, сдѣлано же сіе въ поруганіе мнѣ еретиками аріанами, то явное это нововведеніе и нарушеніе церковныхъ законовъ.

Если бы и дѣйствительно имѣла силу какая нибудь на меня жалоба ; то не аріанину, не кому либо изъ держащихся аріанскихъ мудрованій, но по церковнымъ правиламъ и по слову Павлову, собравшимся и народу и тѣмъ, которые пріяли власть отъ Духа , съ силою Господа нашего Иисуса Христа (1 Кор. 5, 4.), надлежало, законно все изслѣдовать и произвести, въ присутствіи изъявляющихъ свое требованіе мірянъ и клириковъ; постороннему же, при содѣйствіи аріанъ, какбы купивъ имя епископа, гдѣ не просили, не имѣли въ намѣреніи и вовсе не знали дѣла, не должно было вторгаться въ церковь , по предстательству и принужденію мірскихъ судей. Ибо все это нарушаетъ церковныя правила, и вынуждаетъ язычниковъ

хулить и подозрѣвать, что поставленія совершаются у насъ не по Божественному закону, а въ слѣдствіе купли и по ходатайству.

Итакъ поставленіе Григорія аріанами было странно, и такое имѣло начало. Какія же беззаконія произвело, и сколькихъ золь было причиною вступленіе его въ Александрію, — объ этомъ можете узнать изъ написаннаго, и распросить у приходящихъ. Когда народъ, при такомъ нововведеніи, изъявилъ свое неудовольствіе, и потому собрался въ церквахъ, чтобы аріанское нечестіе не примѣшалось къ вѣрованію Церкви; Филагрій, который и прежде оскорблялъ Церковь и ея дѣвъ, а теперь сталъ епархомъ египетскимъ, этотъ отступникъ, соотечественникъ Григоріевъ, чело-вѣкъ нечестныхъ нравовъ, а сверхъ того имѣющій заступниками единомышленниковъ Евсевіевыхъ, и потому усиленно дѣйствующій противъ Церкви, своими обѣщаніями, въ послѣдствіи исполненными, склоняетъ на свою сторону и раздражаетъ язычниковъ, іудеевъ и людей беспорядочныхъ; и вдругъ, по его наущенію, съ мечами и дреколіемъ нападаютъ они на народъ въ церквахъ.

Что изъ этого вышло, — не легко уже сказать сіе, и невозможно вполне изобразить; даже и малой части никто не вспомнитъ безъ слезъ и рыданій. Ибо описаны ли гдѣ у древнихъ такія плачевныя событія? Или, бывало ли когда-нибудь что подобное во время гоненія и войны? Храмъ и святая крещальня объемлются пламенемъ. Вдругъ, въ городѣ жалобы, вопли, плачь; граждане негодуютъ на случившееся, вопіютъ на градоправителя, и свидѣтельствуютъ о совершаемыхъ насиліяхъ; потому что святые и непорочныя дѣвы

были обнажаемы, и терпѣли непозволительные поступки; а которыя противились, тѣхъ жизнь подвергалась опасности; монашествующіе были затоптаны ногами, и умирали; въ однихъ бросали свинцовыми кругами, другихъ убивали мечами и дреколіемъ, иные были изранены и избиты. А на святой Трапезѣ какое совершалось нечестіе и беззаконіе! Приносили въ жертву птицъ, жгли сосновую кору, восхваляя своихъ идоловъ, и хуля въ самыхъ церквахъ Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, Сына Бога Живаго; книги Божественнаго Писанія, какія находили въ церкви, жгли; богоубійцы іудеи и безбожные язычники, безъ опасенія входя въ святую крещальню (какая дерзость!), обнажались тамъ, дѣлали и говорили такія мерзости, которыя стыдно и пересказывать. И нѣкоторые нечестивцы, подражая жестокости гоненій, хватили дѣвъ и постницъ, влекли за руки, и влача, принуждали хулить Господа и отречься отъ Него; а которыя не отрекались, тѣхъ терзали и топтали ногами.

И сверхъ этого, дивное и торжественное сіе вступленіе аріанина Григорія, увеселяясь подобными б-ствами, какбы предлагая воздаяніе и награду такую незаконную побѣду язычникамъ, іудеямъ и всѣмъ, такъ поступавшимъ съ нами, передаетъ на разграбленіе церковь. И какъ скоро дозволено было такое беззаконіе и безчynie, — поступаютъ хуже, чѣмъ на войнѣ, и съ большимъ уже ожесточеніемъ, чѣмъ разбойники. Одни расхищаютъ все, что имъ встрѣчалось; другіе грабятъ положенныя нѣкоторыми на сохраненіе вещи; вино, котораго было довольно много, пьютъ, льютъ, уносятъ; стоявшій елей расхищаютъ; двери

и рѣшетки беретъ вслѣдъ какъ добычу; подсвѣщники влекутъ и въ тоже время кладутъ у ограды; церковныя свѣчи зажигаютъ передъ идолами. Однимъ словомъ, въ церкви грабежъ и убійство.

И злочестивые аріане не стыдились такихъ дѣлъ, но присовокупили еще худшее и болѣе жестокое. Пресвитеры и миряне были терзаемы; дѣвы безъ покрываль отводимы были въ судилище къ градоправителю, и ввергаемы въ темницу; у иныхъ описывали ижъніе, а самихъ бичевали; возбранялось выдавать хлѣбы священнослужителямъ и дѣвамъ. И все сіе происходило въ самую святую Четырехдесятницу, около Пасхи, когда братія постились, а чудный Григорій, подражая Каіафѣ съ игекономъ—Пилатомъ, ругался надъ благочестно чтущими Христа. Въ пяткъ, вошедши въ одну изъ церквей съ градоправителемъ и съ толпою язычниковъ, какъ скоро увидѣлъ, что народъ съ отвращеніемъ смотритъ на его насильственное вторженіе, заставилъ жестокаго градоправителя—въ одинъ часъ всенародно высѣчь и ввергнуть въ темницу тридцать четыре челоуѣка,—дѣвъ, замужнихъ жень и благородныхъ мужей; въ числѣ ихъ была дѣва любительница чтенія; она держала еще въ рукахъ Псалтирь, когда велѣли сѣчь ее всенародно; книга была вырвана исполнителями казни, дѣва заключена въ тюрьму.

Послѣ всего этого они не успокоились, не щадили и прочаго, но вознамѣрились повторить тоже самое въ другой церкви, гдѣ всего болѣе пребывалъ я въ тѣ дни. Старался же простереть неистовство свое и на сію церковь, чтобы уловить и убить меня. Такъ и было бы со мною, еслибы не помогла благодать Хри-

стова, чтобы, избѣжавъ гибели, могъ я по крайней мѣрѣ пересказать хотя немного. Ибо видя, что буйство ихъ доходитъ до крайности, и признавъ лучшимъ, чтобы церковь не потерпѣла вреда, не пострадали въ ней дѣвы, не произошли опять убійства, и народъ въ другой разъ не подвергся оскорбленіямъ, — скрылся я отъ народа, вспомнивъ Спасителя, Который говоритъ: *егда гонятъ вы во градъ семъ, бѣгите въ другій* (Матѳ. 10, 23.). По злодѣяніямъ же, какія совершены ими въ другой церкви, зналъ я, что не откажутся отъ жестокости и въ этой; потому что не устыдились даже дня Господня въ святой праздникъ, но и въ этотъ день заключали людей церковныхъ въ темницу.

Когда Господь всѣхъ освободилъ отъ узъ смертныхъ; тогда Григорій и бывшіе съ нимъ, какбы въ противоборство Спасителю, положившись на покровительство градоначальника, и сей день свободы для рабовъ Христовыхъ обратили въ плачь. Язычники, уважая день сей, веселились; а Григорій, исполняя, можетъ быть, приказанія Евсевіевы, доводилъ христіанъ до необходимости плакать, обременялъ ихъ узами.

Съ такимъ насиліемъ градоправитель отнималъ церкви, и отнявъ, передавалъ Григорію и аріанамъ. И отлученные нами за нечестіе радуются похищенію церквей; а народъ Божій и служители соборной церкви принуждены, или пріобщиться къ нечестію еретиковъ аріанъ, или не входить въ церкви.

Даже корабельщикамъ и другимъ мореплавателямъ Григорій дѣлалъ не мало насилія и принужденія чрезъ градоправителя, подвергая ихъ истязаніямъ, побоямъ,

узамъ и заключенію въ темницу, чтобы не противорѣчили его беззаконіямъ, но даже приняли отъ него пшсьма.

Не довольствуясь и симъ, но чтобы насытитъ моею кровію, побудилъ онъ жестокаго сообщника своего, градоправителя, какбы отъ лица народа, написать представленіе благочестивѣйшему царю Констанцію въ укоризненныхъ противъ меня выраженіяхъ, въ слѣдствіе чего должно мнѣ не только бѣжать, но и ожидать себя тысячи смертей. Писалъ же сіе представленіе одинъ отступникъ изъ христіанъ, безстыдно поклоняющійся идоламъ; а подписались язычники, служители идольскихъ капищъ, и съ ними—аріане.

И чтобы не распространяться въ словъ, напишу: Здѣсь—гоненіе на Церковь, такое гоненіе, какого никогда еще не бывало. Ибо въ гоненіе, предъ симъ бывшее, по крайней мѣрѣ, кто спасался бѣгствомъ, тотъ могъ молиться и креститься въ тайнѣ: а нынѣ жестокость велика и уподобляется вавилонскому безбожію. Какъ было съ Даніиломъ; такъ и теперь чудный Григорій доноситъ градоправителю на тѣхъ, которые молятся въ домахъ, а за священнослужителями наблюдаетъ, преслѣдуя ихъ всякими оскорбленіями; почему, въ слѣдствіе такого насилія, многіе—въ опасности умереть некрещенными; многіе въ болѣзни остаются безъ посѣщенія духовными, и стѣнуютъ о такомъ бѣдствіи, почитая оное тягостнѣйшимъ самой болѣзни; потому что, при гоненіи на служителей церкви, тѣ изъ народа, которые гнушаются нечестіемъ еретиковъ аріанъ, предпочитаютъ лучше такъ болѣть и быть въ смертной опасности, нежели дозволить, чтобы рука аріанина взошла на главу ихъ.

Итакъ Григорій—аріанинъ и присланъ аріанами ; ибо никто не требовалъ его , кромѣ ихъ однихъ . И потому, какъ наемникъ и какъ чужій , христіанамъ соборной церкви, какъ ему не принадлежащимъ, чрезъ градоначальника причиняетъ бѣдствія и огорченія. Прежде, когда единомышленники Евсевіевы поставили аріанамъ какого-то Писта ,—какъ скоро написалъ я вамъ о немъ (извѣстно сіе всѣмъ вамъ епископамъ соборной церкви),—справедливо предали вы его анаѣмъ и отлученію за нечестіе . По сей-то причинѣ прислали теперь къ аріанамъ сего Григорія; а чтобы и въ другой разъ не остаться въ стыдѣ, послѣ того, какъ опять напишу къ вамъ противъ нихъ,—употребили противъ меня внѣшнюю силу, думая, что, овладѣвъ церквами , избѣгнуть подозрѣнія въ аріанствѣ . Но ошиблись и въ этомъ; потому что никто изъ церковныхъ не дѣйствуетъ съ ними за-одно , и на ихъ сторонѣ одни еретики, еще—отлученные отъ Церкви за вины, и тѣ, которые лицемѣрятъ по принужденію, боясь градоправителя . Вотъ чтò произведено единомышленниками Евсевіевыми! Сіе замыслили и слагали они издавна; теперь же нашли возможность привести въ исполненіе, при помощи клеветъ, какими очернили меня предъ царемъ . Конечно же, и на этомъ не успокоятся ; они такъ домогаются моей смерти, и столько страшными показываютъ себя моимъ знакомымъ, что всѣ обращаются въ бѣгство , и ожидаютъ себѣ отъ нихъ смерти .

Но поэтому не должно и вамъ оставаться въ бездѣйствіи при ихъ беззаконіяхъ; напротивъ того, надлежитъ вступиться въ дѣло, и вознегодовать на такіа противъ насъ нововведенія . Ибо если , когда стра-

ждеть одинъ членъ , состраждуть съ нимъ и всѣ члены , и по слову Блаженнаго Апостола , должно плакать съ плачущими (Рим. 12, 15.); то, когда страждеть такая Церковь , — пусть каждый , какбы самъ страдалъ, вступится въ дѣло. Ибо хулится ими общій нашъ Спаситель , и нарушаются ими общія всѣмъ намъ правила. Если бы, когда возсѣдаете вы въ церкви, и неукоризненно собираете народъ , вдругъ пришелъ кто-нибудь, по указу объявляя себя преемникомъ кого-либо изъ васъ , и съ вами случилось что-либо подобное ; то не вознегодовали ли бы вы , и не пожелали ли бы, чтобы вступились за васъ? Посему справедливо прійдти вамъ въ негодование, чтобы, если при этомъ умолчите , подобное зло не стало постигать и каждую церковь, и училище наше не обратилось, наконецъ, въ мѣсто купли и торжища.

Объ аріанахъ знаете уже вы , возлюбленные ; потому что нечестіе ихъ неоднократно подвергали отлученію, и каждый порознь, и всѣ вообще; знаете же, что и единомышленники Евсевіевы, какъ прежде сказалъ я, держатся той же ереси, почему и злоумышляютъ противъ меня издавна. Теперь чрезъ нихъ и отъ нихъ постигшія насъ бѣдствія, жесточайшія бѣдствія военнаго времени , описалъ я вамъ, чтобы вы , согласно съ упомянутымъ въ началѣ сказаніемъ , воспринявъ ненавидящую лукавства ревность , исторгли творящихъ подобное лукавство противъ Церкви. Если въ прошломъ году, когда еще не было сего , римскіе братія писали, учредить Соборъ по прежнимъ дѣламъ, чтобы наказать за оныя, и единомышленники Евсевіевы, боясь сего Собора, предупредили возмутить Церковь, и хотѣли убить меня , чтобы , не имѣя обличителя ,

необязанно дѣлать уже, что имъ угодно ; то кольми паче , по совершеніи столькихъ беззаконій , должны вы вознегодовать и произнести на нихъ осужденіе , по мѣрѣ того , что къ прежнему присовокупили еще и сіе ?

Умоляю васъ , не оставьте безъ вниманія сего , и не потерпите, чтобы знаменитая александрійская Церковь поправа была еретиками. И народъ и священнослужители , естественнымъ образомъ , не могутъ дѣйствовать совокупно; они молчатъ , боясь насилій отъ начальника области , но отвращаются нечестія арианскаго. Итакъ , если Григорій , или другой кто изъ окружающихъ его, будетъ писать къ вамъ,—не принимайте, братія , писаній его ; но отлучите и посрамите доставившихъ письма сіи , какъ служителей нечестія и лукавства. Если же осмѣлятся написать въ видъ примиренія, и сего не принимайте ; потому что доставятъ это къ вамъ взявшіеся изъ боязни градоначальника , въ слѣдствіе многихъ его насилій. Поелику же, вѣроятно, будутъ писать къ вамъ о семъ и Евсевіевы единомышленники; то по сей же причинѣ, напередъ напоминаю вамъ,—и въ семъ случаѣ , подражая Божію нелицепріятію , гоните отъ себя присланныхъ ими ; потому что , по ихъ настроенію , въ такое время язычниками и іудеями произведены въ церквахъ гоненіе, растлвнне дѣвъ, убійство, разграбленіе церковныхъ вещей, пожаръ и богохульства.

А злочестивый и нечестивый Григорій не можетъ отречься, что онъ—арианиць, имѣя обвинителемъ подписавшагося въ его посланіяхъ. Ибо сей подписавшійся есть Аммонъ , который давно уже за многія худыя дѣла и за нечестіе изверженъ изъ Церкви бла-

жевной памяти Александромъ, прежде меня бывшимъ епископомъ.

Ради же всего этого благоволите отписать ко мнѣ, и осудить нечестивыхъ, чтобы, какъ находящіеся здѣсь священнослужители и народъ, видя ваше православіе и вашу ненависть къ лукавству, возвеселились теперь о единодушной вашей во Христа вѣрѣ, такъ рѣшившіеся на такое противозаконное дѣло противъ Церкви, вразумившись вашими писаніями, хотя со временемъ когда-нибудь, могли раскаяться.

Привѣтствуйте братство ваше. Всѣ со мною сущіе братія привѣтствуютъ васъ. Здравыми и памятующими о мнѣ да сохранитъ Госнодь васъ, истинно возлюбленные Господа!

6. ЗАЩИТИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРОТИВЪ АРІАНЪ.

Думалъ я, что, послѣ многихъ доказательствъ, представленныхъ въ нашу пользу, враги, наконецъ, со стыдомъ скроются, и будутъ даже себя самихъ винить за то, въ чемъ клеветали на другихъ. Поелику же, и подвергшись такому осужденію, не обнаруживаютъ они стыда, но, по безчувственности своей, пресмыкаются въ злорѣчіи, признавая все требующимъ новаго суда, не для того, чтобы имъ самимъ держать отвѣтъ на судъ (этого избѣгаютъ они), но чтобы потревожить насъ и души людей простосердечныхъ; то призналъ я необходимымъ оправдаться предъ вами, чтобы вы не обращали больше вниманія на ихъ ропоть, но осудили ихъ лукавство и клевету. И оправдываюсь предъ вами, людьми искренними; а предъ любителями споровъ осмѣлюсь и на обличеніе ихъ.

Дѣло наше не требуетъ суда. Оно было уже судимо не разъ, не два, но многократно; и во-первыхъ—въ собраніи почти ста Епископовъ нашей области; во-вторыхъ—въ Римѣ, куда, по Евсевіеву писанію, призывали и ихъ, и насъ, и гдѣ собрано было болѣе

пятидесяти Епископовъ; въ-третьихъ—на большомъ соборъ въ Сардикъ, созванномъ по повелѣнію боголюбивѣйшихъ Царей Констанція и Константа. На семъ соборъ противники наши низложены, какъ клеветники, опредѣленіе же въ нашу пользу подтвердили своими голосами болѣе, нежели триста епископовъ изъ епархій Египта, Ливіи, Пентаполя, Палестины, Аравіи, Исавріи, Кипра, Памфили, Ликіи, Галатіи, Дакии, Мисіи, Фракіи, Дарданіи, Македоніи, Эпира, Фессаліи, Ахаіи, Крита, Далмаціи, Сискии, Панноніи, Норика, Итали, Пицена, Тусци, Кампаніи, Калабріи, Апуліи, Бруттіи, Сициліи, всей Африки, Сардиніи, Испаніи, Галліи, Британіи. Съ ними подписались свидѣтелями Урсакій и Валентъ, прежде клеветавшіе на насъ, а въ-послѣдствіи раскаявшіеся; они не только одобрили сдѣланное въ нашу пользу опредѣленіе, но и себя, и другихъ противниковъ нашихъ, признали клеветниками. Ибо принесшіе такое раскаяніе и подтвердившіе это письменно явнымъ образомъ избличаютъ Евсевіевыхъ сообщниковъ; потому что вообще съ ними составляли противъ насъ заговоръ. И такъ, что разбирали и рѣшили и ясно доказали столь многіе, достойные вѣроятія епископы, то, какъ признается всякій, напрасно подвергать снова суду, чтобы, если и теперь будетъ изслѣдовано, еще не пересуживать и снова не переслѣдывать, а такимъ образомъ не трудиться до безконечности. И голоса столькихъ епископовъ достаточно къ тому, чтобы постыдить намѣреющихся еще хотя чѣмъ-нибудь отмстить намъ.

Когда же и враги свидѣтельствуютъ въ нашу пользу и противъ себя, говоря, что это былъ заговоръ

на насъ: кому уже не будетъ стыдно колебаться еще сомнѣніемъ? Законъ повелѣваетъ состояться судамъ при устѣхъ двою и тріею свидетелей (Втор. 19, 15.); и вотъ—такое множество свидетелей за насъ, а къ нимъ въ добавокъ и показаніе враговъ. Почему и оставшіеся нашими врагами не обращаютъ вниманія на тѣхъ, кого судили, какъ хотѣли, но вынуждены уже вопреки благовидности нападать на своихъ обличителей. И для нихъ всего прискорбнѣе это; потому что дѣлали они скрытно, и слагали между собою втайнѣ, а Валентъ и Урсакій вывели то наружу и открыли. И въ точности знаютъ они, что раскаяніе сихъ людей сколько осуждаетъ ихъ, столько оправдываетъ терпѣвшихъ отъ нихъ обиду. Посему-то на Сардикійскомъ соборѣ были они низложены, какъ сказалъ я выше, и низложены справедливо. Такъ и тогдашніе фарисеи, заступаясь за Павла (Дѣян. 23, 9.), обличили составленный противъ него ими самими и іудеями заговоръ; такъ оказалось, что блаженный Давидъ гонимъ былъ напрасно, когда гонитель признался, сказавъ: *погрѣшихъ, чадо Давиде* (1 Цар. 26, 21.): такъ и сѣи, будучи побѣждены истинною, признали ее, и написавъ это, передали Юлію, Епископу Римскому. Писали и ко мнѣ, желая имѣть миръ со мною, тѣ самые, которые столько разглашали о мнѣ худаго, и которымъ, можетъ быть, и теперь стыдно; потому что, кого старались погубить, тотъ, какъ видятъ, по Господней благодати живъ. Арія же и ересь предали они анаѣмъ, что и слѣдовало имъ сдѣлать. Ибо узнавъ, что Евсевіевы приверженцы злоумышляли противъ меня не пощому чему, а только по собственному своему злочес-

тию, и однажды рѣшившись сознаться въ клеветѣ на насъ, тотчасъ отрелись отъ христорборной ереси, ради которой и противъ меня дѣйствовали.

А что на различныхъ соборахъ было писано въ нашу защиту епископами и прежде всего епископами египетскими, — это предлагаемъ здѣсь :

Святыи Соборъ, собравшійся въ Александрію изъ Египта, Фиванды, Ливіи и Пентаполя, повсюду сущимъ Епископамъ Вселенской Церкви, возлюбленнымъ и вождѣннымъ братіямъ, желаетъ о Господѣ радоваться.

Въ самомъ началѣ составленія заговора противъ сослужителя нашего Аѳанасія, и по вступленіи его въ Александрію, могли мы, возлюбленные братія, оправдать его въ томъ, что злоумышляли противъ него Евсевіевы приверженцы, а ихъ подвергнуть ответственности за все, что претерпѣлъ онъ отъ нихъ, и обнаружить всѣ взведенныя на него клеветы. Но поелику тогда, какъ и сами вы знаете, не дозволили сего самыя обстоятельства; теперь же, по возвращеніи Епископа Аѳанасія, думали-было мы, что будутъ они посрамлены и постыжены своими столько явными неправдами, — и потому разсудили молчать. А между тѣмъ, и послѣ того, какъ Аѳанасій столько потерпѣлъ, послѣ преселенія его въ Галлію, послѣ пребыванія его, вмѣсто своей стороны, въ странѣ чужой и весьма далекой, послѣ того, какъ ему, если-бы не встрѣтилъ челоуколюбиваго Царя, приходилось почти умереть отъ ихъ клеветы, хотя всѣмъ этимъ удовольствовался бы всякій, самый раздраженный и лютой врагъ, — они не чувствуютъ стыда,

напротивъ же того, снова возстають на Церковь и на Аанасія, и негодуя на возвращеніе его, отваживаются на новыя, большія прежнихъ, злодѣянія, легкомысленно возводятъ на него обвиненіе, и не боятся написаннаго въ Священномъ Писаніи: *свидѣтель живой безъ муки не будетъ* (Притч. 19, 9.), и: *уста лжущихъ убиваютъ душу* (Прем. Сол. 1, 11.). По сему самому мы не въ силахъ уже молчать, дивимся же ихъ лукавству и ненасытному соревнованію въ составленіи заговоровъ.

Вотъ, снова не перестаютъ тревожить царскій слухъ довами на насъ, не перестаютъ писать губительныя письма къ истребленію Епископа, врага ихъ нечестію. Снова писали на него Царямъ, опять хотятъ составить противъ него заговоръ, обвиняя его въ небывалыхъ кровопролитіяхъ; опять намѣреваются занести ему смерть, обвиняя его въ мнимыхъ убійствахъ. Ибо и тогда довели бы его до смерти клеветами своими, еслибы не было у насъ челоувѣколюбиваго Царя. Скажемъ короче: опять стараются изгнать его въ заточеніе, притворно оплакивая бѣдствія заточенныхъ, какъ будто имъ сосланы они въ заточеніе. Оплакиваютъ они то, чего мы вовсе не дѣлали; но не довольствуются тѣмъ, что сами противъ него сдѣлали, хотятъ же присовокупить вновь худшее прежняго. Столько-то они кротки, челоувѣколюбивы и благоправны, лучше же сказать (и это будетъ сказано вѣрно), лукавы и жестоки, и внушаютъ къ себѣ уваженіе страхомъ и угрозами, а не благочестіемъ и скромностію, приличными епископамъ! Какихъ выраженій не употребилъ бы ни одинъ изъ свѣтскихъ дѣловодцевъ, такія осмѣлились они расто-

чать, когда писали къ Царямъ; и обвиняли Аѳанасія въ столькихъ убійствахъ и кровопролитіяхъ не передъ градоначальникомъ и не передъ кѣмъ-либо высшимъ, но передъ тремя Августами. Не задержала ихъ отдаленность путей, только чтобы наполнить доносомъ своимъ всѣ высшія судебныя мѣста; ибо дѣйствительно, возлюбленные, написанное ими есть доносъ, и доносъ самый тяжкій, потому что представленъ въ самое высшее у людей судилище. И что иное будетъ концемъ сихъ изслѣдованій, какъ не смерть, по мановенію царской воли? Итакъ не Аѳанасіевы, но ихъ дѣла достойны слезъ и сѣтованія, ихъ иному справедливѣе будетъ оплакивать; потому что о нихъ-то и печалиться надобно, какъ написано: *не плачите мертваго, ниже рыдайте о немъ: плачите плачемъ о исходящемъ, яко не возвратится ктому* (Іер. 22, 10.). Все ихъ посланіе не иное что имѣеть цѣлю, какъ смерть; если дозволятъ, — готовы они умерщвлять, посылать въ заточеніе. Ибо имѣли уже дозволеніе боголюбивѣйшаго родителя Царей нашихъ, который и удовлетворилъ ихъ раздражительности, вмѣсто смерти, назначивъ изгнаніе.

А что такія дѣла несвойственны и простымъ христіанамъ, рѣдко видимы даже у язычниковъ, и тѣмъ менѣе приличны епископамъ, обязаннымъ другихъ учить справедливости, — сіе, думаемъ, усматриваетъ ваша о Христвѣ совѣсть. Ибо какъ запрещающіе другимъ дѣлать доносы сами стали донощиками, и притомъ Царямъ? Какъ учащіе миловать несчастныхъ не успокоиваются и по заточеніи нашемъ? По признанію всѣхъ, это было общее заточеніе насъ епископовъ, и всѣ мы себя признавали изгнанниками, какъ

теперь признаемъ , что вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ возвращены мы отечеству, и, вмѣсто прежнихъ о немъ сѣтованій и слезъ , получаемъ великую радость и милость, которую да сохранить Господь и да не попуститъ Евсевіевымъ приверженцамъ похитить у насъ! Если бы и справедливый дѣлали на него доносъ; то было бы сіе предосудительно; потому что въ противность правиламъ христіанства, послѣ истребительнаго изгнанія, снова возставъ , обвиняють въ убійствахъ, кровопролитіяхъ и другихъ преступленіяхъ, и такія вещи объ епископахъ доводятъ до царскаго слуха. Когда же во всемъ этомъ они лгутъ, во всемъ клеветуютъ, и ни въ устахъ, ни въ посланіяхъ, нѣтъ у нихъ правды: сколько отъ нихъ зла, или какими людьми признаете ихъ?

Итакъ приступимъ уже къ дѣлу, и рассмотримъ сдѣланные ими нынѣ доносы. Ибо чрезъ сіе откроется, что не хорошо они поступали, лучше же сказать, неправду говорили, когда и прежде разглашали на соборъ и въ судъ, да и теперь подвергнутся опять осужденію за то-же самое. Стыдно намъ оправдываться въ подобныхъ вещахъ; но, поелнку дерзкіе доносчики готовы на все, и выставляютъ на видъ , что, по возвращеніи Аѳанасіевома, были убійства и кровопролитія, то просимъ терпѣливо выслушать наше оправданіе, хотя будетъ оно и длинно; потому что требуетъ того самое дѣло.

Ни Аѳанасіемъ, ни ради Аѳанасія, не было совершено никакого убійства (когда доносчики доводятъ насъ, какъ сказали мы выше, до такого постыднаго оправданія); кровопролитія и заключенія въ узы чужды нашей Церкви. Аѳанасій никого не предавалъ

въ руки исполнителю казни, и темница, сколько отъ него это зависѣло, никогда не была имъ потревожена. Наши святилища, какъ всегда, такъ и нынѣ чисты, украшены единою Христовою кровію и благочестивымъ служеніемъ Христу. Ни пресвитеръ, ни діаконъ не былъ умерщвленъ Аѳанасіемъ; онъ не былъ виновникомъ ни убійства, ни заточенія. И о, еслибы и съ нимъ не дѣлали этого, заставляя извѣдать то дѣйствительнымъ опытомъ! Никто, ради его, не былъ посланъ отсюда въ заточеніе, кромѣ самого Аѳанасія, Епископа Александрійскаго, который изгнанъ былъ ими, и котораго, по освобожденіи изъ заточенія, снова стараются они оклеветать въ томъ же, или еще и въ худшемъ, поощряя языкъ свой на всякія лживыя и смертоносныя рѣчи. Ибо вотъ, наконецъ, ему приписываютъ дѣйствіе судей; и хотя въ посланіи явно признаются, что о нѣкоторыхъ сдѣланы приговоры египетскимъ епархомъ, однакоже не стыдятся опять приговоры сіи ставить въ вину Аѳанасію, который тогда не былъ еще въ Александріи, но находился на возвратномъ пути изъ заточенія, и былъ въ Сиріи. Только должно ли вводить въ оправданіе и сіе въ дальней странѣ его пребываніе, когда никто другій не подлежитъ ответственности въ томъ, что сдѣлалъ градоначальникъ, или епархъ Египта? Ибо, еслибы Аѳанасій былъ и въ Александріи, то какое отношеніе имѣли бы къ нему дѣйствія епарха? Впрочемъ Аѳанасія и на мѣсть не было, и что сдѣлано епархомъ египетскимъ,—дѣлалось не по церковнымъ, а по другимъ побужденіямъ, какъ увидите изъ записи, которую, узнавъ написанное ими, полюбобытствовали мы видѣть, и послали къ вамъ.

Посему, когда и теперь оглашаютъ сдѣланнымъ , что не имъ и не ради его сдѣлано , и свидѣтельствуиотъ объ этомъ , какбы удостовѣрившись въ столь многихъ худыхъ поступкахъ ; то пусть скажутъ , отъ какого собора узнали сіе ? изъ какихъ обнародованныхъ доказательствъ ? изъ какого судебного рѣшенія ? Если же , не имѣя ничего подобнаго , утверждаютъ сіе просто ; то вамъ предоставляемъ выикнуть , какъ дѣлалось и прежнее , или на какомъ основаніи утверждаютъ они это ? Ибо все это не болѣе , какъ клевета , вражескій навѣтъ , нерасположенная къ терпимости раздражительность , злочестіе за аріанъ съ яростію устремляющееся на благочестіе , чтобы православные были истреблены , а защитники нечестія могли уже необязненно проповѣдывать , что имъ угодно . И это дѣйствительно такъ .

Когда вознечествовавшей Аріи , отъ котораго получила наименованіе аріанская ересь , изверженъ былъ изъ Церкви блаженной памяти Епископомъ Александромъ : тогда единомышленники Евсевіевы , ученики и сообщники его нечестія , и себя почитая изверженными , писали къ Епископу Александру , много убѣждая его не изгнать изъ Церкви еретика Аріа . По велику же Александръ , по благочестивой вѣрѣ во Христа , не принималъ нечестивца ; то вознегодовали на Аѳанасія , бывшаго тогда діакономъ ; потому что , какъ развѣдали о немъ и услышали , Аѳанасій весьма часто бывалъ при Епископѣ Александрѣ , и имъ уважаемъ . Когда же увидѣли и опытъ его благочестивой во Христа вѣры на Соборѣ , сошедшемся въ Никее , гдѣ съ дерзновеніемъ возставалъ онъ противъ нечестія аріанъ : тогда еще болѣе возрасла

ихъ ненависть; и какъ скоро Богъ возвелъ его на епископство, — возобновивъ въ себѣ издавна питаемую злобу, страшась его православія и твердости въ борьбѣ съ нечестіемъ (еще же болѣе мучило Евсевія сознание того, что было ему извѣстно), всѣми мѣрами стали злоумышлять и строить козни Аѳанасію. Возбудили противъ него Царя; неоднократно угрожали соборами; наконецъ, сошлись въ Тирѣ, и донныя не перестаютъ писать противъ него. Они столько неутомимы, что осуждаютъ поставленіе его на епископство, при всякомъ случаѣ давая знать о себѣ, что они враги и ненавидятъ его, готовы говорить ложь, только бы унизить его лживыми своими разглашеніями. Но тѣмъ самымъ, въ чемъ лгутъ теперь, доказываютъ, что и прежде было лживо и полно злоумышленія.

Говорятъ, что, по кончинѣ Епископа Александра, когда нѣкоторые, и то немногіе, напомнили объ Аѳанасіѣ, — рукоположенъ онъ шестью, или семью, епископами тайно, въ сокровенномъ мѣстѣ. Это писали и Царямъ сіи люди, не отказывающіеся писать всякую ложь. Но что все множество жителей, всѣ, принадлежащіе ко вселенской Церкви, собравшись вмѣстѣ и единодушно, какбы въ единомъ тѣлѣ, вопіяли, зывали, требуя въ Епископа Церкви Аѳанасія, и всенародно молили о семъ Христа въ продолженіе многихъ дней и ночей, заклинали насъ сдѣлать это, и сами не выходя изъ церкви, и намъ не позволяя выйдти, — этому свидѣтели и мы, и весь городъ, и вся епархія. Ничего не было сказано противъ Аѳанасія, какъ ими писано; говорили же о немъ все прекрасное, называя его рачительнымъ,

благоговѣйнымъ, христіаниномъ, однимъ изъ подвижни-
 ковъ и понсвинъ епископомъ. И что рукополагали
 его многіе изъ насъ, въ глазахъ у всѣхъ и при
 общемъ всѣхъ восклицаніи, — сему опять мы руко-
 полагавшіе служимъ болѣе достовѣрными свидѣте-
 лями, нежели тѣ, которыхъ при семъ не было,
 и которые говорятъ ложь. Впрочемъ поставленіе
 Аванасія оуждаетъ Евсевій, — такой человекъ, кото-
 рый, можетъ быть, вовсе не имѣлъ законнаго по-
 ставленія, а если и имѣлъ когда, то самъ уничто-
 жилъ оное. Сначала былъ онъ въ Виритъ (*); но,
 оставивъ Виритъ, перешелъ въ Нпкомидію. Одну
 паству оставилъ вопреки закону, а въ другую при-
 шель также противъ закона; и собственную свою
 паству покинулъ по недостатку любви, и чужую
 править безъ основанія; презрѣлъ любовь первой
 паствы по желанію имѣть другую, но и въ другій
 разъ не соблюлъ той, которую получилъ по жела-
 нію; ибо вотъ, и отсель удалившись, опять захваты-
 ваетъ чужую, вездѣ обращаетъ жадные взоры на
 чужіе города, и думаетъ, что благочестіе состоитъ
 въ богатствѣ и въ величіи городовъ, ни во что же
 ставитъ Божій жребій, по которому поставляется
 каждый, — не зная, что *идъже собрани два или три
 во имя Господне, ту посреде ихъ Господь* (Матѣ.
 18, 20.), — не помышляя о сказанномъ у Апостола:
не похваляюся въ чуждыхъ трудяхъ (2 Кор. 10, 15.), —
 не обращая вниманія на его заповѣдь: *привязался
 ли еси женѣ? не ищи разрѣшенія* (1 Кор. 7, 27.).

(*) Байругъ.

Если же сказано такъ о женѣ; то тѣмъ паче о Церкви и объ епископствѣ въ оной надобно разумѣть, что сопрягшійся съ одною церковію не долженъ искать другой; а иначе, по Божественнымъ писаніямъ, окажется прелюбодѣемъ.

Но и сознавая за собою все это, когда объ Аѳанасіѣ всѣ свидѣлствуютъ съ доброй стороны, осмѣлился Евсевій клеветать на его поставленіе, отваживается называть его низложеннымъ, когда самъ низложенъ, и во свидѣтельство своего низложенія имѣеть то, что на мѣсто его поставленъ другой. Какъ же онъ или Феогній могли низложить другаго, когда сами низложены и уличаются въ этомъ поставленіемъ на ихъ мѣсто другихъ? Ибо въ-точности знаете, что на мѣсто ихъ, послѣ того какъ они за собственное ихъ нечестіе и за сообщеніе съ аріанами осуждены на вселенскомъ Соборѣ, поставлены въ Никомидію Амѳіонъ, а въ Никею Христь. Желая отринуть этотъ истинный Соборъ, замышляютъ они наименовать соборомъ свое несправедное сходбище; не желая, чтобъ имѣли силу опредѣленія того Собора, хотятъ дать силу своимъ опредѣленіямъ. Непокорившіеся великому Собору—свое сборище именуютъ соборомъ. Не о соборѣ они заботятся, но притворяются озаченными, чтобы истребить православныхъ и обратить въ ничто на истинномъ и великомъ Соборѣ постановленное противъ аріанъ, которыхъ, какъ всегда, такъ и нынѣ, защищаютъ они, почему и осмѣливаются лгать на Епископа Аѳанасія.

И это подобно тому, что теперь говорятъ они ложно, будтобы, при вступленіи Аѳанасія, были смятенія, плачь и сѣтованіе въ народѣ, негодовавшемъ

на его принятіе. Ничего подобнаго тому не было, но всё было напротивъ: радость и веселіе и стеченіе народа, поспѣшавшаго къ вождельному лицезрѣнію его; веселія исполнились церкви; всюду возносилось благодареніе Господу. Всѣ священно-и-церковно-служители, взирая на него, веселились въ душѣ, и день этотъ признавали изъ всѣхъ радостнѣйшимъ. Нужно ли описывать несказанную радость, какая была у насъ—епископовъ? Прежде уже говорили мы, что и себя почитали страдавшими вмѣстѣ съ нимъ.

Поелику же дѣло, по общему признанію, происходило такимъ образомъ, а они разглашаютъ противное; то какую достовѣрность имѣютъ провозглашаемый ими соборъ или его осужденіе? Которые на то, чего не видали, о чемъ не производили суда, и даже не собирались для этого, осмѣливаются такъ нападать и писать о семъ, какъ удостовѣрившіеся въ дѣлѣ, тѣмъ можно ли повѣрить и въ такомъ дѣлѣ, для котораго, какъ говорятъ они, собирались вмѣстѣ? Не въроятнѣе ли, напротивъ, что и то и это сдѣлано ими по враждѣ? Какой былъ тогда соборъ епископовъ? На какомъ засѣданіи держались истины? Кто изъ большаго числа ихъ не былъ нашимъ врагомъ? Не ради ли Аріева безумія возстали противъ насъ Евсевіевы приверженцы? Не своихъ ли единомышленниковъ созывали они? Не всегда ли писали мы противъ нихъ, какъ противъ держащихся аріанскихъ мыслей? Развѣ бывшіе съ нами исповѣдники не обвиняли Евсевія, Епископа Кесаріи Палестинской, въ приношеніи жертвы? Развѣ Георгій не былъ обличенъ въ томъ, что низложилъ онъ блаженнымъ Александромъ? Развѣ и другіе не подвергались разнымъ дру-

гимъ обвиненіямъ? Какъ же вознамѣрились они собраться противъ насъ? Какъ осмѣливаются называть соборомъ такое сборище, гдѣ председательствоваль комитъ, присутствоваль исполнительъ казни, и куда, вмѣсто церковныхъ діаконовъ, вводилъ насъ писарь? Комитъ говорилъ, а присутствовавшіе молчали, или, лучше сказать, повиновались ему; епископовъ, думавшихъ сдѣлать какое-нибудь движеніе, останавливала его воля. Онъ давалъ приказанія, и насъ водили воины; или, лучше сказать, приказывали Евсевіевы приверженцы, и онъ выполнялъ ихъ мысль. Однимъ словомъ, возлюбленные, какой это соборъ, когда концемъ всего было бы тамъ изгнаніе и убійство, если бы утвердилъ Царь?

И въ чемъ состояли обвиненія? Въ этомъ особенно достойны они удивленія. Былъ нѣкто Арсеній; и жаловались, что онъ убитъ; клеветали еще, что сокрушена таинственная чаша.

Но Арсеній живъ; онъ желаетъ участвовать съ нами въ церковныхъ собраніяхъ, не ожидаетъ иныхъ свидѣтельствъ тому, что живъ, но самъ провозглашаетъ сіе въ письмахъ своихъ, пиша о томъ къ соепископу нашему Аѳанасію, котораго называли его убійцею. Не устыдились сіи нечестивцы обвинять Аѳанасія, что убитъ имъ человекъ, который былъ отъ него такъ далеко, раздѣленъ весьма большимъ пространствомъ моря и суши, о которомъ Аѳанасій въ то время не зналъ даже, въ какой онъ сторонѣ, и котораго осмѣлились они скрыть и представить изгнаннымъ, когда ничего не было съ нимъ худаго. Если бы можно было,—они переселили бы его въ другую вселенную, върнѣе же сказать, дѣйствительно лишили бы его

жизни, только бы, или подлиннымъ или вымышленнымъ убійствомъ, нанести вѣрную смерть Аѳанасію. Но и въ этомъ благодареніе Божию Промыслу, который не попустилъ превозмочь неправдѣ, но предъ взоры всѣхъ изводитъ Арсенія живымъ, и явно изображаетъ тогдашній ихъ змыи умыслъ и клевету; потому что Арсеній не отвращается отъ насъ, какъ отъ убійцъ, и не питаетъ къ намъ ненависти, какъ къ причинившимъ ему оскорбленіе; а напротивъ того, вовсе ничего не потерпѣвъ отъ насъ, желаетъ онъ быть въ общеніи съ нами, и хочетъ къ намъ быть соприсчисленнымъ, о чемъ и писалъ.

Но какъ по ихъ умыслу обвиненъ Аѳанасій въ убійствѣ чловѣка, который живъ, такъ ими-же изгнанъ онъ былъ въ заточеніе. Ибо не родитель Царей осудилъ его на заточеніе, но сдѣлали это ихъ клеветы. Смотрите, не дѣйствительно ли такъ было дѣло? Когда ничего не нашлось къ обвиненію сослужителя нашего Аѳанасія, комитъ былъ въ затрудненіи, и много употреблялъ противъ него усилій; а Епископъ Аѳанасій, избѣгая насилій, предсталъ къ благочестивѣйшему Царю, искалъ тамъ себѣ спасенія отъ комита и отъ ихъ замысловъ, просилъ, чтобы созванъ былъ законный соборъ епископовъ, или чтобы самъ Царь принялъ оправданіе въ томъ, что ставили Аѳанасію въ вину: Царь съ негодованіемъ пишетъ, вызываетъ ихъ къ себѣ, общается самъ выслушать дѣло, и велитъ быть собору. Между тѣмъ, приходятъ Евсевіевы приверженцы, клеветаютъ на Аѳанасія, обвиняя уже не въ томъ, что было ими разглашаемо въ Тирѣ, но въ задержаніи кораблей и хлѣба, въ томъ, будто бы Аѳанасій объявилъ, что можетъ воспрепятствовать

подвозу хлѣба изъ Александріи въ Константинополь. Нѣкоторые изъ нашихъ, бывшіе съ Аѳанасіемъ при Дворѣ, слышали о семъ отъ разгнѣваннаго Царя. Аѳанасій сѣтовалъ на эту клевету, и утверждалъ, что это неправда; ибо возможно ли такое дѣло чловѣку простому и бѣдному? Но Евсевій не отказался подтверждать клевету всенародно, съ клятвою увѣрялъ, что Аѳанасій богатъ и силенъ, и въ состояніи все сдѣлать, а симъ хотѣлъ онъ утвердить и въ той мысли, что дѣйствительно сказаны были Аѳанасіемъ приписываемыя ему слова. Въ семъ-то обвиняли Аѳанасія почтенные сіи епископы; но благодать Божія превозмогла ихъ лукавство, и благочестіе царево подвигла на чловѣколюбіе, вмѣсто смерти допустила одно заточеніе. Итакъ, причиною сему не иное что, а только клеветы. Ибо Царь въ письмѣ, прежде сего писанномъ, оуждалъ заговоръ, винилъ злокозненность, осуждалъ мелетіанъ, называлъ ихъ неправыми, достойными проклятія, и придавалъ имъ самыя ужасныя наименованія. Его тронуло, что за мертваго выдаютъ чловѣка, который живъ, тронуло, что обвиняютъ въ убійствѣ живаго и никогда не лишавшагося жизни. Письмо сіе послали мы къ вамъ.

Но чудные сіи люди, Евсевіевы приверженцы, чтобы хотя по видимости опровергнуть истину и что было писано, — прикрываются именемъ собора, и получаютъ отъ Царя дозволеніе приступить къ дѣлу; заѣзжаетъ съ ними комитъ, и епископовъ сопровождаютъ войны; имѣютъ у себя царскія писанія, понуждающія собраться всѣхъ, кого они требовали. Обратите при семъ вниманіе, какъ необычайно ихъ злоумышленіе, какъ непомерна дерзость ихъ предпріятія,

чтобы, какнѣмъ-бы то ни было способомъ, похитить у насъ Аѳанасія. Если они, какъ епископы, себѣ только однимъ дозволяли судъ; то какая была нужда въ комитѣ и войнахъ? Или для чего собирались по царскимъ писаніямъ? А если имѣли нужду въ царѣ, и отъ него хотѣли получить полномочіе; то для чего нарушили его рѣшеніе? Или почему, когда Царь въ письмѣ своемъ признавалъ мелетіанъ клеветниками, неправыми, а Аѳанасія во всемъ чистымъ, и когда сильно выражался о вымышленномъ убіеніи челоуѣка, который остается живымъ,—они рѣшили, что мелетіане правы, Аѳанасій же виновать, и безъ стыда живаго выдали за мертваго? Онъ живъ былъ по произнесеніи Царемъ суда, и живъ былъ, когда собирались они, и донинѣ находится съ нами. Довольно сего объ Арсеніѣ.

Какая же таинственная чаша, и гдѣ разбита Макаріемъ? Они разглашаютъ о семъ повсюду. Хотя сами обвинители не осмѣлились бы ставить сего въ вину Аѳанасію, если бы не были подущены ими; однакожь, на него возлагаютъ они всю тяжесть вины, которая не должна падать и на Макарія, такъ какъ онъ не уличенъ. И не стыдятся они выставлять тайны на такой позоръ предъ оглашенными и, что еще хуже, предъ язычниками, когда, по написанному, *тайну цареви добро хранить* (Тов. 12,7.); и Господь заповѣдалъ: *не дадите святая псомъ, ни пометайте бисеръ предъ свиніями* (Матѳ. 7, 6.). Не должно выставлять тайны на позоръ предъ непосвященными, чтобы не посмѣвались язычники по невѣдѣнію, и не соблазнялись оглашенные, ставъ пытливыми. Однако же, какая чаша, гдѣ, и у кого разбита? Обвинители

въ этомъ — мелетіане, которымъ вовсе не должно вѣрять; потому что они раскольники и враги Церкви, какъ нынѣ, такъ и со времянь блаженнаго Петра, епископа и мученика; они злоумышляли противъ самаго Петра, клеветали на преемника его Ахилла, обвиняли Александра даже предъ самимъ Царемъ; навывнувъ же этому, стали нападать потомъ и на Аѳанасія, поступаая такъ не вопреки обычному своему лукавству. Ибо какъ клеветали на его предшественниковъ, такъ стали клеветать и на него. Но клеветы и ложные доносы возымѣли силу теперь, а не прежде; потому что нашли себѣ содѣйственниковъ и покровителей въ приверженцахъ Евсевіевыхъ, по причинѣ собственнаго нечестія аріанъ, по которому составляются заговоры, какъ противъ многихъ епископовъ, такъ и противъ Аѳанасія. Мѣстомъ, гдѣ, какъ говорятъ, разбита чаша, была не церковь; обитатель мѣста былъ не пресвитеръ; день, въ который, по словамъ ихъ, сдѣлалъ это Макарій, былъ не воскресный. Итакъ, если не было тамъ церкви, не было священнодѣйствующаго, и день не требовалъ священнодѣйствія; то какаѣ же и гдѣ разбита таинственная чаша? Конечно, чашъ много и въ домахъ, и среди рынка, и кто разбиваетъ ихъ, ни мало не чествуетъ; таинственная же чаша, за которую, если произвольно будетъ разбита, покусившійся на сіе дѣлается виновнымъ въ нечестіи, должна находиться только у однихъ законныхъ предстоятелей Церкви. Одно только употребленіе сей чаши, а другаго нѣтъ. Вы законно предлагаете ее народу; вамъ она ввѣрена по церковному правилу, и она — достояніе только предстоятелей вселенской Церкви. Ибо вамъ только дозволительно

предлагать въ питіе кровь Христову, а не кому-либо другому. Но, сколько нечестивъ разбивающій таинственную чашу, столько еще болѣе нечестивъ, кто поругаетъ кровь Христову; поругаетъ же ее тотъ, кто сдѣлаетъ сіе не по церковному уставу. Говоримъ сіе не потому, что Макаріемъ дѣйствительно разбита чаша, хотя бы то употребляемая раскольниками, но потому, что вовсе не было тамъ чаши. Ибо могла ли она быть, когда и мѣсто было не въ храмъ Господень, и не находилось тамъ служителя церкви, даже и не время было тайнодѣйствию? Таковъ этотъ, надѣлавшій много о себѣ шуму, Исхиръ, который не рукоположенъ Церковію, и, когда Александръ принималъ пресвитеровъ, поставленныхъ Мелетіемъ, къ нимъ не соприсчисленъ, а потому и тамъ не былъ поставленъ. Итакъ почему же Исхиръ пресвитеръ? Кто его поставлялъ? Не Колуѣ ли? Ибо остается предположить одно это. Но извѣстно, и никто не сомнѣвается въ томъ, что Колуѣ умеръ пресвитеромъ, что всякое его рукоположеніе не дѣйствительно, что всѣ, поставленные имъ во время раскола, суть міряне, и сходятся на богослуженіе, какъ міряне. Какъ же повѣрять, что человекъ частный, живущій въ частномъ домѣ, имѣлъ у себя таинственную чашу? Но тогда частнаго сего человека назвали пресвитеромъ, и дали ему сіе наименованіе, чтобы сдѣлать обиду намъ, а теперь, въ награду за обвиненіе, поручаютъ ему созиданіе церкви. Такимъ образомъ не было у него церкви; но въ награду за злонравіе и послушаніе, при обвиненіи Аѳанасія, пріемлетъ нынѣ церковь, которой не имѣлъ, а можетъ быть, дали ему за сіе и епископство; потому что Исхиръ разглашаетъ это всюду, и столько

гордится предъ нами. Такія-то, наконецъ, награды предлагаются епископамъ обвинителямъ и ложнымъ допосчикамъ! Такъ и слѣдовало поступить тѣмъ, которые пѣли его содѣйственникомъ, въ чемъ хотѣли, — какъ сообщника въ дѣлахъ своихъ, удостойте подобнаго епископства!

По это еще не все; благоволите выслушать, что, кромѣ сего, сдѣлано ими. Поелику не перемогли истины, хотя и злоухищрались противу нея, а Исхиръ ничего не доказалъ въ Тирѣ, но оказался клеветникомъ, и клевета разстроила ихъ замысль; то отлагають дѣло до новыхъ доказательствъ, и обѣщаются послать отъ себя для развѣданія дѣла въ Мареотъ такихъ людей, которыхъ явно желали мы не допустить до сего по многимъ причинамъ и потому, что въ образъ мыслей согласны они съ Аріемъ, и намъ непріязненны. И воспользовавшись властію, тайно послали они Діогнія, Марина, Феодора, Македонія, двоихъ юныхъ и возрастомъ и правомъ, Урсакія и Валента изъ Панноніи. И они послѣ дальняго пути, перенесеннаго ими для произведенія суда надъ врагомъ, снова поспѣшили идти изъ Тира въ Александрію. И судіи не отказались стать свидѣтелями; но явно приняли на себя трудъ дѣлать навѣты всякаго рода, подвергли себя всякимъ трудамъ и неудобствамъ пути, чтобы выполнить составленный умысль; епископа Аѳанасія оставили задержаннымъ на чужой сторонѣ, сами же вступили въ городъ своего противника, какбы ругаясь надъ церковію и народомъ. А что всего протпвузаконнѣе, — взявъ съ собою обвинителя Исхира, не позволили слѣдовать за ними обвиняемому Макарію, но оставили его подъ стражею

въ Тиръ; потому что на Александрійскаго пресвитера Макарія приносили они всякаго рода жалобы. Итакъ, прибывъ въ Александрію одни съ обвинителемъ, съ которымъ вмѣстѣ жили, ѣли и пили, и взявъ съ собою египетскаго епарха Филагрія, отправились въ Марсеотъ, и тамъ одни-же, съ упомянутымъ выше обвинителемъ, производили пзслѣдованіе, какъ хотѣли, не дозволивъ быть при семъ пресвитерамъ, которые иного о томъ просили; пресвитеры же города Александріи и всего округа желали быть при слѣдствіи, чтобы подущаемыхъ Исхиромъ обличить—кто они и откуда. Но возбранивъ быть при семъ священнослужителямъ, при язычникахъ производили они пзслѣдованія о церкви, о чашѣ, о трапезѣ и о святыхъ Тайнахъ, и, что еще хуже, язычниковъ призывали въ свидѣтели, спрашивая о таинственной чашѣ; и о комъ утверждали, что похищены они Аѳанасіемъ, и не могли явиться на призывъ царскаго чиновника, даже неизвѣстно, гдѣ находятся, тѣхъ вводили при себѣ и при одномъ епархѣ; не устыдились говорить, что люди сіи скрыты Епископомъ Аѳанасіемъ, тогда какъ сами полагали воспользоваться ихъ свидѣтельствами. Но и въ этомъ случаѣ, имѣя въ виду какъ-бы только умертвить Аѳанасія, опять, подражая выдуманному объ Арсеніѣ, живыхъ представляютъ умершими. Ибо о людяхъ, которые живы и въ своей сторонѣ всѣми видимы, вамъ, живущимъ вдали, рассказываютъ, что ихъ не стало, чтобы, при такой отдаленности служащаго къ обличенію, очернить сослужителя нашего, будто бы дѣйствуетъ онъ насильственно и самовластно, между тѣмъ какъ сами во всемъ поступаютъ властительски по предстательству другихъ. Ибо и въ Марсеотъ дѣла

шли опять подобно тому, что было в Тире. Как тамъ былъ комить съ войнами, и не позволялъ никому говорить или дѣлать не по ихъ волѣ, такъ и здѣсь былъ египетскій епархъ съ военнымъ отрядомъ, наводилъ страхъ на всѣхъ служителей церкви, и никому не позволялъ свидѣтельствовать по всей правдѣ; а что всего страннѣе, въ одномъ и томъ-же мѣстѣ, въ домъ обвинителя, и жили, и производили изслѣдованія, о чемъ хотѣли, сіи и судіи, и свидѣтели, вѣрнѣе же сказать—служители своего и Евсевіеваго умысла.

И на что отважились они въ Александріи,—думаемъ, не безъизвѣстно вамъ; потому что пересказывается сіе всюду. Заносимы были обнаженные мечи на святыхъ дѣвъ и братій, и бичи на драгоценныя предъ Богомъ тѣла; отъ ударовъ хромали ногами всецѣло сохранившія душу въ непорочности и во всякомъ совершенствѣ. Противъ нихъ посылаемы были толпы язычниковъ, обнажать, бить ихъ, безчинствовать предъ ними, грозить имъ алтарями и жертвами, и иной безчинникъ, какбы по данной уже отъ епарха власти, въ угодность епископамъ, бралъ дѣву за руку, и влекъ ее къ первому встрѣтившемуся жертвеннику, подражая тѣмъ временамъ, когда необходимо было принести жертву, или терпѣть гоненіе. Вотъ что дѣлалось: дѣвы предавались бѣгству, язычники смѣялись надъ церковію, между тѣмъ епископы не показывались, жили въ томъ домѣ, въ которомъ дѣлалось это, и гдѣ, въ угодность имъ, дѣвы видѣли обнаженные мечи, всякую опасность, обиды, поруганіе. И все это терпѣли онѣ во время поста отъ тѣхъ, которые въ домахъ пировали съ епископами.

Предвидя это и почитая немаловажнымъ какимъ-либо вредомъ, но вражескимъ нашествіемъ, сдѣлали мы отъ себя представленіе. Ту-же имѣя мысль, и Александръ, Фессалонпкійскій епископъ, пишетъ къ остававшимся тамъ, обличая заговоръ и свидѣтельствуя о злоумышленіи. И если они причисляютъ Александра къ своимъ, и признаютъ участниковъ ихъ злоумышленія, то не иное что доказываютъ симъ, какъ употребленное противъ него насиліе. Ибо и самъ вселукавый Исхиръ не безъ страха и принужденія рѣшился на дѣло сіе, но по необходимости принявъ на себя должность обвинителя. И вотъ сему доказательство: самъ Исхиръ писалъ къ соепископу Аѳанасію, что ничего подобнаго не было тамъ сдѣлано, и его напустили выдумать это. И писалъ сіе тогда, какъ Аѳанасій не призналъ его пресвитеромъ, тогда какъ не принималъ онъ отъ Аѳанасія сего благодатнаго наименованія, тогда какъ въ воздаяніе не получилъ управленія церковію, и не ожидалъ въ награду себѣ епископства; все же это получилъ отъ Аѳанасіевыхъ враговъ за обвиненіе. Да и весь родъ Исхировъ былъ въ единеніи съ нами, между тѣмъ какъ не стали бы они держаться сего единенія, если бы хотя малую потерпѣли отъ насъ обиду. Все это—не одни слова, но самое дѣло; въ томъ свидѣтели всѣ мареотскіе пресвитеры, которые постоянно находились при епископѣ во время его путешествій, и писали тогда противъ Исхира, и которымъ, какъ приходившимъ въ Тиръ не дозволено было говорить истину, такъ и оставшимся въ Мареотъ не дано свободы обличить клеветника Исхира. О семъ-же свидѣтельствуютъ списки съ писемъ Александра и пресвитеровъ, и письма Исхировы.

Но мы послали и писаніе родителя Царей, въ которомъ не только выражаетъ онъ негодованіе по дѣлу объ Арсеніѣ, а именно, что Аѳанасій обвиняется въ убійствѣ чловѣка, который живъ, но и по дѣлу о чашѣ изъясняетъ удивленіе по причинѣ ухищренности и несостоятельности обвиненія; потому что въ разбитіи чаши обвиняли они то пресвитера Макарія, то епископа Аѳанасія. Царь также признаетъ мелетіанъ клеветниками, а Аѳанасія совершенно чистымъ.

И дѣйствительно, не клеветники ли мелетіане, а преимущественно предъ всеми Іоаннъ? Вступилъ онъ въ Церковь, вошелъ въ общеніе съ нами, произнесъ на себя осужденіе, и не начиналъ еще дѣла о чашѣ; когда же узналъ, что Евсевіевы приверженцы усердствуютъ аріанамъ, но не смѣютъ содѣйствовать имъ явно, стараются же употреблять въ орудіе другія лица, тогда предложилъ онъ себя какбы въ лицедѣи на позорищѣ. Содержаніемъ представляемаго на зрѣлищѣ была борьба аріанъ; главная цѣль состояла въ томъ, чтобы доставить имъ успѣхъ, а для хода и обстановки дѣйствія служили Іоаннъ и его товарищи, чтобъ усердствующимъ объ аріанахъ, воспользовавшись симъ предлогомъ и принявъ на себя образъ судей, можно было отразить враговъ нечестія, утвердить злочестіе и ввести аріанъ въ Церковь. Такъ, желающіе изгнать благочестіе прилагаютъ стараніе преодолѣть его нечестіемъ, и рѣшившіеся злочествовать противъ Христа предприимлютъ истребить враговъ злочестія, какъ нечестивцевъ! И выставляютъ намъ на видъ разбитую чашу, чтобы и Аѳанасій признали за одно съ ними нечестующимъ противъ Христа.

Да и что у нихъ за памятованіе о таинственной чашѣ? Откуда у защитниковъ нечестія благочестивая сія мысль о чашѣ? Откуда не признающимъ Христа вѣдома чаша Христова? Почему представляющіеся чествующими чашу безчестятъ Бога сея чаши? Или почему сѣтующіе о чашѣ домогаются смерти епископа, тайноводствующаго сею чашею? Да они и предали уже его смерти, сколько отъ нихъ это зависло. Почему оплакивающіе епископскій украшенный престоль домогаются гибели сѣдящаго на немъ епископа, чтобы и престоль не имѣлъ епископа, и народъ лишень былъ благочестиваго ученія? Итакъ не чаша, не убійство и не что-либо изъ странныхъ ихъ разглашеній привели ихъ къ этому, но упомянутое выше злочестіе аріанъ, по которому злоумышля и противъ Аѳанасія, и противъ другихъ епископовъ, и донныиъ еще ведутъ они брань съ Церковію. Ибо кто дѣйствительно произвелъ убійства и заточенія? Не они ли? Кто строить козни епископамъ, пользуясь покровительствомъ людей мірскихъ? Не Евсевіевы ли болѣе приверженцы, а не Аѳанасій, какъ они пишутъ? Отъ нихъ пострадали и онъ и другіе; ибо въ то время четверо александрійскихъ пресвитеровъ, хотя не приходили они и въ Тиръ сосланы ими въ заточеніе.

Кто же достоинъ слезъ и рыданій? Не тѣ ли, которые и прежнее сдѣлали, и не отказываются присокупить послѣднее, во всемъ клеветуютъ, чтобы погубить епископа, не уступающаго злочестивой ихъ ереси? Посему-то и вражда Евсевіевыхъ приверженцевъ; посему и то, что было въ Тирѣ; посему лицемѣрные суды, посему пыль и безъ суда посланія отъ шихъ,

какъ отъ удостовѣренныхъ въ дѣлѣ ; посему ложные доносы родителю Царей и самимъ благочестивѣйшимъ Царямъ.

Ибо въ чемъ и теперь обвиняется сослужитель нашъ Аѳанасій, нужно знать вамъ, чтобы и по этому судить объ ихъ лукавствѣ и видѣть, что домогаются они не иного чего, а только смерти Аѳанасіевой. Отъ родителя Царей выдаваемъ былъ хлѣбъ для пропитанія вдовъ, какъ ливійскихъ, такъ нѣкоторыхъ и египетскихъ. Хлѣбъ сей всѣ получаютъ донынѣ, а Аѳанасію изъ этого нѣтъ никакого пріобрѣтенія, кромѣ однихъ трудовъ. Но теперь получающіе не жалуется; напротивъ того, признаются, что получаютъ; на Аѳанасія же клеветуютъ, будтобы весь хлѣбъ прсдаеть онъ, и обращаетъ въ свою собственность. И о семъ писалъ Царь, выговаривая Аѳанасію въ слѣдствіе сдѣланныхъ доносовъ. Кто же доносившіе? Не тѣ ли, которые и прежде это дѣлали, и въ другій разъ не отказываются дѣлать то же? Кто составители сихъ посланій, пущенныхъ отъ царскаго имени: не аріане ли постарались, не они ли готовы все говорить и писать противъ Аѳанасія? Никто, обойдя тѣхъ, которые сдѣлали уже столько, не станетъ подозрѣвать другихъ; ибо явно самое ясное доказательство ихъ клеветы. Подъ предлогомъ доноса, стараются отнять хлѣбъ у Церкви и доставить оный аріанамъ. Это всего болѣе падаетъ на виновниковъ сего заговора и на ихъ предводителей, которые не отказались, какъ обвинять Аѳанасія въ убійствахъ, о которыхъ ложно доносили Царю, такъ и отнять пропитаніе у служителей Церкви, чтобъ самымъ дѣломъ доставить выгоды еретикамъ. Послали мы къ вамъ и свидѣ-

тельство сослужителей нашихъ въ Ливіи, Пентаполѣ и Египтѣ, чтобы и изъ сего узнали вы взведенную на Аѳанасія клевету. Все сіе дѣлають они для того, чтобы, когда уже благочестно мудрствующихъ страхъ заставитъ молчать, введена была ересь злочестивыхъ арианъ.

Но благодареніе вашему благоговѣнію, возлюбленные ; потому что неоднократно писали вы, предавая анаѳемъ арианъ, и не даете имъ мѣста въ Церкви. Обличенія же Евсевіевыхъ приверженцевъ искать не далеко. Ибо вотъ, послѣ первыхъ посланій ихъ объ арианахъ, съ которыхъ послали мы списки, явно возставаютъ они противъ Церкви цѣлою вселенскою Церковію преданныхъ анаѳемъ арианъ, поставили имъ епископа, угрозами и страхомъ производятъ раздѣленія въ церквахъ, чтобы вездѣ имѣть споспѣшниковъ своего злочестія. Посылають къ арианамъ діаконовъ, которые явно присутствуютъ въ ихъ собраніяхъ, пишутъ къ нимъ и приносятъ отъ нихъ списки, и раздирая единство Церкви, пребывая съ ними въ общеніи, рассылають всюду письма, въ которыхъ восхваляется ересь, отвергають же церковное ученіе, какъ можете видѣть изъ того, что писали они къ Римскому епископу, а можетъ быть, и къ вамъ.

Что сіе не должно остаться безнаказаннымъ, — принимаете и вы, возлюбленные ; ибо это ужасно и чуждо ученію Христову. Посему-то, сошедшись вмѣстѣ, написали мы къ вамъ, прося ваше о Христѣ благоразуміе принять сіе исповѣданіе и поскорбѣть о соепископѣ нашемъ Аѳанасіѣ, вознегодовать же на Евсевіевыхъ приверженцевъ, рѣшившихся на такіа дѣла, не поуститъ, чтобы такая ихъ злоба на Церковь

и такое лукавство имѣли долѣе силы. Къ вамъ зываемъ : будьте судіями таковой неправды, помня Апостольское слово: *измите злаго отъ васъ самѣхъ* (1 Кор. 5, 13.). Ибо сдѣланное ими—подлинно лукаво и недостойно общенія. Посему не обращайтесь вниманія, если и снова будутъ писать вамъ противъ епископа Аѳанасія; все, отъ нихъ выходящее, лживо, хотя на письмахъ ихъ будутъ имена и египетскихъ епископовъ. Ибо явно, что не мы подпишемъ, а мелетіане, всегдашніе раскольники, донинѣ смущающіе Церковь и производящіе въ ней мятежи. Они допускаютъ незаконныя поставленія почти даже язычниковъ, и дѣлаютъ такія дѣла, о которыхъ стыдно и писать, о чемъ можете узнать отъ посланныхъ нами вручителей сего посланія.

Такъ писали египетскіе епископы ко всемъ и къ Епископу Римскому Юлію. Но и Евсевіевы приверженцы написали также къ Юлію, и думая утрашить насъ, просили дозволенія созвать соборъ, и на ономъ самому Юлію, если пожелаетъ, быть судією. Посему, когда прибылъ я въ Римъ, Юлій не безъ причины отписалъ и къ Евсевіевымъ приверженцамъ, пославъ двоихъ своихъ пресвитеровъ, Елпидія и Флоксена. Они же, услышавъ о мнѣ, пришли въ смущеніе, потому что не ожидали моего прибытія въ Римъ, и стали отказываться, представляя неудовлетворительные предлоги, лучше же сказать, убоявшись, чтобы не обличили ихъ въ томъ, въ чемъ признались Валентъ и Урсакій. Наконецъ, болѣе пятидесяти епископовъ собралось тамъ, гдѣ имѣлъ собранія пресвитеръ Витонъ: они выслушали мое оправданіе, поста-

новили принять меня въ общеніе и любовь, изъявили же негодованіе къ нимъ , и просили Юлія написать о семъ къ Евсевіевымъ приверженцамъ, которые сами писали къ нему. Онъ написалъ и отправилъ свое посланіе чрезъ комита Габіана.

ПОСЛАНІЕ ЮЛІА.

Данію, Флакиму, Наркиссу, Евсевію, Марину, Македонію, Осодору и прочимъ съ ними писавшимъ къ намъ изъ Антіохіи, возлюбленнымъ братіямъ, Юлій желаетъ о Господь радоваться.

Прочелъ я письмо, принесенное пресвитерами монхи Елпидіемъ и Филоксономъ, и подивился. Мы писали съ любовію и сознаніемъ истины, а вы отвѣчали съ любопреніемъ и вопреки приличію. Письмо доказываетъ презорство и высокомеріе писавшихъ, а это чуждо Христовой вѣрѣ. Писанное съ любовію требовало равнаго воздаянія, то есть, отвѣта; писаннаго также съ любовію, а не съ любопреніемъ. Не признакъ ли это любви—послать пресвитеровъ, которые бы оказали состраданіе къ страждущимъ, пригласить писавшихъ о своемъ желаніи прійти, чтобы все, въ скорости получивъ рѣшеніе, могло быть исправлено, и братія наши не страдали, и на васъ не клеветалъ кто-нибудь? Но не знаю, что расположило васъ къ такому поведенію, которое насъ заставило думать, что притворно и съ какою-то насмѣшкою употреблены ваши изреченія, которыми думали вы почтить насъ. Да и посланные пресвитеры, которымъ надлежало возвратиться съ радостію, возвратились, напротивъ того, опечаленные тѣмъ, что видѣли тамъ. И я, про-

читавъ посланіе ваше, по долгомъ размышленіи, удерживалъ письмо у себя, думая впрочемъ, что прійдетъ кто-нибудь, и не будетъ нужды въ письмѣ, которое, сдѣлавшись извѣстнымъ, можетъ оскорбить многихъ изъ здѣшнихъ. Когда же никто не пришелъ, — нужно стало показать оное. И признаюсь вамъ, всѣ удивились, и близки были къ невѣрію, что точно вами это писано; потому что письмо показывало болѣе любоприятельность, нежели любовь.

Если писавшій отвѣтъ хотѣлъ отличиться искусствомъ въ словѣ; то подобный трудъ долженъ быть предоставленъ другимъ; въ дѣлахъ же церковныхъ нужны не отборныя слова, но Апостольскія правила и стараніе не соблазнить даже *единого отъ малыхъ* въ Церкви: *уне бо есть, по церковному слову, да жерновъ осельскій обѣситя на выю, и потонетъ, неже да соблазнить отъ малыхъ единого* (Матѣ. 18, 6. Лук. 17, 2.). Если же такое письмо произошло отъ того, что нѣкоторые были оскорблены низкими другъ съ другомъ поступками (не хотѣлось бы сказать, что сія мысль была у всѣхъ); то приличнѣе было бы вовсе не оскорбляться, не попускать, чтобы солнце зашло въ оскорбленіи вашемъ; по крайней же мѣрѣ, не надлежало доходить въ оскорбленіи до того, чтобы обнаружилось оное и письменно. Ибо что было оскорбительнаго, или чѣмъ изъ писаннаго нами справедливо могли вы оскорбиться? Тѣмъ ли, что приглашали мы прійти на соборъ? Но сіе скорѣе надлежало принять съ радостію. Увѣренные въ томъ, что ими сдѣлано, и о чемъ, какъ сами говорятъ, произнесенъ ими судъ, не негодуютъ, если судъ ихъ подвергается изслѣдованію другихъ, а напротивъ

того, не сомнѣваются въ томъ , что никакъ не окажется несправедливымъ, о чемъ разсудили они справедливо. Посему и епископы , сошедшіеся на великомъ Никейскомъ Соборѣ , не безъ Божія изволенія согласились—разсужденія одного собора подвергать изслѣдованію на другомъ , чтобы и судящіе , имѣя предъ очами другій будущій судъ , производили изслѣдованіе со всею осторожностію , и судимые были увѣрены , что судятъ ихъ не по враждѣ къ нимъ прежнихъ судей, но по справедливости. Если же не желаютъ , чтобы имѣлъ у васъ силу такой обычай древній , упомянутый и записанный на великомъ Соборѣ ; то подобный отказъ не приличенъ. Что однажды принято въ обычай Церковно и утверждено соборами, нѣтъ основанія нарушать то немногимъ.

Но несправедливо было бы, кажется, оскорбляться и слѣдующимъ. Присланные съ письмомъ отъ васъ , державшихся Евсевія, то есть , пресвитеръ Макарій и діаконы Мартирій и Исихій, прибывъ сюда, не могли противостать пришедшимъ Аѳанасіевымъ пресвитерамъ , но во всемъ были постыжены и обличены ; почему тогда же просили насъ созвать соборъ , написать къ епископу Аѳанасію въ Александрію, написать также и къ держащимся Евсевія , чтобы , въ присутствіи всѣхъ , могъ быть произнесенъ справедливый судъ. Тогда обѣщались они доказать все, что доносили на Аѳанасія; потому что Мартирій и Исихій всѣми нами были обличаемы, и пресвитеры епископа Аѳанасія съ увѣренностію имъ противостояли ; Мартирій же, если сказать правду, во всемъ былъ пострашенъ, и потому просилъ составить соборъ. Если бы , и безъ просьбы Мартиріевой и Исихіевой о

составленіи собора, предложилъ я побезпокоить писавшихъ ради братій нашихъ, жалующихся, что потерпѣли они обиду; то и въ такомъ случаѣ приглашеніе было бы законно и справедливо; потому что согласно сіе съ церковными уставами и богоугодно. Когда же созвать соборъ просили насъ тѣ, кого сами вы, держащіеся Евсевія, признали достойными довѣрія; тогда слѣдовало вамъ не огорчаться тѣмъ, что позваны, а скорѣе—охотно идти. А изъ сего оказывается, что негодование оскорбившихся безразсудно, и отказъ не восхотѣвшихъ прійти не приличенъ и подозрителенъ. Жалуется ли кто, если, что самъ дѣлаетъ и одобряетъ, то-же самое видитъ и другими сдѣланнымъ? Если, какъ пишете, каждый соборъ имѣетъ неколеблемую силу, и судившему наносится безчестіе, когда о судѣ его производится изслѣдованіе другими; то смотрите, возлюбленные, кто безчеститъ соборъ, и кто нарушаетъ опредѣленія прежде судившихъ.

Не буду теперь подвергать изслѣдованію всего по порядку, чтобы не показаться на иныхъ нападающимъ; и того, что совершено въ последнее время, и о чемъ не безъ ужаса иной слышитъ, достаточно къ объясненію всего, о чемъ умалчиваю. Аріане, за нечестіе изверженные бывымъ блаженной памяти Александрійскимъ Епископомъ Александромъ, не только отлучены отъ Церкви въ каждомъ городѣ, но преданы анаѹемъ всѣми вмѣстѣ сошедшимися на великій Соборъ Никейскій; потому что проступокъ ихъ не маловаженъ, и согрѣшили они не противъ чело-вѣка, но противъ самого Господа нашего Иисуса Христа, Сына Бога Живаго. И однакожь сіи, отлу-

ченныя отъ Церкви цѣлою вселенною и преданныя позору во всей Церкви, нынѣ, какъ говорятъ, принимаютъ въ общеніе. О семъ и вамъ слыша, думаю, справедливо было бы вознегодовать. Итакъ кто же безчестить Соборъ? Не тѣ ли, которые ни во что обратили опредѣленія трехсотъ Отцевъ, и злочестіе предпочли благочестію? Аріанская ересь всѣми, повсюду сущими, епископами осуждена и взыжена, епископы же Аѳанасій и Маркелль имѣютъ на своей сторонѣ многихъ, которые говорятъ и пишутъ въ ихъ пользу. Маркелль засвидѣтельствовалъ намъ о себѣ; потому что и на Никейскомъ Соборѣ противился держащимся аріанства. Засвидѣтельствовалъ также о себѣ и Аѳанасій; онъ и въ Тирѣ не былъ уличенъ, а въ Мареотѣ, гдѣ составлены противъ него судебныя записи, говорить, не присутствовалъ; знаете же вы, возлюбленные, что одностороннее изслѣдованіе дѣла не имѣетъ силы, но бываетъ подозрительно. Впрочемъ, при всемъ этомъ, для соблюденія точности, ни вамъ, ни писавшимъ въ ихъ защиту, не дѣлая предпочтенія, приглашали мы васъ писавшихъ прійти, чтобы, такъ какъ въ защиту ихъ писали многіе, все было изслѣдовано на соборѣ, и не былъ и невинный осужденъ, и виновный признанъ чистымъ. Слѣдовательно, нанесено собору безчестіе не нами, но тѣми, которые приняли всѣми осужденныхъ аріанъ просто, не вникая въ дѣло, противъ опредѣленія осудившихъ, изъ которыхъ многіе, разрѣшившись уже, пребываютъ со Христомъ (Фил. 1, 23.), а нѣкоторые и донныя еще испытуются въ мірѣ семъ, негодуя, что иными нарушено ихъ опредѣленіе.

О семъ же узнали мы изъ бывшаго въ Александ. XVII.

дрин. Ибо нѣкто Карпонъ, за Аріеву ересь изверженный Александромъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми, также изверженными за эту ересь, приходилъ сюда; присланный какимъ-то Григоріемъ. А также получили мы о семъ свѣдѣніе отъ пресвитера Макарія и отъ діаконовъ Мартирія и Исихія; потому что, они до прибытія сюда Аѳанасіевыхъ пресвитеровъ, убѣждали насъ писать въ Александрію къ какому-то Писту, тогда какъ епископомъ въ Александріи былъ Аѳанасій. Объ этомъ же Пистѣ пресвитеры епископа Аѳанасія пришедшіе сюда доказали, что онъ — аріанинъ, изверженъ Епископомъ Александромъ и Никейскимъ Соборомъ, поставленъ же какимъ-то Секундомъ, котораго великій Соборъ извергъ, какъ аріанина, а противъ сего не спорили и пришедшіе съ Мартиріемъ; и они не отрицали, что Пистъ поставленъ Секундомъ. Итакъ, смотрите и по этому, кто справедливо подлежитъ порицанію! мы ли, не согласившіеся писать къ аріанину Писту, или совѣтовавшіе нанести безчестіе великому Собору и къ злочестивымъ писать, какъ къ благочестивымъ? А пресвитеръ Макарій, присланный Евсеніемъ вмѣстѣ съ Мартиріемъ, какъ скоро услышалъ, что Аѳанасіевы пресвитеры здѣсь, когда ожидали мы, что явится онъ къ намъ, вмѣстѣ съ Мартиріемъ и Исихіемъ, хотя былъ боленъ, уѣхалъ ночью; а изъ сего уже въ-правъ мы были догадываться, что удалился онъ, стыдись обличенія касательно Писта. Ибо невозможно, чтобы поставленіе аріанина Секунда имѣло силу во вселенской Церкви. И подлинно, это — безчестіе Собору и сошедшимся на оный епископамъ, если съ такимъ тщаніемъ и благоговѣніемъ, какбы въ присутствіи самого Бога,

совершенное нарушено и поставлено ни во что. Итакъ, если, какъ пишете, соборныя постановленія должны имѣть силу по примѣру того, что узаконено противъ Новата и Павла Самосатскаго; то тѣмъ паче надлежало, чтобы не было нарушаемо опредѣленіе трехсотъ Отцевъ, надлежало, чтобы немногіе не безчестили вселенскаго собора. Ибо ариане—также еретики, какъ и тѣ, и опредѣленія противъ нихъ подобны сдѣланнымъ противъ тѣхъ.

Послѣ того, какъ отважились на это, кто возжегъ пламень разномыслія? Упрекаете насъ, пиша, будто мы сіе сдѣлали. Ужели же разномысліе произвели мы, соболѣзнующіе о страждущихъ братіяхъ и поступившіе во всемъ по правилу; а не тѣ, которые упорно и вопреки правилу нарушили опредѣленіе трехсотъ Отцевъ, и во всемъ обезчестили Соборъ? Ибо не только приняты въ Церковь ариане, но и епископы стараются переходить съ мѣста на мѣсто, Итакъ, если дѣйствительно думаете, что честь епископовъ равная и одинаковая, и, какъ пишете, о епископахъ судите не по величинѣ городовъ; то, кому ввѣренъ малый городъ, тому слѣдовало бы оставаться во ввѣренномъ, а не унижать онаго и не переходить въ другій, ему не порученный городъ, пренебрегнувъ тѣмъ, что дано отъ Бога, возлюбивъ же человеческое тщеславіе. Посему, возлюбленные, надлежало вамъ прійти, а не отказываться, чтобы дѣло восприняло конецъ; сего требуетъ самый разумъ.

Но можетъ быть, воспрепятствовалъ вамъ назначенный срокъ; ибо въ письмѣ своемъ жалуется, что опредѣлили мы близкій срокъ собору. Но и это, возлюбленные, одинъ предлогъ. Ибо еслибы назна-

Еретики: Нова и Павла Самосатскаго

О епископахъ, которые переходятъ съ мѣста на мѣсто, унижаютъ онаго и не переходятъ въ другій, ему не порученный городъ, пренебрегнувъ тѣмъ, что дано отъ Бога, возлюбивъ же человеческое тщеславіе.

ченный день застигъ кого въ пути; то спмъ доказы-
валось бы краткое разстояніе срока. Если же , не
думая сами идти въ путь, п пресвитеровъ задержали
до самага января мѣсяца ; то это — предлогъ не
надѣющихся на себя ; потому что, еслибы надѣялись
на себя , то , какъ сказалъ я , отправилсь бы въ
путь, не смотря на дальность пути, не обращая вни-
манія на короткость срока , но смѣло полагаясь на
правоту и законность своего дѣла.

Но можетъ быть , не пришли вы по обстоятель-
ствамъ времени; ибо въ письмѣ своемъ дали вы также
разумѣть, что, взявъ во вниманіе положеніе дѣлъ на
востока , намъ не надлежало приглашать васъ идти.
Итакъ , если не пришли вы, какъ говорите , потому
что таковы обстоятельства времени; то вамъ первымъ
надлежало имѣть въ виду сіи обстоятельства, и не
дѣлаться виновниками раскола , воплей и плача въ
церквахъ. Теперь же , поступивъ такъ , доказали ,
что причиною — не обстоятельства , но произволь не
захотѣвшихъ прійти.

Дивлюсь и этому въ письмѣ, — почему написано вами,
что писалъ я одинъ и къ одному Евсевию , а не ко
всѣмъ вамъ. Въ этомъ иный найдетъ скорѣе привяз-
чивость ко всему , нежели правду. Ни откуда не по-
лучивъ писемъ противъ Аѳанасія , кромѣ принесен-
ныхъ Мартиріемъ и Исихіемъ , по необходимости
отвѣчалъ я тому, кто писалъ противъ него. Поэтому
надлежало — или Евсевию не писать одному безъ всѣхъ
васъ, или не оскорбляться вамъ , къ которымъ я не
писалъ , если написалъ къ тѣмъ , которые сами
писали. Если мнѣ надобно было писать ко всѣмъ
вамъ ; то и вамъ всѣмъ надлежало написать ко мнѣ

вѣсть съ Евсевіемъ. Теперь же , соображаясь съ ходомъ дѣла , писалъ я только тѣмъ , которые извѣстили меня о дѣлѣ и писали ко мнѣ письма. А если и то васъ тронуло , что я одинъ писалъ къ нему ; то слѣдуетъ вамъ негодовать и на то , что и онъ писалъ ко мнѣ одному. Но и въ этомъ , возлюбленные , есть только правдоподобный , а не основательный предлогъ.

Впрочемъ нужно довести до вашего свѣдѣнія , что , хотя писалъ я и одинъ , однакожъ мнѣніе это принадлежитъ не мнѣ одному , но и всѣмъ вѣрнымъ въ Италіи и епископамъ сихъ странъ. И мнѣ не захотѣлось заставлять писать всѣхъ , чтобы написанное отъ лица многихъ не было для васъ тяжело. Такъ и теперь епископы собрались въ назначенный срокъ , и были того именно мнѣнія , какое снова изображаю вамъ въ письмѣ. Почему , возлюбленные , хотя пишу одинъ , однакоже знайте , что это — общее всѣхъ мнѣніе.

Итакъ видно изъ сего , что предлоги , придуманные нѣкоторыми изъ васъ , неосновательны , несправедливы и подозрительны.

А тому , что соепископы наши Аѳанасій и Маркеллъ приняты нами въ общеніе не по легкомыслію и не противъ справедливости , хотя достаточно объясняется сіе сказаннымъ уже , представлю вамъ основаніе въ краткихъ словахъ. Противъ Аѳанасія писалъ сперва Евсевій , а теперь писали и вы ; но весьма многіе епископы изъ Египта и изъ другихъ епархій писали также въ защиту Аѳанасія. И во-первыхъ , письма ваши противъ него сами себя противорѣчатъ , и нѣтъ никакого согласія въ послѣднихъ съ первыми , напро-

Объяснение
вспомогательных

тивъ того, во многомъ первыя опровергаются послѣдними, а послѣднія изобличаются во лжи первыми. При такомъ же разногласіи писемъ, ни малаго вѣроятія не заслуживаетъ содержащееся въ нихъ. Потому, если желаете, чтобы вѣрили мы писанному вами; то слѣдуетъ не лишать довѣрія писавшихъ въ защиту Аѳанасія, тѣмъ болѣе, что вы живете вдаль, они же на самомъ мѣстѣ и знаютъ Аѳанасія, пишутъ о томъ, что тамъ было, свидѣтельствуя объ его жизни и утверждая, что во всемъ оклеветанъ онъ по заговору. И еще говорили нѣкогда, что нѣкто Епископъ Арсеній умерщвленъ Аѳанасіемъ; но мы узнали, что онъ живъ и даже въ дружбѣ съ Аѳанасіемъ. О судебныхъ записяхъ, сдѣланныхъ въ Мареотѣ, подтвердилось, что составлены онъ по одностороннемъ изслѣдованіи дѣла: не были тамъ ни обвиняемый пресвитеръ Макарій, ни самъ Епископъ его Аѳанасій. И это стало намъ извѣстно не изъ Аѳанасіевыхъ только словъ, но изъ самыхъ записей, какія принесли намъ Мартирій и Исихій. Прочитавъ ихъ, нашли мы, что былъ тамъ обвинитель Исхиръ, но не было ни Макарія, ни Епископа Аѳанасія, ни даже Аѳанасіевыхъ пресвитеровъ, которые желали быть, но не допущены. Еслибы судъ производился справедливо; то надлежало бы, возлюбленные, лично тамъ быть не только обвинителю, но и обвиняемому. Какъ въ Тирѣ лично были и обвиняемый Макарій и обвинитель Исхиръ, и ничто не было доказано; такъ надлежало и въ Мареотѣ идти не одному обвинителю, но и обвиняемому, чтобы тамъ, или лично его уличили, или, если не уличать, доказалъ онъ, что все — клевета. А теперъ, поелюку сего не было, обвинитель пошелъ

туда одинъ , въ сопровожденіи людей , которыхъ Аѳанасій устранилъ отъ дѣла ; то и самое дѣлопроизводство кажется подозрительнымъ. Объ отправившихся же въ Мареотъ жаловался онъ , что пошли туда противъ его воли , ибо говорилъ , что послали подозрительныхъ людей: Θεογνία, Марина, Θεοдора, Урсакія, Валента и Македонія ; и это доказывалъ не своими только словами , но и письмомъ бывшаго Θεσσαλονικійскаго Епископа Александра ; потому что принесъ письмо его, посланное къ комиту Діонисію, бывшему на соборъ, въ которомъ Александръ открываетъ , что противъ Аѳанасія составленъ явный заговоръ ; Аѳанасій принесъ также подлинное собственноручное писаніе самого обвинителя Исхира, въ которомъ , призывая во свидѣтеля Вседержителя Бога, говоритъ онъ , что не была ни чаша разбиваема , ни трапеза опрокидываема , но самъ онъ выдумалъ сіе обвиненіе по наущенію нѣкоторыхъ. А мареотскіе пресвитеры, пришедши, стали утверждать, что Исхиръ — не пресвитеръ вселенской Церкви , да и Макарій не виновенъ въ такомъ поступкѣ, въ какомъ обвинялъ его Исхиръ. Пришедшіе сюда пресвитеры и діаконы также не мало, а напротивъ того много, представили свидѣтельство въ пользу Епископа Аѳанасія , утверждая , что разглашаемое противъ него — неправда , и что оклеветанъ онъ по заговору ; и всѣ епископы Египта и Ливіи письмами подтвердили , что поставленіе его было законно и согласно съ церковными правилами , а чтò вами говорено противъ него , всё то ложно; потому что убійства не было, ни кто имъ не умерщвленъ, и чаша разбита не была, по все это — ложь.

И изъ самыхъ судебныхъ записей, какія составлены въ Мареотъ при одностороннемъ изслѣдованіи дѣла, Епископъ Аѳанасій показалъ, что одинъ оглашенный былъ допрашиваемъ и сказалъ, будтобы онъ былъ съ Исхиромъ внутри, когда, какъ говорятъ, явился на мѣсто пресвитеръ Макарій; а другіе, бывъ допрошены, сказали—будтобы Исхиръ, по словамъ одного, въ малой келліи, а по словамъ другаго, за дверью лежалъ больной, когда, какъ говорятъ, пришелъ туда Макарій. Изъ сего, сказаннаго Аѳанасіемъ, и мы справедливо выводимъ заключеніе: какъ же возможно, чтобы Исхиръ, который лежалъ больной за дверью, въ то-же время стоялъ и совершалъ священнодѣйствіе и приношеніе? Или какъ возможно, чтобы тамъ предложено было святое приношеніе, гдѣ внутри были оглашенные? Ибо, если оглашенные были внутри; то значитъ, не настало еще время приношенія.

Сіе, какъ сказано, говорилъ и доказывалъ изъ судебныхъ записей Епископъ Аѳанасій; а съ нимъ бывшіе подтверждали, что Исхиръ вовсе не былъ никогда пресвитеромъ во вселенской Церкви, и что они никогда не принимали его въ церкви за пресвитера. Ибо утверждали они, что, когда Александръ, по снисхожденію великаго Собора, принималъ пресвитеровъ изъ Мелетіева раскола, Исхиръ не былъ поименованъ Мелетіемъ въ числѣ поставленныхъ имъ. А сіе служить весьма сильнымъ доказательствомъ, что Исхиръ и не былъ поставленъ Мелетіемъ; ибо если бы поставленъ былъ во пресвитера, то и его, безъ сомнѣнія, включили бы въ число прочихъ. Кроме же сего, Аѳанасіемъ доказано изъ судебныхъ записей, что Исхиръ лгалъ и въ иномъ. Ибо жало-

вался, что сожены были книги, когда, как они говорят, явился тутъ Макарій; но уличень во лжи тѣмъ, которыхъ самъ представилъ во свидѣтели.

Итакъ, послѣ всего сказаннаго, когда столько было свидѣтелей, говорившихъ въ пользу Аѳанасія, и столько представлено оправданій имъ самимъ, что должно было дѣлать намъ? Не то ли, чего требуетъ церковное правило, то есть, не осуждать Аѳанасія, но скорѣе принять его и признать епископомъ, какъ и признали? Къ тому-же, пробылъ онъ здѣсь годъ и шесть мѣсяцевъ, ожидая, что прѣбудете вы, или кому угодно будетъ прійти; и прѣбытіемъ своимъ сюда всѣхъ склонилъ на свою сторону, потому что, и не явился бы, если бы не былъ увѣренъ въ правоту своего дѣла, такъ какъ пришелъ не самъ по себѣ, но будучи вызванъ нами и получивъ отъ насъ письма, какъ и къ вамъ было нами писано.

И однако же, послѣ всего этого вы порицаете насъ, какъ поступившихъ противъ правилъ. Посему смотрите, кто поступилъ противъ правилъ: мы ли, которые послѣ столькихъ доказательствъ приняли Аѳанасія, или тѣ, которые, находясь за тридцать шесть переходовъ въ Антиохіи, нарекли епископомъ чловека чужаго, и отправили его въ Александрію съ вопскою силою? Сего не было, когда Аѳанасій посланъ былъ въ Галлію; ибо и тогда былъ бы поставленъ на его мѣсто другій, если бы Аѳанасій по-ливно былъ уличень. Но извѣстно, что, возвратившись, нашель онъ Церковь никѣмъ не занятую и его ожидающую. А теперь, не знаю, какимъ образомъ произошло случившееся. Во-первыхъ, если говорить правду, то, когда писано нами, что надобно быть

собору,—не надлежало, кому бы то ни было, предварить соборный судъ. Потому, не надлежало допускать такого нововведенія, противнаго Церкви. Ибо гдѣ подобное церковное правило, или гдѣ подобное Апостольское преданіе,—когда Церковь была въ мирѣ, и такое число епископовъ пребывали въ единомысліи съ Епископомъ Александріи Аѳанасіемъ, послать туда Григорія, который не изъ сего города, не тамъ крещенъ и многимъ неизвѣстенъ, о которомъ не просили ни пресвитеры, ни епископы, ни народъ, и который поставленъ въ Антиохіи, въ Александрію же послать не съ пресвитерами, не съ діаконами александрійскими, не съ епископами египетскими, но съ воинами? Ибо сіе говорили и на сіе жаловались пришедшіе сюда. Еслибы и послѣ собора Аѳанасій оказался виновнымъ; и тогда не надлежало дѣлать поставленія такъ противозаконно и несогласно съ церковными правилами; а должно было епископомъ этой епархіи поставить кого-либо изъ той-же Церкви, изъ этого-же святилища, изъ этого-же клира, и въ нынѣшнее время не нарушать правилъ, вѣдущихъ начало отъ Апостоловъ. Еслибы случилось это съ кѣмъ-нибудь изъ васъ, не стали ли бы вы вопіять, не потребовали ли бы наказанія за нарушеніе правилъ? Какъ передъ Богомъ, возлюбленные, говоримъ и утверждаемъ по сущей правдѣ: это не благочестиво, незаконно, не по правиламъ Церкви.

И рассказываемое о Григоріевыхъ поступкахъ, при вступленіи въ Александрію, показываетъ, каковъ чинъ его поставленія. Въ такое мирное время, какъ рассказывали пришедшіе изъ Александріи, и какъ писали епископы, въ церкви произведенъ пожаръ; дѣвы

были обнажаемы, монахи попираемы, пресвитеры и многіе изъ народа терпѣли поруганія и насилія, епископы заключаемы въ темницу, многіе ограблены; святыя Тайны (въ неуваженіи къ которымъ винили они пресвитера Макарія) были похищаемы язычниками и повергаемы на землю; и сіе дѣлалось, чтобы, нѣкоторые признали поставленіе Григоріево. Но всѣ такіе поступки доказываютъ нарушеніе правилъ. Еслибы поставленіе Григорія было законно; то не сталъ бы незаконными поступками принуждать къ повиновенію законно ему неповинующихся. Однако же, послѣ такихъ происшествій пишете, что въ Александріи и въ Египтъ великій миръ; развѣ превращено у васъ самое понятіе о мирѣ, и подобныя смятенія называете миромъ!

Но и сіе почелъ я нужнымъ замѣтить вамъ: Аѳанасій утверждалъ, что Макарій въ Тирѣ былъ подъ воинскою стражей, а обвинитель одинъ пошелъ съ отправлявшимися въ Марсеотъ, пресвитерамъ же, желавшимъ быть при изслѣдованіи дѣла, сіе не дозволено, и изслѣдованіе о чашѣ и трапезѣ произведено въ присутствіи епарха и сопровождавшихъ его, при язычникахъ и іудеяхъ. Сему вначалѣ мы не повѣрили, когда не было сіе доказано изъ судебныхъ записей; и подивились мы этому, а думаю, дивитесь и вы, возлюбленные. Не дозволяютъ быть при дѣлѣ пресвитерамъ, священнослужителямъ Таинъ; а при судѣхъ мірянинъ, въ присутствіи оглашенныхъ, и что всего хуже, язычниковъ и іудеевъ, извѣстныхъ по своему нерасположенію къ христіанству, производится слѣдствіе о крови Христовой и о тѣлѣ Христовомъ. Если былъ дѣйствительно сдѣланъ какой проступокъ;

то о подобномъ дѣлѣ надлежало законно производить слѣдствіе въ церкви клирикамъ , а не лзычникамъ , которые гнушаются ученіемъ , и не знаютъ истины. Сколько же великъ и важенъ сей грѣхъ, — и вы видите, какъ увѣренъ я , и видѣть всякій. Сіе сказано намъ объ Аѳанасіѣ.

О Маркеллѣ же (ибо и о немъ писали вы , что нечестуеъ противъ Христа) постараюсь замѣтить вамъ , что, бывъ здѣсь, доказалъ онъ , будтобы все, о немъ вамъ написанное, неправда. А когда потребовали мы , чтобы изложилъ вѣру, — съ великимъ дерзновеніемъ отвѣчалъ онъ самъ отъ себя , и мы признали , что ничего не исповѣдуеъ онъ чуждаго истинъ. Ибо исповѣдалъ онъ , что такъ благочестно мудрствуетъ о Господѣ и Спасителѣ нашемъ Иисусъ Христѣ , какъ мудрствуетъ и вселенская Церковь; и онъ подтвердилъ , что не нынѣ только , но издавна таковъ образъ его мыслей ; а равно и наши пресвитеры , бывшіе тогда на Никейскомъ Соборѣ , засвидѣтельствовали объ его православіи. И онъ крѣпко стоялъ въ томъ , что и тогда держался , и теперь держится мыслей противныхъ аріанской ереси , о чемъ и вамъ справедливо будетъ напомнить , что никто не принималъ таковой ереси, но всякій гнушался ею, какъ чуждою здравому ученію. Итакъ , поелнку онъ правомысленъ, и засвидѣтельствовалъ свое православіе; то какъ опять надлежало намъ поступить и съ нимъ ? Не признать ли его епископомъ , какъ и признали, а не отлучать отъ общенія ?

Сіе же написалъ я не по желанію ихъ оправдать, но для вашего увѣренія, что приняли мы ихъ справедливо и согласно съ правилами, вы же упорствуете

напрасно. Справедливость требует и вамъ употребить стараніе и приложить всѣ мѣры, чтобы сдѣланное не по правиламъ было исправлено, и чтобы церкви умирлись, да пребываетъ миръ, дарованный намъ Господомъ, не появляется въ церквахъ раздѣленій, и на васъ не падаетъ укоризна, какъ на виновниковъ раскола. Ибо признаюсь вамъ, — что было досель, то служило предлогомъ не къ миру, но къ раздѣленію.

Не только епископы Аѳанасій и Маркелль пришли сюда съ жалобой, что сдѣлана имъ обида, но и многіе другіе епископы изъ Фракіи, Килесріи, Фивіи и Палестины, и немалое число пресвитеровъ, иные изъ Александріи, а иные изъ другихъ мѣстъ, прибыли на здѣшній соборъ, и при всѣхъ сошедшихся епископахъ, сверхъ прочаго, о чемъ было имъ говорено, сътовали и на то еще, что церкви терпятъ принужденія и обиды, и подтверждали не словомъ только, но и дѣлами, что и въ ихъ и въ другихъ церквахъ происходило подобное бывшему въ Александріи. Также и теперь пресвитеры, пришедшіе съ письмами изъ Египта и Александріи, со скорбію объявляли, что многіе епископы и пресвитеры, имѣя желаніе прійти на соборъ, встрѣтили къ тому препятствія. И сказывали, что даже донинѣ, по отбытіи Епископа Аѳанасія, епископы исповѣдники терпятъ побои, иные же содержатся подъ стражею, и мужи уже древніе, весьма долгое время бывшіе на епископствѣ, предаются на исправленіе общенародныхъ службъ, всѣ же почти клирики вселенской Церкви подвергаются наветамъ и гоненіямъ. Такъ сказывали они, что нѣкоторые епископы и братія изгнаны въ

заточеніе не ради чего инаго, но только, чтобы заставить ихъ невольно вступить въ общеніе съ Григоріемъ и съ окружающими его аріанами. А что и въ Анкиръ Галатійской не мало случилось подобнаго бывшему въ Александріи,—о семъ слышали мы отъ другихъ; но засвидѣтельствовалъ о томъ-же и епископъ Маркеллъ. Кромъ сего, прибывшіе сюда на нѣкоторыхъ изъ васъ (объ именахъ умолчу) принесли подобныя и столько-же тяжкія обвиненія, о которыхъ отказываюсь и писать. Но, можетъ быть, и вы слышали о семъ отъ другихъ.

Потому-то особенно и писалъ я къ вамъ, приглашая прійти сюда, чтобы, здѣсь находясь, услышали вы о семъ, и чтобы все могло быть исправлено и уврачено. Посему-то и надлежало приглашеннымъ явиться съ охотою, а не отказываться отъ сего, чтобы, не явившись, не навлечь имъ на себя подозрѣнія въ сказанномъ, будтобы они не въ состояніи доказать того, о чемъ писали. Итакъ, послѣ сихъ слуховъ, когда церкви дѣйствительно тѣ тернятъ отъ злоумышленій, что подтвердили извѣщающіе насъ о семъ,—къмъ возженъ пламень разномыслія? Нами ли, которые скорбимъ о подобныхъ дѣлахъ, и сострадаемъ страждущимъ братіямъ, или тѣми, которые произвели это?

Дивлюсь, почему, при такомъ великомъ неустройствѣ тамъ въ каждой у васъ церкви, по которому и явились сюда пришедшіе, пишете вы, что въ церквахъ единомысліе. Но подобныя дѣла служатъ не къ созиданію, а къ разоренію Церкви, и радующіеся имъ суть чада не мира, но нестроенія. Богъ же нашъ *ижесть нестроеніа Богъ, но мира* (1 Кор. 14, 33.).

Посему, какъ извѣстно сіе Богу и Отцу Господа нашего Иисуса Христа, заботясь и о васъ, и желая, чтобъ церкви не были въ нестроеніи, но пребывали, какъ узаконено Апостолами, призналъ я необходимымъ написать сіе вамъ, и написалъ, чтобы, наконецъ, пристыдили вы тѣхъ, которые взаимною враждою довели Церкви до такого состоянія. Ибо я слышалъ, что не велико число людей, которые виновны во всемъ этомъ.

Какъ облекшіеся *въ утробы щедротъ* (1 Кор. 3, 12.), постарайтесь исправить, что, какъ сказалъ я, сдѣлано не по правиламъ, чтобы, если и вкралось что худое, уврачевано сіе было вашей рачительностію. И не пишите: «общенію съ нами предпочелъ ты общеніе съ Маркелломъ и Аѳанасіемъ». Такія слова—признакъ не мира, но упорства и братоненавдѣнія. Для того и написалъ я сказанное выше, чтобы вы знали, что не вопреки справедливости приняты они мною, и прекратили такую распрю. Если бы вы пришли, а они были обличены, и не нашлось у нихъ въ защиту основательныхъ доказательствъ; то въ-правъ были бы вы писать такимъ образомъ. Поелику же, какъ сказалъ уже я, имѣемъ съ ними общеніе по правилу и не вопреки справедливости; то умоляю васъ Христомъ, не попустите, чтобы расторгаемы были члены Христовы, не вѣрьте своимъ предубѣжденіямъ, но предпочтите миръ Господень. Ибо неблагочестно и несправедливо—по малодушію нѣкоторыхъ отринути не уличенныхъ, и тѣмъ оскорбить Духа. Если же думаете, что можно иное доказать противъ нихъ и обличить ихъ въ лице; то пусть прійдутъ желающіе. Ибо они объявили намъ,

что готовы на сіе , только бы доказать и привести въ ясность все, о чемъ пзвѣщали. Дайте намъ знать о семъ , возлюбленные , чтобы мы могли написать и къ нимъ , и къ епископамъ , которые должны прійдти снова, чтобы въ присутствіи всѣхъ облпчены были виновные , и не было уже нестроенія въ Церквахъ. Ибо довольно и того , что досель было ; довольно того , что въ присутствіи епископовъ изгоняемы были епископы , о чемъ не должно и распростра- няться много , чтобы не показалось сіе тяжкимъ для бывшихъ при этомъ дѣлѣ. Ежели говорить правду ; то не должно было доходить до этого , и до такой степени простирать малодушіе.

Пусть Аѳанасій и Маркелль , пишете вы , будутъ удалены съ своихъ мѣсть ; что же сказать о дру- гихъ епископахъ и пресвитерахъ , пришедшихъ сюда, какъ сказалъ уже я, изъ различныхъ мѣсть ? И они также говорили о себѣ , что были изгнаны и потер- пѣли тѣже. Суды церковные не по Евангелію уже производятся, возлюбленные, но домогаются заточеній и смерти. Если и подлинно, какъ говорите, была въ нихъ какая вина ; то по церковному правилу, а не такъ, надлежало произвести судъ ; надобно было написать ко всѣмъ намъ , чтобы такимъ образомъ всѣми произнесено было справедливое рѣшеніе. Ибо страдали епископы, страдали не малыя какія Церкви, но тѣ , которыми Апостолы лично правили. Почему же не писано было къ намъ особенно о Церкви Александрійской? Или не знаете , что было это обы- кновеніе,—прежде писали къ намъ , и здѣсь уже рѣ- шалось, кто правъ. Итакъ , если падало какое по- дозрѣніе на тамошняго епископа ,—надобно было

написать къ здѣшней Церкви. Теперь же намъ не сообщили ясныхъ свѣдѣній, а сами сдѣлали дѣло, какъ хотѣли, и наконецъ требуютъ, чтобы, не разобравъ дѣла, подали мы одинъ съ ними голосъ. Не таковы Павловы постановленія; не такъ предали Отцы; это—иный образъ дѣйствованія; это — новое предначертаніе.

Умоляю васъ, перенесите сіе благодушно; что пишу, то служить къ общей пользѣ. Ибо что приняли мы отъ блаженнаго Апостола Петра, то и объявляю вамъ, и не сталъ бы писать въ той мысли, что извѣстно это всемъ, еслибы не встревожило насъ случившееся. Епископовъ похищаютъ и удаляютъ, иные со стороны поставляются на ихъ мѣста, противъ иныхъ злоумышляютъ; почему вѣрующіе о похищенныхъ епископахъ плачутъ, а по причинѣ присланныхъ терпятъ принужденіе, не имѣя воли требовать, кого желаютъ, и не принять, кого не хотятъ. Прошу васъ, чтобы не было этого больше; жалуйтесь лучше на тѣхъ, которые такъ поступаютъ, чтобы церкви не терпѣли ничего подобнаго, ни одинъ епископъ или пресвитеръ не подвергался оскорбленію, или не былъ принуждаемъ, какъ донесено намъ, поступать противъ своего убѣжденія; иначе, будутъ смѣяться надъ нами язычники, а паче всего прогнѣваемъ мы Бога; потому что каждый изъ васъ въ день суда дастъ отчетъ во всемъ, что дѣлалъ здѣсь. О еслибы всѣ мудрствовали по Богу, чтобы и церкви, пріявъ своихъ епископовъ, выну радовались о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ! О Немъ слава Отцу во вѣки вѣковъ! Аминь. Желая вамъ, возлюбленные и вождельные братія, возмогать о Господѣ.

Такъ соборъ Римскій писалъ чрезъ Юлія, Епископа Римскаго. Поелику же Евсевіевы приверженцы снова стали безчинствовать, возмущали церкви, и многимъ строили козни; то боголюбивые Цари Константій и Констансъ, узнавъ о семъ, повелѣли епископамъ Запада и Востока собраться въ городъ Сардику. Между тѣмъ Евсевій кончилъ жизнь. И когда собралось отсюда много епископовъ,—позвали мы на судъ сообщниковъ Евсевіевыхъ. Но они, имѣя у себя предъ очами дѣла свои, и видя пришедшихъ обвинителей своихъ, убоились суда. Ибо тогда какъ всѣ собрались въ простотѣ, они опять привели съ собою комитовъ—Мусоніана, Исихія и Кастрисія, чтобы, по обыкновенію своему, властію ихъ дѣлать, что имъ будетъ угодно. Поелику же соборъ дѣйствовалъ безъ комитовъ, и не было на немъ ни одного воина; то, мучимые совѣстію, пришли они въ смущеніе; потому что судъ надъ ними производился, не какъ имъ хотѣлось, но какъ требовалъ законъ истины. Почему, послѣ многихъ нашихъ приглашеній, послѣ того какъ соборъ епископовъ пригласилъ ихъ, говоря: «Вы пришли судиться; поэтому чѣмъ же удерживаетесь, пришедши сюда? Вамъ надлежало или не приходить, или, если пришли, не скрываться. Это служить для васъ наибольшимъ обличеніемъ. Вотъ Аѳанасій и прочіе съ нимъ, на которыхъ вы заочно клеветали, явились сюда, чтобы, если имѣете что противъ нихъ, обличили вы ихъ лично. Если же не можете обличать, и показываете видъ, что не хотите сего; то явные вы клеветники, и этотъ судъ произнесетъ о васъ соборъ.» Выслушавъ сіе, и осуждаемые совѣстію (ибо знали, что ими сдѣлано и вымышлено

противъ насъ), постыдѣлись они явиться на судъ, обличивъ тѣмъ себя въ великой и нелѣпой клеветѣ. Почему святой соборъ, осудивъ неблагоприличное и подозрительное ихъ бѣгство, принялъ наше оправданіе. Когда же пересказали мы, какъ было поступлено съ нами, и представили свидѣтелей и доказательства; тогда всѣ удивились, и признали, что поѣтому, вѣроятно, и убоились они собора, чтобы не быть обличенными въ лице; притомъ сказали: «пришли они сюда съ Востока, предполагая, можетъ быть, что не явятся Аѳанасій и прочіе съ нимъ; увидѣвъ же, что они дѣйствуютъ смѣло, и вызываютъ ихъ на судъ, бѣгутъ теперь.» Итакъ насъ, какъ потерпѣвшихъ обиду и оклеветанныхъ напрасно, соборъ принялъ, и еще паче утвердили всѣ съ нами общеніе и любовь. А сообщниковъ Евсевіева злоумія, показавшихъ свое безстыдство, именно: Θεодора изъ Иракліи, Наркисса изъ Нероніады, Акакія изъ Кесаріи, Стефана изъ Антиохіи, Урсакія и Валента изъ Панноніи, Минофанта изъ Ефеса и Георгія изъ Лаодикіи, соборъ низложилъ; ко всѣмъ же епископамъ, и въ область каждаго изъ потерпѣвшихъ обиду, написали слѣдующее:

Посланія собора, созваннаго въ Сардикѣ.

Святой Соборъ, по благодати Божіей созванный въ Сардикѣ изъ Рима, Испаніи, Галліи, Италиі, Кампаніи, Калабріи, Апуліи, Африки, Сардиніи, Панноніи, Мисіи, Дакии, Норика, Сискии, Дарданіи, другой Дакии, Македоніи, Фессалии, Ахаіи, Ипировъ, Фракіи, Родопы, Палестины, Аравіи, Крита и Египта, пре-

свитерамъ и діаконамъ, и всей святой Церкви Божіей во Александріи, возлюбленнымъ братіямъ, желаетъ о Господь радоваться.

Въ томъ-же почти видѣ соборное сіе посланіе препровождено ко вѣмъ египетскимъ и ливійскимъ епископамъ.

И до полученія нами писемъ отъ вашего благоговѣнія небезвѣстно, а напротивъ того, явно было намъ, что покровители злоименной аріанской ереси устроили многое и ужасное, впрочемъ болѣе на пагубу душъ своей, нежели во вредъ Церкви. Въ томъ состояли ихъ искусство и коварство, такого держались они убійственнаго всегда намъренія, чтобы вѣми силами преслѣдовать и гнать всякаго, гдѣ бы то ни было, православнаго, содержащаго ученіе вселенской Церкви, какое предано ему отъ Отцевъ. На однихъ взводили вымышленныя обвиненія, другихъ посылали въ заточеніе, иныхъ истомили въ мукахъ. Конечно же, своими насиліями и мучительствомъ старались они помрачить и чистоту брата и соепископа нашего Аѳанасія, а потому и судъ у нихъ былъ безъ строгихъ изслѣдованій, безъ доказательствъ, однимъ словомъ, несправедливъ. Посему, не надѣясь на то, что о немъ выдумали и разглашали, и сами усматривая, что не могутъ представить на сіе вѣрныхъ доказательствъ, прибывъ въ городъ Сардику, не захотѣли явиться на соборъ вѣсхъ святыхъ епископовъ. А смъ и обнаружилось, сколько справедливъ судъ брата и соепископа нашего Юлія; ибо не безъ осмотрительности разсудилъ онъ, но по самой строгости рѣшилъ дѣло; почему и нимало не усумнился принять въ общеніе брата нашего Аѳанасія, у котораго

восемьдесятъ епископовъ были вѣрными свидѣтелями, и которому послужило въ оправданіе и то, что, съ помощію возлюбленныхъ братій нашихъ,—пресвитеровъ своихъ, и также съ помощію писемъ, обнаружилъ онъ козни Евсевіевыхъ приверженцевъ, подкрѣпившихъ себя не судомъ, а болѣе насиліями. Почему всѣ, повсюду сущіе, епископы подтвердили—принять въ общеніе Аѳанасія за его чистоту.

Да обратитъ вниманіе любовь ваша и на слѣдующее: Когда Аѳанасій явился на святой соборъ, созванный въ Сардикъ; тогда, по сказанному выше, и посланіями, и устными приказаніями, напоминали мы Восточнымъ, и приглашали ихъ также явиться. Но они, облчаемые совѣстію, подъ неприличными предлогами, начали уклоняться отъ суда, требовали, чтобы невинный, какъ виновный, изринуть былъ изъ нашего общенія, не внимая тому, что сіе неприлично, лучше же сказать, невозможно. И о судебныхъ записяхъ, составленныхъ въ Мареотъ какими-то негодными и отчаянными молодыми людьми, которымъ никто не повѣрялъ и самой нисшей степени въ клиръ, доказано было, что произведено одностороннее изслѣдованіе дѣла; потому что не было тамъ ни брата нашего, Епископа Аѳанасія, ни обвиняемаго ими пресвитера Макарія. Да и допросъ, лучше же сказать, лживый наговоръ, сдѣланъ ими самымъ постыднымъ образомъ; потому что были допрашиваемы то язычники, то оглашенные, не для того, чтобы сказали, что знаютъ, но чтобы дали лживое показаніе, какому сами ихъ научили. И вамъ, пресвитерамъ, которые были озабочены отсутствіемъ вашего епископа, и хотѣли быть при изслѣдованіи, доказать истину и

обличить ложь, не сдѣлано никакого уваженія; вамъ не дозволили присутствовать, даже съ поруганіемъ изгнали васъ.

И изъ сего уже весьма очевидна всякому клевета. Но, прочитавъ судебныя записи, нашли мы еще, что вселукавый Исхиръ, который за клевету получилъ отъ нихъ награду—мнимое имя епископа, самъ обличилъ себя въ сей клеветъ; потому что въ сихъ-же записяхъ сказалъ о себѣ, что въ то время, когда, по утверждаемому ими, вошелъ въ келлію его Макарій, лежалъ онъ больной, между тѣмъ какъ Евсевіевы сообщники написали, что, когда явился Макарій, Исхиръ стоялъ и совершалъ Припошеніе.

Явною для всѣхъ также стала клевета и лживость доноса и въ той жалобѣ, какую приносили послѣ сего. Ибо говорили и неумолчно вопіали, что Аѳанасій совершилъ убійство и умертвилъ нѣкоего Арсенія, епископа, поставленнаго Мелетіемъ; притворяясь свѣтующими о семъ Арсеніи, лицемерно проливали они слезы, и требовали, чтобы выдаю было тѣло сего живаго епископа, какъ дѣйствительно умершаго. Но выдумки ихъ не остались неузнанными; всѣмъ стало извѣстно, что Арсеній и живъ, и считается между живыми. Сія же готовые на все люди, когда увидѣли, что обличаются во лжи, потому что самъ живой Арсеній доказывалъ о себѣ, что его не убивали и не умиралъ онъ,—не успокоились и послѣ сего, но стали къ прежнимъ лживымъ доносамъ приискивать другіе доносы, чтобы, при помощи новыхъ козней оклеветать Аѳанасія. Чтò же потомъ, возлюбленные? Не смутился братъ нашъ Аѳанасій, но и въ этомъ съ великимъ дерзновеніемъ сталъ вызывать

ить на судъ ; и мы желали и приглашали , чтобы пришли они на судъ и обличили Аѳанасія , если могутъ . О какой духъ преобладанія ! какая страшная гордыня ! или лучше , если говорить правду , какая злая и виновная совесть ! Это всѣмъ явно .

Посему , возлюбленные братія , напоминаемъ вамъ и убѣждаемъ васъ , прежде всего содержать правую вѣру вселенской Церкви . Ибо много страшнаго и бѣдственнаго претерпѣли вы , много оскорбленій и неправдъ понесла вселенская Церковь ; но.. претерпѣвый до конца , той спасенъ будетъ (Матѳ. 10, 22.). Почему , если и еще осмѣлятся дѣйствовать противъ васъ,—скорбь ваша въ радость будетъ ; потому что такія страданія составляютъ часть мученичества , такія исповѣданія ваши и истязанія не останутся вознагражденными , но отъ Бога примете вѣдныя награды . Посему подвизайтесь наипаче , защищая здравую вѣру и чистоту вашего епископа и нашего сослужбника Аѳанасія ; потому что и мы не умолчали и не вознерадѣли о вашемъ спокойствіи , но позаботились , и сдѣлали все , чего требуетъ законъ любви : приемлемъ участіе въ страданіяхъ страждущихъ братій нашихъ , и страданія ихъ признаемъ своими собственными * , со слезами вашими смѣшали и свои слезы . Не вы одни пострадали , братія , но и многіе другіе наши сослужители , пришедши сюда , сѣтовали о семъ * (а).

Почему , донесли мы о семъ благочестивѣйшимъ и боголюбивѣйшимъ Царямъ , и обратились къ нимъ

(а) Слова, отмѣченныя *, читаются только во второмъ посланіи къ египетскимъ Египта и Ливіи .

съ просьбою , чтобы человеколюбіе ихъ повелѣло дать ослабу досель страждущимъ и угнетаемымъ , и узаконило , ни одному изъ тѣхъ судей , на которыхъ лежитъ обязанность заботиться о дѣлахъ только гражданскихъ , какъ не судить клириковъ , такъ вообще , подъ предлогомъ попеченія о церквахъ , ничего не предпринимать впредь противъ братій , чтобы каждый изъ братій , не подвергаясь ни гоненію , ни какому-либо насилію и притязанію , жилъ , какъ желаетъ и хочетъ , въ тишинѣ и мирѣ содержалъ вселенскую и Апостольскую вѣру .

О Григоріѣ , которій , какъ говорятъ , незаконно поставленъ еретиками и присланъ ими въ вашъ городъ , да будетъ извѣстно вашему единодушію , что онъ , по суду всего священнаго собора , низложенъ , да и вовсе никогда не былъ признаваемъ за епископа . Посему съ радостію пріймите возвращеннаго вамъ Епископа вашего Аѳанасія . Ибо для сего и отпустили мы его съ миромъ ; потому всѣмъ , которые или по страху , или по чьимъ-либо пронкамъ , были въ общеніи съ Григоріемъ , совѣтуемъ , послѣ сего нашего напоминанія , внявъ и покорившись сему , прекратить мерзкое съ нимъ общеніе , и присоединиться , наконецъ , къ вселенской Церкви .

* Поелику же узнали мы , что и противъ сопресвитеровъ нашихъ Аѳонія , Аѳанасія , сына Капитонова , Павла и Плутіона , составленъ былъ заговоръ Евсевіевыми сообщниками , а потому одни сосланы въ заточеніе , другіе сами бѣжали , когда угрожали имъ смертію ; то признали мы нужнымъ объявить вамъ и о семъ , да будетъ вамъ извѣстно , что и ихъ приняли мы и признали невинными , очень зная , что все , сдѣ-

ланное Евсевіевыми сообщниками противъ православныхъ, сдѣлано къ славѣ и похвалѣ подвергшихся ихъ кознямъ. Хотя Епископу вашему и нашему сослужебнику Аванасію прилично было бы донести вамъ о нихъ, какъ о своихъ, частнымъ образомъ; но велику для большаго засвидѣтельствованія захотѣлъ онъ, чтобы написалъ вамъ святой соборъ; то не замедлили мы, а напротивъ того, постарались увѣдомить васъ, чтобы и вы, подобно намъ, приняли ихъ, какъ достойныхъ похвалы; потому что и они за благочестивую вѣру во Христа сподобились претерпѣть поруганіе отъ еретиковъ * (б).

Какое же опредѣленіе составлено святымъ соборомъ противъ * Феодора, Наркисса, Стефана, Акакія, Мновофанта, Урсакія, Валента и Григорія * (в), покровителей аріанской ереси, погрѣшившихъ противъ васъ и противъ другихъ Церквей, о семъ узнаете изъ приложенныхъ бумагъ, которыя послали мы къ вамъ (г), чтобы вамъ было изъ сего извѣстно, что вселенская Церковь не оставляетъ безъ замѣчанія погрѣшающихъ противъ нея.

Святой соборъ, по благодати Божіей созванный въ Сардикѣ, повсюду сущимъ епископамъ и сослужебникамъ вселенской Церкви желаетъ о Господѣ радоваться.

(б) Слова, отмѣченныя*, читаются только въ первомъ посланіи къ Александрійской Церкви.

(в) Имена, отмѣченныя *, читаются только во второмъ посланіи.

(г) Во второмъ посланіи читается: послали мы къ вамъ, чтобы ~~ваше~~ благочестіе изъявило согласіе на опредѣленное нами, и вамъ было изъ сего извѣстно и т. д.

На многое, и неоднократно, отваживались ариане противъ рабовъ Божіихъ, сохраняющихъ правую вѣру; и внушая лживое свое ученіе, покушались изгонять православныхъ, а наконецъ, столько возстали противъ вѣры, что не укрылось сіе отъ благочестія благоговѣйшійшихъ Царей. Почему, при содѣйствіи Божіей благодати, сами благочестивѣйшіе Цари созвали насъ изъ разныхъ епархій и городовъ, и дозволили быть святому сему собору въ городъ Сардыя, чтобы пресѣчено было всякое разномысліе и, съ удаленіемъ всякаго зловѣрія, всѣми соблюдаема была одна благочестивая вѣра во Христа.

Прибыли и Восточные епископы, вызванные благочестивѣйшими Царями, особливо по тому, что многократно разглашали о возлюбленныхъ нашихъ братьяхъ и сослужителяхъ—Аѳанасіѣ, Епископѣ Александрійскомъ и о Маркеллѣ, Епископѣ Анкирогалатійскомъ. И до васъ, можетъ быть, дошли ихъ клеветы, и вашъ, можетъ быть, слухъ покушались они возмутить, чтобы повѣрили вы всему, что говорятъ противъ невинныхъ, а имъ можно было укрыться отъ подозрѣнія въ зловредной своей ереси. Но не долго удалось имъ такъ дѣйствовать. Ибо Покровитель Церквамъ — Господь, ради нихъ и ради всѣхъ насъ претерпѣвшій смерть и Собою показавшій всѣмъ намъ восхождение на небо. Посему и прежде, когда Евсевіевы сообщники сослужебнику нашему Юлію, Епископу Церкви Римской, писали противъ упомянутыхъ выше сослужителей нашихъ, — разумѣмъ Аѳанасія, Маркелла и Асклипія, — и другихъ странъ епископы писали также, свидѣтельствуя о чистотѣ сослужителя нашего Аѳанасія, и о томъ, что вы-

шедшее отъ Евсевіевыхъ сообщниковъ— не болѣе, какъ ложь, и исполнено клеветы. И хотя клевета была уже ясна, особенно изъ того, что не явились они на приглашеніе возлюбленнаго сослужбника нашего Юлія, а также изъ написаннаго посему самимъ Юліемъ; ибо пришли бы они, если бы полагались на то, что сдѣлано и произведено ими противъ сослужителей нашихъ: однакоже, еще явственнѣе обнаружили свой заговоръ тѣмъ, что сдѣлали во время сего святаго и великаго собора. Ибо, прибывъ въ городъ Сардику и увидѣвъ тамъ братій нашихъ Аевасія, Маркелла, Асклипія и другихъ, убоились они явиться на судъ, и не разъ, не два, но многократно приглашаемые, не послушали приглашеній; хотя всѣ мы, сошедшіеся епископы, и особенно маститый старецъ Осія, достойный всякаго уваженія и по лѣтатъ, и по исповѣдничеству, и по столькимъ понесеннымъ имъ трудамъ, ждали и убѣждали ихъ прійти на судъ, чтобы лично могли они уличить сослужителей нашихъ въ томъ, что разглашали и писали о нихъ отсутствующихъ. Но они не пришли по приглашенію, какъ сказали мы выше, доказывая тѣмъ клеветничество свое, и отреченіемъ своимъ въ-слухъ почти вопія о сдѣланномъ ими злоумышленіи и заговорѣ. Кто твердо увѣренъ въ томъ, что говоритъ; тотъ можетъ подтвердить сіе и въ лице. Поелику же они не явились на судъ; то теперь, хотя имъ хотѣлось бы снова обмануть, всякій уже знаетъ, какъ полагаешь, что, не имѣя, чѣмъ обличить сослужителей нашихъ, клеветуютъ на нихъ, когда ихъ нѣтъ, и бѣгаютъ отъ нихъ, когда они передъ ними лично.

Обратились же они въ бѣгство, возлюбленные

братія , не по причинѣ только своей клеветы на Аѳанасія и прочихъ , но и потому , что увидѣли необходимость встрѣтить мужей , которые приносятъ на нихъ разныя жалобы . Были тутъ показываемы узы и желѣза , были возвратившіеся изъ заточенія , были пришедшіе отъ содержащихся въ заточеніи , являлись сослужители , родные и друзья доведенныхъ ими до смерти , и , что всего важнѣе , предстали епископы , изъ которыхъ одинъ показывалъ желѣза и оковы , какія носилъ на себѣ отъ нихъ ; другіе свидѣтельствовали , что , по ихъ клеветѣ , угрожала имъ смерть . Ибо доходили они до такой дерзости , что покушались на жизнь епископовъ , и умертвили бы ихъ , еслибы тѣ не избѣгли ихъ рукъ . Такъ умеръ блаженный сослужитель нашъ Феодулъ , спасаясь бѣгствомъ отъ ихъ клеветы ; потому что , по клеветамъ ихъ , приговоренъ былъ къ смерти . Другіе показывали нанесенные имъ удары мечемъ ; иные жаловались , что терпѣли отъ нихъ голодь . О всемъ этомъ свидѣтельствовали не простые какіе-нибудь люди , но цѣлыя Церкви , отъ которыхъ посланные , пришедши , рассказывали о вооруженныхъ войнахъ , о толпахъ народа съ дреколіемъ въ рукахъ , объ угрозахъ судей , о разглашеніи подложныхъ писемъ . Ибо читано было письмо , выдуманное Феогніемъ противъ сослужителей нашихъ Аѳанасія , Маркелла и Аскляпія , съ намѣреніемъ возбудить противъ нихъ и Царей ; и сіе вывели наружу бывшіе тогда Феогніевы діаконы . Сверхъ сего , описывали обнаженіе дѣвъ , сожженіе церквей , заключеніе въ темницу священнослужителей , и все это не ради чего иного , какъ для злоименной аріанской ереси ; потому что испытывать это на се-

бъ принуждены были отрекавиіеся отъ общенія съ ними.

Итакъ , видя сіе , затруднялись они , не зная , на что рѣшиться ; стыдились признаться въ томъ , что ими сдѣлано ; поелику же не было уже возможности скрывать сіе долѣе ; то пришли въ городъ Сардику , чтобы прибытіемъ своимъ , по-видимому , подать о себѣ мысль , что не виновны они ни въ какихъ проступкахъ . Но увидѣвъ оклеветанныхъ ими и пострадавшихъ отъ нихъ , имѣя у себя предъ очами обвинителей и обличителей , не захотѣли прійти по приглашенію . Между тѣмъ какъ сослужители наши Аѳанасій , Маркелъ и Асклипій дѣйствовали смѣло , приносили жалобы настоятелю , требовали , вызывали ихъ , обѣщались не только обличить клевету , но и доказать , сколько сдѣлано ими проступковъ противъ ихъ Церквей , — они такимъ объята были страхомъ въ совѣсти , что предались бѣгству , и своимъ побѣгомъ обличили клевету свою , чрезъ удаленіе свое признались въ своихъ проступкахъ .

Такимъ образомъ , хотя всего болѣе не только изъ прежняго , но и изъ сего обнаруживается ихъ злонаравіе и клеветничество ; однакоже , чтобы въ самомъ бѣгствѣ своемъ не могли найти они какого-нибудь предлога къ своему злоухищренію , заблагоразсудили ны по закону истины изслѣдовать ихъ кознодѣйства . И предположивъ себѣ такую цель , изъ всѣхъ дѣлъ ихъ находимъ то , что они — клеветники , и ни что иное дѣлали , какъ только строили козни нашимъ сослужителямъ .

Тотъ Арсеній , о которомъ говорили они , будтобы лишенъ онъ жизни Аѳанасіемъ , и живъ , и считается

между живыми. А изъ сего видно, что разглашаемое ими и о другихъ есть вымысль. Разглашали они и о чашь, будтобы разбитой Аѳанасіевымъ пресвитеромъ Макаріемъ; но пришедшіе изъ Александріи, изъ Мареота и изъ прочихъ мѣсть засвидѣтельствовали, что ничего этого не было, и епископы, писавшіе изъ Египта къ сослужителю нашему Юлію, достаточно подтвердили, что тамъ не было вовсе и подозрѣнія о чемъ-либо подобномъ.

Съ другой стороны, о тѣхъ судебныхъ записяхъ, въ которыхъ, какъ говорятъ они, есть нѣчто противъ Аѳанасія, дознано, что составлены онѣ одностороннимъ образомъ; притомъ, по симъ самымъ записямъ допрашиваемы были язычники и оглашенные; одинъ изъ оглашенныхъ при допросѣ показалъ, что, когда Макарій прибылъ на мѣсто, находился онъ внутри, а другій, будучи спрошенъ, сказалъ, что часто упоминаемый ими Исхиръ лежалъ тогда больной въ своей келліи; а изъ сего видно, что таинство вовсе не было совершаемо, потому что были тутъ оглашенные, и не было Исхира, который лежалъ, будучи боленъ. И самъ лукавый Исхиръ, солгавъ въ утверждаемомъ имъ, — будтобы Аѳанасій сожегъ одну изъ Божественныхъ книгъ, — и будучи обличенъ въ томъ, сознался о себѣ, что въ то время, какъ прибылъ Макарій, былъ онъ боленъ и лежалъ. Почему и изъ этого видно, что онъ клеветникъ. И, конечно, въ награду за сію клевету, этому Исхиру, не бывшему пресвитеромъ, дали именованіе епископа. Ибо два пресвитера, бывшіе нѣкогда съ Мелетіемъ, а въ послѣдствіи принятыя блаженной памяти Александромъ, бывшимъ Епископомъ Александрійскимъ, нынѣ же

находящіеся при Аванасіѣ, прибывъ сюда, засвидѣтельствовали, что Исхиръ никогда не бывалъ у Мелетія пресвитеромъ, да и Мелетій въ Мареотъ вовсе не имѣлъ церкви, или священнослужителя. И однакоже, того, кто не бывалъ пресвитеромъ, выдали теперь за епископа, думая въ клеветѣ своей симъ именованіемъ изумить слушателей.

Читано было также сочиненіе сослужителя Маркелла, и обнаружилась злокозненность евсевіанъ. Что Маркеллъ сказалъ въ видѣ вопроса, то выдали за собственное его исповѣданіе. Посему прочитано было и послѣдующее за вопросами и предшествующее имъ,—и обнаружилась правая Маркеллова вѣра. Ибо Маркеллъ Богу Слову не приписывалъ, какъ утверждали они, начала отъ Святой Маріи, не говорилъ, что Царство Его имѣетъ конецъ, а напротивъ того, написалъ, что Его Царство безначально и нескончаемо.

А сослужитель Асклипій привнесъ судебныя записи, составленныя въ Антиохіи въ присутствіи обвинителей и Евсевія Кесарійскаго, и опредѣленіями судившихъ епископовъ доказалъ о себѣ, что онъ невиненъ.

Итакъ, возлюбленные братія, не безъ причины не послушались они послѣ многократныхъ приглашеній, не безъ причины обратились въ бѣгство: гонимые совѣстію, бѣгствомъ своимъ подтвердили клеветничество свое, и заставили вѣрить тому, что противъ нихъ говорили и показывали явившіеся сюда ихъ обвинители. Ибо, сверхъ всего этого, низложенныхъ и изверженныхъ прежде за Аріеву ересь не только они приняли, но даже возвели на высшую степень, діаконѣ на пресвитерскую, пресвитерѣ во епископы, не съ иною какою цѣлію, но съ тою един-

ственно, чтобы возможно было разсѣвать и распространять нечестіе и вредить благочестивой вѣрѣ.

Начальниками же нынѣ у нихъ, послѣ Евсевія, — Теодоръ изъ Иракліи, Наркиссъ изъ Нероніады Киликійской, Стефанъ изъ Антиохіи, Георгій изъ Лаодикіи, Акакій изъ Кесаріи Палестинской, Минофантъ изъ Ефеса Азійскаго, Урсакій изъ Сингидона Мисійскаго, Валентъ изъ Мурзовъ Паннонскихъ. Они-то пришедшимъ съ ними съ Востока не позволяли ни явиться на святой соборъ, ни вовсе ходить въ церковь Божию, и пришедши въ Сардику, дѣлали по мѣстамъ свои собранія, и положили между собою условія съ угрозами, по пришествіи своемъ въ Сардику, вовсе не являться на судъ и не сходитья вмѣстѣ съ святымъ соборомъ, но только прійти, и заявить о своемъ по долгу прибытіи, тотчасъ предаться бѣгству.

Сіе могли мы узнать отъ сослужителей нашихъ — Макарія изъ Палестины и Астерія изъ Аравіи, которые пришли вмѣстѣ съ ними, и отступили отъ ихъ невѣрія. Они-то, явившись на святой соборъ, жаловались на принужденіе, какое терпѣли, и говорили, что у нихъ ничто не дѣлается правдиво; присовокупляли также, что многіе тамъ объявили бы себя на сторонѣ православія, но имъ воспрепятствовали прійти сюда угрозами и похвальбами противъ намѣреющихся отступить отъ сихъ Евсевіевыхъ сообщниковъ. Почему и старались, чтобы всѣ пребывали въ одномъ домѣ, никому не позволяя на самое короткое время удаляться въ особое мѣсто.

Посему, какъ не надлежало молчать и оставлять безъ описанія клеветы, узы, убійства, побои, загото-

менія подложныхъ писемъ, терзанія, обнаженіе дѣвъ, заточенія, разоренія церквей, пожаровъ, перемѣщенія изъ малыхъ городовъ въ большія поселенія, сверхъ же всего этого, возставшую ради нихъ противъ правой вѣры аріанскую ересь; то по сей причинѣ о возлюбленныхъ братіяхъ и сослужителяхъ нашихъ Аѳанасіѣ, Маркеллѣ, Асклипіѣ и съ ними сослужавшихъ Господу, объявляемъ, что они невинны и чисты, написавъ о томъ къ паствѣ каждому, чтобы въ каждой Церкви народъ зналъ чистоту своего епископа, и его признавалъ своимъ епископомъ, и ожидалъ къ себѣ, вторгнувшихся же въ Церкви на подобіе волковъ, а именно Григорія въ Александріи, Василия въ Анкирѣ, Квинтіана въ Газѣ, не именовали епископами, вовсе никакого общенія не имѣли съ ними, не принимали отъ нихъ никакихъ посланій, и не писали къ нимъ. Θεодора же, Наркисса, Акакія, Стефана, Урсакія, Валента, Минофанта и Георгія, хотя онъ, убоявшись, не приходилъ сюда съ Востока, впрочемъ за то, что низложенъ былъ блаженной памяти Александромъ, также его и прочихъ за то, что держатся аріанскаго безумія, и за принесенныя на нихъ жалобы, святой соборъ единогласно низложилъ съ епископства; и мы опредѣлили, чтобы не только не были они епископами, но и не удостоивались общенія съ вѣрными. Ибо тѣмъ, которые отлучаютъ Сына и отчуждаютъ Слово отъ Отца, справедливость требуетъ быть отлученными отъ вселенской Церкви и чуждыми имени христіанъ. Итакъ, да будутъ они для васъ *анаѳема* за то, что корчемствовали словомъ истины. Такова Апостольская заповѣдь: *аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анаѳема да*

будеть (Гал. 1, 9.). Прикажете , чтобы никто не имѣлъ общенія съ ними ; потому что нѣтъ никакого общенія у свѣта со тмою ; всѣхъ ихъ удалите отъ себя ; потому что нѣтъ никакого согласія у Христа съ веліаромъ; остерегайтесь, возлюбленные, и писать къ нимъ, и принимать отъ нихъ письма, наипаче же постарайтесь и вы, возлюбленные братія и сослужители, какбы соприсутствуя духомъ на соборъ нашемъ, подтвердить нашъ приговоръ вашимъ подписаніемъ для сохраненія единогласія между всѣми повсюду сослужителями. Божій Промыслъ да сохранить васъ, возлюбленные братія, пребывающими во святынѣ и благодушными ! Подписался я Епископъ Осія, а также и всѣ.

Написавъ сіе, соборъ сардикійскій послалъ и къ тѣмъ, которые не могли прійти, и они были согласны на соборныя опредѣленія. Имена на соборъ подписавшихся и иныхъ епископовъ суть слѣдующія:

Осія изъ Испаніи, Юлій Римскій чрезъ пресвитеровъ Архидама и Филоксена, Протогенъ Сардикійскій, Гавдентій, Македоній, Севиръ, Претекстатъ, Урвикій, Лукиллъ, Евгений, Виталій, Калеподій, Флорентій, Вассъ, Винкентій, Стеркорій, Палладій, Домптіанъ, Халвисъ, Геронтій, Протасій, Евлогій, Порфирій, Діоскоръ, Зосимъ, Януарій, Зосимъ, Александръ, Евтихій, Сократъ, Діодоръ, Мартирій, Евѳирій, Евкарпъ, Аѳинодоръ, Иринея, Юліанъ, Аппій, Іона, Аѳтій, Реститутъ, Маркеллианъ, Априанъ, Виталій, Валентъ, Ергогенъ, Кастъ, Дометіанъ, Фортунатій, Маркъ, Анніанъ, Иліодоръ, Мусей, Астерій, Паригорій, Плутархъ, Именей, Аѳанасій, Лукій, Амантій,

Арій, Аскліпій, Діонісій, Максимъ, Трифонъ, Александръ, Антигонъ, Эліанъ, Петръ, Симфоръ, Мусоній, Евтихъ, Филологій, Спудасій, Зосимъ, Патрикій, Адолій, Саприкій.

Изъ Галліи: Максиміанъ, Вириссимъ, Виктуръ, Валентинъ, Дисидерій, Евлогій, Сарватій, Дисколій, Суперіоръ, Меркурій, Диклопетъ, Евсевій, Севиринъ, Сатиръ, Мартинъ, Павелъ, Опатіанъ, Никасій, Викторъ, Семпроній, Валеріанъ, Пакатъ, Іессей, Аристонъ, Симпликій, Метіанъ, Амантъ, Амиліанъ, Юстиніанъ, Викторинъ, Саторнилъ, Абундантій, Донатіанъ, Максимъ.

Изъ Африки: Нессъ, Гратъ, Мегасій, Колдей, Рогатіанъ, Консортій, Руфинъ, Маннинъ, Кессиліанъ, Еренніанъ, Маріанъ, Валерій, Динамій, Мизоній, Іустъ, Келестинъ, Кипріанъ, Викторъ, Оноратъ, Маринъ, Пантагаөій, Филіксъ, Вавдій, Ливеръ, Капитонъ, Мивервалъ, Косма, Викторъ, Есперіонъ, Филіксъ, Севріанъ, Оптантій, Есперъ, Фидентій, Салюстій, Пасхазій.

Изъ Египта: Ливурній, Амантій, Филіксъ, Исхираммонъ, Ромилъ, Тиверинъ, Консортій, Ираклидъ, Фортунатій, Діоскоръ, Фортунатіанъ, Вастамонъ, Датиллъ, Андрей, Серинъ, Арій, Θεодоръ, Евагоръ, Илія, Тимоөей, Оріонъ, Андроникъ, Пафнутій, Ермій, Аравіонъ, Псеносирисъ, Аполлоній, Муій, Сарапампонъ, Филонъ, Филиппъ, Аполлоній, Пафнутій, Павелъ, Діоскоръ, Ниламмонъ, Серинъ, Акила, Аотъ, Арпократіонъ, Исакъ, Θεодоръ, Аполмосъ, Аммоніанъ, Нилъ, Ираклій, Аріонъ, Аөасъ, Арсеній, Агаөаммонъ, Θεонъ, Аполлоній, Илія, Панинуөій, Андрагаөій, Немесіонъ, Сарапонъ, Аммоній, Аммоній, Ксенонъ,

Геронтій, Квинтъ, Леонидъ, Семпроніанъ, Филонъ, Ираклидъ, Іеракъ, Руфъ, Пасофій, Македоній, Аполлodorъ, Флавіанъ, Псай, Сиръ, Апфъ, Сарапіонъ, Исаія, Пафнутій, Тимофей, Елуріонъ, Гаій, Мусей, Пистъ, Иракламмонъ, Иронъ, Илія, Анагамфъ, Аполлоній, Гаій, Филотасъ, Павелъ, Тисеой, Евдемонъ, Юлій.

Съ небольшихъ дорогъ Италіи: Проватій, Віаторъ, Факудинъ, Іосифъ, Нумидій, Спирантій, Севиръ, Иракліанъ, Фавстинъ, Антонинъ, Ираклій, Виталій, Филиксъ, Криспинъ, Павліанъ.

Съ Кипра: Авксивій, Фотій, Гирасій, Афродисій, Ириникъ, Нунехій, Аванасій, Македоній, Трифиллій, Спиридонъ, Норванъ, Сосикратъ.

Изъ Палестины: Максимъ, Аэтіи, Арій, Θεодосій, Германъ, Силуанъ, Павелъ, Клавдій, Патрикій, Елпидій, Германъ, Евсевій, Зиновій, Павелъ, Петръ.

Всѣ сии подписались къ опредѣленіямъ собора; весьма же многіе другіе еще до собора сего писали за насъ изъ Азіи, Фригіи, Исавріи; и имена ихъ, числомъ около 63, заключаются въ особенныхъ посланіяхъ; всѣхъ вообще именъ триста сорокъ четыре.

Узнавъ о семъ боголюбивѣйшій Царь Константій, позвалъ насъ къ себѣ, своеручно написалъ къ брату своему, блаженной памяти Констансу, а ко мнѣ въ первый, второй и третій разъ писалъ слѣдующее:—

Константій, побѣдитель, Августъ Аванасію.

Человѣколюбіе нашей снисходительности не надолго оставило тебя обуреваться и вляться свирѣпыми волнами моря; неутомимое наше благочестіе не оста-

вило безъ вниманія, что ты обнаженъ былъ отъ отеческаго крова, лишенъ своего мѣста, и скитался въ дикихъ непроходимыхъ пустыняхъ. Правда, очень долго медлилъ я исполненіемъ своего намѣренія — писать къ тебѣ, въ ожиданіи, что добровольно прійдешь къ намъ, и будешь просить уврачеванія отъ понесенныхъ тобою страданій. Но, можетъ быть, страхъ препятствовалъ тебѣ рѣшиться на сіе. Посему-то посылаемъ къ твердости твоей сіе преисполненное благоволенія писаніе, чтобы, отложивъ страхъ, постарался ты о скорѣйшемъ своемъ прибытіи предъ наши взоры, и за сіе, удовлетворивъ своимъ желаніемъ, извѣдавъ наше челоуѣколюбіе, возвращенъ былъ на свое мѣсто. На сей конецъ просилъ я за тебя и Государя, брата моего, побѣдителя, Августа Констанса, чтобы доставилъ тебѣ возможность отправиться, и по общему нашему мановенію, имѣя сей зѣлогъ нашей милости, возвращенъ былъ ты въ отечество.

Посланіе 2-е.

И въ первомъ письмѣ особенно выразили мы ту мысль, чтобы ты безъ опасенія прибылъ къ нашему Двору, такъ какъ намъ всего болѣе желательно возвратить тебя на свое мѣсто. И теперь посылаемъ къ твердости твоей письмо сіе, убѣждая онымъ, безъ всякаго недоуѣрія и страха воспользоваться общественными повозками и сѣѣшить къ намъ, чтобы можно было тебѣ получить удовлетвореніе во всемъ, чего желаешь.

Посланіе 3-е.

Когда проживали мы въ Едессѣ, гдѣ были твои пресвитеры; тогда изъявили желаніе чрезъ посланнаго къ тебѣ пресвитера, чтобы поспѣшилъ ты прибыть къ нашему Двору, и увидѣвъ лице наше, немедленно могъ отправиться въ Александрію. Но, поелику прошло уже много времени послѣ того, какъ получено тобою наше письмо, и ты не пришелъ къ намъ; то постарались мы и теперь напомнить тебѣ, чтобы поспѣшилъ ты ускорить къ намъ своимъ прибытіемъ, а такимъ образомъ могъ возвращенъ быть своему отечеству и получить тобою желаемое. Для полнѣйшаго же объясненія послали мы къ тебѣ діакона Ахиту, отъ котораго можешь узнать о желаніи нашего сердца и о возможности получить, чего желалъ самъ ты.

Такъ писалъ Царь; а я, получивъ сіе, прибылъ въ Римъ проститься съ Церковію и съ епископомъ, потому что былъ я въ Аквилей, когда сіе ко мнѣ писано;—и Церковь исполнилась совершенной радости, а Епископъ Юлій, радуясь моему возвращенію, написалъ (моей) Церкви. Во время моего путешествія епископы вездѣ провожали меня съ миромъ. Юліемъ писано было слѣдующее:

Юлій пресвитерамъ и діаконамъ, и всѣмъ жителямъ Александріи.

И я раздѣляю радость вашу, возлюбленные братія, потому что предъ очами у себя видите, наконецъ,

плодъ вѣры своей. Ибо сіе дѣйствительно всякій можетъ видѣть совершившимся теперь на братѣ и соепископѣ моемъ Аѳанасіѣ, котораго Богъ возвращаетъ вамъ за чистоту его жизни и по вашимъ молитвамъ. Изъ сего, конечно, можно усмотрѣть, что вы всегда возносили къ Богу чистыя и исполненныя любви молитвы. Памятуя небесныя обѣтованія и ту стезю къ онымъ, какая была указана вамъ въ ученіи упомянутаго выше брата моего, дѣйствительно вы познали, и по присущей въ васъ правой вѣрѣ, постигли, что не до конца разлученъ съ вами тотъ, кого всегда, какъ пребывающаго съ вами, содержали вы въ богочестивыхъ душахъ вашихъ. Посему не нужно мнѣ многихъ словъ, когда пишу къ вамъ. Ибо, что было бы мною вамъ сказано, то вѣра ваша предварительно уже пріяла, и по благодати Божіей, совершила по общему во всѣхъ васъ желанію. Итакъ, раздѣляю радость вашу; ибо еще скажу, что соблюли вы души свои непреоборимыми въ вѣрѣ.

Не меньше участвую въ радости и самого брата моего Аѳанасія; потому что онъ, терпя много скорбей, ни на одинъ часъ не забывалъ вашей любви и вашей приверженности; хотя тѣломъ, по-видимому, и похищенъ былъ отъ васъ на-время, но духомъ непрестанно, какъ неразлучный, пребывалъ съ вами. Итакъ, возвращается онъ теперь къ вамъ болѣе славнымъ, нежели какъ удалился отъ васъ. Ибо если чистота драгоценныхъ веществъ, золота и серебра, искушается огнемъ: что можетъ кто сказать о достоинствѣ такого мужа, который, пребывъ опасною столькихъ скорбей, возвращается вамъ, признан-

ный невиннымъ не только нами , но и цѣлымъ соборомъ?

По сему, возлюбленные братія, со всякою по Богу славою и радостию пріймите вашего Епископа Аванасія вмѣстѣ съ тѣми , которые были общниками его въ столькихъ страданіяхъ. Возрадуйтесь, насладившись исполненіемъ обѣтовъ вашихъ , вы , которые пастыря своего, скажу такъ, алчущаго и жаждущаго вашего богочестія , препитали и напоили спасительными писаніями ; потому что , во время пребыванія его на чужой сторонѣ , вы были для него утѣшеніемъ , и гонимаго согрѣвали своими исполненными вѣры, душами и умами.

А меня, когда представляю себѣ и мысленно прозрѣваю, веселитъ уже радость каждаго изъ васъ при его возвращеніи, веселитъ и богочестивѣйшія срътенія народа , и славное празднество стекающихся. Какой это и сколько торжественный будетъ у васъ день , въ который возвратится къ вамъ братъ мой ! Чтò было досель, тò прекратится, и сіе многоцѣнное и желанное возвращеніе совокупитъ всѣхъ для какого-то веселія самой полной радости. Но подобная радость въ большей мѣрѣ простирается и на насъ , которымъ свыше даровано сіе, что имѣли мы возможность узнать такого мужа.

Итакъ, всего лучше окончить письмо молитвою. Богъ Вседержитель и Сынъ Его Господь и Спаситель нашъ Иисусъ Христосъ да ниспосылаетъ вамъ непрестанно благодать въ награду за досточудную вѣру вашу, какую доказали вы славнымъ свидѣтельствомъ объ епископѣ своемъ , и васъ и потомство ваше, и здѣсь и въ будущемъ вѣкѣ, да надѣлать

совершеннѣйшими благами , иже око не видѣ , и ухо не слыша , и на сердце челоуку не въздоша , аже уготова Богъ любящимъ Его (1 Кор. 2, 9.), о Господѣ нашемъ Исусѣ Христв; о Немъ же Вседержителю Богу слава во вѣки вѣковъ ! Аминь. Желаю вамъ , возлюбленные братія , возмогать о Господѣ.

Послѣ сего Царь , когда я пришелъ , имѣлъ со мною откровенное свиданіе , и отпустилъ меня въ отечество и къ церкви , епископамъ , пресвитерамъ и народу написавъ слѣдующее :

Побѣдитель Константій , великій Августъ , епископамъ и пресвитерамъ вселенской Церкви.

Не оставленъ Божіею милостию досточтимый Аѳанасій ; но , хотя на краткое время и подвергся челоуческому искушенію , однакоже Всевидящій Промысль далъ о немъ правдивое свое опредѣленіе , по изволенію Всеблагаго и по суду нашему возвративъ ему и отечество и ту церковь , въ которой , по Божію мавовенію , сталъ онъ предстоятелемъ. Сообразно съ симъ , отъ кротости нашей должно послѣдовать и то , чтобы всѣ прежнія опредѣленія противъ бывшихъ съ нимъ въ общеніи преданы были забвенію , всякое подозрѣніе на нихъ было отнынѣ оставлено , и права , какими прежде пользовались бывшіе съ нимъ клирики , подтверждены имъ были по надлежащему. Но къ оказанной ему милости признали мы справедливымъ присовокупить и слѣдующее : пусть всѣ , состоящіе въ спискахъ священнаго чина , знаютъ , что даруется безопасность всѣмъ , къ Аѳанасію приверженнымъ , и

епископамъ, и клирикамъ. Достаточнымъ же признакомъ правосмыслия въ каждомъ будетъ служить единеніе съ Аѳанасіемъ. Ибо всѣмъ тѣмъ, которые, вѣдая лучшимъ разсужденіемъ и жребіемъ, вступили въ общеніе съ нимъ, подражая предвѣряющему насъ Промыслу, повелѣли мы воспользоваться нынѣ, по изволенію Всеблагаго, данною нами милостію. Богъ да сохранитъ васъ!

Посланіе 2-е.

Побѣдитель Константій, великій Августъ, всѣмъ вѣрнымъ вселенской Церкви въ Александріи.

Имѣя въ виду ваше во всемъ правдолюбіе, и зная, что долгое время лишены вы были епископскаго о васъ промышленія, справедливымъ мы признали— снова послать къ вамъ Епископа Аѳанасія, мужа всѣмъ извѣстнаго и по правотѣ, и по честности его нравовъ. Принявъ его обычнымъ для васъ и надлежащимъ образомъ, и предпоставивъ помощникомъ въ молитвахъ къ Богу, постарайтесь всего болѣе хранить, по уставу Церкви, и вамъ приличныя и для насъ вождельныя, единомысліе и миръ. Ибо нѣтъ причины произойти у васъ какому-нибудь разномыслію или мятежу, вопреки благополучію нашихъ временъ. А мы всемирно желаемъ, чтобы не было у васъ этого; совѣтуемъ же, возлюбленные, въ молитвахъ вашихъ къ Божеству, какъ сказано уже, имѣя его всегда представителемъ и помощникомъ, пребывать вамъ такими, чтобы, при продолжающемся, по общему всѣхъ желанію, селѣ вашемъ расположеніи, и

нынѣ еще привязанные къ идольскому заблужденію язычники съ охотою поспѣшили къ познанію священной вѣры. Посему и еще совѣтуемъ вамъ держаться сказаннаго выше; епископа же, посылаемаго по опредѣленію Всеблагаго и по нашему изволенію, пріймите охотно, и почтите достойнымъ того, чтобы привѣтствовать его отъ всей души и мысли. Это и вамъ прилично, и сообразно съ нашею кротостію. А для пресѣченія всякаго предлога къ безпокойству и мятежу людей зложелательныхъ, посланіями дали мы приказъ вашимъ судіямъ, если откроютъ какихъ мятежниковъ, всѣхъ подвергать строгости законовъ. Посему, имѣя въ виду то и другое, какъ наше, по волю Всеблагаго, соизволеніе и мнѣніе о васъ и о единомыслии, такъ и наказаніе людямъ безчиннымъ, соблюдая же, что прилично и сообразно съ уставомъ священной вѣры, и со всѣмъ уваженіемъ и честію обращаясь съ упомянутымъ выше епископомъ, постарайтесь, вмѣстѣ съ нимъ, Отцу всяческихъ Богу возсылать молитвы о себѣ и о благоустроеніи всей жизни.

Написавъ сіе, повелѣлъ, чтобы прежде написанное имъ противъ меня по клеветѣ Евсевіевыхъ сообщниковъ было изъято изъ приказовъ у дука и у епарха египетскаго и уничтожено; и отправленный декуріонъ Евсевій взялъ это, а написано было слѣдующее :

Побѣдитель Константій, Августъ, Несторію (А въ томъ-же видѣ писано къ правителямъ Августамники, Фиваиды и Ливіи).

Если имѣются какія когда-либо прежде сего данныя предписанія ко вреду и оскорбленію находящихся

ся въ общеніи съ Епископомъ Аѳанасіемъ ; то нынѣ изъявляемъ желаніе, чтобы все сіе было изглажено. Ибо желательно намъ , чтобы клирики его , какою свободою отъ несенія на себѣ общественныхъ должностей пользовались , такую-же и опять имѣли. И намъ угодно , чтобы сіе наше предписаніе было соблюдаемо, и когда Епископъ Аѳанасій будетъ возвращенъ Церкви, —имѣющіе съ нимъ общеніе пользовались свободою, какою всегда имѣли, и какою имѣютъ прочіе клирики, и имѣя свободу сію, радовались.

Такимъ образомъ , при возвращеніи , проходя Сирию, встрѣтилъ я палестинскихъ епископовъ; и они, составивъ соборъ въ Іерусалимъ , приняли меня искренно, отпустили съ миромъ, а Церкви и епископамъ написали слѣдующее :

Святый соборъ, созванный въ Іерусалимъ, сослужителямъ своимъ въ Египтѣ и Ливіи, пресвитерамъ и діаконамъ и всему народу въ Александріи, возлюбленнѣйшимъ и желаннѣйшимъ братіямъ, желаетъ о Господѣ радоваться.

Не въ силахъ мы, возлюбленные, воздать должное благодареніе Богу всяческихъ за тѣ чудеса , какія творилъ всегда, и нынѣ сотворилъ съ вашею Церковію, возвративъ вамъ вашего пастыря и господина, а нашего сослужителя Аѳанасія. Ибо кто надѣялся хотя увидѣть только когда-нибудь, что примете нынѣ на самомъ дѣлѣ? Подлинно, молитвы ваши услышаны Богомъ всяческихъ ; Онъ благопопечительный о Церкви Своей вознаграждаетъ васъ за ваши слезы

и сѣтованія, а потому вземлетъ прошенія въ вашимъ. Были вы какъ овцы оставленныя, измученныя, не имѣющія пастыря; посему посѣтилъ васъ свыше истинный Пастырь, благопопечительный о Своихъ овцахъ, и возвратилъ вамъ желаннаго вами. Вотъ и мы, всѣмъ служа къ миру Церкви, въ единодушїи съ вашею любовію, предваривъ васъ, облобызали его, а чрезъ него вступивъ въ общеніе съ вами, посылаемъ сіи привѣтствія, и приносимъ благодарственныя молитвы, чтобы видѣли вы, какъ и мы соединены съ вами союзомъ любви къ нему. Но вы обязаны молиться и за благочестіе боголюбивѣйшихъ Царей, которые, узнавъ вашу приверженность къ нему и его чистоту, благоволили возвратить его вамъ со всею честію. Посему, принявъ его съ распростертыми руками, постарайтесь возслать о семъ должныя благодарственныя молитвы даровавшему вамъ сіе Богу, чтобы всегда съ Богомъ вамъ радоваться и прославлять Господа нашего, о Господѣ нашемъ Иисусъ Христъ, Которымъ Отцу слава во вѣки. Аминь.

Имена подписавшихъ (которыя объявлялъ я и прежде, написалъ однакожь и теперь) суть слѣдующія: Максимъ, Азій, Арій, Феодоръ, Германъ, Силуанъ, Павелъ, Патрикій, Елпидій, Германъ, Евсевій, Зиновій, Павелъ, Макривъ, Петръ, Клавдій.

Видя сіе, Урсакій и Валентъ стали наконецъ сами себя осуждать, и, пришедши въ Римъ, признавались они съ раскаяніемъ, просили прощенія, а къ Юлію, Епископу стараго Рима, и ко мнѣ писали слѣдующее (списки присланы мнѣ Павлиномъ, Епископомъ Триверовъ):

Письмо къ Епископу Юлію, первоначально писанное на латинскомъ языкѣ , о раскаяніи Урскія и Валента.

Господину блаженнѣйшему Папѣ Юлію Урскій и Валентъ

Поелику извѣстно , что прежде сего въ письмахъ дѣлали мы много важныхъ доносовъ на Епископа Аѳанасія , и когда въ посланіяхъ твоей благостыни были допрашиваемы о дѣлѣ , нами объявленномъ , не могли дать отчета: то признаемъ предъ твоею благостынею въ присутствіи всѣхъ братій нашихъ пресвитеровъ , что все предъ симъ дошедшее до вашего слуха объ имени упомянутаго Аѳанасія есть ложь и выдумка, и во всей силѣ чуждо его. Посему охотно желаемъ общенія съ упомянутымъ Аѳанасіемъ , тѣмъ паче, что богочестіе твое, по врожденной своей добротѣ, соблаговолило даровать прощеніе нашему заблужденію. Но признаемъ и въ томъ, что если когда восточные , или и самъ Аѳанасій , по дѣлу сему съ недобрымъ для насъ намѣреніемъ пожелаютъ позвать насъ въ судъ,—не уклонимся противъ опредѣленія воли твоей. Еретика же Арія и его защитниковъ , которые утверждаютъ, что было, когда не было Сына , и что Сынъ изъ не сущаго , и которые отрицаютъ , что Христосъ Богъ есть превѣчно Божій Сынъ, какъ присовокупили мы и въ прежней своей запискѣ въ Медіоланѣ , и нынѣ и всегда предаемъ ихъ анаемѣ. Написавъ же сіе своею рукою , снова исповѣдуемъ, что, какъ и прежде сказали, арианскую ересь и ея начальниковъ осудили мы на-вѣки.

Къ сему признанію моему подписался самъ я Урсакій, а также и Валентъ.

Господиу брату, Епископу Аѳанасію, Урсакій и Валентъ епископы.

Нашедши случай, — потому что братъ и сопресвитерь нашъ Мусей отправляется къ любви твоей, — чрезъ него усердно привѣтствуемъ тебя, возлюбленный братъ, изъ Аквилей, и желаемъ, чтобы ты былъ здоровъ, когда будешь читать письмо наше. Ты подашь намъ смѣлость, если и самъ вознаградишь насъ писаніемъ своимъ. Знай, что мы съ тобою имѣемъ общеніе церковное и миръ; доказательствомъ же сему — наше привѣтствіе въ настоящемъ письмѣ. Божій Промыслъ да сохраняетъ тебя, господиу возлюбленный братъ!

Итакъ вотъ что было написано, и таковъ приговоръ и судъ о мнѣ епископовъ. А что не изъ милости и не по принужденію отъ кого-либо сдѣлали они, — въ доказательство сего, съ позволенія вашего, намѣренъ я рассказать дѣло съ самаго начала, и вы узнаете, почему и епископы, хорошо и справедливо разсудивъ, писали такимъ образомъ, и Валентъ и Урсакій, хотя и поздно, признали истину.

У насъ до гоненія епископомъ былъ Петръ, который, во время гоненія, скончался мученически. Онъ на общемъ соборѣ епископовъ низложилъ Мелетія, называвшагося египетскимъ епископомъ, обличеннаго въ разныхъ беззаконіяхъ и даже жертвоприношенія идоламъ. Но Мелетій ни къ другому собору не прибѣгалъ, ни старался оправдаться предъ быв-

шними послѣ Петра епископами, произвелъ же расколъ, и держащіяся стороны его донинѣ, вмѣсто христіанъ, именуются мелетіанами. Вскорѣ сталъ онъ злословить епископовъ, вначалѣ сего Петра, а послѣ него клеветалъ на Ахилла, и послѣ Ахилла на Александра; и въ семъ поступалъ онъ ухищренно, научившись тому у Авессалома, чтобы ему, когда низложеніе приводило въ стыдъ, можно было обольстить, хотя неопытныхъ, клеветами. А между тѣмъ, пока дѣйствовалъ такъ Мелетій, появилась и аріанская ересь. Но ересь на Никейскомъ соборѣ предана анаѣмъ, и аріане извергнуты, мелетіане же какимъ-то образомъ приняты, и теперь нѣтъ уже необходимости наименовывать тому причину. Ибо не прошло еще пяти мѣсяцевъ, какъ блаженной памяти Александръ скончался Мелетіане, которымъ надлежало оставаться въ покоѣ и почитать за милость, что, по крайней мѣрѣ, они приняты, подобно псамъ не забывая, что ими было изрыгнуто, снова стали возмущать Церковь. Почему, узнавъ о семъ Евсевій и побоявъ аріанской ереси, посылаетъ къ мелетіанамъ, склоняетъ ихъ на свою сторону многими обещаніями, тайно дѣлается ихъ другомъ, и входитъ съ ними въ договоры на случай, какой будетъ усмотрѣнъ. Итакъ, сначала прислалъ онъ ко мнѣ, убеждая меня принять аріанъ, и не на письмѣ угрожалъ, а въ письмѣ просилъ. Поелику же возражалъ ему я, говоря, что не надлежитъ принимать изобрѣтшихъ ересь вопреки истинѣ и преданныхъ анаѣмъ вселенскимъ соборомъ; то дѣлаетъ онъ, что и Царь, блаженной памяти Константинъ, пишетъ ко мнѣ съ угрозами, что, если не прійму аріанъ, буду терпѣть то-же,

что терпѣль и прежде, и нынѣ терплю. Вотъ отрывокъ сего посланія; письмоподателями же были царедворцы Синклитій и Гавдентій.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА ЦАРЯ КОНСТАНТИНА.

Итакъ, имѣя указаніе моей воли, всѣмъ, желающимъ вступитъ въ Церковь, давай невозбранный входъ. Если же узнаю, что кому-либо, желающему принадлежать къ Церкви, возбранилъ, или преградилъ ты входъ въ нее; то немедленно пошлю, кто бы, по моему повелѣнію, низложилъ и удалилъ тебя съ мѣста.

Поелику же Царя убѣждалъ я письмами въ томъ, что у христорборной ереси не можетъ быть никакого общенія съ вселенскою Церковію: то Евсевій, извлекающая уже изъ сего тотъ случай, о какомъ сдѣлано было у него соглашеніе съ мелетіанами, пишетъ къ нимъ и убѣждаетъ ихъ выдумать поводъ, чтобы, какъ вымышляли они противъ Петра, Ахилла и Александра, такъ вымыслили и разгласили что-нибудь и противъ меня. Итакъ, искавъ много и ничего не нашедши, напоследокъ, по волю евсевіанъ, слагаютъ и выдумываютъ первое обвиненіе, представленное Исіономъ, Евдемономъ и Каллиникомъ о льняныхъ стихаряхъ, будто бы я далъ правило египтянамъ и съ нихъ первыхъ сталъ сего требовать. Но тамъ нашлись мои пресвитеры, Царь ихъ выслушалъ, — и обвинители осуждены. Пресвитеры же сіи были: Аписъ и Макарій. Царь пишетъ, осуждая Исіона,

а мнѣ повелѣваетъ явиться къ нему; писано же Царемъ слѣдующее (д).

Евсевій, узнавъ сіе, убѣждаетъ моихъ обвинителей дожидаться, и, какъ скоро пришелъ я, снова обвиняютъ они Макарія въ сокрушеніи чаши, а на меня взводятъ не какую-либо простую, но самую важную клевету, — будто бы я, дѣйствуя противъ Царя, послалъ ящикъ съ золотомъ какому-то Филумену. Царь и о семъ выслушалъ меня въ Псаммаѳіи. Они, по обычаю осужденные, отринуты. При возвращеніи моемъ Царь пишетъ къ народу слѣдующее:

Константинъ Великій, Августъ, всѣмъ вѣрнымъ вселенской Церкви въ Александріи.

Привѣтствую васъ, возлюбленные братія, призывая высочайшимъ свидѣтелемъ воли моей Бога и Единороднаго Зиждителя нашего закона, Который владычествуетъ надъ жизнію всѣхъ и ненавидитъ разномысліе. Что же еще сказать мнѣ? то ли, что нахожусь въ добромъ здоровьи? Но болѣею крѣпостію здоровья могъ бы я наслаждаться, если бы вы взаимно любили другъ друга, отложивъ ту ненависть, по которой, увлекаясь тревоженіями состоящихъ, оставили мы пристань любви. О, какъ это странно! Сколько бѣдъ воздвигаетъ ежедневно смятенная зависть! Отъ сего въ народъ Божіемъ поселилась худая слава. Куда же удалась вѣрность правды? Когда до такой степени обложились мы мглою тмы не только по причинѣ множества заблужденій, но и за проступки неблагодарныхъ? Мы терпимъ награждаю-

(д) Упоминаемое здѣсь Константиново письмо утрачено.

щихъ безуміе , но примѣчая притѣсняющихъ скромность и истину , не радимъ о семъ . Какъ ужасно такое наше злонравіе ! Враговъ не обличаемъ , идемъ по слѣдамъ разбойническаго скопища , отчего обольщеніе пагубы , не встрѣчая противоборника , скажу такъ , удобно проложило себѣ путь . Ужели нѣтъ никакого у насъ чувства , даже по милости общей вѣсмы природы , если вознерадѣли мы о предписаніяхъ закона ? Но скажетъ кто-нибудь : въ насъ есть любовь естественная . Отчего же при врожденной склонности къ добру , имѣя Божій законъ , терпимъ мы противленіе и мятежъ враговъ , разжигаемыхъ обыкновенно какими-то пламенниками , и , имѣя глаза , не видимъ и не чувствуемъ , хотя и ограждены сознаниемъ закона ? Какое оцѣпѣніе объяло жизнь нашу , что столько нерадимъ о себѣ самихъ , даже при Божіихъ о семъ напоминаніяхъ ? Ахъ ! Не зло ли это невыносимое ? Не врагами ли нужно почитать ихъ , а не домогъ и народомъ Божиимъ ? Ругаются надъ нами сіи погибшіе , укоряютъ насъ и дѣйствуютъ намъ наперекоръ . Съ какимъ безразсудствомъ дѣлаютъ они это , — прошу васъ самихъ размыслить о семъ ; потому что у сихъ буйхъ злоба ихъ — на языкъ ихъ , и всюду съ ними блѣдноликой гнѣвъ , которымъ взаимно поражаютъ другъ друга , а насъ отвращаютъ отъ себя къ усугубленію собственнаго своего наказанія . Кто учитъ хорошему , тотъ признается врагомъ ; а кто открыто показываетъ въ себѣ порокъ зависти , тотъ не должнымъ образомъ похищаетъ снисходительность народа , злоупотребляетъ ею , расточаетъ ее , зложелательствуетъ самъ себѣ , прикрашиваетъ и приправляетъ себя похвалою , извращаетъ же истину

и вводитъ въ обманъ вѣру, пока въ собственной своей совѣсти не поищеть и не найдетъ норы и тайнаго убѣжища. Сіе невѣжество дѣлаетъ ихъ несчастными, когда, не имѣя достоинствъ, сами себя базразсудно хвалятъ, говоря: «О, какъ это худо! этотъ—старъ, а этотъ—ребенокъ. Мнѣ прилична сія честь, мнѣ должна принадлежать, а у него быть отнята; какъ скоро привлеку всѣхъ на свою сторону,—попытаюсь сдѣлать, чтобъ не имѣть ему власти.» Удивленія достойно это неистовое восклицаніе! Любопытно посмотрѣть на порядки, совѣщанія, или, такъ сказать, на кормилодержаніе въ этихъ странныхъ сборищахъ! О, какъ мы нелѣпы, если можно сказать такъ! Въ Церкви Божіей—доказательство нашего неразумія. И не стыдятся они? Не упрекаютъ сами себя? Не терзаются сердцемъ о томъ, чтобы теперь, по крайней мѣрѣ, видя сей обманъ и осмѣяніа, показать сколько нибудь достойный образъ мыслей? У нихъ—одна сила зависти, опирающаяся на свои ядоносныя средства. Ни въ чемъ не успѣли сіи лукавые противъ вашего Епископа. Повѣрьте мнѣ, братія, не достигли они ничего другаго, кромѣ того, что, увеличивъ тяготу нашего времени, не будутъ уже для себя въ жизни сей имѣть и мѣста покаянію. Итакъ, умоляю васъ, приложите попеченіе о себѣ самихъ, съ любовію пріймите нашу къ вамъ любовь, и всѣми силами гоните отъ себя тѣхъ, которымъ желательно обратитъ въ ничто благотворные плоды нашего единомыслія. Имѣя предъ очами Бога, возлюбите сами себя. Съ удовольствіемъ принялъ я вашего Епископа Аѳанасія, и бесѣдовалъ съ нимъ въ полномъ убѣжденіи, что Божій онъ человекъ. Вамъ разуметь это, а

не мнѣ судить. Ибо необходимымъ призналъ я, чтобы самъ почтеннѣйшій Аѳанасій передалъ вамъ отъ меня сіе; такъ какъ имѣю въ виду попечительность его правоты, которая не недостойна моей миротворной вѣры, всегда благоукрашена спасительною мыслию и имѣеть въ готовности убѣждающее разсужденіе. Богъ да сохранитъ васъ, возлюбленные братія!

Такъ писалъ Константинъ.

Послѣ сего мелетіане, успокоившись не надолго, снова приходятъ въ движеніе, и въ-послѣдствіи, стараясь угодить подкупившимъ ихъ, слагаютъ такой совѣтъ. Мареотъ есть мѣстечко, подвѣдомое Александріи; въ немъ Мелетій не могъ произвести раскола. Посему, когда были тамъ церкви на опредѣленныхъ для того мѣстахъ, и въ нихъ собирали всѣхъ пресвитеры, а народъ пребывалъ въ мирѣ, — нѣкто по имени Исхиръ, не-клирикъ, даже человекъ злонравный, предприиметь ввести въ обманъ жителей своего селенія, утверждая о себѣ, что онъ — клирикъ. Узнавъ о семъ, пресвитерь того мѣста доноситъ мнѣ, когда посѣщалъ я церкви, и посылаю съ нимъ пресвитера Макарія — позвать ко мнѣ Исхира. Они же, нашедши его больнымъ и лежащимъ у себя въ келліи, поручаютъ отцу его, объявить сыну, чтобы не предпринималъ ничего подобнаго разглашаемому о немъ. Вставъ съ бользненнаго одра, когда стали ему запрещать свои и отецъ, прибѣгаетъ Исхиръ къ мелетіанамъ, а они входятъ въ общеніе съ Евсевіевыми приверженцами, и, наконецъ, слагается имъ клевета, будто бы Макарій разбилъ чашу, и нѣкто Епископъ Арсеній умерщвляетъ мною. И Арсенія скрываютъ они, чтобы, такъ какъ не стало его видно, почитали всѣ убитымъ;

говорять, что даже носили вездѣ и руку его, какъ будто бы разсѣченъ онъ былъ на куски. А объ Исхирь, котораго дотолѣ не знали, начали разглашать, что онъ — пресвитерь, чтобы можно ему было вводить въ обманъ тѣмъ, что разсказывалъ о чашѣ. Но Исхирь, когда стали укорять его домашніе, пришелъ ко мнѣ въ слезахъ, и утверждалъ, что Макаріемъ ничего, разглашаемаго о немъ, сдѣлано не было, самъ же онъ наущенъ былъ мелетіанами — выдумать такую злорѣчивую клевету. И онъ пишетъ слѣдующее:

Блаженному Папѣ Аѳанасію Исхирь желаетъ о
Господѣ радоваться.

Поелику пришелъ я къ тебѣ, Господинъ Епископъ, съ намѣреніемъ — принадлежать Церкви, а ты сталъ винить меня въ томъ, что говорено было мною прежде, будто бы дѣлалъ я это по своей волѣ; то по сей причинѣ представляю тебѣ письменно сіе оправданіе, изъ котораго можешь узнать, что сдѣлано было мнѣ насиліе, и нанесены были раны Исаакомъ, Гераклидомъ, Исаакомъ изъ Литополя и бывшими съ ними. Призывая въ семъ во свидѣтели Бога, удостоверяю, что тобою, какъ извѣстно мнѣ, не сдѣлано ничего пересказываемаго ими: сокрушенія чаши не было, не была ниспровержена и святая трапеза; но все это побудили меня выдумать они, употребивъ насиліе. И сіе представилъ я въ свое оправданіе и показалъ письменно, намѣреваясь и желая принадлежать къ твоему собору. Желая тебѣ возмогать о Господѣ. Даю же сіе рукописаніе мое тебѣ, Епископу Аѳанасію, въ присутствіи пресвитеровъ: Аммона изъ Динеллы, Ираклія изъ Фаска, Воккона изъ Хеневри, Ахилла изъ Мирсины, Дидима

изъ Тафосира и Іуста изъ Вомоен, также—діаконовъ: александрійскихъ—Павла, Петра и Олимпія, и мареотскихъ—Аммонія, Писта, Димитрія и Гаія.

Однакоже, и послѣ того, какъ написалъ это Исхирь, опять разглашаютъ всюду такое-же обвиненіе, и доводятъ до свѣдѣнія Царя Константина. А онъ о чашѣ напередъ самъ уже услышалъ въ Псаммаѳин, когда и я тамъ былъ, и осуждалъ клевету враговъ; а между тѣмъ пишетъ въ Антиохію къ цензору Далматію, выслушать дѣло объ убійствѣ. Почему, цензоръ извѣщаетъ меня письмомъ, чтобы готовился я къ оправданію по обвиненію. Получивъ такое письмо, сначала не обратилъ я на сіе вниманія, такъ какъ зналъ, что въ утверждаемомъ ими нѣтъ никакой правды. Но поелику встревоженъ былъ Царь; то пишу къ сослужителямъ своимъ въ Египетъ, и посылаю діакона, съ намѣреніемъ—узнать объ Арсеніѣ; потому что не видалъ этого человѣка лѣтъ пять, или шесть. И что же? Чтобы не повторять совершенно тогоже, скажу: узвано, что Арсенія скрываютъ, и мои нашли его сначала скрываемого въ Египтѣ, а потомъ въ Тирѣ. Къ удивленію же, и найденный не признается, что онъ—Арсеній, пока не уличенъ на судѣ Павломъ, тогдашнимъ Епископомъ Тирскимъ; наконецъ, пристыженный, онъ уже не смѣлъ отрицаться. А поступилъ такъ, храня условіе, заключенное съ Евсеіемъ, чтобы, какъ скоро будетъ онъ найденъ, не разстроилось уже все замышленное ими дѣло, какъ и дѣйствительно случилось. Ибо, когда написалъ я Царю, что Арсеній найденъ, и напомнилъ

о томъ, что слышалъ онъ въ Псаммаѳи касательно пресвитера Макарія; тогда прекратилъ онъ производство суда цензоромъ, и писалъ къ нему, осуждая клевету моихъ враговъ, а приверженцамъ Евсевія, шедшимъ на Востокъ, чтобы дѣйствовать противъ меня, велѣлъ возвратиться. А что обвинялъ меня, будто бы Арсеній умерщвленъ мною,—то для сего не буду вводить въ дѣло писемъ, писанныхъ ко мнѣ многими; достаточно же предложить только одно письмо Александра, Епископа Фессалоникійскаго. По оному можно узнать, что писано и другими. Итакъ, узнавъ, что противъ меня Архафъ и Іоаннъ разглашали объ убійствѣ, и освѣдомившись, что Арсеній—живъ, писалъ онъ слѣдующее:

Господину возлюбленному сыну и единомушному сослужителю Аванасію Александръ Епископъ желаетъ о Господѣ радоваться.

Радуюсь о превосходнѣйшемъ Сарапіонѣ, который такъ много старается украшать себя священными нравами, и память отпа со дня на день дѣлаетъ достохвальнѣйшею. Ибо *умре отецъ его*, говорить въ одномъ мѣстѣ Священное Писаніе, и *аки не умре* (Сир. 30, 4.), потому что оставилъ память о жизни своей. Посему, какъ я расположенъ былъ къ достойному памяти Созонту, такъ и тебѣ самому, Владыка, не безъизвѣстна священная память его и приличная юношѣ скромность. Черезъ юношу получилъ я одно только письмо отъ твоей досточестности. Извѣщаю же тебя о семъ, чтобы дошло до твоего свѣдѣнія, Владыка.

Возлюбленный нашъ сослужитель Макарій повеселилъ меня, написавъ изъ Константинова града, какъ

неприлично велъ себя клеветникъ Архафъ, о живомъ чловѣкѣ провозглашавшій всѣмъ, какъ объ убитомъ. Что онъ за дерзкій постунокъ свой, вмѣстѣ съ толпою единомышленниковъ, отъ Праведнаго Судии помечетъ достойное наказаніе,—о семъ гласятъ веложныя Писанія. Владыка всяческихъ, какъ можно долге, да хранитъ тебя, господинъ, исполненный ко всѣмъ доброты!

А что Арсеній былъ скрывается съ намѣреніемъ, дать силу выдумкѣ о смерти его,—объ этомъ свидѣтельствуя съ нимъ жившіе. Ибо, когда мы стали искать его и нашли,—нѣкто къ Іоанну, который былъ дѣйствующимъ лицомъ въ таковой клеветѣ, писалъ слѣдующее:

Возлюбленному брату Іоанну Плинъ, пресвитеръ обители Птеменкирской въ области Антеополитской, желаетъ радоваться.

Слѣшу извѣстить тебя, что Аѳанасій прислалъ въ Фиваиду діакона своего развѣдать обстоятельно объ Арсеніѣ, и во-первыхъ, отысканные имъ Пекусій пресвитеръ, Сильванъ, братъ Ілін, Тапенакерамевсъ и Ипсилійскій монахъ Павелъ признались, что Арсеній—у насъ. Но мы, извѣстившись о семъ, сдѣлали, что онъ посаженъ на корабль, и съ монахомъ Іліею отвезенъ въ нижнюю часть Египта. Вслѣдъ за симъ, діаконъ, пришедши опять въ сопровожденіи нѣсколькихъ чловѣкъ и вступивъ въ нашу обитель ради того Арсенія, его не нашелъ, потому что, какъ выше сказано, отправили мы его въ нижнія страны, а меня съ отвозившимъ Арсенія монахомъ Іліею отвезъ онъ въ Александрію и представилъ Дуку; и не могъ я

отпереться, но признался, что Арсеній—живъ и не умерщвленъ. Въ томъ-же признался отвозившій его монахъ. Поэтому, извѣщаю тебя о семъ, отецъ, чтобы ты не думалъ уже взводить обвиненія на Аѳанасія; и сказалъ, что Арсеній—живъ и скрывается былъ у насъ; все это узвано въ Египтъ и утаенò быть не можетъ. Посланіе сіе писалъ монахъ той-же обители Пафнутій. Многократно цѣлую тебя, и желаю тебѣ быть здоровымъ.

И Царь, извѣстившись, что Арсеній найденъ живымъ, писалъ слѣдующее:

Константивъ побѣдитель, Великій Августъ, Папъ Аѳанасію.

Прочитавъ писаніе твоего благоразумія, былъ я той мысли, чтобы, отписавъ къ твоему постоянству, предложить тебѣ совѣтъ, тщательно вести народъ Божій къ благочинію и сострадательности. Ибо то преимущественно паче всего содержи въ душѣ своей, чтобы чтить истину, всегда хранить въ сердцѣ правду, и всего болѣе радоваться о тѣхъ, которые идутъ прямымъ путемъ жизни. Объ оныхъ же достойныхъ всякаго проклятія людяхъ самыхъ неблагонамѣренныхъ и неблагонаравныхъ, то есть, о мелетіанахъ, которые впали уже въ тупоуміе, и только завистію, волненіемъ и мтежами приводятъ въ исполненіе самыя нелѣпыя намѣренія, обнаруживая тѣмъ злонравное сердце, скажу слѣдующее. Видишь, что тѣ, которые, по словамъ ихъ, убиты были мечемъ, теперъ явились, и наслаждаются жизнью. При этомъ какое предосужденіе, такъ явно и ясно падающее на ихъ дѣло, было бы хуже того, что люди, по

ихъ утверждению , убитые , живы и наслаждаются жизнью, что, конечно , будутъ въ состояніи сказать о себѣ сами? Къ клеветамъ оныхъ мелетіанъ присовокуплено было и сіе: утверждали они , будто бы ты, непозволенно вторгшись и похитивъ чашу , поставленную на святѣйшемъ мѣстѣ , разбилъ ее. Въ сравненіи съ такимъ поступкомъ, дѣйствительно, никакой другой не былъ бы болѣе предосудительнымъ, ни даже въ такой-же мѣрѣ нелѣпымъ , еслибы по-длинно такъ было поступлено и случилось погрѣшить въ этомъ. Но что же это за обвиненіе? Какая пережѣнчивость, какое неоднобразіе и сколько разности въ дѣлѣ, когда теперь обвиненіе въ семь преступленіи слагаютъ уже на другое лицо? Теперь стало, какъ говорится, яснѣе самаго свѣта, что старались они строить только козни твоему благоразумію. Послѣ сего, кто пожелалъ бы послѣдовать людямъ, которые столько вымыслили во вредъ другихъ , особливо, когда сами себя вводятъ они въ погибель, и видятъ уже, что обвиняютъ въ дѣлахъ вымышленныхъ и небывалыхъ? Поэтому, какъ сказалъ я, кто сталъ бы имъ послѣдовать, и стремглавъ бросился на путь погибели, то есть, на путь , на которомъ они одни думаютъ найти надежду спасенія и помощи? Ибо, ежели захотятъ они прійти въ чистое сознаніе, привести себѣ на память лучшія мысли и прійти въ здравый смыслъ; то безъ труда признаютъ, что никакой не будетъ имъ помощи отъ Промысла; потому что ревнуютъ о такихъ дѣлахъ и покушаются на собственную гибель. И сіе справедливо могу назвать не жестокостію, но правдою. Напоследокъ, присовокуплю и то мое желаніе, чтобы сіе благоразуміемъ

твоимъ всенародно было много разъ прочтано и дошло здѣсь до свѣдѣнія всѣхъ, особливо же до свѣдѣнія тѣхъ, которые такъ поступаютъ и ведутъ себя непорядочно, могло дойти, что все, изрекаемое нами по закону правоты, сказано по сущей правдѣ. И такъ, поелику столько нелѣпости въ этомъ дѣлѣ, то пусть знаютъ: таковъ мой судъ и таково мое произволеніе, что, если предпріимуть они что-либо подобное, то уже не по церковнымъ, но по гражданскимъ законамъ, самолично выслушаю дѣло, и тогда найду, что оказываются они дѣйствующими разбойнически не только противъ человѣческаго рода, но противъ самого Божественнаго ученія. Да хранишь тебѣ Богъ, возлюбленный братъ!

А для большаго обнаруженія лукавства клеветниковъ, писалъ и Арсеній послѣ того, какъ былъ скрывается и найденъ. Ибо, какъ Исхиръ письмомъ своимъ обнаруживаетъ клевету, такъ Арсеній въ своемъ письмѣ обличаетъ еще болѣе ихъ злонавіе.

Аеанасіо блаженному Папѣ Арсеній, Епископъ града Инсмитовъ, состоявшаго нѣкогда подъ вѣдомствомъ Мелетія, вмѣстѣ съ пресвитерами и діаконами, желаетъ премного радоваться о Господѣ.

Цѣлуя мнрѣ и единеніе со вселенскою Церковію, въ которой ты, по благодати Божіей, предстоительствуешь, и рѣшившись по древнему чину подчиниться церковному правилу, пишемъ къ тебѣ, возлюбленный Папа, и во имя Господа давая обѣтъ—не имѣть болѣе общенія съ тѣми епископами, пресвитерами и діаконами, которые пребываютъ еще въ расколѣ и не

примириются со вселенскою Церковію, — не соглашаться на то, что вздумают они постановить на соборъ, — не посылать къ нимъ и отъ нихъ не принимать мирныхъ посланій, и безъ волп, изъявленной тобою, Епископомъ митрополіи, не произносить никакого опредѣленія ни объ епископахъ, ни о какомъ другомъ общемъ церковномъ постановленіи, но покорствовать во всемъ предначертаннымъ правиламъ, по примѣру Епископовъ Аммоніана, Тиранна и Плусіана и прочихъ епископовъ; сверхъ сего, просимъ твою доброту отписать въ-скорости къ намъ, а равно и къ сослужителямъ нашимъ, что мы уже, по сказаннымъ выше опредѣленіямъ, стоимъ въ мирѣ съ вселенскою Церковію и въ еднениіи съ мѣстными епископами. Увѣрены же мы, что молитвы твои, какъ доступныя до Бога, будутъ благодѣтельны, и таковой миръ, по волѣ Владыки всяческихъ Бога, чрезъ Господа нашего Иисуса Христа, содѣлается твердымъ и нерушимымъ до конца. Священный твой сонмъ привѣствуемъ и я, и сущіе со мною; вскорѣ же, если допустить Богъ, свидимся съ твоею добротою. Я Арсеній желаю тебѣ, блаженнѣйшій Папа, возмогать о Господѣ многія лета.

Но бѣльшимъ и яснѣйшимъ изобличеніемъ клеветы служить раскаяніе Іоанново; и сему свидѣтель—блаженной памяти боголюбивѣйшій Царь Константинъ. Ибо, узнавъ, что Іоаннъ обвинялъ самъ себя, и получивъ отъ него писаніе, въ которомъ выражалъ онъ свое раскаяніе, написалъ ему слѣдующее:

Константинъ Великій, Августъ, Іоанну.

Весьма пріятно мнѣ было письмо твоей благоразсудительности ; ибо узналъ изъ него , что наиболее желалъ знать, а именно, что , отложивъ малодушіе, вступилъ ты , какъ и должно было , въ общеніе съ Церковію , и пришелъ въ совершенное единомысліе съ достопочтеннѣйшимъ Епископомъ Аѳанасіемъ. Итакъ, вполне знай , что за сіе весьма похвалилъ я тебя, а именно, что, оставивъ всѣ раздоры, сдѣлалъ ты угодное Богу , взыскавъ единенія съ Церковію. Почему , чтобы достигнуть тебѣ желаемого , призналъ я должнымъ дозволить тебѣ воспользоваться общественною колесницею и поспѣшить въ станъ къ моей снисходительности. Твоимъ же будетъ дѣломъ— нимало не медлить, но, такъ какъ письмо сіе даетъ тебѣ право на общественную колесницу, отправиться къ намъ въ скорѣйшемъ времени , чтобы и желаніе свое исполнить тебѣ , и, увидѣвъ насъ , насладиться должнымъ веселіемъ. Богъ да хранитъ тебя , возлюбленный братъ!

Такой конецъ имѣлъ этотъ заговоръ. Посрамленные мелетіане возвратились вспять. Но Евсевіевы сообщники при семъ не успокоились , потому что заботились не о мелетіанахъ , но объ аріанахъ. Боялись они , что , когда умолкнуть мелетіане , не найдутъ уже они лицедѣевъ, чрезъ которыхъ бы можно имъ было продолжать дѣйствіе. Поэтому снова возбуждаютъ мелетіанъ, и убѣждаютъ Царя , чтобы

повелѣлъ опять быть собору въ Тирѣ; и посланъ комить Діонисій и сообщникамъ Евсевіевымъ даны тѣлохранителями войны. Макарій, связанный, препровождается воннами въ Тирѣ; а мнѣ Царь пишетъ и ставитъ въ необходимость, чтобы по неволѣ отправился въ путь. Итакъ, хотя весь заговоръ можно узнать изъ писаннаго египетскими епископами, однакоже нужно сказать и то, какъ составленъ онъ ими вначалѣ; ибо изъ сего можно будетъ увидѣть ихъ злонравіе и употребленную противъ насъ хитрость.

Въ Египтъ, Ливіи и Пентаполь есть около ста епископовъ, и ни одинъ изъ нихъ не жаловался на меня, ни одинъ пресвитеръ ни въ чемъ не укорялъ, никто изъ народа не дѣлалъ доноса; только мелетіане, изверженные Петромъ, и аріане участвовали въ навѣтахъ, и одни предоставили себѣ право обвинять, а другіе—судить.—Посему, требовали мы удалить отъ судопроизводства Евсевіевыхъ сообщниковъ, какъ враговъ по ереси; а потомъ совершенно доказали, что именуемый обвинитель—не пресвитеръ, и доказали слѣдующимъ образомъ. Когда принять былъ Мелетій (лучше бы не быть сему!),—блаженной памяти Александръ, зная его коварство, вытребовалъ у него списокъ какъ епископовъ, какіе, по словамъ его, были у него въ Египтъ, такъ и пресвитеровъ и діаконовъ и въ самой Александріи, и въ округъ ея, если имѣлъ тамъ какихъ. Сдѣлалъ же сіе Папа Александръ, чтобы Мелетій, получивъ свободу въ Церкви, не сталъ называть многихъ и каждый день, кого захочетъ, ложно выдавать за имѣющихъ священныи санъ. Посему составилъ онъ слѣдующій списокъ священныхъ лицъ въ Египтъ.

СПИСОКЪ , ПОДАННЫЙ МЕЛЕТЕМЪ ЕПИСКОПУ
АЛЕКСАНДРУ.

Я Мелетій—Епископъ въ Ликополь, Лукій въ Антиноополь, Фасилей въ Ермополь, Ахилмесь въ Кусахъ, Аммоній въ Діосполь.

Въ Птолемандѣ: Пахимись въ Тентирахъ.

Въ Максіанопольскомъ округъ: Θεодоръ въ Коптѣ.

Въ Оивандѣ: Кались въ Ермеѳи, Колмуѳъ въ верхнемъ Кинѣ, Пелагій въ Оксирняхъ, Петръ въ Ираклеополь, Θεона въ Нилополь, Исаакъ въ Литополь, Ираклидъ въ Ннкіяхъ, Исаакъ въ Клеопатридѣ, Мелась въ Арсеѳонитѣ.

Въ Иліопольскомъ округъ: Амосъ въ Леонтополь, Исіонъ въ Аеривн.

Въ Фарвеѳскомъ округъ: Арпократіонъ въ Вувасть, Моисей въ Факусахъ, Каллникъ въ Пилусіѣ, Евдемонъ въ Танѣ, Ефремъ въ Тмуи.

Въ Саисѣ: Ермеонъ въ Кинѣ и Вускри, Сотрихъ въ Севеннитѣ, Пппинуѳъ въ Фтенегн, Кроній въ Метилл, Агаѳаммонъ въ округъ Александрійскомъ.

Въ Мемфисѣ Іоаннъ, которому повелѣно Царемъ—быть при Архіепископѣ.

Сіи были въ Египтѣ, а въ Александрійскомъ клиръ состояли у него: Аполлоній пресвитеръ, Иринеи пресвитеръ, Діоскоръ пресвитеръ, Тираннъ пресвитеръ; діаконы: Тимоѳей діаконъ, Антиной діаконъ, Ифестіонъ діаконъ, Макарій пресвитеръ въ воинскомъ станѣ.

Сихъ лично Мелетій представилъ Александру Епископу. А объ именуемомъ Исхирѣ не упомянулъ, даже вовсе не показалъ, чтобы у него былъ когда

пресвитеръ въ Мареотъ. Однако же, враги не отсутствовали : и не-пресвитеръ выданъ за пресвитера ; потому что понудителемъ былъ комитъ , и наеъ влекли войны. Но благодать Божія , и при всемъ этомъ , превобѣдила. Макарія въ дѣлѣ о чашѣ не обличили ; Арсеній же , о которомъ разглашали , что умерщвленъ мною , предстоитъ живый , и доказываетъ ихъ клеветничество. Посему , когда Евсевіевы сообщники не возмogli обличить Макарія , — опечалились , какъ утратившіе свою добычу , и бывшего съ ними комита Діонисія убѣждаютъ послать въ Мареотъ , въ-чаяніи , что можно будетъ тамъ найти нѣчто противъ пресвитера , лучше же сказать , въ-намѣреніи , ушедши туда , въ отсутствіи нашемъ , какъ угодно имъ , строить свои козни. Ибо о томъ и было у нихъ попеченіе. И дѣйствительно ; мы говорили , что отправленіе въ Мареотъ—дѣло лишнее , что имъ не слѣдуетъ отзываться , будто бы недостаточно высказали , о чемъ замыслили съ давняго времени , не должно и отлагать дѣла , потому что сказали все , что думали , и чувствуя уже свое затрудненіе , прибѣгаютъ къ такимъ средствамъ. Или , ежели нужно идти и въ Мареотъ , то не надобно посылать туда людей подозрительныхъ. И комитъ соглашался на удаленіе людей подозрительныхъ ; они же скорѣе сдѣлали все , только не это. И кого предлагали мы удалить отъ дѣлопроизводства за аріанскую ересь , тѣ , то есть , Діогній (е) , Маринъ , Θεодоръ , Макелоній , Урсакій и Валентъ , отправились поспѣшно. Опять дано было и письмо къ египетскому епарху и воинское сопровожденіе.

(е) Въ посланіи Папы Юлія наименованъ Θεогніемъ.

Удивительно же и всего подозрительнѣе то , что обвиняемаго Макарія оставили на мѣстѣ подѣ воинскою стражею , а обвинителя взяли съ собой. Кто уже не усмотритъ въ этомъ заговора ? Кто во всей ясности не увидитъ лукавства Евсевіевыхъ сообщниковъ ? — Если въ Мареотъ нужно было произвести судъ; то надлежало отправиться туда и обвиняемому. А если не для судопроизводства пошли туда; то для чего же взяли обвинителя? Достаточно было и того, что онъ не доказалъ доноса. Для того сдѣлали сіе , чтобы , не обличивъ пресвитера лично , какъ угодно имъ , запутать и затруднить его въ отсутствіи. Ибо пресвитерамъ изъ Александріи и изъ всего округа , которые укоряли ихъ за то , что прибыли одни , и желали сами присутствовать при дѣлопроизводствѣ , говоря , что знаютъ и дѣло , и именуемаго Исхира , не дозволили присутствовать , а египетскаго епарха Филагрія отступника и воиновъ язычниковъ имѣли при себѣ во время такихъ изслѣдованій , при которыхъ не прилично быть зрителямъ и оглашеннымъ ; но не допустили къ сему клириковъ , чтобъ и тамъ , какъ въ Тирѣ , не встрѣтить въ нихъ обличителей. Впрочемъ , и при всемъ этомъ , не могли укрыться ; потому что пресвитеры городскіе и мареотскіе , видя ихъ злокозненность , написали и засвидѣтельствовали слѣдующее:

Θεογνίу, Μαρίνу, Μακεδονίу, Θεοδору, Урсакию и Валенту , прибывшимъ изъ Тира епископамъ, — отъ пресвитеровъ и діаконъ вселенской александрійской Церкви, подвѣдомственной досточестивѣйшему Епископу Аѳанасію.

Когда вы шли и вели съ собою обвинителя, — при-

лично вамъ было привести съ собою и Макарія пресвитера; ибо по Святымъ Писаніямъ такъ устроются суды, что обвинитель поставляется вмѣстѣ съ обвиняемымъ. Поелику же ни Макарія вы не привели, ни досточестнѣйшій нашъ Епископъ Аѳанасій не прибылъ съ вами; то мы, по крайней мѣрѣ, изъявляли желаніе быть на судѣ, чтобы, въ нашемъ присутствіи, слѣдствіе произведено было непогрѣшительно, и мы сами убѣдились въ дѣлѣ. Но какъ и сего не дозволили вы намъ, напротивъ же того одни съ египетскимъ епархомъ и съ обвинителемъ захотѣли дѣлать, что вамъ угодно; то признаемся, что о дѣлѣ семъ имѣемъ недоброе подозрѣніе, и въ вашемъ сюда прибытіи усматриваемъ только заговоръ и навѣтъ. Посему и передаемъ сообща вамъ сіе посланіе, которое на истинномъ соборѣ послужитъ свидѣтельствомъ, чтобы всѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ, что вели вы дѣло одностороннимъ образомъ, какъ хотѣли, и не иное что имѣли въ намѣреніи, какъ—составить противъ насъ заговоръ.

Списки съ сего сообщили мы и Палладію, пресмотрщику Августову, чтобы не было сіе утаено вами. Ибо сдѣланное вами заставляетъ уже подозрѣвать и дѣлать о васъ такія заключенія. Сообщили сіе: Діонисій пресвитеръ, Александръ пресвитеръ, Ниларасъ пресвитеръ, Лонгъ пресвитеръ, Аѳѳоній пресвитеръ, Аѳанасій пресвитеръ, Амнтіій пресвитеръ, Пистъ пресвитеръ, Плутіонъ пресвитеръ, Діоскоръ пресвитеръ, Аполмоній пресвитеръ, Сарапіонъ пресвитеръ, Аммоній пресвитеръ, Гай пресвитеръ, Ринъ пресвитеръ, Анфаль пресвитеръ; діаконы:

Маркеллинъ діаконовъ, Аппіанъ діаконовъ, Феонъ діаконовъ, Тимофеевъ діаконовъ, и Тимофеевъ другій діаконовъ.

Вотъ посланіе и имена градскихъ клириковъ. Аписанное клириками мареотскимъ, которые знали нравъ обвинителя, и были при мнѣ во время посѣщенія мною церквей, состоитъ въ слѣдующемъ :

Святому собору блаженныхъ епископовъ вселенской Церкви всѣ мареотскіе пресвитеры и діаконы желаютъ о Господѣ радоваться.

Зная написанное: *яже видѣста очи твои, глаголи* (Притч. 25, 8.), и : *свидѣтель лживъ не будетъ безъ мѹки* (Притч. 19, 5.), что видѣли, то и свидѣтельствуемъ, тѣмъ паче, что свидѣтельство наше сдѣлалъ необходимымъ заговоръ, составившійся противъ Епископа нашего Аѳанасія. Ибо дивимся, почему Исхиръ вообще былъ измѣряемъ церковною мѣрою ; и о немъ почитаемъ нужнымъ поговорить прежде всего. Исхиръ никогда не былъ церковнослужителемъ, но самъ о себѣ разглашалъ передъ симъ временемъ, что онъ—пресвитеръ коллуеовъ, хотя никого не увѣрилъ въ томъ, развѣ только своихъ родныхъ. Ибо онъ ни церкви никогда не имѣлъ, ни клирикомъ вовсе не называли его жившіе неподалеку отъ его селенія, кромѣ однихъ, какъ мы сказали, родныхъ его. Но впрочемъ, и приписавъ себѣ такое наименованіе, на соборъ, созванномъ въ Александрію, въ присутствіи отца нашего Осія, онъ низложенъ и включенъ въ число мірянъ, и такимъ оставался въ послѣдующее время, такъ что утратилась даже и ложная мысль о пресвитерствѣ его. О нравахъ же его почитаемъ излишнимъ и говорить ; потому что всѣ могутъ знать это. Но поелнку оклеветалъ онъ

Епископа нашего Аѳанасія въ сокрушеніи чаши и трапезы; то, по необходимости, принуждены мы рассказать вамъ и о семъ. Предварительно уже сказали мы, что онъ никогда въ Мареотъ не имѣлъ церкви; предъ свидѣтелемъ же Богомъ утверждаемъ, что не была и чаша разбита, и трапеза испровергнута ни Епископомъ нашимъ, ни другимъ къмъ изъ бывшихъ съ нимъ, но всё, разглашаемое ими, есть клевета. И сіе говоримъ мы, которые не вдали находились отъ Епископа: потому что всё мы съ нимъ были,— когда обозрѣвалъ онъ Мареотъ; и нигдѣ не бываетъ онъ одинъ, всюду же ходить со всеми нами пресвитерами и діаконами и съ достаточнымъ числомъ мрянъ. Почему, какъ при немъ находившіеся во время всего обозрѣнія, какое совершенно имъ у насъ, утверждаемъ и свидѣтельствуемъ, что ни чаша не сокрушена, ни трапеза не испровергнута, но Исхиръ во всемъ лжетъ, какъ и самъ свидѣтельствуеть о томъ своеручно. Ибо когда, послѣ того, какъ отложились онъ къ мелетіанамъ и разгласилъ такіа вещи объ Епископѣ нашемъ Аѳанасіѣ, пожелалъ снова вступить съ нами въ единеніе, и не приняли его: тогда собственноручно написалъ онъ и признался, что ничего этого не было, но другіе подучили его говорить это. Почему, и Θεогній, Θεодоръ, Маринъ, Македоній, Урсакій и Валентъ, пришедши въ Мареотъ, ни въ чемъ не нашли правды; готово же было выйдти наружу, что на Епископа нашего Аѳанасія сложена клевета, и тогда Θεогніевы служители, будучи врагами Аѳанасію, Исхировыхъ родныхъ и нѣкоторыхъ арианъ заставили говорить, что было имъ угодно. Ибо никто изъ народа не сказалъ слова про-

тивъ Епископа ; сами же они, изъ страха предъ епархомъ египетскимъ Филагріемъ, въ-слѣдствіе угрозы и покровительства аріанъ , сдѣлали , что хотѣли , и не дозволили намъ прійти и изблечить клевету, но насъ отринули; а кого имъ было угодно , тѣ и подговорены ими , и были приняты , и согласились съ ними изъ страха предъ епархомъ Филагріемъ. Почему, намъ и не дозволили присутствовать, чтобы не могли мы изблечить подущенныхъ ими , точно ли принадлежать они къ Церкви , или суть аріане. И вы , возлюбленные отцы , знаете, чему и насъ учите , что свидѣтельство враговъ не имѣетъ силы. А что утверждаемъ мы истину, — свидѣтельствуешь о семь рука Исхирова , свидѣствуютъ и самыя дѣла ; потому что, когда вовсе не знали мы, чтобы случилось что-либо подобное, — они взяли съ собою Филагрія, чтобы страхомъ оружія и угрозами приготовить все , чего имъ хотѣлось. Какъ передъ Богомъ, свидѣствуемъ о семь и , какъ увѣренные въ будущемъ судѣ Божіемъ , утверждаемъ это. И мы всѣ хотѣли идти къ вамъ , но удовольствовались нѣкоторыми изъ насъ , предоставивъ посланію сему замѣнить личное присутствіе не-пришедшихъ. Желая возмогать вамъ о Господѣ , возлюбленные отцы , я Ингеній пресвитеръ , Феонъ пресвитеръ , Аммонъ пресвитеръ , Ираклій пресвитеръ , Вокконъ пресвитеръ , Трифонъ пресвитеръ , Петръ пресвитеръ , Іераксъ пресвитеръ , Сараніонъ пресвитеръ , Маркъ пресвитеръ , Птолларіонъ пресвитеръ , Гаій пресвитеръ , Діоскоръ пресвитеръ , Димитрій пресвитеръ , Фирсъ пресвитеръ; діаконы : Пистъ діаконъ , Аполмосъ діаконъ , Серра діаконъ , Пистъ діаконъ , Полиникъ діаконъ , Аммоній діаконъ,

Мавръ діаконъ, Ифестъ діаконъ, Аполлосъ діаконъ, Метопъ діаконъ, Аполлосъ діаконъ, Серапъ діаконъ, Мелифтонгъ діаконъ, Лукій діаконъ, Григоръ діаконъ.

Тѣже—къ Августову присмотрщику, и къ Филагрію, именовавшемуся тогда епархомъ египетскимъ.

Флавію Филагрію и Флавію Палладію Дуценарію Палатину присмотрщику, и Флавію Антопину, віарху центуріона государей моихъ свѣтлѣйшихъ епарховъ священнаго преторія отъ пресвитеровъ и діаконъ Мареота, участка вселенской Церкви, подвѣдомственной достопочтеннѣйшему Аѳанасію, чрезъ подписавшихся ниже сего даемъ слѣдующее свидѣтельство.

Феогній, Маринъ, Македоній, Феодоръ, Урсакій и Валентъ, будто бы посланные всѣми епископами, сошедшимися въ Тиръ, прибыли въ нашу область, говоря, что получили приказаніе изслѣдовать нѣкоторыя церковныя дѣла, между прочимъ же упоминали о разбитой Господней чашѣ, какъ донесъ имъ Исхиръ, котораго привели они съ собою, и который именуеть себя пресвитеромъ, тогда какъ онъ—не пресвитеръ, потому что поставленъ былъ Коллуѳомъ пресвитеромъ, который присвоилъ себѣ епископство, и которому въ послѣдствіи на общемъ соборѣ Осією и бывшими съ нимъ епископами повелѣно быть пресвитеромъ, какъ былъ и прежде; а въ слѣдствіе сего и всѣ поставленные Коллуѳомъ возвратились въ тотъ же санъ, въ какомъ были они прежде, почему и самый Исхиръ оказался міряниномъ; а что называетъ онъ своею церковію, то церковію никогда не было, а есть небольшой жилой домикъ малолѣтнаго сироты, по имени Исіона. Посему-то, дали мы сіе удостовѣреніе, заклиная тебя Вседержителемъ Богомъ и

Владыками нашими Константиномъ Августомъ и именитыми Кесарями, чадами его,—довести все сіе до свѣдѣній ихъ благочестія. Исхиръ — не пресвитеръ вселенской Церкви, не имѣеть у себя церкви, и чаша никогда не была разбиваема; но все это онъ лжетъ и вымышляетъ. Въ консульство свѣтлѣйшихъ—Юлія Констанція, свѣтлѣйшаго патриція, брата благочестивѣйшаго Царя Константина Августа, и Руфина Альбина, въ десятый день мѣсяца Тотъ.

Такъ показали пресвитеры; епископы же, прибывшіе съ нами въ Тиръ, увидѣвъ заговоръ и козни, написали и засвидѣтельствовали слѣдующее:

Сошедшимся въ Тиръ епископамъ, почтеннѣйшимъ господамъ, изъ Египта прибывшіе съ Аѳанасіемъ епископы вселенской Церкви желаютъ о Господѣ радоваться.

(Тѣже писано сими епископами къ свѣтлѣйшему комиту Флавію Діонисію).

Думаемъ, что не безызвѣстенъ уже заговоръ, составленный противъ насъ Евсеіемъ, Θεогніемъ, Мариномъ, Наркиссомъ, Θεодоромъ и Патрофилломъ. И въ самомъ началѣ всѣ мы, чрезъ сослужителя нашего Аѳанасія, изъявляли несогласіе, чтобы въ ихъ присутствіи слушано было дѣло, зная, что присутствіе не только многихъ, но и одного даже врага, можетъ произвести смятеніе и вредъ при слушаніи дѣла. Ибо и вы сами знаете вражду ихъ (ж), какую возымѣли не къ намъ только, но и ко всѣмъ православнымъ: потому что за Аріево безуміе и нечестивое ученіе на

(ж) Въ посланіи къ Флавію: «ибо явна вражда ихъ.»

всѣхъ ожесточаются, всѣмъ строить козни. Поелнку же мы, полагаясь на истину, пожелали показать клевету, какую мелетіане взвели на Церковь; то не знаемъ, сколько покушеній дѣлали Евсевіевы приверженцы, чтобы опровергнуть утверждаемое нами, и какъ много прилагали стараній, чтобы слова наши были отринуты; и кто судилъ безпристрастно, изъ тѣхъ однимъ угрожали, другимъ наносили обиды, только бы успѣть въ томъ, чего домогались противъ насъ. И, можетъ быть, богодухновенное ваше благоговѣніе, почтеннѣйшіе господа, не знало составленнаго ими заговора (з); но полагаемъ, что теперь сталъ онъ явевъ. Ибо вотъ сами они явно показали свой заговоръ; потому что изъ среды себя пожелали послать въ Мареотъ людей подозрительныхъ, чтобы, въ наше отсутствіе и когда мы здѣсь, привести нить въ смятеніе народъ и сдѣлать, что имъ было угодно. Они знали, что аріане, коллуеіане и мелетіане суть враги вселенской Церкви; потому и постарались послать ихъ, чтобы, въ присутствіи враговъ, соплести противъ насъ, какія угодно имъ, козни. И здѣшніе мелетіане, какъ бы зная, что будетъ производиться сіе слѣдствіе, за четыре дни послали отъ себя нѣсколькихъ чловѣкъ, а вечеромъ отправили гонцевъ (и) — собрать мелетіанъ изъ Египта въ Мареотъ, потому что вовсе никого тамъ не было, а изъ другихъ мѣстъ коллуеіанъ и аріанъ, и научить ихъ сдѣлать на насъ извѣты. Ибо и вы знаете, самъ Исхиръ признавался

(з) Въ посланіи къ Флавію: «и, можетъ быть, доброта твоя не знала заговора, составленнаго ими противъ насъ.»

(и) Въ посланіи къ Флавію: «двоихъ гонцевъ.»

предъ вами (і), что не болѣе семи человекъ было у него собрано. Итакъ, послѣ того, какъ устроили они все, что хотѣли, и послали людей подозрительныхъ, слышавъ мы, что, приступая къ каждому изъ васъ (к), требуютъ они подписи, желая показать, что дѣло кончено по общему вашему разсужденію (л). Сіе и побудило насъ писать къ вамъ и сообщить сіе свидѣтельство. И мы свидѣтельствуемъ, что они—противъ насъ въ заговоръ, что отъ нихъ и ради нихъ терпимъ мы козни; а также просимъ васъ, имѣя въ мысли страхъ Божій и осудивъ ихъ за то, что безъ насъ посылали, кого хотѣли, не подписываться (м), чтобы не могли они сказать, будто бы вами сдѣлано все то, что сами отъ себя злоумышляютъ они противъ насъ. Ибо сущимъ о Христѣ прилично не человѣческое что-либо имѣть въ виду, но предпочитать всему истину. Бойтесь не угрозы, какими устрашаютъ они всякаго, и не заговора, но паче всего Бога. Если вообще следовало посылать въ Мареотъ; то и намъ надлежало тамъ быть, чтобы могли мы изблечить враговъ Церкви и показать чуждыхъ ей, и чтобы изслѣдованіе дѣла было чисто. Ибо знаете, что Евсевіевы приверженцы умыслили пустить въ-ходъ письмо, будто бы писанное противъ насъ коллуѳіанами, меле-

(і) Въ посланіи къ Флавію: «и доброта твоя знаетъ, самъ Искриръ признавался предъ тобою.»

(к) Въ посланіи къ Флавію: «къ каждому изъ епископовъ.»

(л) Въ посланіи къ Флавію: «по общему ихъ разсужденію.»

(м) Въ посланіи къ Флавію: «просимъ тебя, имѣя въ мысли страхъ Божій и благочестивыя повелѣнія боголюбивѣйшаго Царя, а ихъ осудивъ за то, что безъ насъ послали, кого хотѣли, не потерпеть ихъ.—И сими словами оканчивается посланіе къ комуто Флавію,

тіанами и аріанами. И само собою явно, что они, какъ враги вселенской Церкви, не скажутъ о насъ ничего истиннаго, говорятъ же все противъ насъ. Но законъ Божій не позволяетъ врагу быть ни свидѣтелемъ, ни судіею. Посему-то, какъ обязанные дать отчетъ въ день суда, принявъ сіе свидѣтельство и узнавъ о составленномъ противъ насъ заговорѣ, по просьбѣ нашей остерегитесь дѣлать что-либо противъ насъ и соглашаться съ разсужденіемъ Евсевіевыхъ прпверженцевъ. Ибо опять знаете, какъ говорили мы и прежде, что они—враги намъ, а потому и Евсевій Кесарійскій издавна сталъ нашимъ врагомъ. Желаемъ превозмогать вамъ, превожделънные господá:

Сообщилъ сіе Адамантій епископъ, Исхиръ, Аммонъ, Петръ, Тираннъ, Тавринъ, Сарапаммонъ, Элуріонъ, Гарпократіонъ, Моисей, Оптатъ, Апувіонъ, Сапріонъ, Аполлоній, Исхріонъ, Арвеоіонъ, Потамонъ, Пафунтій, Ираклидъ, Θεодоръ, Агаѳаммонъ, Гайъ, Пистъ, Авасъ, Никонъ, Пелагій, Θεонъ, Паникуѳій, Ноннъ, Аристонъ, Θεодоръ, Ириней, Властаммонъ, Филиппъ, Аполлосъ, Діоскоръ, Тимоѳей Діопольскій, Макарій, Иракламмонъ, Кроній, Муисъ, Іаковъ, Аристонъ, Артемидоръ, Финеесъ, Псай, Ираклидъ.

И въ другой разъ писали они же:

Флавію Діонисію, свѣтлѣйшему комиту,—въ Тиръ изъ Египта сошедшіеся епископы вселенской Церкви.

Видя много заговоровъ и козней, составляемыхъ противъ насъ по заговору Евсевія, Наркисса, Флакима, Θεогвіа, Марина, Θεодора и Патрофила, которыхъ вначалъ желали мы устранить отъ дѣла, но не успѣли въ томъ, — имѣемъ нужду прибѣгнуть къ сему удостовѣренію. Ибо видимъ великое стараніе

о мелетіанахъ, а противъ вселенской Церкви въ Египтъ злоумышленіе ради насъ. Почему, сообщаемъ тебѣ сіе посланіе, и просимъ тебя помыслить о Вседержителѣ Богѣ, Который хранитъ царство благочестивѣйшаго и боголюбивѣйшаго Царя Константина, и выслушаніе нашихъ дѣлъ предоставить самому благочестивѣйшему Царю. Ибо тебѣ, посланному отъ его царства, когда умоляемъ его благочестіе, есть основаніе предоставить дѣло ему. Не можемъ болѣе сносить заговоры и навѣты отъ упомянутыхъ выше Евсевіевыхъ приверженцевъ; а потому и просимъ предоставить дѣло благочестивѣйшему и боголюбивѣйшему Царю, предъ которымъ можемъ объяснить и церковныя, и собственныя свои, права; ибо увѣрены, что благочестіе его, выслушавъ, насъ не осудитъ. Посему, еще заключаемъ тебя Вседержителемъ Богомъ, а также благочестивѣйшимъ Царемъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, всегда побѣдоноснымъ и наслаждающимся здравіемъ вмѣстѣ съ чадами благочестія его,—ничего болѣе не дѣлать, и не дозволять себѣ—дѣла наши на соборѣ приводить въ какое-либо движеніе, но выслушаніе оныхъ предоставить его благочестію. Тѣже самое объявили мы и господамъ православнымъ епископамъ.

Получивъ это, Александръ, Фессалоникійскій Епископъ, писалъ Діонисію комиту слѣдующее:

Владыкъ моему Діонисію—Епископъ Александръ.

Вижу, что противъ Аѳанасія составленъ явный заговоръ, потому что всѣхъ, кого устраивалъ онъ (не знаю, что съ ними сдѣлалось), пожелали послать, не давъ знать о томъ намъ; было же опредѣлено—

сообща разсудить о томъ, кого нужно послать. И такъ, посоветуй, чтобы не было чего сдѣлано опрометчиво, потому что пришли ко мнѣ въ смятеніи, говорятъ, что звѣри уже скачутъ, и готовы сдѣлать нападеніе; дошелъ слухъ, что посланы какіе-то Іоанномъ; опасно, чтобы не упредили состроить, какія имъ угодно, козни. Ибо знаешь, что коллуѳіане, какъ враги Церкви, также аріане и мелетіане, всѣ ставъ между собой еднородными, могутъ причинить великое зло. Поэтому, разсуди, что—лучше, чтобы не вышло чего неприятнаго, и не пала на насъ вина,—будто бы судили мы не по правдѣ. Да и они особенно подозрѣваютъ, чтобы посѣщающіе тѣ церкви, которыхъ епископы здѣсь, не привели въ страхъ и въ смятеніе всего Египта, какъ предавшіеся мелетіанамъ; потому что, сколько видимъ, такъ и дѣлается по бѣльшей части.

При этомъ Діонисій комитъ Евсевіевымъ приверженцамъ писалъ слѣдующее:

Что говорилъ я недавно государю моему Флаккиму, то и вышло; а именно, Аѳанасій принесъ жалобу, говоря, что посланы тѣ, кого онъ устранилъ, и онъ вопіетъ, что его обижаютъ и притѣсняютъ. То-же самое писалъ и владыка души моей Александръ. А чтобы знали вы, что писанное ко мнѣ его добротою—справедливо,—приложилъ я сіе вамъ для прочтенія. Припомните также, что и прежде много писано; потому что писалъ я добротъ вашей, годудари мои, что посылаемыхъ надлежитъ по общему разсужденію и опредѣленію. И такъ, смотрите, чтобы

сдѣланное не подверглось обвиненію, и желающимъ обвинять насъ не' подаво было повода къ справедливому порицанію. Не должны быть обременяемы какъ обвинители, такъ и обвиняемые. Думаю же, что не малый будетъ поводъ къ нашему порицанію, — когда окажется, что государь мой Александръ не одобряетъ сдѣланнаго.

Дѣла шли такимъ образомъ, и мы удалились отъ нихъ, какъ отъ *соборища преступниковъ* (Іер. 9, 2.); потому что дѣлали они, чтò хотѣли. А что сдѣланное одностороннимъ образомъ не имѣетъ никакой силы, — это не безызвѣстно всякому человѣку. И Божественный законъ повелѣваетъ, и блаженный Апостоль, терпя подобный навѣтъ и представъ на судъ, требовалъ, говоря такъ: *подобаше отъ Асіи Іудеямъ предъ тя приити и глаголати, аще имуть чтò* (Дѣян. 24, 19.). И поелвку тогда іудеи хотѣли составить такой-же навѣтъ, какой теперь враги сіи сдѣлали противъ насъ, то и Фистъ сказалъ: *нѣсть обычай Римляномъ выдати челоуька коего, прежде даже оклеветаемый не имать предъ лицемъ клеветующихъ, и мѣсто отвѣта прииметь о своемъ согрѣшеніи* (Дѣян. 25, 16.). Но Евсевіевы приверженцы и законъ осмѣлились нарушить, и стали неправдивѣ самыхъ неправедныхъ; потому что не сначала стали дѣйствовать отдѣльно, но когда, въ присутствіи нашемъ, почувствовали свое безсиліе, тогда уже удалившись, подобно іудеямъ, составили отдѣльное совѣщаніе, чтобы насъ погубить и ввести ересь,

подобно тому, какъ іудей просилъ Варавву. И сами они признались, что все сіе сдѣлано ими для этой цѣли.

Хотя и сего достаточно для всякаго оправданія; однакоже, чтобы еще болѣе обнаружались и ихъ лукавство и свобода истины, нимало не тягостно—и еще напомнать и показать, что они дѣйствовали сами противъ себя, и какъ распорядившіеся въ темнотѣ, въ собственныхъ своихъ дѣлахъ находили себя преткновенія, и, желая умертвить насъ, сами себя наносили язвы, какъ бѣшеные. Производя слѣдствіе о тавнствахъ, допрашивали іудеевъ, допытывались у оглашенныхъ: «гдѣ вы были, когда пришелъ Макарій и опровергъ трапезу?» Они отвѣчали: «мы были внутри». Слѣдовательно, приношенія не было, если оглашенные были внутри. Потомъ, написавъ всюду, что Макарій вошелъ и все испровергъ, когда пресвитеръ стоялъ и совершалъ приношеніе, допрашивали, кого хотѣли: «гдѣ былъ Исхиръ, когда явился Макарій?» И они опять отвѣчали: «онъ лежалъ больной въ келліи». Слѣдовательно, лежавшій не предстоялъ, и лежавшій въ келліи больнымъ не совершалъ приношенія. Сверхъ сего, когда Исхиръ сказалъ, что Макаріемъ сожжены книги,—подученные свидѣтели сказали, что ничего подобнаго не было, но что Исхиръ лжетъ. И удивительно то, что, написавъ опять всюду, будто бы скрыты нами люди, которые могли бы стать свидѣтелями, ихъ-же явившихся къ нимъ допрашивали, и не устыдились, видя, что сами себя во всѣхъ отношеніяхъ показываютъ клеветниками и наединѣ дѣйствующими, какъ хотятъ. Хотя подавали они намеки свидѣтелямъ, спархъ грозилъ,

я вопны наносили удары; впрочемъ, Господь открылъ истину, и обнаружилъ, что они—клеветники. Потому, и судебныя записи скрыли, и сами у себя удержали ихъ, а писавшимъ велѣли ихъ уничтожить и вовсе никому не сообщать. Но и въ семь не успѣли; потому что писалъ ихъ тотъ Руфъ, который теперь спекуляторомъ въ Августалианъ, и можетъ свидѣтельствовать. Евсевіевы же приверженцы чрезъ своихъ послали ихъ въ Римъ, а Юлій Епископъ переслалъ ихъ ко мнѣ. И теперь выходятъ они изъ себя; потому что пишемъ у себя и читаемъ тѣ записи, которыя хотѣли они скрыть.

Устроивъ сіе и подобное тому, вскорѣ обнаружили они и причину, по которой такъ поступали. Ибо, ушедши, взяли съ собою арианъ въ Іерусалимъ, и тамъ приняли ихъ въ общеніе, написавъ о нихъ посланіе, котораго вотъ начало и одна часть:

Святый соборъ, по благодати Божіей созванный въ Іерусалимъ, Церкви Божіей въ Александріи и всѣмъ, сущимъ въ Египтѣ, Фиваидѣ, Ливіи, Пентаполѣ и въ цѣлой вселенной, епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ желаетъ о Господѣ радоваться.

Всѣмъ намъ, сошедшимся вмѣстѣ изъ разныхъ епархій на великое торжество, какое совершили при освященіи храма на мѣстѣ спасительныхъ страданій, Царю всяческихъ Богу и Христу Его уготованнаго тѣшаніемъ боголюбивѣйшаго Царя Константина, благодать Божія устроила еще ббольшую радость. Самъ боголюбивѣйшій Царь собственнымъ своимъ писаніемъ побудивъ къ тому, чему и быть надлежало, изъ Церкви Божіей изгнавъ всякую зависть и, какъ можно далѣе, отразивъ всякую ненависть, какую разделяемы

были члены Божіи, повелѣлъ съ простымъ и мирнымъ сердцемъ принять аріанъ, которыхъ ненавистница добра—зависть нѣсколько времени заставляла быть внѣ Церкви. Боголюбивѣйшій Царь засвидѣтельствовалъ письмомъ и правоту вѣры сихъ людей, какую и самъ одобрилъ, допытавшись у нихъ и выслушавъ, о чемъ спрашивалъ ихъ своимъ живымъ голосомъ, и сдѣлалъ явною для насъ, присовокупивъ къ письму своему письменное изложеніе православія сихъ людей.

Кто же, слыша сіе, не усмотритъ тутъ заговора? Не скрыли они того, что сдѣлали, или, можетъ быть, и не-хотя исповѣдали истину. Ибо если я воспрещалъ аріанамъ вступленіе въ Церковь, и когда составленъ противъ меня заговоръ, — они приняты: что иное значитъ сіе? — Не то ли, что ради аріанъ произошло все сіе, и для того только все дѣлали противъ меня, для того выдуманно разбитіе чаши, умерщвленіе Арсенія, чтобы ввести нечестіе въ Церковь, а не быть имъ осужденными, какъ еретикамъ? Объ этомъ именно прежде съ угрозами писалъ мнѣ Царь. И не устыдились они писать подобныя вещи и утверждать, что право мудрствуютъ тѣ, которыхъ предалъ анаѳемъ цѣлый вселенскій Соборъ. Сіи люди, готовые все говорить и дѣлать, не убоялись — въ-тайнѣ, сколько могли, дѣйствовать вопреки. Награда же за клевету еще болѣе показываетъ ихъ лукавство и злочестивое намѣреніе. Марсеотъ, какъ сказано прежде, есть мѣсто подвѣдомственное Александріи; въ семь мѣстъ никогда не было ни епископа, ни хореепископа;

напротивъ того, церкви онаго подчинены Епископу Александрійскому; каждый же пресвитеръ имѣеть у себя весьма большія селенія, въ числѣ десяти и больше. Селеніе, гдѣ живетъ Исхиръ, есть самое малое и малолюдное, такъ что и церкви въ немъ не было, а находилась она въ ближайшемъ селеніи. Однако же, человекъ, который въ этомъ селеніи не былъ пресвитеромъ, вопреки древнему преданію, вздумали наименовать епископомъ. Хотя сами знали несообразность сію; впрочемъ, побуждаемые обѣщаніями за клеветничество, осмѣлились и на сіе, только бы этотъ вселукавый человекъ, оставшись не вознагражденнымъ, не высказалъ истины и не обнаружилъ лукавства Евсевіевыхъ приверженцевъ. Безъ всякаго сомнѣнія, нѣтъ у него ни церкви, ни людей, ему подчиняющихся; напротивъ того, какъ пса, гонять его всѣ: однако же, (такъ какъ все имъ возможно) домоглись они, что и Царь предписалъ Каѳоликосу—быть у него церкви, чтобы, имѣя у себя церковь, казался достойнымъ вѣроятія въ томъ, что утверждалъ о чашѣ и о трапезѣ. Даже сдѣлали, что вскорѣ наименованъ онъ епископомъ; потому что, не имѣя у себя церкви, и не будучи вовсе пресвитеромъ, оказывался клеветникомъ и выдумавшимъ все отъ себя. Конечно же, когда никто не подчиняется ему ни изъ народа, ни изъ своихъ,—сохраняетъ онъ у себя какъ пустое именованіе, такъ и недѣйствительное письмо, въ обличеніе его самого и Евсевіевыхъ приверженцевъ лукаваго предпріятія, показывая слѣдующее

ПИСЬМО КАӨОЛИКОСА.

Флавій Имерій сборщику податей въ Мареотъ
желаетъ радоваться.

Поеліку пресвитеръ Исхиръ просилъ благочестіе
вашихъ Владыкъ Августовъ и кесарей о построеніи
церкви на мѣстѣ мира въ Ссконтаруръ; то божествен-
ность ихъ повелѣла, какъ можно скорѣе, сіе выпол-
нить. Итакъ, прочитавъ списокъ съ божественнаго
посланія, съ должнымъ уваженіемъ при семъ прилагае-
мый, и составленные при моемъ священнолѣпніи записи,
и немедленно сдѣлавъ изъ нихъ выписки, позаботиться
сіе внести, куда слѣдуетъ, чтобы божественно пред-
писанное могло быть приведено къ концу.

Такъ они выдумывали и слагали заговоры. А я,
прибывъ, показалъ Царю неправды Евсевіевыхъ при-
верженцевъ, потому что самъ онъ повелѣлъ быть
собору, и его комить открывалъ оный. Царь, выслу-
шавъ и сильно тронутый, написалъ слѣдующее:

Побѣдитель Константинъ великій, Августъ, —
Епископамъ, сошедшимся въ Тиръ.

Не знаю, каковы — опредѣленія вашего собора,
сдѣланныя среди мятежа и бури. Но кажется, что исти-
на обезображена какимъ-то возмутительнымъ беспоряд-
комъ; потому что по взаимному раздору съ ближ-
ними, который по волю вашей остается у васъ не-
преодолимымъ, не обращали вниманія на то, что
угодно Богу. Да будетъ же дѣломъ Божія Промысла, —
обнаруживъ, разсѣять худыя слѣдствія сего раздора,
и ясно намъ показать, приложили ли вы, сошедшись

вѣсть, какое-либо попеченіе объ истинѣ, и точно ли опредѣленія ваши сдѣланы безъ всякой уголивости и вражды. Посему, хочу, чтобы всѣ вы съ поспѣшностію собрались къ моему благочестію, и сами объяснили законность вами сдѣланнаго. А по какой причинѣ призналъ я справедливымъ написать вамъ о семъ, и письмомъ симъ приглашаю васъ къ себѣ,—узнаете изъ послѣдующаго. Когда вступилъ я въ сомнительный мнѣ и благоденствующій отечественный градъ Константиновъ,—случилось же мнѣ ѣхать тогда на конѣ: тогда вдругъ Епископъ Аѳанасій среди улицы, съ нѣкоторыми другими, при немъ бывшими, такъ неожиданно явился предо мною, что былъ причиною моего изумленія. Свидѣтель въ томъ—всевидащій Богъ, что съ перваго взгляда не могъ бы я узнать его, кто—онъ, если бы нѣкоторые изъ моихъ на вопросъ мой—разсказать дѣло, какъ слѣдуетъ, не извѣстили, кто—онъ, и какую терпѣть обиду. Я ничего не сказалъ ему въ это время, и не вступилъ въ разговоръ. Когда же сталъ онъ просить выслушать его, а я отказывался и едва не велѣлъ удалить его отъ себя: тогда съ великимъ дерзновеніемъ не иного чего потребовалъ себѣ отъ меня, а только вашего прибытія, чтобы въ вашемъ присутствіи могъ онъ принести жалобу на все, что претерпѣлъ. Поелику показалось мнѣ сіе справедливымъ и приличнымъ времени: то съ охотою велѣлъ я написать къ вамъ сіе, чтобы всѣ вы, составлявшіе соборъ, бывший въ Тирѣ, безъ отлагательства поспѣшили въ станъ нашей снисходительности, доказать на самомъ дѣлѣ чистоту и нестроптивость вашего суда предо мною, искреннимъ Божиимъ служителемъ, чего и вы отри-

цать не станете. Ибо, ради моего служенія Богу, повсюду водворяется миръ, и имя Божіе искренно благословляется самыми варварами, которые доннынѣ не знали истины; явно же, что не познающій истины не познаетъ и Бога. Впрочемъ, какъ сказалъ я, варвары чрезъ меня, искренняго Божія служителя, познали теперь Бога и научились благоговѣть предъ Нимъ, на самомъ дѣлѣ ощутивъ, что Онъ во всемъ защищаетъ меня и промышляетъ о мнѣ; почему, и звають наипаче Бога, и, изъ страха предо мною, благоговѣють и предъ Нимъ. А мы, которые, повидимому, хвалимся святыми тайнами Его благоволенія (не скажу: хранимъ ихъ), мы, говорю, не иное что дѣлаемъ, какъ клонящееся къ разномыслію и ненависти и, просто сказать, служащее къ пагубѣ чловѣческаго рода. Но, какъ сказано, поспѣшите ко мнѣ, постарайтесь прійти скорѣе, въ той увѣренности, что всѣми силами домогаюсь успѣха въ томъ, чтобы сіе преимущественно было соблюдаемо непреложно по закону Божію, и не могли прикоснуться къ сему ни порицаніе, ни какая-либо худая слава, когда будутъ разсѣяны, въ-конецъ сокрушены и совершенно уничтожены враги закона, которые, прикрываясь святымъ именемъ, даютъ мѣсто многовиднымъ и разнымъ хуламъ.

Приверженцы Евсевіевы, узнавъ о семъ и сознавая, что ими сдѣлано, другимъ епископамъ воспрепятствовали идти, а прибыли только сами: Евсевій, Θεогній, Патрофилъ, другой Евсевій, Урсакій и Валентъ, и не говорили уже о чашѣ и объ Арсеніѣ, потому что не достало у нихъ смѣлости, но, выдумавъ другое обвиненіе, касающееся Царя, сказали

самоу Царю, будто бы Аѳанасій грозился остановить вывозъ хлѣба изъ Александрии въ его отечественный городъ; и это слышали бывшіе при томъ Епископы— Адамантий, Анувій, Агаѳаммонъ, Арвеіонъ и Петръ; то же доказывалъ и гнѣвъ Царевъ. Ибо Царь, писавшій такимъ образомъ и осуждающій ихъ неправду, какъ скоро выслушалъ такую клевету, немедленно воспламенился, и вмѣсто того, чтобы выслушать меня, послалъ въ Галлію. Но и этимъ еще болѣе доказывается ихъ лукавство. Ибо блаженной памяти Константины младшій, возвращая меня въ отечество и припомнивъ, что писано было его отцемъ, самъ написалъ слѣдующее:

Константины Кесарь—чадамъ вселенской Церкви града Александрии.

Не скрыто, думаю, отъ вѣдѣнія вашего священнаго ума, что истолкователь достопокланяемаго закона Аѳанасій для того на-время посланъ въ Галлію, чтобы,—когда лютость кровожадныхъ и непріязненныхъ враговъ его угрожала опасностію священной главъ его, по развратности людей негодныхъ,—не понесъ онъ неизцѣлимаго зла. Въ помятіе сей лютоости изхипченъ онъ изъ челюстей окружавшихъ его враговъ, и ему вѣльно жить у меня, такъ что въ этомъ городѣ, въ которомъ проживалъ онъ, имѣлъ у себя въ избитіи все необходимое, хотя преименитая добродѣтель его, увѣренная въ Божіей помощи, ни во что вмѣняетъ бремена и болѣе суровой судьбы. Такъ и Владыка нашъ Константинъ Августъ, родитель мой, въ угожденіе особенно вашему любвеобильному благочестію, самъ уже намѣревался возвратити

сего Епископа на свое мѣсто; однако же, застигнутый человѣческимъ жребіемъ, отшелъ на покой прежде исполненія своего желанія, и потому, я почелъ справедливымъ по преемству выполнить намѣреніе блаженной памяти Царя. Когда Аванасій явится предъ вашими взорами: тогда узнаете, въ какомъ былъ онъ уваженіи. И неудивительно, если я сдѣлалъ что-нибудь въ его пользу; потому что къ сему подвигли и склонили душу мою и представленіе о вашей къ нему любви, и наружный видъ такого мужа. Божій Промыслъ да сохраняетъ васъ, возлюбленные братія! Дано въ Триверахъ, въ 15 день іюльскихъ Календъ.

Вотъ причина, по которой сосланъ я былъ въ Галлію. Кто же не усмотритъ въ сѣмъ и намѣреніе Царя, и убійствъ жаждущую душу въ Евсевіевыхъ приверженцахъ?—Царь для того сдѣлалъ это, чтобы они не замыслили еще ббльшаго; потому что просто выслушалъ дѣло. Таковы поступки Евсевіевыхъ приверженцевъ, и таковы козни составленнаго противъ меня заговора! Кто же не скажетъ, видя сіе, что для меня ничего не сдѣлано изъ милости, но справедливо и по надлежащему такое множество епископовъ писали за меня такимъ образомъ, и каждый особо, и всѣ вмѣстѣ, клевету же враговъ предали осужденію? Кто не скажетъ, вникнувъ во все это, что Валентъ и Урсакій обвинили себя по справедливости и, раскаяваясь, писали такимъ образомъ противъ самихъ себя, рѣшившись—лучше не надолго понести стыдъ, нежели вѣчно терпѣть наказаніе, определенное клеветникамъ?

Поэтому, справедливо и по церковному поступили сослужители наши въ томъ, что, когда иные дѣло сіе признавали сомнительнымъ, и принуждали уничтожить въ пользу мою сдѣланное опредѣленіе,—согласились они все терпѣть, и рѣшились лучше на заточеніе, только бы не видѣть нарушенными опредѣленія столькихъ епископовъ. Итакъ, если бы злоумышлявшимъ противъ меня и желавшимъ испровергнуть служившее въ мою пользу безъ разсужденія воспротивились истинные епископы, или, если бы это были люди незначительные, а не предстоятели знаменитыхъ городовъ и главы столь многихъ Церквей: то можно было бы подозрѣвать, что и теперь опять упорствуютъ они, дѣйствуя изъ угодливости. Когда же и на доказательствахъ они основывались, и претерпѣли заточеніе, и въ числѣ ихъ находится Ливерій, Епископъ Рима, который, хотя не до конца терпѣлъ скорбь заточенія, однако же, два года пребылъ въ изгнаніи, зная о заговорѣ противъ меня, когда въ томъ-же числѣ—и великій Осія, и всѣ епископы Италиі, Галліи, Испаніи, Египта, Ливіи, Пентаполя (ибо, хотя Осія, убоявшись не надолго угрозъ Константіевыхъ, по видимому, не противорѣчилъ имъ; однако же, насилія и самовластительство Константіевы, весьма многія оскорбленія и побои показываютъ, что не по признанію меня виновнымъ, но по немощи человеческой, не перенеся побой, уступилъ онъ имъ на-время); въ такомъ случаѣ справедливо—уже всѣмъ, какъ удостовѣрившимся въ дѣлѣ, возненавидѣть неправду и сдѣланное мнѣ насиліе и возгнушаться ими, особливо, когда доказано, что потерпѣлъ я сіе не по иному чему, но по нечестію аріанъ.

Посему, если кто хочет узнать мои дѣла и клевету Евсевіевыхъ приверженцевъ; то пусть прочтетъ написанное въ пользу мою, и будетъ имѣть не одного, не двухъ, или трехъ свидѣтелей, но великое число епископовъ, и изъ нихъ пусть изберетъ опять въ свидѣтели Ливеріа, Осію и сущихъ съ ними, которые, видя, что дѣлается противъ меня, согласилсь—лучше все претерпѣть, нежели измѣнить истинѣ и опредѣленію, сдѣланному въ мою пользу, и поступили въ этомъ, водясь прекраснымъ и святымъ разсужденіемъ. Ибо, что они претерпѣли, то доказываетъ нужду, какую терпѣли и другіе епископы, а вмѣстѣ служить памятникомъ и позорною надписью аріанской ереси и лукавству клеветниковъ, а также начертаніемъ и уставомъ для будущихъ родовъ,—какъ подвизаться за истину до смерти, отвращаться отъ аріанской христорборной ереси—этого антихристова предтечи, и не довѣрять тѣмъ, которые предприѣмлютъ говорить противъ насъ; потому что достовѣрнымъ и достаточнымъ служить свидѣтельствомъ оправдывающей насъ приговоръ такихъ и столькихъ епископовъ.

7. ПОСЛАНИЕ

О томъ, что СѢБОРЪ НИКЕЙСКІЙ, УСМОТРѢВЪ КОВАРСТВО ЕВСЕВІЕВЫХЪ ПРИВЕРЖЕНЦЕВЪ, ОПРЕДѢЛЕНІЕ СВОЕ ПРОТИВЪ АРІАНСКОЙ ЕРЕСИ ИЗЛОЖИЛЪ ПРИЛИЧНЫМЪ ОБРАЗОМЪ И БЛАГОЧЕСТНО.

Хорошо поступилъ ты, извѣстивъ меня о бывшемъ у тебя состязаніи съ защищавшими Аріево дѣло, въ числѣ которыхъ находились и нѣкоторые изъ Евсевіевыхъ друзей, а большая часть была изъ братьевъ, мудрствующихъ по-церковному. Почему, похвалилъ я твою христіолобивую трезвенность, прекрасно обличившую злочестіе сей ереси, подивился же ихъ безстыдству; потому что и теперь, когда показаны нетвердость и суетность аріанскихъ умствованій, даже осужденные всѣми за свою во всемъ злонамѣренность,—послѣ всего этого, ропшутъ они, подобно іудеямъ, говоря: для чего сошедшіеся въ Никен Отцы употребили не изъ Писанія взятые реченія: *отъ сущности и: единосущный*. И ты, какъ чловѣкъ ученый, доказалъ, что они, прикрываясь этимъ, не болѣе, какъ пустословятъ; они же, выдумывая предлоги, не дѣлаютъ ничего необычайнаго для ихъ злоумія; потому что такъ-же разнообразяютъ и мѣняютъ свою мысль, какъ хамелеоны—цвѣтъ: обличаемые краснѣютъ, допрашиваемые приходятъ въ затрудненіе, и потомъ съ безстыдствомъ выставляютъ пустыя отговорки. А если кто уличитъ ихъ и въ этомъ,—мучатся, пока не выдумаютъ чего небывалаго, и, по слову Писанія, помышляютъ суетная (Іезек. 11, 2.), чтобы только остаться нечестующими.

Такое ихъ усиліе не иное что есть, какъ явныйъ призвакъ ихъ неразумія, и какъ сказалъ я выше, подражаніе іудейскому злонравію. Ибо и іудея, обличаемые Истиною, когда не могли противиться, представляли предлоги, говоря: кое Ты твориши знаменіе, да видимъ и въру имемъ Тебѣ, что дѣлаеши (Іоан. 6, 30.)? Между тѣмъ столько было знаменій, что сами они говорили: что сотворимъ? яко человекъ сей многа знаменія творить (Іоан. 11, 47.). Мертвые воскресали, хромые ходили, слѣпые прозирали, прокаженные очищались, вода претворялась въ вино, пятью хлѣбами насытились пять тысящъ человекъ: всѣ дивились и поклонялись Господу, признавая въ Немъ исполненіе пророчествъ, исповѣдуя, что Онъ—Богъ, Божій Сынъ; одни только фарисеи, хотя видимыя знаменія были свѣтлѣе солнца, все еще, какъ невѣжды, оставались недовольными и говорили: почему Ты, человекъ сый, твориши Себе Бога (Іоан. 10, 33.)? О несмысленные и по-длинно слѣпотствующіе умомъ! Имъ напротивъ сего надлежало сказать: почему Ты, Богъ сый, сталъ человекомъ?—Ибо дѣла показывали, что Онъ—Богъ. Такъ надлежало сказать, и почитать благодать Отца и подивиться Его о насъ домостроительству. Но они не сказали сего, даже не хотѣли видѣть того, что совершалось, или и видѣли правда, потому что по необходимости должны были смотрѣть на сіе,—но опять, мѣняясь въ мысляхъ, роптали: для чего въ субботу изцѣляешь разслабленнаго, и въ этотъ день слѣпому отъ рожденія возвращаешь зрѣніе? И сіе опять было только однимъ предлогомъ и однимъ ропотомъ; ибо, когда Господь и въ иные дни изцѣ-

лялъ всякъ недугъ и всяку язю (Матѣ. 4, 23.),—они обыкновенно порицали Его, и лучше хотѣли подозрѣвать въ безбожїи, именуя всельзевуломъ (Марк. 3, 22.), нежели отречься отъ собственнаго своего лукавства. И хотя Спаситель такъ многократно и многообразно открывалъ Свое Божество, и всѣмъ благовѣствовалъ объ Отцѣ, тѣмъ не менѣе, какбы стараясь *противу рожна прати* (Дѣян. 9, 5.), буслова, противорѣчили они, только бы, по слову Божественной притчи, *вины ища отлучитися* отъ истины (Притч. 18, 1.).

Такъ лукавствующіе тогда и отрицающіеся Господа іудеи по справедливости стали внѣ законовъ и даннаго отцамъ обѣтованія. И нынѣ іудействующіе аріане, по моему мнѣнію, въ одинакомъ находятся расположеніи съ Каіафою и съ тогдашними фарисеями. Примѣчая, что ересь ихъ не имѣетъ въ себѣ ничего благовиднаго, придумываютъ предлоги, спрашивая: почему написано то, а не это? И не дивись, что теперь ухищряются они въ этомъ; въ скоромъ времени прибѣгнутъ къ поруганіямъ, а послѣ сего начнутъ угрожать спирою и тысящезачальникомъ; въ этомъ состоитъ мнимая твердость ихъ зловѣрія. Отрицаясь Божія Слова, справедливо стали они скудными во всякомъ словѣ.

Поэтому, зная сіе, на ихъ вопросы не далъ бы я никакого отвѣта; но поелику твоя любовь изъявила желаніе знать, что сдѣлано на Соборѣ; то не замедлилъ я, но вскорѣ объявилъ, какъ тогда происходило дѣло, кратко показавъ, въ какой мѣрѣ аріанская ересь лишена благочестнаго образа мыслей.

Аріане вымышляютъ только пустые предлоги, и смотри самъ ты, возлюбленный, не дѣйствительно ли такъ. Если, по причинѣ всѣяннаго въ нихъ діаволомъ зломыслія, твердо полагаются на то, что изобрѣтено ими худаго; то пусть оправдаются въ томъ, за что обвинены и признаны они еретиками, и тогда уже возражаютъ, если могутъ, на сдѣланныя противъ нихъ опредѣленія. Уличенный въ убійство, или въ прелюбодѣяннн, послѣ суда не имѣетъ права возражать на приговоръ судн, почему выразился онъ такъ, а не другимъ образомъ; и это возраженіе не освобождаетъ осужденнаго, но еще болѣе увеличиваетъ вину его за безразсудство и дерзость. Поэтому, и они,—или пусть докажутъ, что образъ ихъ мыслей—благочестенъ; потому что были они обличены, и прежде не жаловались, обвиненнымъ же не иное что слѣдуетъ дѣлать, какъ—оправдываться; или, ежели нечиста—ихъ совѣсть, и сами видятъ свое нечестіе, то пусть не возражаютъ на то, чего не знаютъ, чтобы не понести имъ сугубаго зла: и обвиненія за нечестіе, и порицанія за невѣжество. Но лучше пусть любознательно изслѣдуютъ дѣло, чтобы, дознавъ, чего не знали прежде, омыть имъ нечестивый свой слухъ струями истины и догматами благочестія.

Такъ было и на Никейскомъ Соборѣ съ приверженцами Евсевіевыми. Поелику упорно стояли они и покушались богоборствовать; то, хотя все предлагаемое ими исполнено было злочестія, однако же собравшіеся епископы (которыхъ было болѣе или менѣе трехъ сотъ) (е) кротко и челолюбиво потребо-

(е) Второй вселенскій Константинопольскій Соборъ опредѣленіемъ показываетъ число бывшихъ на Никейск. Соборѣ Отцевъ, именно: 318. Смотри. Прав. 1.

вали у нихъ, представить основаніе и благочестныя доказательства на то, что они предлагали. Поелнку же, едва начавъ говорить, подвергались осужденію, и начинали препираться между собою; то, видя великую несостоятельность своей ереси, оставались они безмолвными, и молчаніемъ своимъ сознавались, что стыдятся своего зловѣрія; а потому, епископы, осудивъ, наконецъ, придуманныя ими реченія, вопреки имъ, въ настоящемъ видѣ изложили здравую и церковную вѣру. И когда изложеніе сіе подписано было всѣми,—и Евсевіевы приверженцы подписались къ тѣмъ реченіямъ, на которыя нынѣ дѣлаютъ они возраженія, разумно же реченія: отъ сущности, единосущный, и: Сынъ Божій—не тварь, или произведеніе, и не что-либо изъ сотвореннаго, а напротивъ того, есть Слово, рожденіе отъ сущности Отчей. И что странно,—Евсевій, Епископъ Кесаріи Палестинской, за день отрицавшійся, а въ-послѣдствіи подписавшій изложеніе сіе, писалъ Церкви своей, утверждая, что это—вѣра Церкви и преданіе Отцевъ, и тѣмъ ясно показалъ всѣмъ, что прежде были они въ заблужденіи, и напрасно упорствовали противъ истины. Ибо, если и стыдился тогда употреблять сіи реченія, и какъ хотѣлъ, оправдывался предъ Церковію; то въ посланіи, не отрекшись отъ словъ: *единосущный и: отъ сущности*, явнымъ образомъ хочеть выразить нами сказанное. И необычайное нѣчто случилось съ нимъ. Какъ оправдывающійся, обвинялъ уже онъ арианъ, что, написавъ: Сынъ не имѣлъ бытія, пока не рожденъ, не хотѣли признавать бытіе Сына даже до рожденія по плоти. Знаеть о семъ и Акакій, если только и онъ, утравившись нынѣшнихъ обстоя-

тельствъ , не станеть лицемѣрить и не отречется отъ истины. Посему, приложилъ я въ концѣ Евсевіево посланіе, чтобы изъ онаго увидѣть тебѣ неблагодарность къ своимъ учителямъ сихъ христорборцевъ, и еще болѣе Акакія. Поэтому, не погрѣшаютъ ли они, даже замышляя только противорѣчить столь великому и вселенскому Собору? Не незаконно ли воступаютъ, осмѣливаясь противиться справедливымъ опредѣленіямъ, сдѣланнымъ противъ аріанской ереси и засвидѣтельствованнымъ теми самими, которые прежде учили ихъ нечестивовать?

Если же Евсевіевы сообщники послѣ своей подписи перемѣнились, и какъ псы, возвратились на свою блевотину нечестія; то не тѣмъ ли паче прекословящіе теперь достойны ненависти за то, что, жертвуя другимъ свободою души своей, вождями ереси пожелали имѣть ихъ именно, то есть людей, какъ сказалъ Іаковъ, *двоедушныхъ, неустроенныхъ во вѣсьхъ путейъ ихъ* (Іак. 1, 8.), которые держатся не одинакаго образа мыслей, но мѣняются въ ономъ такъ и иначе, и нынѣ одобряютъ, что говорятъ, чрезъ нѣсколько же времени оуждаютъ, что говорили, и опять хвалить, что недавно хулили. А это, по сказанному въ книгѣ Пастырь, есть діавольское порожденіе и признакъ болѣе корчемниковъ, нежели учителей. Ибо вотъ подлинно ученіе и вотъ признакъ истинныхъ учителей, какъ предали Отцы,—согласно между собою исповѣдывать одно и тѣже и не входить въ споры ни другъ съ другомъ, ни съ своими Отцами. А которые не такъ расположены, тѣхъ скорѣе можно назвать негодными, нежели истинными, учителями. Посему, язычники, не признающіе одного и того-же,

но разногласящіе другъ съ другомъ , не имѣють истиннаго ученія , а святые и дѣйствительные проповѣдники истины одинъ съ другимъ согласны и не разнствуютъ между собою. Ибо хотя и въ разныя времена были они , но всѣ взаимно стремятся къ одному и тому-же , будучи пророками единаго Бога и согласно благовѣствуя единое слово. Чему училъ Моисей , то соблюдалъ Авраамъ ; а что соблюдалъ Авраамъ , то знали Ной и Енохъ , различая чистое и нечистое , и благоугождая Богу. И Авель сталъ мученикомъ , зная , чему наученъ былъ отъ Адама ; тогда какъ Адамъ наученъ Господомъ , Который , *пришедъ въ кончину въковъ , во отметаніе грѣха* (Евр. 9, 26.) , сказалъ : заповѣдь не новую даю вамъ , но древнюю , которую слышали сначала. А потому , наученный Имъ блаженный Апостолъ Павелъ , начертывая церковныя правила , желалъ , чтобы и діаконы не были двоязычны (1 Тим. 3, 8.) , а тѣмъ паче епископы ; дѣлая же выговоръ Галатамъ , вообще выразился такъ : *Аще кто вамъ благовѣститъ паче еже пріѣсте , анаѡема да будетъ . Якоже предрекохомъ , и паки глаголю : но и аще мы , или Ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче еже пріѣсте , анаѡема да будетъ* (Галат. 1, 8. 9.) . Поелнку же говорить сіе Апостолъ ; то и они , или пусть подвергнуть анаѡемъ Евсевіевыхъ сообщниковъ , которые мѣняются въ мысляхъ и говорятъ иное , нежели къ чему подписались , или , если знаютъ , что подписались они справедливо , пусть не ропщутъ на такой Соборъ . Если же ни того ни другаго не дѣлають они ; то явно носятъ всякимъ вѣтромъ и волненіемъ , и не собственными своими , но чужими , увлекаются

ивѣніями. А если они таковы; то не заслуживаютъ втроитія и теперь, когда представляютъ подобные предлоги. Да перестанутъ же оуждать то, чего не знаютъ; а можетъ быть, и не умѣя различить, просто называютъ они лукавое добрымъ, доброе—лукавымъ, и горькое почитаютъ сладкимъ, сладкое же—горькимъ. И именно хотятъ, чтобы имѣло силу, что по суду признано худымъ и отвергнуто, а что справедливо опредѣлено, то успиваются оклеветать. Посему, какъ намъ не должно уже было давать въ этомъ какой-либо отчетъ и отвѣчать на пустые ихъ предлоги, такъ имъ надлежало не упорствовать болѣе, но согласиться на то, къ чему подписался вожди ихъ ереси, когда знаютъ, что происшедшая послѣ того перемѣна мыслей въ Евсевіевыхъ сообщникахъ—подозрительна и злонамѣренна. Подписаться, имѣя возможность сколько нибудь оправдать себя, — это подлинно показываетъ, какъ злочестива—аріанская ересь; ибо не подписался бы прежде, если бы не осудили ересь, и не осудили бы прежде, если бы не устыдились, со всѣхъ сторонъ приведенные въ затрудненіе; почему, перемѣна мыслей обличаетъ упорство въ нечестіи.

Поэтому, какъ сказано, и имъ надлежало оставаться въ покоѣ; но, поелику сильны они въ безстыдствѣ, и думаютъ, можетъ быть, что сами они въ состояніи—лучше тѣхъ защитить діавольское сіе злочестіе; то, хотя въ первомъ, писанномъ къ тебѣ, посланіи изложилъ я пространное на нихъ обличеніе, однако же, и теперь, заявившись сами, какъ и тѣми, подвергнемъ подробному изслѣдованію все, что ни говорятъ они.

ибо и теперь обнаруживается ихъ не здравая, но какая-то бѣсовская ересь.

Итакъ, говорятъ они, какъ и тѣ полагали и осмѣливались утверждать: «Не всегда—Отець; не всегда—Сынъ; Сынъ не имѣлъ бытія, пока не рожденъ, но и Онъ пришелъ въ бытіе изъ несущаго; потому, Богъ не всегда былъ Отцемъ Сыну; когда пришелъ въ бытіе и созданъ Сынъ, тогда и Богъ сталъ именоваться Отцемъ Его; потому что Слово есть тварь и произведеніе, и по сущности чуждо и не подобно Отцу; Сынъ не по естеству и не истинное Отчее Слово, не единственная и не истинная Отчая Премудрость; но, будучи тварию и однимъ изъ произведеній, не въ собственномъ смыслѣ именуется Словомъ и Премудростію. Ибо и Онъ, подобно какъ и все, приведенъ въ бытіе словомъ, сущимъ въ Богѣ; а посему, Сынъ—и не истинный Богъ».

Но я и ихъ намѣренъ сперва спросить о семъ: что такое—вообще сынъ? и какое значеніе сего имени?—чтобы хотя чрезъ это могли они понять утверждаемое ими.

Божественное Писаніе показываетъ намъ двоякое разумѣніе сего имени:—Одно прилагаемое къ тѣмъ, о которыхъ Моисей говоритъ въ законѣ: *аще послушаете гласа Господа Бога вашего, еже хранить вся заповѣди Его, яже Азъ заповѣдую тебѣ днесь, творити доброе и угодное предъ Господемъ Богомъ твоимъ, сынове есте Господа Бога нашего* (Второз. 13, 18. 14, 1.). Такъ и Іоаннъ говоритъ въ Евангеліи: *елицы же пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божиимъ быти* (1, 12.). Другое разумѣніе,—по

которому Исаакъ—сынъ Авраамовъ , Иаковъ—сынъ Исааковъ, и Патріархи—сыновья Иаковлевы.

Въ какомъ же изъ сихъ разумній признавая сыномъ Божія Сына, слагають о Немъ подобныя басни? Ибо очень знаю, что въ этомъ злочестивомъ ученіи сходятся они съ Евсевіевыми сообщниками. Итакъ, если въ первомъ разумній, какъ признають сынами и всѣхъ тѣхъ, которые за исправленіе нравовъ приобрѣтають благодать сего наименованія, и приемятъ область чадомъ Божіимъ быти (а это и они утверждали); то можно подумать, что Божій Сынъ ничѣмъ не отличенъ отъ насъ, и не есть едиnorodный; потому что и Онъ приобрѣлъ именованіе сына за добродѣтель. Ибо, хотя, какъ говорятъ они, по предувѣдѣнію, что будетъ таковымъ, напередъ приемятъ и вмѣстѣ съ бытіемъ получаетъ и имя, и славу имени; однако же, ничѣмъ не будетъ отличаться отъ приемящихъ имя сіе по совершеніи дѣлъ, если только въ такомъ разумній и Онъ провозглашается Сыномъ. Такъ Адамъ, напередъ пріявшій благодать и вмѣстѣ съ бытіемъ поставленный въ раю, ничѣмъ не отличался отъ Евоха, который, чрезъ нѣсколько времени по рожденіи, благоугодивъ, предложень, и отъ Апостола, который также по совершеніи дѣлъ восхищень былъ въ рай, и даже отъ разбойника, который за исповѣданіе свое пріялъ обѣтованіе, что скоро будетъ въ райю.

Но преслѣдуемые въ этомъ скажутъ, можетъ быть, тоже, что неоднократно уже говорили они, и были постыждаемы: «такъ полагаемъ, что Сынъ имѣеть преимущество предъ всѣми иными, и едиnorodнымъ называется потому, что Онъ одинъ получилъ бытіе

отъ единого Бога; все же прочее сотворено Богомъ чрезъ Сына». Кто же вложилъ въ васъ эту юридическую и новую мысль—говорить, что одного Сына непосредственно произвелъ одинъ Отецъ, все же прочее получило бытіе чрезъ Сына, какъ чрезъ помощника? Если Богу во избѣжаніе утомленія достаточно было произвести непосредственно одного Сына и не производить уже пнаго; то нечестиво—такъ разсуждать о Богѣ, особливо слыша, что говорить Исаія: *Богъ вѣчный, Богъ устроивый концы земли, не взалчетъ, ниже утрудится, ниже есть изобрѣтеніе премудрости Его. Скорѣе же, Онъ даетъ алчущимъ крѣпость, и утружденныхъ упокоеваетъ Словомъ Своимъ* (Иса. 40, 28. 29.). Если же то, что сотворено послѣ Сына, какъ низкое, не достоинъ Богъ того, чтобы Самому произвести это непосредственно; то и сія мысль—нечестива. Въ Богѣ нѣтъ киченія: Онъ съ Іаковомъ низходитъ въ Египеть, и за Авраама ради Сарры вразумляетъ Авимелеха; съ Моисеемъ, хотя онъ—человѣкъ, глаголетъ *усты ко устамъ* (Числ. 12, 8.); нисходитъ на гору Синай; сокровенною благодатию побораетъ съ народомъ Амалика. Впрочемъ, и сіе утверждая, вы лжете. *Той сотворилъ насъ, а не мы* (Псал. 99, 3.). Онъ Словомъ Своимъ сотворилъ все, и малое, и великое. И не возможно различать тварей и говорить: это сотворено Отцемъ, а это—Сыномъ; но все сотворено единымъ Богомъ, Который, какъ рукою, дѣйствуетъ Словомъ Своимъ, и о Немъ все творить. И Самъ Богъ, давая сіе разумѣть, сказалъ: *вся сія рука Моя сотвори* (Исаіи 66, 2.). И Павелъ, наученный сему, училъ: *единъ—Богъ, изъ Негоже вся, и единъ—*

Господь Иисусъ Христосъ, Имже вся (1 Кор. 8, 6.). И такъ, Онъ всегда и нынѣ вѣщаетъ солнцу, — и восходитъ; заповѣдуетъ облакамъ, — и дождятъ на одинъ участокъ земли, а на который не дождятъ, тотъ иссыхаетъ; и земля повелѣваетъ производить плоды, и Иеремію созидаетъ во чревѣ. Если же нынѣ Самъ творитъ сіе; то нѣтъ сомнѣній, что и вначалѣ не призналъ Онъ недостойнымъ Себя, чтобы Самому сотворить все Словомъ; потому что и это — части цѣлаго.

Если же по тому, что прочія твари не могли повести на себѣ дѣланія ничѣмъ неумѣремой руки Несозданнаго, одинъ Сынъ получилъ бытіе отъ единаго Бога, все же прочее получило бытіе чрезъ Сына, какъ чрезъ содѣйственника и помощника (пбо и это написалъ приносившій жертвы Астерій; тоже списавъ, Арій передалъ своимъ, и наконецъ безумные сіи такимъ изреченіемъ, не зная его гнѣлости, пользуются какъ тростию сокрушенною); то, если руку Божию невозможно было повести на себѣ сотворенному, по вашему же мнѣнію Сынъ есть единый изъ сотворенныхъ, какъ и Онъ могъ быть сотворенъ единымъ Богомъ? И если для того, чтобы пришло въ бытіе сотворенное, была потребность въ посредникѣ, по вашему же мнѣнію Сынъ сотворенъ; то и прежде Него долженъ быть нѣкто посредствующій къ тому, чтобы Сынъ былъ созданъ. А поелику и сей посредникъ есть опять тварь: то окажется, что и онъ для собственнаго своего происхожденія имѣлъ нужду въ другомъ посредникѣ. Но если бы кто придумалъ и сего другаго посредника; то пусть и для него придумываетъ новаго посредника, такъ что

долженъ будетъ простирается въ безконечность. И такимъ образомъ, при непрестанной потребности въ посредникъ, невозможно будетъ произойти изъ одной твари; потому что, какъ говорите, ничто сотворенное не можетъ понести на себя ничѣмъ неумѣряемой руки Несозданнаго.

Если же, усматривая сію несообразность, начнете утверждать, что Сынъ, будучи тварию, содѣлался способнымъ къ тому, чтобъ получить бытіе отъ Несозданнаго; то по необходимости и все прочее, будучи сотвореннымъ, могло получить бытіе непосредственно отъ Несозданнаго. Ибо, по вашему ученію, и Сынъ, какъ и все сіе, есть тварь. И напрасно уже—рожденіе Слова, по вашему нечестивому и глупому примышленію,—когда и Богъ имѣетъ силу творить все непосредственно, и все получившее бытіе имѣетъ возможность понести на себя ничѣмъ неумѣряемую руку Божию.

При непонятности такого ихъ умоповрежденія, посмотримъ еще,—не окажется ли, что сіе, упоминаемое нами, умствование нечестивыхъ—неразумнѣ всякаго другаго ихъ умствования. Одинъ Адамъ получилъ бытіе чрезъ Слово отъ единаго Бога; но никто не скажетъ, что Адамъ имѣетъ въ этомъ еще какое-нибудь преимущество предъ всѣми людьми, или отличается симъ отъ людей, происшедшихъ послѣ него (хотя онъ одинъ сотворенъ и образованъ единымъ Богомъ, мы же всѣ раждаемся отъ Адама и приходимъ по преемству рода), какъ скоро и онъ образованъ изъ земли, и не имѣя прежде бытія, получилъ бытіе въ-послѣдствіи. Если же кто и дастъ первосозданному преимущество по тому, что удостоенъ

онъ Божіей руки ; то пусть таковой поставяеть Адамово преимущество въ чести, а не въ естествѣ ; потому что Адамъ произошелъ изъ земли, какъ и всь, и та-же рука, которая образовала тогда Адама, и нынѣ, и всегда, снова образуеть и производитъ раждающихся послѣ Адама. И сіе, какъ сказалъ я прежде, говоритъ самъ Богъ Іеремін: *прежде неже Мнѣ создати тя во чревь, познахъ тя* (Іерем. 1, 5.). Да и о всѣхъ сказалъ: *рука Моя сотвори сія вся* (Исаіи 66, 2.). И еще чрезъ Исаію говоритъ: *сице глаголетъ Господь, избавляй тя и создавый тя отъ чрева: Азъ Господь совершаяй вся, распро-строхъ небо единъ, и утвердихъ землю* (Иса. 44, 24.). И Давидъ, зная сіе, воспѣвалъ: *руцъ Твои сотвористъ мя и создастъ мя* (Псал. 118, 73.). Ту-же имѣеть мысль и тотъ, кто говоритъ у Исаіи: *такъ глаголетъ Господь, создавый мя отъ чрева раба Себѣ* (Исаіи 49, 5.). Итакъ, Адамъ ничѣмъ не отличается отъ насъ по естеству, хотя предшествуеть намъ по времени, какъ скоро и всь мы производимся и созидаемся тою-же рукою.

Поэтому, если вы, аріане, такъ мудрствуете и о Сынѣ Божіемъ, а именно, что и Онъ такимъ-же образомъ произошелъ и получилъ бытіе; то, по вашему ученію, ничѣмъ не будетъ Онъ отличаться отъ другихъ тварей по естеству, какъ скоро не имѣлъ Онъ бытія, но получилъ оное, и за добродѣтель сообщена Ему при созданіи благодать имени. Ибо и Онъ, какъ утверждаете, есть одинъ изъ тѣхъ, о которыхъ Духъ говоритъ во псалмахъ: *Той рече, и быша: Той повель, и создашася* (Псал. 32, 9.). Посему, кому же повельъ Богъ, чтобы и Сынъ

былъ созданъ? Ибо Словомъ долженъ быть тотъ, кому повелѣваетъ Богъ, и жъмъ создаются твари. Но вы не можете указать иного Слова, кромѣ отрицаемаго вами, если не придумаете опять какой-либо догадки.

Да, говорить, мы нашли ее (такъ, слышалъ я, однажды утверждали Евсевіевы сообщники), и думаемъ, что Сынъ Божій потому имѣетъ преимущество предъ другими, и называется единороднымъ, что Онъ одинъ—причастникъ Отца, все же прочее—причастно Сына.—Такъ затруднились уже они, превращая и мѣняя слова, какъ цвѣтъ. Однако же будетъ доказано, что и въ этомъ они—тоже, что *отъ земли тщесловующіе* (Иса. 8, 19.) и какъ въ тинѣ погрязающіе въ своихъ догадкахъ. Если бы Онъ именовался Сыномъ Божиимъ, а мы назывались сынами Сына; то былъ бы вѣроятенъ ихъ вымысль. Если же и мы называемся сынами того Бога, Котораго и Онъ есть Сынъ; то явно, что и мы причастники Отца, Который говорить: *сыны родихъ и возвысихъ* (Иса. 1, 2.). Ибо если бы не были мы причастниками Его; то не сказалъ бы: *родихъ*. Если же онъ родилъ; то не иной кто, но Онъ есть нашъ Отецъ. И нѣтъ въ этомъ важности,—что Сынъ имѣетъ болѣе и прежде получилъ бытіе, а мы имѣемъ менѣе и получили бытіе въ-послѣдствіи,—какъ скоро всѣ мы причастники одного и того-же и называемся сынами того-же Отца. Имѣть больше и меньше—не показываетъ инаковаго естества; потому что каждому дается сіе за преспѣяніе въ добродѣтели, и одинъ поставляется надъ десятью, а другой—надъ пятью городами (Лук. 19, 17—19.); одни посаждаются на *дванадцати пре-*

столѣхъ, судяще обоимънадесяте колѣномъ Израилевымъ (22, 30.), а другіе слышатъ: *приидите благословенніи Отца Моего* (Матѣ. 25, 34.), и: *добръ, рабе благій и вѣрный* (21.). Мудрствуя подобнымъ образомъ, справедливо представляютъ они, что Богъ— не отъ вѣчности Отець такого Сына, и что не отъ вѣчности—такой Сынъ, а напротивъ того сотворенъ изъ не-сущаго и не имѣлъ бытія, пока не былъ рожденъ; ибо такой сынъ—инаковъ съ истиннымъ Сыномъ Божіимъ.

Но поелику и имъ даже непозволительно сказать сего, и мудрованіе это—свойственно болѣе саддукеямъ и Самосатскому; то остается уже утверждать, что Сынъ Божій именуется Сыномъ въ другомъ смыслѣ, а именно, въ какомъ Исаакъ есть сынъ Авраамовъ. Кто раждается отъ чьего-либо естества, а не отъ нѣ приобрьтается, того природа признаетъ сыномъ: и таково—значеніе сего имени. Ужели же рожденіе Сына—подобострастно человѣческому рожденію (можетъ быть, желаютъ они въ невѣдѣніи своемъ сдѣлать и сіе возраженіе по примѣру упомянутыхъ выше)?—Нимало. Богъ не то же, что—человѣкъ; потому что и люди не то же, что—Богъ; люди созданы изъ вещества, и—изъ вещества удобостраждущаго, а Богъ—не-вещественъ и безплотенъ. Если же о Богѣ и о людяхъ употребляются иногда въ Божественныхъ Писаніяхъ одни и тѣ-же изреченія; то, какъ повелѣлъ Павелъ, отъ людей прозорливыхъ требуется—внимать чтенію (1 Тим. 4, 13.), и такимъ образомъ различать и распознавать написанное въ каждомъ случаѣ сообразно съ свойствомъ означаемаго и не смѣшивать смысловъ; Божія не представлять по-человѣчески, и о человѣ-

ческомъ никогда не разсуждать, какъ о Божіемъ. Ибо это значить мѣшать вино съ водою (Иса. 1, 22.) и на жертвенникъ Божественный ввергать огонь чуждый. Богъ творить, и о людяхъ говорится, что они творятъ; Богъ есть сый, и о людяхъ говорится, что они имѣютъ бытіе, и имѣютъ, получивъ оное отъ Бога. Но такъ ли творить Богъ, какъ люди? Или такъ ли принадлежитъ Богу бытіе, какъ—человѣку? Да не будетъ сего; иначе принимаемъ изреченія сн о Богѣ, и иначе понимаемъ ихъ о людяхъ. Богъ творить, *нарицая не-сущая сущими* (Рим. 4, 17.), и ни въ чемъ не имѣя для сего нужды; а люди обрабатываютъ готовое вещество, предварительно познаніе для совершенія дѣла испросивъ и пріявъ отъ Бога, все создавшаго собственнымъ Словомъ Своимъ. И еще: люди не могутъ имѣть бытія сами собою, ограничены бываютъ мѣстомъ, и поддерживаются Божіимъ Словомъ; Богъ же Самъ Собою имѣетъ бытіе, все объемлетъ и ничѣмъ не объемлется; Онъ во всемъ пребываетъ Своею благодію и могуществомъ, и также внѣ всего собственнымъ Своимъ естествомъ. Посему, какъ не тѣмъ образомъ творятъ люди, какимъ творить Богъ, и не такъ имѣютъ бытіе люди, какъ имѣетъ Богъ: такъ иначе происходитъ человѣческое рожденіе, и иначе раждается Сынъ отъ Отца. Человѣческія порожденія суть какбы части раждающихъ, потому что самое естество тѣмъ есть не какое-либо простое, но текучее и слагающееся изъ частей; люди, раждая, изъ себя источаютъ, и въ нихъ также притекаетъ вносимое съ пищею; по сей причинѣ люди во временемъ дѣлаются отцами многихъ чадъ. А Богъ не дѣлится на части; Онъ—недѣ-

лимо и безстрастно Отець Сыну. Въ Безплотномъ вѣтъ истеченія; въ Него не бываетъ и притеченія, какъ случается сіе съ людьми; но, будучи простъ по естеству, Онъ—Отець единого и единственнаго Сына. Потому, и Сынъ—единороденъ, и единъ есть *въ лонѣ Отчи* (Іоан. 1, 18.). А что Онъ одинъ—отъ Отца,—сіе показываетъ Отець, говоря: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ* (Матѣ. 3, 17.). Онъ есть Слово Отчее, въ Которомъ можно представлять себѣ безстрастіе и недѣлимость Отца; потому что не только Божіе, но и человѣческое слово рождается не-страдательно и не чрезъ дѣленіе на части. Посему, и сѣдитъ Онъ одесную Отца, какъ Слово; ибо гдѣ—Отець, тамъ—и Слово Его: а мы предстоимъ судимые Имъ, какъ твари. Онъ достопоклоняемъ; потому что есть Сынъ достопоклоняемаго Отца: а мы поклоняемся Ему, исповѣдуя Его Господомъ и Богомъ; потому что мы—твари и инаковы съ Нимъ. Поелику же это дѣйствительно такъ; то пусть наконецъ желающій изъ нихъ выкинетъ, и сдѣлается кто-нибудь ихъ вразумителемъ: позволительно ли назвать происшедшимъ изъ ничего тѣ, чтѣ—отъ Бога, и есть собственное Его рожденіе? Или есть ли основаніе, чтобы даже пришло кому хотя на мысль, будто бы тѣ, чтѣ—отъ Бога, случайно въ Богъ, почему, и ты осмѣлился бы сказать, что Сынъ—не отъ вѣчности?

Рожденіе Сына превышаетъ и превосходитъ человѣческія представленія [еще и въ слѣдующемъ: мы дѣлаемся отцами своихъ чадъ по времени; потому что и сами, не имѣвъ прежде бытія, въ-послѣдствіи пришли въ бытіе; Богъ же, всегда сущій, всегда Отець Сыну.

И въ рожденіи человѣческомъ удостовѣрять сходство раждающихъ и раждаемыхъ; но поелику *никто же знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ, и ему же аще Сынъ* откроетъ (Матѳ. 11, 27.); то святые, которымъ открылъ это Сынъ, сообщили намъ нѣкоторый образъ, заимствованный изъ видимаго, говоря: *Иже сый сіяніе славы и образъ впостаси Его* (Евр. 1, 3.), и еще: *яко у Тебе источникъ живота, во свѣтъ Твоемъ узримъ свѣтъ* (Псал. 35, 10.). И укоряющее Израиля слово говоритъ: *оставилъ еси источника премудрости* (Вар. 3, 12.); и Самъ Источникъ въщаетъ: *Мене оставиши источника воды живы* (Перем. 2, 13). Хотя подобіе—мало и крайне слабо къ изображенію желаемаго; однако же, и изъ него можно уразумѣть преимущество предъ естествомъ человѣческимъ, и не почитать уже равными наше рожденіе и рожденіе Сына. Ибо, кто можетъ даже и помыслить, будто бы сіянія когда-либо не было, чтобы осмѣляться тебѣ сказать, что Сынъ—не отъ вѣчности, или что Сынъ не имѣлъ бытія, пока не рожденъ? Или кто въ состояніи отдѣлить сіяніе отъ солнца, или источникъ представить когда-либо лишеннымъ жизни, чтобы тебѣ въ безуміи своемъ сказать: изъ не-сущаго приходитъ въ бытіе Сынъ, Который говоритъ: *Азъ есмь животъ* (Іоан. 14, 6.), или чуждъ Отчей сущности—Тотъ, Кто говоритъ: *видѣвый Мене, видѣ Отца* (9.)? Святые, желая, чтобы такъ разумѣли мы, такія сообщили и подобія. И когда въ Писаніи имѣемъ такіе образы,—будетъ нелѣпо и крайне нечестиво—составлять намъ понятіе о Господѣ по инымъ образамъ, которыхъ нѣтъ въ Писаніи, и которые не имѣютъ въ себѣ никакого благочестиваго смысла.

Посему, пусть наконецъ скажутъ: откуда научившись, или по чьему преданію, начали они придумывать подобное о Спасителѣ? Говорятъ: читали мы въ притчахъ: *Господь созда мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя* (Притч. 8, 22.). Кажется, и Евсевіевы сообщники говорили сіе. И ты въ письмѣ своемъ выразилъ, что и твои противники, хотя осуждены были изложенные многими доводами, однако же, ссылаясь во всѣхъ случаяхъ на сіе изреченіе, продолжали утверждать, что Сынъ есть одно изъ твореній, и сопрчисляли Его къ получившимъ бытіе тварямъ.

Но, по моему мнѣнію, и сего изреченія не выразиши они хорошо; потому что имѣеть оно благочестивый и самый правильный смыслъ; и если бы уразумѣли они оный, то не похулили бы Господа славы. Пусть сличать они съ симъ изреченіемъ сказанное прежде; тогда увидятъ великую разность между тѣмъ и другимъ. Кто, имѣя правильный смыслъ, не усмотритъ, что созидаемое и творимое—внѣ творящаго, а Сынъ, какъ показало предшествующее изреченію Слово, не внѣ раждающаго Отца, но отъ Него? И человекъ—домъ созидаетъ, а сына раждаетъ; и никто не скажетъ наоборотъ, что домъ и корабль раждается строителемъ, а сынъ создается и творится имъ. Никто не признаетъ также дома образомъ созидающаго, а сына—неподобнымъ раждающему; напротивъ же того, всякій согласится, что сынъ есть отчій образъ, а домъ—произведеніе искусства, если только имѣеть онъ здравый смыслъ и не вышелъ изъ ума. И Божественное Писаніе, конечно, лучше всякаго знаетъ природу каждой вещи, о созидаемыхъ

вещахъ говорить чрезъ Моисея: *въ началъ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. 1, 1.); о Сынъ же представляетъ говорящимъ не кого инаго, но самого Отца: *изъ чрева прежде денницы родихъ Тя* (Псал. 109, 3.); и еще: *Сынъ Мой еси Ты, Азъ днесъ родихъ Тя* (Псал. 2, 7.). И Господь самъ о Себѣ говорить въ Притчахъ: *прежде же всгъхъ холмовъ рождаетъ Мя* (Притч. 8, 25.). О томъ, что пришло въ бытiе и сотворено, говорить Иоаннъ: *вся Тьмъ быша* (Иоан. 1, 3.), благовѣствуя же о Господѣ, сказуетъ: *единородный Сынъ, сый въ лоно Отчи, Той исповѣда* (18.). Итакъ, если—Сынъ, то—не тварь; если же—тварь, то—не Сынъ. Ибо великая разность между тьмъ и другимъ, и одинъ и тотъ-же не можетъ быть Сыномъ и тварію; иначе надлежало бы признать, что сущность его и отъ Бога, и внѣ Бога. Ужели же напрасно написано сіе изреченіе? И это жужжать они такъ-же намъ въ уши, какъ—стадо комаровъ. Нѣтъ; не напрасно, но по крайней необходимости написано сіе. Ибо говорится, что созданъ, но—когда сталъ человѣкомъ; потому что сіе—свойственно чловѣку. А что сей смыслъ заключается въ оныхъ словахъ,—сіе совершенно найдетъ, кто читаетъ безъ нерадѣнія, а напротивъ того, входитъ въ изслѣдованіе—и времени, и лицъ, и потребности написаннаго, и такимъ образомъ разбираетъ и уразумѣваетъ прочитанное. Такъ найдетъ указываемое изреченіемъ время, и узнаетъ, что Господь, всегда сый, въ-послѣдствіи, при скончаніи вѣковъ, сталъ чловѣкомъ, и будучи Сыномъ Божиимъ, содѣлался и сыномъ чловѣческимъ. Уразумѣетъ и потребность, а именно, что, желая упразднить нашу смерть, воспріялъ на Себя

тѣло отъ Дѣвы Маріи, да, принесши оное за всѣхъ въ жертву Отцу, избавитъ всѣхъ насъ, елицы страхомъ смерти чрезъ все житіе повинни бѣхомъ работѣ (Евр. 2, 15.). О лицѣ же, хотя оно есть лице Спасителя, тогда уже говорится, когда, принявъ на Себя тѣло, говорить о Себѣ: *Господь созда Мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя.* Ибо, какъ истинному Сыну Божию совершенно приличествуетъ вѣчное бытіе, и бытіе въ лонѣ Отца, такъ содѣлававшемуся человѣкомъ прилично—выраженіе: *Господь созда Мя.* Ибо тогда говорится уже о Немъ, что Онъ и алкалъ, и жаждалъ, и спрашивалъ,—гдѣ лежитъ Лазарь, и пострадалъ, и воскресъ. И какъ, слыша, что Онъ—Господь, и Богъ, и Свѣтъ истинный, представляемъ Его сущимъ отъ Отца, такъ слыша: *созда, и рабъ, и пострадалъ,* справедливо будетъ—не приписывать сего Божеству, потому что Божеству сіе—не свойственно, но относить къ плоти, которую повесъ Онъ на Себя ради насъ, потому что ей это свойственно, и самая плоть принадлежитъ не кому либо иному, но Слову.

А если кто пожелаетъ узнать, какая—отъ сего польза; то найдетъ и это: ибо *Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 14.), чтобы и плоть принесена была за всѣхъ, и мы, причастившись Духа Его, могли быть обожены, чего не достигли бы мы иначе, если бы не облекся Онъ въ наше тварное тѣло. Ибо такимъ образомъ стали мы уже именоваться людьми Божиими и человѣками о Христвѣ. Но какъ мы, пріявъ Духа, не теряемъ собственной своей сущности; такъ и Господь, ставъ ради насъ человѣкомъ и повесши на Себя тѣло, тѣмъ не менѣе пребылъ Богомъ; потому что

не умалилъ Себя облеченіемъ въ тѣло, а напротивъ того, и оное обожилъ и содѣлалъ безсмертнымъ.

И сего достаточно, — чтобы предать позору арианскую ересь; потому что нечестивые, какъ даровалъ Господь, облечены собственными ихъ словамъ. Но теперь и мы поступимъ впередъ и потребуемъ у нихъ отвѣта. Ибо благовременно — выслушать имъ вопросы отъ насъ, когда пришли въ затрудненіе въ своихъ умствованіяхъ. Можетъ быть, хотя симъ пристыжденныя, обратятъ взоръ туда, откуда низпалъ сіи злонамѣренные.

О Сынѣ Божіемъ, какъ сказалъ прежде, знаемъ изъ Божественныхъ Писаній, что Онъ есть Слово и Премудрость Отчая, ибо Апостолъ говоритъ: *Христосъ Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. 1, 24.), а Іоаннъ, сказавъ: *и Слово плоть бысть, вскорѣ присовокупилъ: и видѣхомъ славу Его, славу яко единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины* (1, 14.), то есть: послѣку Слово есть единородный Сынъ; то симъ Словомъ и Премудростію сотворены небо и земля, и все, что на нихъ. А что источникъ сея премудрости есть Богъ, — сіе узнаемъ изъ книги Варуха, гдѣ обвиняется Израиль, — что оставилъ источника премудрости (3, 12.). Посему, если отрицаются отъ написаннаго; то, ставъ съ сего времени чуждыми самаго имени, въ собственномъ смыслѣ могутъ получить отъ всѣхъ наименованіе безбожныхъ и христорборцевъ; потому что и самъ себя такъ наименовали. Если исповѣдуютъ вмѣстѣ съ нами, что глаголы Писанія — богодухновенны; то пусть осмѣлятся сказать явно, что думаютъ въ тайнѣ, а именно, что Богъ былъ некогда безъ Слова и безъ Премудрости;

пусть подтвердятъ въ своемъ безуміи: «было, когда Сынъ не былъ; Христосъ не былъ, пока не родился»; пусть еще объявятъ, что Источникъ не изъ себя породилъ Премудрость, но приобрѣлъ ея отъ нѣ, чтобы смѣло имъ сказать: «изъ не-сущаго произошелъ Сынъ»; ибо сіе показываетъ уже въ Немъ не источникъ, но какой-то ровъ, какбы отъ нѣ пріившій въ воду и восхитившій себѣ наименованіе источника. Ибо что исполнено это нечестіа,—не усумнится, душою, всякій вмѣющій хотя малое чувство.

Поелику же они въ-тайнѣ разглашаютъ, что Слово и Премудрость суть наименованія только Сына; то необходимо спросить ихъ: если это—наименованія только Сына; то самъ Онъ инаковъ будетъ съ ними? И если Онъ—совершеннѣе именований; то неблаго-честно—совершеннѣйшее означать менѣе совершеннымъ. Если же Онъ—ниже имени; то, конечно, есть причина наименованію отъ совершеннѣйшаго; сіе же означаетъ опять Его преспѣваніе; а такая мысль—не менѣе прежней нечестива. Ибо о Томъ,—Кто—во Отцѣ и въ Комъ—Отецъ, Кто говоритъ о Себѣ: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30.), и *Кого видѣвый видѣ Отца* (—14, 9.),—сказать, что Онъ усовершенствуется отъ чего-либо вышшняго, будетъ выше всякаго безумія.

Но у лишенныхъ сей опоры, и подобно Евсевіевымъ сообщникамъ, приведенныхъ въ великое затрудненіе, остается наконецъ то, что Арій, какбы въ новомъ недоумѣніи, баснословитъ въ своихъ пѣсняхъ въ своей Талии (ж): «многія словеса изрекаетъ

(ж) О пѣсняхъ, сочиненныхъ Аріемъ, упоминаетъ Филосторгіи въ кн. 2. гл. 2. О сочиненіи же Аріевожъ, подъ названіемъ *Талиа* пишетъ Сократъ въ церковной Исторіи кн. 1. гл. 4.

Богъ; которое же изъ нихъ называсмъ мы Сыномъ и едиnorodнымъ Словомъ Отца? О несмысленные, и скорѣе всё, только не христіане! Во-первыхъ, говоря подобнымъ образомъ о Богѣ, едва не человѣкомъ представляютъ себѣ Бога, Который такъ говоритъ и замѣняетъ прежнія слова новыми, какъ-будто единого Слова отъ Бога не достаточно къ совершению всего творенія по волѣ Отца и къ промышлению о всемъ, Изреченіе Имъ многихъ словесъ показывало бы немощность всѣхъ Его словесъ; потому что каждое даетъ еще мѣсто потребности другаго; употребленіе же Богомъ единого Слова (какъ и дѣйствительно Оно — одно) показываетъ и Божіе могущество, и совершенство Слова, Которое — отъ Бога, и благочестивое разумѣніе такъ мудрствующихъ. О, если бы и они, хотя въ-слѣдствіе того, что сами говорятъ теперь, пожелали исповѣдать истину! Если однажды соглашаются, что Богъ произноситъ слова; то, конечно, признаютъ Его Отцемъ. А зная сіе, пусть вникнуть, что, не соглашаясь признать единого Божія Слова, представляютъ Бога Отцемъ многихъ. Не хотятъ они отрицать, что несомнѣнно есть Божіе Слово, но не исповѣдуютъ того, что Слово есть Божій Сынъ; а это есть невѣдѣніе истины и неопытность въ Божественныхъ Писаніяхъ. Если Богъ несомнѣнно есть Отецъ Слова; то почему рожденный — не Сынъ? И опять, кто же былъ бы Сыномъ Божиимъ, кромѣ Слова Его? Словъ не много, чтобы не быть недостаточнымъ каждому, но одно — Слово, чтобы Ему одному быть совершеннымъ. Одно — Слово, потому что единъ — Богъ, и одинъ долженъ быть Его образъ, который есть Сынъ.

Сыпъ Божій, какъ изъ самого Писанія можно видѣть, есть Божіе Слово, и Премудрость, и образъ, и рука, и Сила; потому что одно—Божіе рожденіе; все же сіе суть признаки рожденія отъ Отца. Произносишь ли слово: *Сынъ*? симъ выражаешь, что Онъ—отъ Отца по естеству. Составляешь ли въ себѣ понятіе: *Слово*? опять представляешь бытіе отъ Отца и нераздѣльность со Отцемъ. И нарицая Премудростію, тѣмъ не менѣе имѣешь опять въ мысли не происхождение отъ Отца, но бытіе отъ Отца и во Отцѣ. Именуешь ли Силою и рукою? опять означаешь симъ собственную принадлежность сущности. И говоря: *образъ*, возвъщаешь Сына; ибо чтѣ было бы подобно Богу, кромѣ рожденнаго отъ Бога? Безъ сомнѣнія, чтѣ сотворено чрезъ Слово, тѣ основано Премудростію, и чтѣ основано въ премудрости, все тѣ совершенно рукою, и получило бытіе чрезъ Сына. И въ семъ увѣряемся не внѣшними свидѣтельствами, но изъ Писаній. Самъ Богъ говоритъ чрезъ Пророка Исаію: *рука Моя основа землю, и десница Моя утверди небо* (Иса. 48, 13.); и еще: *и подъ стѣною руки Моєї покрью тя, сиюже поставихъ небо и основахъ землю* (Иса. 51, 16.). Давидъ же, познавъ сіе и въдавая, что рука сія есть Премудрость, воспѣлъ: *вся премудростію сотворилъ еси: исполнися земля твари Твоея* (Псал. 103, 24.), какъ и Соломонъ, пріявъ вѣдѣніе отъ Бога, сказалъ: *Богъ премудростію основа землю* (Притч. 3, 19.). А Іоаннъ, зная, что рука и Премудрость есть Слово, благоувѣствовалъ: *Въ началъ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. Сей бѣ искони къ Богу. Вся Тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть* (1, 1—3.). И Апостоль,

усматривая, что рука, Премудрость, Слово есть самъ Сынъ, говорить: *многочастнъ и многообразнъ древле Богъ глаголавый отцемъ во пророцѣхъ, въ послѣдокъ днй сихъ глагола намъ въ Сынъ, Егоже положи наслѣдника всѣмъ, Имже и вѣки отвори* (Евр. 1, 1. 2.); и еще: *единъ Господь Иисусъ Христосъ, Имже вся, и мы Тъмъ* (1 Кор 8, 6.). И опять, зная, что Слово, Премудрость, Сынъ есть образъ Отца, говорить въ посланіи къ Колоссяамъ: *благодаряще Бога и Отца призвавшаго насъ въ причастіе наслѣдія святыхъ во свѣтъ, Иже избави насъ отъ власти темныя, и престави въ царство Сына любве Своея, о Немже имамы избавленіе, оставленіе грѣховъ: Иже есть образъ Бога невидимаго, перворожденъ всея твари: яко Тъмъ создана быша всяческая, яже на небеси, и яже на земли, видимая и невидимая, аще престолы, аще господствія, аще начала, аще власти: всяческая Тъмъ и о Немъ создашася: и Той есть прежде всѣхъ, и всяческая въ Немъ состоятся* (1, 12—17.). Все создано какъ Словомъ, такъ и въ Словѣ; потому что Оно есть образъ. Кто такую мысль имѣетъ о Господѣ, тотъ не преткнется о камень претыканія (Рим. 9, 32.), но пойдетъ скорѣе къ озаренію предъ свѣтомъ истины; ибо таково дѣйствительно—мудрствованіе истины, хотя бы надрывались отъ упорства сіи ни Бога не чествующіе, ни стыдящіеся, когда обличаютъ ихъ доводами.

Евсевіевы сообщники, такъ допрошешные многими, осудивъ тогда сами себя, какъ сказалъ я выше, подписались, и раскаявшпсь, умолкли и удалились. Но, поелику вынѣшніе еретики, величаясь злочестіемъ и въ омраченіи кружась около истины, одно только имѣ-

ють намѣреніе—обвинять Соборъ; то пусть скажутъ вамъ, изъ какихъ писаній научившись, или отъ кого изъ святыхъ услышавъ, собрали они себѣ изреченія,— изъ несущаго, и: не былъ, пока не рожденъ; было, когда Онъ не былъ; измѣняемость, преждебытіе, волю,— какія употребляютъ они, издѣваясь надъ Господомъ?

Блаженный Павелъ въ посланіи къ Евреямъ говоритъ: *вѣрою, разумѣваемъ совершится вѣкомъ глаголомъ Божіимъ, во еже отъ неявляемыхъ видимымъ быти* (Евр. 11, 3.); но у Слова нѣтъ ничего общаго съ вѣками; потому что Оно предваряетъ бытіемъ Своимъ вѣки, и Имъ вѣки получили бытіе. И въ книгѣ: *Пастыръ* (потому что и на сію книгу, хотя нѣтъ ея въ канонѣ, ссылаются они) написано: *«прежде всего вѣруй, что единъ есть Богъ, Который все сотворилъ и совершилъ, и изъ не-сущаго привелъ все въ бытіе.»* Но сіе опять ни-мало не относится къ Сыну; ибо книга говоритъ о всемъ томъ, что Имъ приведено въ бытіе, и съ чѣмъ Онъ инаковъ; потому что Зидителя не возможно причислять къ Его произведеніямъ; развѣ какой несмысленный станетъ утверждать, что и зодчій есть одно и то-же съ произведенными имъ зданіями. Итакъ, почему же, сами къ утвержденію нечестія изобрѣтая реченія, какихъ нѣтъ въ Писаніи, обвиняютъ тѣхъ, которые реченіями, не изъ Писанія взятыми, утверждаютъ благочестіе? Нечестовать за-прещено во всякомъ случаѣ, хотя бы покушался кто обличить это испещренными словами и правдоподобными умствованіями; а благочествовать у всѣхъ признается дѣломъ святымъ, хотя бы употреблялъ кто странныя реченія, если только предлагающій ихъ

имѣть благочестивую мысль, и хочетъ сими реченіями благочестиво выразить, что—у него въ мысли. Такъ и тогда и нынѣ доказано словомъ, что упомянутыя выше низкія реченія христорборцевъ исполнены всякаго нечестія.

А въ томъ, что написано и определено противъ нихъ на Соборѣ, если кто изслѣдуетъ тщательно, безъ сомнѣнія, найдетъ заключающуюся истину, особливо же вопросивъ съ любознательностію, услышитъ онъ и основательный предлогъ къ употребленію таковыхъ реченій. Ибо предлогъ сей есть слѣдующій. Поелпну Собору было угодно—вывести изъ употребленія внесенныя аріанскимъ злочестіемъ реченія, написать же признаваемыя всѣми выраженія изъ Писаній, а именно, что Сынъ—не изъ не-сущаго, но—отъ Бога, что Онъ есть Слово и Премудрость, не тварь, не произведение, но собственное рожденіе отъ Отца; Евсевіе-вы же сообщники, увлекаемые долговременнымъ своимъ зловѣріемъ, хотѣли настоять, что реченіе: *отъ Бога* есть общее и намъ и Божію Словоу, и Слово въ этомъ не различествуетъ отъ насъ, по написанному: *единъ Богъ, изъ Негоже вся* (1 Кор. 8, 6.), и еще: *древняя жимондоша, се быша вся нова, вселенская же отъ Бога* (2 Кор. 5, 17. 18.): то Отцы, усмотрѣвъ ихъ коварство и злокозненность нечестія, вынуждены были, наконецъ, яснѣе выразить реченіе: *отъ Бога* и написать, что Сынъ—*отъ Божіей сущности*, чтобы не почелъ кто реченія: *отъ Бога* общимъ и равно принадлежащимъ и Сыну и тварямъ, но всякій вѣровалъ, что все прочее есть тварь, одно же Слово—отъ Отца. Ибо, хотя сказано, что все—отъ Бога,

однако же, говорится сіе въ инаковомъ смыслѣ, нежели въ какомъ—отъ Бога Сынъ. Что касается до тварей,— поелику существуютъ онѣ не безъ причины и при- ходятъ въ бытіе не самопроизвольно и не случайно, какъ объясняютъ ихъ происхождение изъ сцѣпленія атомовъ и однородностей, или, какъ нѣкоторые изъ еретиковъ, именуютъ иного зиждителя, или, какъ другіе опять говорятъ, что создано все какими-то ангелами; напротивъ же того, какъ есть Богъ, такъ Имъ чрезъ Слово и все изъ не-существовавшего пре- же приведено въ бытіе: то, посему, говорится, что тварь — отъ Бога. А поелику Слово — не тварь; то говорится о Немъ, что Оно одно—отъ Отца; и призна- комъ такового разумѣнія—то, что Сынъ—отъ сущности Отчей; пбо сіе не свойственно ничему сотворенному. Да и Павелъ, сказавъ, что все—отъ Бога, тотчасъ присовокупилъ: *и единъ Господь Иисусъ Христосъ, Имже вся* (1 Кор. 8, 6.), чтобы показать всякому, что Сынъ—отличенъ отъ всего сотвореннаго Богомъ; потому что сотворенное отъ Бога сотворено чрезъ Сына, и Павелъ сказалъ сіе по той причинѣ, что твореніе совершено Богомъ, а не потому, что и все такъ-же—отъ Отца, какъ—и Сынъ. Ибо все созданное не то же, что—Сынъ, и Слово не есть одна изъ тварей, но Господь и Создатель всего. Посему-то, и святыи Соборъ выразилъ яснѣе, что Слово—отъ сущности Отчей, во увѣреніе, что Слово—инаково съ природою сотворенныхъ вещей, одно есть истинно отъ Бога, и чтобы нечестивымъ не оставалось болѣе предлога къ обольщенію. Итакъ, вотъ причина, по чему написано: *отъ сущности.*

Епископы говорили еще, что должно написать:

Слово есть истинная сила и образъ Отца, что Оно— подобно Отцу во всемъ, не отлично отъ Него, непреложно, всегда нераздѣльно и въ Немъ пребываетъ; ибо Слово никогда не было лишено бытія, во всегда имѣло оное, вѣчно пребывая у Отца, какъ сіяніе свѣта. Евсевіевы же приверженцы, хотя терпѣли это, не смѣя противорѣчить отъ стыда, потому что были уже обличены; однако же, стало замѣтно, что они другъ другу шептали и подавали знаки глазами, будто бы слова,—подобно, всегда, и имя: сила, также: въ Немъ—суть опять общія и намъ и Сыну. И имя никакой нѣтъ трудности согласиться съ нами. Таково слово: подобно; потому что употреблено въ Писаніи о насъ: человекъ есть образъ и слава Божія (1 Кор. 11, 7.). Таково же и слово: всегда; потому что написано: присно бо мы живимъ (2 Кор. 4, 11.);—и слово: въ Немъ: о Немъ бо живемъ, и движемся, и есмы (Дѣян. 17, 28.);—и слово: непреложно; потому что написано: ничто не разлучитъ насъ отъ любви Христовой (Рим. 8, 35.). Что же касается до слова: сила; то и гусеница и мушкетъ называются силою, и силою великою (Іоил. 2, 25.), неоднократно же и о людяхъ писано, какъ наприкладъ: изыде вся сила Господня изъ земли Египетскія (Исх. 12, 41.); а есть и пныя, небесныя, силы; ибо сказано: Господь силъ съ нами, заступникъ нашъ Богъ Іаковль (Псал. 45, 8.). Подобное сему писалъ, научившись у нихъ, Астерій, называемый софистомъ, а прежде его, какъ сказано, научившійся сему Арій. Посему, Епископы и въ этомъ усмотрѣвъ ихъ лицемѣріе и то, что по написанному лезть есть въ сердцахъ нечестивыхъ кующихъ злая (Притч. 12,

20.), и сами были вынуждены вновь извлечь смысл из Писаній, и что сказали прежде, тоже опять раскрыть и написать яснѣе, а именно, что Сынъ — единосущенъ Отцу, въ означеніе того, что Сынъ не только подобенъ Отцу, но есть отъ Отца тождественный съ Нимъ по подобію, и въ показаніе, что подобіе и непреложность Сына — инаковы съ тѣмъ, что у насъ называется уподобленіемъ, каковаго достигаемъ мы въ слѣдствіе добродѣтели чрезъ соблюденіе заповѣдей. Подобныя между собою тѣла могутъ быть разлучены и находиться вдали одно отъ другаго; таковы, напримѣръ, сыны человѣческіе и родившіе ихъ, какъ написано объ Адамъ и рожденномъ имъ Снѣѣ, что Снѣѣ былъ подобенъ Адаму по виду его (Быт. 5, 3.). Поелику же рожденіе Сына отъ Отца — инаково съ естествомъ человѣческимъ, и Сынъ не только подобенъ, но и не-отдѣлимъ отъ сущности Отчей, Сынъ и Отецъ едино суть, какъ сказалъ самъ Сынъ (Іоан. 10, 30.), Слово — всегда во Отцѣ и Отецъ — въ Словѣ, какъ неразлучны сіяніе и свѣтъ (ибо сіе и выражается симъ реченіемъ): то, посему, Соборъ, представляя себѣ это, прекрасно написалъ: единосущенъ, чтобы изложить злонравіе еретиковъ и показать, что Слово — инаково съ вещами сотворенными, и, написавъ это, тотчасъ присовокупилъ: а кто говоритъ, что Сынъ Божій — изъ не-сущаго, или — есть тварь, или — произведеніе, или — изъвѣдѣнъ, или — отъ иной сущности, тѣхъ предастъ анаѣмъ святая и вселенская Церковь. Сказавъ же сіе, Отцы ясно выразили, что реченія: *отъ сущности и: единосущный* служатъ къ искорененію введенныхъ нечестіемъ словъ, каковы суть: *тварь* и *про-*

изведеніе, созидаемый, измѣняемый; не былъ, пока не рожденъ; ибо, кто такъ мудрствуетъ, тотъ прекословитъ Собору; а кто не мудрствуетъ по Аріеву, тотъ необходимо мудрствуетъ и разумѣтъ, какъ—Соборъ, ясно усматривая, какое—отношеніе сїянія къ свѣту, и отсюда заимствуя образъ истины.

Итакъ, если и они представляютъ въ предлогъ новостъ реченій, то пусть вникнуть въ ту мысль, съ какою написалъ такъ Соборъ, предавая анаѳемъ то, что дѣйствительно анаѳематствовалъ Соборъ; и потомъ уже, если могутъ, порицаютъ выраженія. Но вѣрно знаю, что, вникнувъ въ мысль Собора, несомнѣнно примутъ и реченія, выражающія мысль. А если захотятъ осуждать и мысль; то всякому покажутъ, что напрасно говорятъ о реченіяхъ, и только вымышляютъ для себя побужденія къ нечестію. **Итакъ, вотъ причина къ введенію подобныхъ реченій.** Если же ропщутъ еще на то, что реченія сїя взяты не изъ Писанія; то послѣ сего сами пусть будутъ изринуты, какъ пустословящіе и не здравые; умомъ, и себя самихъ осуждаютъ въ томъ, что первые подали къ сему предлогъ, когда начали богоборствовать, употребляя слова, взятая не изъ Писанія.

Но впрочемъ, если кто лобознателенъ, то пусть узнаетъ, что, хотя реченій сихъ и нѣтъ въ Писаніяхъ, однако же, какъ сказано прежде, заключающаяся въ нихъ мысль взята изъ Писанія, и когда пропознаются они, выражаютъ сїю мысль для тѣхъ, у кого слухъ всецѣло устремленъ къ благочестію. Сіе можно какъ тебѣ примѣтить, такъ и имъ понять при всемъ ихъ невѣжествѣ. Было предъ симъ доказано,

и дѣйствительно должно сему вѣровать, что Слово—отъ Отца, и есть единственное, собственное по естеству Его рожденіе. Ибо отъ кого иного представить кто себѣ Сына, Который есть Премудрость и Слово, *Имже вся быша*, какъ—не отъ самого Бога? Впрочемъ сему научены мы и изъ Писаній. Отецъ говорить чрезъ Давида: *отрыгну сердце Мое Слово благо* (Псал. 44, 2.); и: *изъ чрева прежде денницы родишь Тя* (Псал. 109, 3.); и Сынъ объясняетъ о Себѣ іудеямъ: *аще Богъ Отецъ вашъ бы былъ, любил бысте убо Мене, Азъ бо отъ Отца изыдохъ* (Іоан. 8, 42.); и еще: *не яко Отца видѣлъ есть кто: токмо Сый отъ Бога, Сей видѣ Отца* (Іоан. 6, 46.). И сказать,—*Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30.); и: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ* (—38.),—тоже значить, что сказать: Я—отъ Отца, и неотдѣлимъ отъ Него. И Іоаннъ, говоря: *единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, Той исповѣда* (Іоан. 1, 18.), изрекъ сіе, научившись у Спасителя. Ибо, что иное означается словомъ: *въ лонѣ*, какъ не преспекреннее рожденіе Сына отъ Отца? Посему, если кто думаетъ, что Богъ—слóженъ, такъ что въ сущности Своей имѣетъ что-то случайное, или внѣшнюю какую-то оболочку, и ею закрывается, или что окрестъ Его есть нѣчто восполняющее Его сущность, почему, произнося слово: Богъ, или именуя Его Отцемъ, означаемъ не самую невидимую и непостижимую Его сущность, но что-то окрестъ ея: то пусть порицають Соборъ, который написалъ, что Сынъ—отъ сущности Божіей; но пусть также поймутъ, что, разумѣя такъ, произносятъ хулы; потому что вводятъ какого-то тѣлеснаго Бога, и лживо проповѣдуютъ, что Господь

есть Сынъ не самого Отца, но того, что окрестъ Его. Если же Богъ есть нечто простое (какъ это и дѣйствительно); то явно, что, произнося Слово: Богъ, и именуя Его Отцемъ, не что-либо окрестъ Его именуемъ, но означаемъ самую Его сущность. Ибо, хотя и невозможно постигнуть, что такое сущность Божія; однако же, при одномъ представленіи, что Богъ есть, такъ какъ и Писаніе означаетъ Его сими-же наименованіями, и мы, желая означить не кого-либо иного, но Его самого; именуемъ Его Богомъ и Отцемъ, и Господомъ. Посему, когда говорить: *Азъ есмь сый* (Исх. 3, 14.), и: *Азъ есмь Господь Богъ* (Исх. 20. 2.), и какъ-скоро Писаніе гдѣ-либо говорить: *Богъ*, — разумѣемъ мы не иное что, но означаемую тѣмъ самую непостижимую Его сущность, и то, что есть тотъ, о комъ говорится. Посему, пусть никто не смущается, слыша, что Сынъ Божій—отъ сущности Божіей, но пусть лучше согласится съ Отцами, которые, очистивъ смыслъ яснѣе, какбы равнозначительно выраженію: *отъ Бога*, написали: *отъ сущности*; ибо тождественнымъ почли, сказать ли: Слово—отъ Бога, или сказать: Слово—отъ сущности Божіей; потому что и Слово: *Богъ*, какъ сказалъ я прежде, означаетъ не иное что, но сущность Божія существа. Итакъ, если Слово отъ Бога не какъ истинный по естеству Сынъ отъ Отца, но какъ твари въ-слѣдствіе созданія, и о Немъ, какъ и о всемъ, говорится, что Оно—отъ Бога; то Слово—не отъ сущности Отчей, и самый Сынъ есть Сынъ не по сущности, но за добродѣтель, подобно намъ, по благодати именуемымъ сынами. Если же Слово—единственно отъ Бога, какъ истинный Сынъ (что и

дѣйствительно такъ); то справедливо будетъ сказать, что Сынъ—отъ сущности Божіей.

И образъ свѣта и сіянія подаеть такую-же мысль. Святые не сказали, что Слово относится къ Отцу подобно огню, возжигаемому теплотою солнечною, который обыкновенно и погасаетъ опять; ибо сіе было бы дѣломъ внѣшнимъ и произведеніемъ Творящаго. Напротивъ того, всѣ благовѣствовали, что Слово есть сіяніе, чтобы объяснить бытіе собственно отъ сущности, и неотдѣльность и единство со Отцемъ. И такимъ образомъ сохранится и то, что Сынъ истинно непреложенъ и неизмѣненъ; ибо иначе будетъ ли таковымъ, если Онъ—несобственное рожденіе Отчей сущности; такъ какъ и въ семь необходимо сохранитъ Ему тождество со Отцемъ Своимъ?

Поелику же ученіе сіе оказалось столько благочестивымъ; то христорборцамъ не слѣдуетъ смущаться словомъ: *единосущный*; потому что и сіе реченіе имѣетъ здравый смыслъ и твердое доказательство. Ибо, если говоримъ, что Слово—отъ сущности Божіей (пусть реченіе сіе призвано уже будетъ и ими); что означается имъ, какъ не истина и вѣчность сущности, отъ которой и рождено Слово? Оно—не ипородно; иначе къ сущности Отца примѣшается чуждое и неподобное. Оно—не по внѣшности только подобно; иначе въ иномъ, или и въ цѣломъ, окажется иносущнымъ, какъ блестящая мѣдь и золото, серебро и олово. Сін вещи—одна другой чужды и разнородны, и раздѣлены между собою и естествомъ и силою; мѣдь не состоитъ въ свойствѣ съ золотомъ; вяхпръ родится не отъ голубя. Хотя почитаются они подобными; однако же, иносущны между собою. Посему,

если и Сынъ—въ такомъ-же отношеніи; то будетъ, какъ и мы, тварію, а не единосущнымъ. А ежели Сынъ есть Слово, Премудрость, и образъ Отца, сіяніе; то, по справедливости, будетъ единосущенъ. Если же не доказано, что Сынъ—не отъ Бога и есть только инокродное и иносущное орудіе; то Соборъ написалъ прекрасно и выразишь правильно.

Да будетъ также изъято отсюда всякое тѣлесное помышленіе; ставъ выше всѣхъ чувственныхъ представлений, чистымъ разумніемъ и единымъ умомъ будемъ представлять себѣ искреннее общеніе Сына съ Отцемъ, свойствѣ Слова съ Богомъ, неразличимое подобіе сіянія съ свѣтомъ. Какъ рожденіе, какъ Сынъ, и называется такимъ, и дѣйствительно таковъ, не по-человѣчески, но какъ прилично Богу. Такимъ-же образомъ, слыша реченіе: *единосущный*, не будемъ, низнадая до человѣческихъ чувственныхъ представлений, помышлять о дробленіяхъ и дѣленіяхъ Божества, но какъ составившіе себѣ понятіе о безплотномъ, не станемъ дѣлить единства естества и тождества свѣта. Ибо въ семъ свойствѣ Сына со Отцемъ, и симъ доказывается, что Богъ истинно есть Отецъ Слова.

Для сего опять необходимъ—этотъ образъ свѣта и сіянія. Кто осмѣлится сказать, что сіяніе—чуждо и неподобно солнцу? Или лучше; кто, всматриваясь въ такое отношеніе сіянія къ солнцу и въ тождество свѣта, не скажетъ смѣло, что свѣтъ и сіяніе подлинно суть одно, и свѣтъ оказывается въ сіяніи, и сіяніе имѣетъ бытіе въ солнцѣ, такъ что, кто видѣтъ одно, тотъ усматриваетъ и другое? Таковое же единство

и естественное свойство какъ назовутъ върующіе и правильно видящіе, не единосущнымъ ли рожденіемъ? Божіе рожденіе, ему свойственнымъ и приличнымъ образомъ, можетъ ли кто представлять чѣмъ инымъ, а не Словомъ, не Премудростію, не Сплою, которую назвать чуждою Отцу—незаконно, и даже въ мысляхъ вообразить не-вѣчно пребывающею у Отца—не позволительно. Ибо симъ Рожденіемъ Отецъ все сотворилъ, и чрезъ Него о всемъ милосердствуетъ, на все простирая Свое промышленіе. А такимъ образомъ Сынъ и Отецъ, какъ сказано, *едино суть*.

Развъ злѣмысленные еще осмѣлятся и скажутъ, что инакова—сущность Слова, и инаковъ—свѣтъ, сущій въ Немъ отъ Отца, чтобы свѣтъ, сущій въ Сынъ, былъ едино со Отцемъ, а самъ Сынъ, какъ тварь, по сущности чуждъ былъ Отцу. По это въ полномъ смыслѣ есть мудрованіе Каіафы и Самосатскаго; Церковь отвергла оное, они же прикрываютъ теперь; почему, и самъ, отпавъ отъ истины, объявлены еретиками. Ибо, если Сынъ—совершенно причастенъ свѣта, который отъ Отца; то почему же лучше—самому Ему не быть тѣмъ, чего долженъ быть причастенъ, чтобы между Нимъ и Отцемъ не находилось ничего средняго? Въ противномъ же случаѣ не будетъ доказано, что все получило бытіе чрезъ Сына, а не чрезъ то, чего самъ Сынъ причастенъ. Если же Сынъ есть Слово, Отчая Премудрость, въ Немъ Отецъ открывается, познается и зиждетъ, безъ Него же Отецъ не творитъ ничего; то явно, что Онъ есть сущее отъ Отца; потому что причастно Его—все сотворенное, причастное Святаго Духа. А въ такомъ случаѣ будетъ Онъ не пзъ не сущаго, и вовсе не тварь, по,

что всего вернее, собственное рождение отъ Отца, какъ сіяніе отъ свѣта.

Итакъ, собравшіеся въ Никей Отцы, имѣя сію мысль, написали и такія реченія. А что, не сами отъ себя изобрѣтя, выдумали ихъ (ибо и сіе ставятъ имъ въ вину), напротивъ же того, изрекши ихъ, заимствовавъ изъ древнихъ временъ, у своихъ предшественниковъ,—докажемъ и это, чтобы у противниковъ не оставалось и сего предлога.

Итакъ, знайте, христорборные аріане, что Θεογность, мужъ ученый, не отказался употребить выраженіе: отъ сущности. Ибо во второй книгѣ Ипотипосовъ, пиша о Сынѣ, сказалъ такъ: «сущность Сына не есть какаѣ-либо отвѣтъ обрѣтенная, и не введена изъ не-сущаго, но рождена отъ Отчей сущности, какъ сіяніе свѣта, какъ паръ воды. Ибо сіяніе и паръ—не самое солнце и не самая вода; но и не чужды имъ. Но отъ изліянія Отчей сущности сущность Отчая не потерпѣла дѣленія. Какъ солнце, пребывая тѣмъ-же, не умалется отъ изливаемыхъ имъ лучей; такъ сущность Отца не потерпѣла измѣненія, имѣя образомъ своимъ Сына». Такъ выразился Θεογность, въ-видѣ состязанія подвергнувъ сіе прежде изслѣдованію, а въ-послѣдствіи предложивъ свое мнѣніе.

Діонисій же, бывшій Епископъ Александрій, пиша противъ Савеллія, пространно объясняя Спасителево домостроительство во плоти, и онымъ обличая Савелліанъ, что не Отецъ сталъ плотію, но воплотилось Слово Его, какъ сказалъ Іоаннъ, поелику подозревалъ его, будто бы называетъ Сына произведеніемъ и сотвореннымъ, а не единосущнымъ Отцу, къ одноименному съ нимъ Діонисію, Епископу Римскому,

пишетъ въ оправданіе свое, что это — клевета на него. Ибо утверждаетъ, что не называлъ онъ Сына сотвореннымъ, исповѣдуетъ же Его единосущнымъ. Собственныя слова его — таковы: «писалъ я и въ другомъ письмѣ, когда обличалъ, что ложно — возводимое на меня обвиненіе, будто бы утверждаю, что Христосъ не-единосущенъ Богу. Хотя и говорю, что сего слова нигдѣ не нашель я въ Священныхъ Писаніяхъ; однако же, послѣдующіе мои доводы, о которыхъ умолчали они, не разногласяютъ съ сею мыслію. Ибо представлялъ я въ примѣръ и человеческое рожденіе, которое, какъ извѣстно, бываетъ однородно, безъ сомнѣнія замѣтивъ, что родители инаковы только съ дѣтьми; потому что дѣти — не они сами, или необходимо было бы не быть ни родителямъ, ни дѣтямъ. Письма сего, какъ сказалъ уже, по обстоятельствамъ доставить не могу. Но если бы могъ, то прислалъ бы самыя употребленныя тогда реченія, лучше сказать, списокъ со всего письма, что и сдѣлаю, какъ-скоро буду имѣть возможность. Знаю же и помню, что представлены мною многія подобія вещей сродныхъ. Ибо говорилъ я, что и растеніе, взшедшее отъ сѣмени, или отъ корня, инаково съ тѣмъ, отъ чего оно произрасло; но, безъ сомнѣнія, съ нимъ однородно; говорилъ, что и рѣка, текущая изъ источника, получаетъ другое имя; потому что ни источникъ не называется рѣкою, ни рѣка — источникомъ, между-тѣмъ существуютъ и рѣка и источникъ, и рѣка есть вода, текущая изъ источника».

А что Божіе Слово — не произведеніе и не тварь, напротивъ же того, собственное, неотлучное рожденіе Отчей сущности, какъ написалъ великій Соборъ; то

вотъ и Римскій Епископъ Діонисій, пиша противъ держащихся Савеліева образа мыслей, жалуется на осмѣливающихся говорить это и выражается такъ : « По порядку же справедливо будетъ—сказать и противъ разоряющихъ достоуважаемую проповѣдь Церкви Божіей, раздѣляющихъ и разсѣкающихъ Единначаліе на какія-то три силы, на три божества и отдѣльныя ипостаси. Ибо дошло до моего свѣдѣнія, что нѣкоторые изъ оглашающихъ и поучающихъ у васъ Божию слову распространяютъ сіе мудрованіе, и въ этомъ совершенно, такъ сказать, противоположны мнѣнію Савелія. Тотъ богохульствуетъ, утверждая, что самъ Сынъ есть Отецъ и наоборотъ; они же проповѣдуютъ нѣкоторымъ образомъ трехъ боговъ, Святую Единицу раздѣляя на три ипостаси, одна другой чуждыя и во всемъ отдѣльныя. А Божественному Слову необходимо—быть въ единеніи съ Богомъ всяческихъ, и Святому Духу должно пребывать и вселяться въ Бога, и совершенно уже необходимо, чтобы Божественная Троица оглаждалась и сосредоточивалась въ единой, какбы нѣкоей главѣ, разумью Бога всяческихъ, Вседержителя. Ибо ученіе суетаго Маркіона, съченіе и дѣленіе Единначалія на три начала есть дьявольское ученіе, а не ученіе истинныхъ Христовыхъ учениковъ, удовлетворяющихся Христовыми ученіями; маркіониты не знаютъ ясно Троицы, проповѣдуемой Божественнымъ Писаніемъ. Ни ветхій, ни новыи Заветъ не проповѣдуетъ трехъ боговъ. Но не менѣе будетъ вѣнъ порицать и тѣхъ, которые думаютъ, что Сынъ есть произведеніе, и полагаютъ, что Господь получилъ бытіе, какъ нечто пзъ дѣйствительно сотвореннаго; между-тѣмъ какъ Божественное Слово

свидѣтельствуеть о сообразномъ и приличномъ Ему рожденіи, а не о какомъ-нибудь образованіи и твореніи. Посему, не маловажная, но весьма великая хула—утверждать, что Господь—нѣкоторымъ образомъ руко-
творенъ. Ибо, если Сынъ сотворенъ; то было, когда
Онъ не былъ. Но Онъ всегда былъ, если Онъ—во
Отцѣ, какъ Самъ говоритъ, и если Христось есть
Слово, и Премудрость, и Сила. А что Христось
есть все сіе,—это, какъ знаете, утверждаютъ Боже-
ственные Писанія; Слово же, Премудрость и Сила
суть собственные Божіи силы. Почему, если Сынъ
сотворенъ; то было, когда не было оныхъ силъ;
было время, когда Богъ былъ безъ нихъ. Но это
всего нелѣпѣ. И къ-чему долѣе разсуждать о семъ
съ вами, мужами духоносными и ясно знающими,
какія возникаютъ несообразности, если сказать: Сынъ
есть произведеніе? Мнѣ кажется, на сіи несообразности
не обратили мысли водящіяся симъ мнѣніемъ, и
потому, значительно погрѣшили противъ истины,
иначе, нежели какъ требуетъ въ этомъ мѣстѣ Бо-
жественное и Пророческое Писаніе, понявъ сіи слова:
Господь созда Мя начало путей Своихъ (Притч.
8, 22.). Не одно, какъ знаете, значеніе слова: созда.
Созда здѣсь должно принять вмѣсто: поставилъ надъ
дѣлами, Имъ сотворенными и сотворенными чрезъ
самого Сына. Но не въ значеніи: сотворилъ употреб-
лено теперъ слово: созда; потому что есть разность
въ словахъ: сотворить и создать. Не самъ ли сей
Отецъ твой стяжа тя, и сотвори тя, и созда
тя,—говорить Моисей въ великой пѣсни во Второ-
законіи (32, 6.)? И имъ скажетъ иный: какіе без-
разсудные люди! Ужели тварь — Первороденный

всѣя твари (Кол. 1, 15.), Рожденный изъ чрева прежде денницы (Псал. 109, 3.), какъ Премудрость, Изрекшій: прежде всѣхъ холмовъ рождаетъ Мя (Прптч. 8, 25.)? И во многихъ мѣстахъ Божественныхъ Словесъ найдеть всякій, что Сынъ называется рожденіемъ, а не сотвореннымъ, и сими мѣстами лсно изоблпчаютя составляющіе ложныя понятія о Господнемъ рожденіи и осмѣливающіеся Божественное и неизреченное рожденіе Его называть твореніемъ. Итакъ, не должно чудную и Божественную Единицу раздѣлять на три божества, и словомъ: сотвореніе устранять достоинство и всепревосходящее величіе Господа; напротивъ того, надлежитъ вѣровать въ Бога, Отца, Вседержителя, и во Христа — Иисуса, Сына Его, и въ Духа Святаго, вѣровать, что Слово—въ единеніи съ Богомъ вслчскихъ; пбо говорить: Азъ и Отець едино есма (Іоан. 10, 30.) и: Азъ во Отець и Отець во Мя (Іоан. 14, 11.). Такимъ образомъ соблюдутя и Божественная Троица, и святая проповѣдь о Единначаліи».

О томъ же, что Слово—вѣчно соприсуще Отцу и есть собственность не иной, но Отчей сущности, или ипостаси, какъ изрекли сіе бывшіе на Соборъ, можно еще вамъ слышать и у трудолюбиваго Оригена. Чтò писалъ онъ въ-видѣ спора и состязанія, тò пусть принимаютъ не за его собственно образъ мыслей; но за мудрованіе тѣхъ, которые успливались съ нимъ спорить. А чтò излагаетъ въ-видѣ опредѣленія, тò есть собственный образъ мыслей сего трудолюбиваго мужа; по крайней мѣрѣ, послѣ сказаннаго въ-видѣ состязанія съ еретиками, онъ тотчасъ присовокупляетъ свою мысль, говоря такъ: «Ежели есть образъ Бога

невидимаго; то и образъ — невидимый. А я осмѣлился бы присовокупить и о подобіи Отца, что не возможно когда-либо не быть ему. Ибо, когда Богъ, у Иоанна называемый свѣтомъ: *яко Богъ свѣтъ есть* (1 Иоан. 1, 5.), не имѣлъ сіянія собственной славы Своей, чтобы кому-либо осмѣлиться приписывать начало бытію Сына, прежде не бывшаго? Когда же не было образа и начертанія неизреченной, неизмѣнной, неизглаголанной, упростаси Отчей? Когда не было Слова, Которое познаётъ Отца? Пусть вразумится тотъ, кто осмѣлится сказать: было нѣкогда, что Сынъ не былъ; чрезъ сіе онъ говоритъ также: не было нѣкогда Премудрости, не было Слова, не было Жизни». И еще въ другомъ мѣстѣ такъ говоритъ Оригенъ: «Но не позволительно и не безопасно, чтобы по немощи нашей, сколько отъ насъ зависитъ, лишаемъ былъ Богъ всегда присущаго Ему едиnorodнаго Слова, той Премудрости, о *Нейже радовашеся* (Притч. 8, 30.). Ибо въ такомъ смыслѣ представляеть будетъ не всегда радующимся».

Вотъ доказываемъ, что разумѣніе сіе перешло отъ Отцевъ къ Отцамъ. А вы, новые іудей и ученики Каіафы, на какихъ можете указать Отцевъ, употреблявшихъ ваши реченія? Не наменуете ни-одного изъ мужей благоразумныхъ и мудрыхъ. Всѣ отъ васъ отвращаются, кромѣ одного діавола; ибо онъ одинъ сталъ для васъ отцемъ такого отступничества; онъ и вначалѣ всѣмъ въ васъ сіе нечестіе, и нынѣ ввухнулъ вамъ мысль злословить вселенскій Соборъ за то, что Отцы написали не по-вашему, но *яже предаша, иже исперва самовидцы и слуги бывшии словесе* (Лук. 1, 2.). Вѣра, какую Соборъ исповѣ-

далъ письменно, есть въра вселенской Церкви. Ее защищая, блаженные Отцы написали такъ и осудили арианскую ересь. По этому особенно и стараются клеветать на Соборъ; не реченія оскорбляютъ ихъ, но то, что оными обнаружены въ нихъ еретики, и притомъ превосходящія дерзостию другія ереси.

Поелику несомнѣнно было доказано тогда, что ихъ реченія негодны и всегда могутъ быть обличены, какъ нечестивыя; то воспользовались заимствованнымъ у язычниковъ реченіемъ: *несозданный*, чтобы подъ предлогомъ сего именованія Божіе Слово, Которымъ все созданное получило бытіе, сопричислить къ созданіямъ и тварямъ. Такъ они безстыдны въ нечестіи, такъ упорны въ хулахъ на Господа! Если по невѣдѣнію сего именованія столько они безстыдны; то надлежало имъ узнать сіе у сообщившихъ имъ оное, а именно, что тѣ, и умъ, который производятъ отъ Благаго, и душу, которую производятъ отъ ума, хотя знаютъ, отъ кого—они, не убоились впрочемъ назвать несозданными, сознавая, что, и сіе утверждая, не умаляютъ они Перваго, отъ Котораго и сіе. И имъ надлежало, или такъ говорить, или вовсе не говорить о томъ, чего не знаютъ. А если почитаютъ себя знающими; то необходимо ихъ спросить о семъ, тѣмъ паче, что реченіе взято не изъ Божественныхъ Писаній, и спорятъ они, говоря опять не на основаніи Писанія. Объяснялъ я, по какой причинѣ и въ какомъ смыслѣ Соборъ и многіе Отцы Собора, согласно съ сказаннымъ о Спасителѣ въ Писаніи, писали и излагали реченія: *отъ сущности и: единосущный*. Пусть и они, если могутъ, дадутъ отвѣтъ: какъ отыскали сіе не изъ Писанія взятое реченіе, или въ какомъ смыслѣ

называютъ Бога несозданнымъ? Ибо слышалъ я, что именованіе сіе имѣеть разныя значенія. Говорять: *несозданнымъ* называется, что еще не сотворено, не можетъ быть сотворено; и еще, что не имѣло бытія, и не можетъ прійти въ бытіе; и въ-третьихъ, означается симъ словомъ, что, хотя имѣеть бытіе, однако же не сотворено, не имѣеть начала бытію, но вѣчно пребываетъ и неизмѣнно. Итакъ, можетъ быть, пожелаютъ они миновать первые два смысла по причинѣ происходящей изъ нихъ нелѣпости (ибо, по первому смыслу, что уже создано, или о чемъ ожидается, что будетъ создано, будетъ также несозданнымъ, а второй смыслъ приводитъ еще къ бѣльшей нелѣпости), перейдутъ же къ третьему смыслу, въ ономъ именуя несозданное. Но, и сіе утверждая, тѣмъ не менѣе нечествуютъ. Ибо, если несозданнымъ называютъ то, что не имѣеть начала бытію, и не создано, или не сотворено, но пребываетъ вѣчно, о Словѣ же Божіемъ утверждаютъ противное сему; кто не усмотритъ лукавства сихъ богоборцевъ? Кто не будетъ камнями метать въ нихъ, предающихся такому безумію? Поелику стыдятся произносить прежнія свои басенныя реченія, за которыя осуждены; то придумали жалкіе сіи люди выразить то же опять иначе посредствомъ сего, какъ говорятъ они, именованія: *несозданный*. Если Сынъ—въ числѣ созданныхъ; то очевидно, что и Онъ созданъ изъ не-сущаго. И если имѣеть начало бытія; то не былъ, пока не рожденъ. И если не вѣченъ—Онъ; то было, когда Онъ не былъ. Итакъ, имъ, держащимся опять сего образа мыслей, надлежало самими собственными ихъ реченіями выражать свое неправомысліе, и не прикрывать злоумія

своего реченіемъ: *несозданный*. Но не такъ поступаютъ сіи злонамѣренные люди, все же дѣлають коварно, подражая отцу своему діаволу. Какъ онъ старается обманывать чужими одедами; такъ и еретики придумали именованіе несозданнаго, чтобы подъ видомъ прославленія Божія сокрыть имъ хулу на Господа, и подъ симъ покровомъ выразить ее другимъ.

Но поелику и это ухищреніе ихъ узнано; то пусть скажутъ, что иное остается еще имъ? Нашли мы, отвѣтствуютъ коварные, и въ присовокупленіе къ прежнему говорятъ: несозданное есть тѣ, что не имѣетъ виновника бытію, но вещамъ сотвореннымъ служить виновникомъ, чтобы прійдти имъ въ бытіе. Неблагодарные и подлинно не вѣдущіе Писаній! И дѣлають и говорятъ они все не къ чести Божіей, но къ безчестию Сына; а не знаютъ того, что кто не чтитъ Сына, тотъ не чтитъ Отца. Во-первыхъ, хотя наименовають такъ Бога,—симъ не доказывается, что Слово—въ числѣ вещей сотворенныхъ; потому что Оно, какъ есть рожденіе Отчей сущности, такъ и вѣчно пребываетъ у Отца. Именованіемъ симъ не нарушается естество Слова, и реченіе: *несозданный* имѣетъ опять значеніе не въ отношеніи къ Сыну, но въ отношеніи къ тому, что получило бытіе чрезъ Сына. Кто прозноситъ имя зодчаго и называетъ здателя дома, или города, тотъ не заключаетъ подъ симъ именемъ рожденнаго имъ сына; но, по причинѣ искусства и знанія въ дѣлахъ, означая, что онъ—не таковъ, каковы—его произведенія, называетъ его здателемъ; зная же природу творящаго, знаетъ и тѣ, что инаковъ съ произведеніями—рожденный имъ, и въ отношеніи къ сыну называетъ его отцемъ, а въ отношеніи къ дѣламъ

создателемъ и творцемъ. Подобно сему, кто такимъ образомъ называетъ Бога несозданнымъ, тотъ именуется по самымъ дѣламъ, означая, что не только Онъ не созданъ, но что Онъ — Творецъ вещей созданныхъ; знаетъ же, что и Слово — инаково съ вещами сотворенными, и есть единственное собственное рожденіе Отца, Которымъ все получило бытіе и все состоится. И Пророки, называя Бога Вседержителемъ, не потому именовали Его такъ, что Слово есть одна изъ сотворенныхъ вещей, — ибо знали, что Сынъ — инаковъ съ вещами сотворенными, и Самъ содержитъ всѣ твари по подобію съ Отцемъ, — именовали же потому, что всѣ твари, какія сотворилъ чрезъ Сына, Отецъ самъ содержитъ, и власть надъ ними даровалъ Сыну, даровавъ же, Самъ опять господствуетъ надъ всѣмъ чрезъ Сына. И еще, называя Бога Господомъ силъ, Пророки сказали сіе не потому, что Слово есть одна изъ сихъ силъ, но потому, что Сыну Онъ Отецъ, а силъ, сотворенныхъ чрезъ Сына, Господь; потому что и само Слово, сущее во Отцѣ, есть Господь всего этого и все содержитъ. Ибо *вся, елика имать Отецъ, принадлежитъ и Сыну* (Іоан. 16, 15.). Посему, какъ это имѣетъ такой смыслъ, такъ, кто хочетъ называть Бога несозданнымъ, пусть называетъ, если уже угодно ему это, однако же не потому, что Слово — въ числѣ вещей сотворенныхъ, но потому, какъ сказано прежде, что Богъ не только не созданъ, но есть Творецъ всего созданнаго собственнымъ Словомъ Его. Ибо, и при семъ наименованіи Отца, опять Слово есть Отчій образъ, и единосущно Отцу. А будучи образомъ Отца, Оно будетъ инаково и съ вещами сотворенными и со всѣмъ прочимъ; потому

что чей Оно образъ, того свойство и подобіе имѣть въ Себѣ; а потому именующій Отца несозданнымъ и Вседержителемъ, въ несозданномъ и Вседержителѣ разумѣть и Его Слово и Премудрость, то есть Сына.

Но сіи чудные и склонные къ нечестію люди, не о чести Божіей заботясь, но по враждѣ къ Спасителю, изобрѣли именованіе: *несозданный*. А если бы у нихъ было понятіе о чести и о прославленіи; то скорѣе бы надлежало, и было бы лучше,—и признавать и называть имъ Бога Отцемъ, нежели давать Ему такое именованіе. Ибо, называя Бога *несозданнымъ* отъ сотворенныхъ вещей, какъ сказано прежде, именуютъ Его только Творцемъ, чтобы, въ угожденіе себѣ, и Слово объявить тварію. А кто именуетъ Бога Отцемъ, тотъ вмѣстѣ означаетъ въ Немъ и Сына; и ему не будетъ не извѣстно, что, поелюку есть Сынъ, то чрезъ Сына создано и все сотворенное. Посему, лучше и согласнѣе будетъ съ истиною—отъ Сына означать и именовать Бога Отцемъ, нежели отъ однихъ дѣлъ именовать и называть Его *несозданнымъ*. Ибо сіе именованіе указываетъ на дѣла, по волю Божіей сотворенныя Словомъ, а имя Отца даетъ разумѣть собственное рожденіе отъ Его сущности. Сколько Слово превосходитъ вещей сотворенныхъ, столько, и еще въ бѣльшей мѣрѣ, именованіе Бога Отцемъ превосходитъ именованія *несозданнымъ*. И какъ послѣднее именованіе взято не изъ Писанія, подозрительно, имѣетъ разныя значенія; такъ первое—просто, находится въ Писаніи, согласнѣе съ истиною, и указываетъ единственно на Сына. Именованіе: *несозданный* находится у язычниковъ, не знающихъ

Сына, а имя: *Отецъ* познано нами сть Господа нашего и Имъ даровано; пбо Самъ въдал, чей Онъ Сынъ, сказалъ: *Азъ во Отца и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. 14, 10.), п: *видѣвый Мене, видѣ Отца* (9.), и: *Азъ и Отецъ едино есма* (10, 30.). И нигдѣ не называетъ Отца несозданнымъ, но и уча насъ молиться, не сказалъ: *егда молитесь, глаголите: Несозданный Боже!* но: *егда молитесь, глаголите: Отче нашъ, Иже на небестхъ* (Лук. 11, 2.). Къ сему благоволилъ Онъ наклонить п то, чдъ главнаго въ нашей вѣрѣ: ибо повелѣлъ намъ креститься не во имя Несозданнаго и созданнаго, и не во имя Несотвореннаго и твари, но во имя *Отца, и Сына, и Святаго Духа* (Матѣ. 28, 19.). Такъ освящаемые, истинно мы всеиновляемся, и произноси имя Отца, изъ сего имени познаемъ и Слово во Отцѣ. Но, если угодно Ему, чтобы собственнаго Его Отца называли мы нашимъ Отцемъ; то ве должно, посему, сравнивать намъ себя съ Сыномъ по естеству; потому что по Его милости именуется нами такъ Богъ. Поелику Слово понесло на Себѣ наше тѣло и было среди насъ: то въ-слѣдствіе сего, по милости явившагося среди насъ Слова, Богъ именуется нашимъ Отцемъ. Ибо пребывающій въ насъ Духъ Слова чрезъ насъ именуеть Отца Его какбы нашимъ; такова—мысль Апостола, который говоритъ: *посла Богъ Духа Сына Своего въ сердца наша, вопіюща: Авва Отче* (Гал. 4, 6.).

Но, можетъ быть, обличенные за именованіе: *несозданный*, будучи лукавы нравомъ, захотятъ и они сказать: о Господѣ и Спасителѣ нашемъ Иисусъ Христѣ должно говорить изъ Писанія, чдъ написано о Немъ, а не вводить реченій, не находящихся въ

Писаніи. Да, такъ должно, сказалъ бы п л; потому что признаки истины, взятые изъ Писанія, гораздо точнѣе, нежели взятые изъ другихъ источниковъ. Но злонравіе и при коварствѣ измѣняющееся во всякіе виды нечестіе Евсевіевыхъ сообщниковъ, какъ сказано прежде, понудило Епископовъ яснѣе изложитъ реченія, низлагающія ихъ нечестіе. И какъ доказано, что написанное Соборомъ заключаетъ въ себѣ правую мысль, такъ явнымъ сдѣлалось, что у аріанъ реченія—гнилы и нравъ—лукавъ. Ибо и именованіе: *несозданный* имѣетъ собственный смыслъ, и можетъ быть произносимо благочестиво; но они, по собственному своему умышленію, какъ сами захотѣли, употребляютъ и оное къ безчестію Спасителя, чтобы только съ упорствомъ богоборствовать имъ, подобно исполнять. Но не остались они не осужденными, произнося оныя реченія, и не могли утѣяться, что съ худою мыслию употребляютъ слово: *несозданный*, которое можно произносить хорошо и благочестиво; потому что совсѣмъ посрамлены, и ересь ихъ повсюду предава позору.

Хотя описалъ я тебѣ, припомнивъ, сколько могъ, что было сдѣлано на Соборѣ; однако же, знаю, что упорнѣйшіе изъ христорборцевъ, и сіе выслушавъ, не пожелаютъ перемѣниться, но оставятъ сіе безъ вниманія, ища опять новыхъ предлоговъ, а послѣ нихъ станутъ выдумывать еще новые. По пророческому слову: *аще премъгнитъ египлянинъ кожу свою, и рысь пестроты своя*, едва ли и они, научившись нечестію, пожелаютъ мудрствовать благочестиво (Іерем. 13, 23.). А ты, возлюбленный, получивъ сіе, прочти про себя; если же признаешь полезнымъ, прочти и

братіямъ, кто будетъ тогда при тебѣ, чтобы и они, узнавъ это, одобрили ревность Собора по истинѣ и точность разумѣнія, осудили же разумніе христорборныхъ аріанъ и суетные ихъ предлоги, какіе научились они изобрѣтать въ защиту своей ереси.

Богу и Отцу подобаетъ слава, честь и поклоненіе съ собезначальнымъ Его Сыномъ и Словомъ, вмѣстѣ со Святымъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и въ нескончаемые вѣки вѣковъ! Аминь.

8.

348. О Діонисіѣ, Епископѣ Александрійскомъ, а именно, что онъ, какъ и Никейскій Соборъ, думаетъ противно аріанской ереси, и напрасно клеветаютъ на него аріане, будто бы онъ—единомысленъ съ ними.

Поздно извѣстилъ ты о недавней бесѣдѣ, бывшей у васъ съ христорборцами; ибо прежде, нежели написало о семъ твое благорасположеніе, по любопытству зналъ уже я это, и съ удовольствіемъ слушалъ такой разсказъ; почему, благоговѣніе твое одобрилъ за то, что хорошо думаешь о блаженныхъ Отцахъ нашихъ, неразуміе же аріанъ призналъ и въ этомъ поступкѣ. Поелику ересь ихъ не имѣетъ ничего основательнаго, и ни-одного изреченія изъ Божественнаго Писанія не представляетъ въ свое доказательство; то всегда изобрѣтали они безстыдные предлоги и имѣющія видъ правдоподобія лжеумствованія, теперъ же осмѣлились и клеветать на Отцевъ. И это—ни-мало не чуждо, а напротивъ того, очень свойственно ихъ

зломію. Если рѣшились они поучаться на *Господа* и на *Христа Его* (Псал. 2, 2.); что удивительнаго, если злословятъ блаженной памяти Епископа Александрійскаго Діонисія, будто бы онъ—единомыслень и единомудрецъ съ ними? Ибо, если они, для утверженія ереси своей, по видимому, и хвалятъ его, даже называютъ блаженнымъ; то симъ, не просто какъ-либо, но тяжело клеветуютъ на него, подобно какимъ-нибудь разбойникамъ и людямъ безчестнаго нрава, которые, когда укоряютъ ихъ за собственные ихъ поступки, причисляютъ къ себѣ мужей цѣломудренныхъ, говоря ложь объ ихъ цѣломудрїи.

Посему, если твердо увѣрены въ томъ, что думаютъ и говорятъ, пусть представляютъ ересь въ ея наготѣ, и укажутъ, ежели, по ихъ мнѣнію, или что-либо въ Писанїи пмѣющеся, или хотя человѣческая какая благочестивая мысль, служить къ ея оправданію. А если не имѣютъ ничего подобнаго; то пусть умолкнутъ. Нигдѣ не найдутъ они ничего, кромѣ обличенія себѣ. Не найдутъ въ Писанїяхъ; потому что Іоаннъ говоритъ: *въ началѣ бѣ Слово* (1, 1.)—то Слово, о Которомъ утверждаютъ они, будто Его не было, пока не рождено. Давидъ отъ Отчаго лица воспѣваетъ: *отрыгну сердце Мое Слово благо* (Псал. 44, 2.)—то Слово, Которое, по ихъ словамъ, существуетъ только по примышленію и получило бытіе изъ ничего. Потомъ Іоаннъ опять благовѣствуетъ: *вся Тьма быша, и безъ Него ничтоже бысть* (1, 3.). И Павелъ пишетъ: *единъ Господь Іисусъ Христосъ, Имже вся* (1 Кор. 8, 6.); и въ другомъ мѣстѣ: *яко о Немъ создана быша всяческая* (Кол. 1, 16.). Гдѣ же возьмутъ они смѣлости, или, лучше сказать, какой

должны потерпѣть стыдъ, противясь изреченіямъ святыхъ и утверждая, что Создатель всего есть произведеніе, и Тотъ, Кѣмъ все получило бытіе и существуетъ, есть тварь? Не остается имъ въ оправданіе даже и человѣческой какой-либо благочестивой мысли. Ибо какой человѣкъ, еллинъ ли или варваръ, рѣшится сказать, что исповѣдуемый имъ Богъ есть тварь? Или—что не было Его, пока не получилъ бытія? Или какой человѣкъ,—слыша, какъ Тотъ, Кто по его вѣрованію, единый есть Богъ, говорить: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный* (Матѣ. 3, 17.), и: *отрыгну сердце Мое Слово благо* (Псалъ, 44, 2.),—осмѣлится сказать, что Слово, отрыгнутое Божіимъ сердцемъ, произошло изъ не-сущаго, или—Сынъ есть тварь, а не собственное рожденіе Именующаго Его Сыномъ? И еще: кто,—слыша, какъ Тотъ, Кто, по его вѣрованію, есть Господь и Спаситель, говорить: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. 14, 10.), и: *Азъ и Отецъ едино есма* (—10, 30.),—рѣшится раздѣлять, что Онъ соединилъ и соблюлъ нераздѣльнымъ?

И сами они усматривая это, и не смѣя положиться на свои умствованія, лгутъ на благочестивыхъ. Но, поелику они во всемъ скудны, и сами за собою видятъ, что предлагаемыми отвсюду вопросами приводятся въ совершенное недоумѣніе и изумленіе; то вадлежало бы имъ лучше—раскаяться, уклонившись съ пути заблужденія, а не причислять къ себѣ тѣхъ, кого не знаютъ, чтобы, когда и сіи обличать, не повести бѣльшаго стыда. Впрочемъ, можетъ быть, и никогда не захотятъ они отстать отъ такого коварства. Ибо и въ этомъ поревновали они бывшимъ съ Каіафою, какъ у нихъ-же научились и тому, чтобы

отречься отъ Христа. И тѣ,—когда Господь совершилъ столько дѣлъ, которыми давалъ уразумѣть, что Онъ есть Христосъ, Сынъ Бога живаго,—обличаемые имъ, о всемъ разсуждали и все говорили вопреки Писаніямъ, и, будучи не въ-силахъ хотя на нѣсколько времени смѣло выдержать обличенія, прибѣгли къ Патріарху, говоря: *Отца и мамы Авраама* (Матѣ. 3, 9.), и думали, что могутъ прикрыть снѣ свое неразуміе. Но, какъ тѣ, говоря это, не приобрѣли себѣ ни-какой пользы, такъ и сіи, именуя Діонисія, одинаково съ тѣми, не возмогутъ избѣжать подобнаго же обвиненія. И тѣхъ обличилъ Господь за ихъ беззаконія, говоря: *сего Авраамъ нѣсть сотворилъ* (Іоан. 8, 40.), и сихъ нечестивыхъ и лживыхъ изобличила также сама истина; потому что Епископъ Діонисій ни-когда не держался Аріевыхъ мыслей, и не была не извѣстна ему истина. Но и тогдашніе іудеи, и нынѣшніе новые отъ отца своего діавола наслѣдовали христорборное безуміе.

А что говорятъ они сіе несправедливо и клеветуютъ на Діонисія,—важнымъ сему доказательствомъ служить, что не былъ онъ и сверженъ съ епископства, осужденный другими епископами за нечестіе, какъ они извергнуты изъ клира, и самъ не оставлялъ Церкви, какъ—защитникъ ереси, но почелъ въ ней добръ, и доннѣ память его пребываетъ и пишется съ Отцами. Но если бы держался онъ одинаковыхъ съ ними мыслей, или не оправдался въ томъ, что написалъ; то нѣтъ сомнѣнія, что, конечно, и онъ подвергся бы одному съ ними жребію. И сего было бы достаточно къ совершенному осужденію новыхъ іудеевъ, которые и отъ Господа отрекаются, и на Отцевъ клеветуютъ,

и предприемлють обольстить всѣхъ христіанъ. Но поелику думаютъ они, что имѣють у себя предлогъ къ клеветѣ на Епископа, именно — въкоторыя мѣста въ его посланіи; то рассмотримъ и оныя, чтобы и изъ этого видно было ихъ суесловіе, и чтобы они, хотя поздно, прекратили хулы свои на Господа, и хотя съ вопнами исповѣдали Его, видя, какъ тварь свидѣтельствуеть, — что *воистину Божій Сынъ есть Сей* (Матѳ. 27, 54.), а не единый изъ тварей.

Итакъ, говорятъ они, что блаженной памяти Діонисій въ посланіи сказалъ: «Сынъ Божій есть произведеніе и сотворенъ, и Онъ — не въ свойствѣ со Отцемъ по естеству, но чуждъ Ему по сущности; Отецъ — къ Нему то-же, что дѣлатель — къ виноградной лозѣ и судостроитель — къ ладію; и, какъ произведеніе, Сынъ не былъ, пока не получилъ бытія».

Такъ писалъ Діонисій, и признаемъ, что есть такое его посланіе; но какъ написалъ онъ это посланіе, такъ написалъ и весьма многія другія посланія; и имъ надлежало прочесть и оныя, чтобы Діонисіева въра видна была изъ всѣхъ посланій, а не изъ одного только; потому что, когда и судостроитель построилъ многія суда, — объ искусствѣ его судять не по одному судну, но по всѣмъ. Итакъ, если указываемое ими посланіе писалъ онъ просто, какъ излагающій въ немъ въру, или написалъ это одно посланіе; то пусть обвиняють его, какъ угодно. Такія мысли — дѣйствительно достойны осужденія. А если во времени и лицъ былъ предлогъ, завлекшій его написать такимъ образомъ, притомъ же написалъ онъ и другія посланія, оправдываясь въ томъ, въ чемъ подозрѣвали

его; то имъ должно было также, не опуская изъ вида сихъ причинъ, и не опрометчиво возбуждать ненависть противъ Діонисія; иначе подумаютъ о нихъ, что ловятъ только слова, и оставляютъ безъ вниманія истину, содержащуюся въ другихъ посланіяхъ. И земледѣлецъ о каждомъ изъ своихъ деревъ прилагаетъ иное попеченіе, смотря по настоящему качеству земли, и никто не станетъ порицать его за то, что одно дерево обрѣзываетъ, другое прививаетъ, одно сажаетъ, а другое вырываетъ съ корнемъ; напротивъ же того, всякій, узнавъ хорошо причину, подивится разнообразію его свѣдѣній. Итакъ, если не поверхностно читали они сочиненія Діонисіевы; то пусть скажутъ содержаніе посланія: ибо такимъ образомъ сдѣлаются явными ихъ клевета и лукавство ихъ произволенія. Поелику же они или не знаютъ, или стыдятся сказать; то необходимо сдѣлать это намъ.

Въ Пентаполѣ верхней Ливіи нѣкоторые епископы держались тогда Савелліева образа мыслей, и сіи вымыслы такую возымѣли силу, что немного не доставало, чтобы въ церквахъ и не проповѣдывали уже о Сынѣ Божіемъ. Узнавъ это, Діонисій (такъ какъ онъ имѣлъ попеченіе о тѣхъ церквахъ) посылаетъ и совѣтуетъ виновнымъ прекратить свое зловѣріе. Но какъ они не прекращали, а еще съ большимъ безстыдствомъ стали нечестивать; то вынужденъ онъ былъ къ безстыдству ихъ написать такое посланіе, и изъ Евангелій представить имъ, что есть человѣческаго въ Спасителѣ, чтобы, — поелику дерзновенно отрицали они Сына, и что въ Немъ человѣческаго, то приписывали Отцу, — такимъ образомъ доказавъ,

что не Отецъ, но Сынъ содѣлался за насъ человѣкомъ, убѣдить невѣждъ, что Отецъ—не Сынъ, и постепенно уже возводитъ ихъ къ истинному Божеству Сына и къ вѣдѣнію Отца. Таково содержаніе сего посланія; а по сей причинѣ и написалъ онъ такъ ради хотѣвшихъ съ такимъ безстыдствомъ превратить истинную вѣру.

Поэтому, въ чемъ подобны между собою Аріева ересь и Діонисіева мысль? Или, почему Діонисій именуется какъ Арій, когда большія между ними разность? Одинъ—учитель вселенской Церкви, а другой сталъ изобрѣтателемъ новой ереси. И Арій, излагая собственное свое зловѣріе, написалъ Талію изнѣженнымъ и смѣшнымъ размѣромъ, по примѣру египетскаго Сотада, а Діонисій написалъ и другія посланія, оправдался,—въ чемъ подозрѣвали его, и оказался првомудрствующимъ. Поэтому, если пишетъ онъ противное себѣ самому, то пусть не присвоятъ его къ себѣ; потому что въ этомъ отношеніи не заслуживаетъ онъ вѣроятія. Если же, написавъ посланіе къ Аммонію, подвергся онъ подозрѣнію, но оправдался, исправивъ прежнее, и, оправдавшись, не перемѣнился въ мысляхъ; то явно, что и то, чѣмъ возбуждено подозрѣніе, написано имъ по особенному смотрѣнію. А что пишется или дѣлается по особенному смотрѣнію, того не должно принимать въ худую сторону и каждому толковать по собственному хотѣнію. И врачъ не рѣдко, что кажется для иныхъ непригоднымъ, прикладываетъ то къ извѣстнаго рода язвѣ, какъ самъ это знаетъ, не иное что имѣя въ намѣреніи, но одно здравіе. И благоразумный учитель употребляетъ сей способъ—примѣняться къ своей-

ствамъ обучаемыхъ и говорить такъ, пока введеть ихъ на путь совершенства.

Если же сего блаженной памяти мужа винять за то, что написалъ только такъ (ибо что ариане выставляютъ въ похвалу его, то обращается ему въ вину); что будутъ дѣлать, слыша въ Дѣяніяхъ великихъ и блаженныхъ Апостоловъ? Петръ говоритъ: *мужіе Израилстїи, послушайте словесъ сихъ: Иисуса Назореа, мужа извѣствованна отъ Бога въ вась силами и чудесы и знаменїи, яже сотвори Тьмъ Богъ посредъ вась, якоже вѣсте, Сего нарекованымъ совѣтомъ и проразумѣніемъ Божиимъ предана, рукою беззаконныхъ пригвождше, убисте (Дѣян. 2, 22. 23.); и еще: во имя Иисуса Христа Назореа, Егоже вы распяте, Егоже Богъ воскреси отъ мертвыхъ, о Семъ сей стоитъ предъ вами здравъ (—4, 10.).* И Павелъ объясняетъ въ Антиохїи Писидійской, что Богъ преставль Саула, воздвиже Давида въ царя, емуже и рече, свидѣтельствовавъ: *обрѣтохъ Давида сына Иссеова, мужа по сердцу Моему, иже сотворитъ хотѣнія Моя. Отъ сего стѣмене по обѣтованїю воздвиже Израилю Спасителя Иисуса (—13, 22. 23.);* и еще въ Аѳинахъ говоритъ: *Льта убо невѣдѣнія презирая Богъ, нынѣ повелѣваетъ челоукомъ вѣмъ всюду покаятися: Зане оставилъ есть день, въ оныже хоцетъ судити вселеннїй въ правдѣ, о Мужь, Егоже предустави, вѣру подая вѣмъ, воскресивъ Его отъ мертвыхъ (—17, 30 и 31.).* Или, великій мученикъ Стефанъ говоритъ: *се вижу небеса отверста, и Сына челоука одесную столица Бога (—7, 56.).* Итакъ, кстатн уже имъ и теперь возымѣть дерзость (ибо на что

они не отважатся?) и сказать, что и сами Апостолы мудрствовали по-ариански; потому что Христа называютъ человѣкомъ изъ Назарета и удобостраждающимъ. Инослику воображаютъ они подобныя вещи; то ужели Апостолы, когда употребили сіи реченія, почитали Христа не болѣе, какъ простымъ только человѣкомъ? Да не будетъ сего! Не позволительно даже допустить до себя такую мысль. Напротивъ того, и въ этомъ поступили они какъ мудрые архитектоны и строители тайнъ Божіихъ (1 Кор. 4, 1.), и основательную имѣютъ на то причину. Поелику тогдашніе іудеи, сами находясь въ заблужденіи и въ заблужденіе вводя язычниковъ, думали, что Христосъ—простой только человѣкъ и приходитъ отъ сѣмени Давидова, по подобію другихъ чадъ, произшедшихъ отъ Давида, и не вѣровали, что Онъ—Богъ, и что Слово плоть бысть (Іоан. 1, 14); то по сему самому блаженные Апостолы весьма благоразумно объясняли сперва іудеямъ, что въ Спаситель есть человѣческое, чтобы, видными и бывшими знаменіями совершенно убѣдивъ ихъ въ пришествіи Христовомъ, возвести ихъ потомъ и къ вѣрѣ въ Божество Его, доказавъ, что совершенныя Имъ дѣла свойственны не человѣку, но Богу. Именно Петръ, называя Христа мужемъ удобостраждающимъ, вскорѣ присовокупилъ, что Онъ есть Начальникъ жизни (Дѣян. 3, 15.), въ Евангеліи же исповѣдуетъ: Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго (Матѣ. 16, 16.), и въ Посланіи говоритъ, что Онъ есть Послѣдатель душъ (1 Петр. 2, 25.), и Господь его самого, и Ангеловъ, и силъ (--3, 22.). Также и Павелъ, который говоритъ, что Христосъ есть мужъ отъ сѣмени Давидова, самъ-же въ посланіи къ

Евреямъ написалъ: *Иже сый сіяніе славы и образъ Упостаси Его* (1, 3.), и въ посланіи къ Филиппійцамъ: *Иже во образъ Божіи сый, не восхищеніемъ нещцева быти равенъ Богу* (—2, 6.). А сказать, что Онъ—Начальникъ жизни, Сынъ Божій, сіяніе и образъ, равенъ Богу, Господь и Посѣтитель душъ, что иное значить,—не то ли самое, что въ тѣмъ было Божіе Слово, Которымъ все получило бытіе, и что Онъ неотдѣлимъ отъ Отца, какъ сіяніе отъ свѣта?

Посему, и Діонисій поступилъ такъ, научившись у Апостоловъ. Поелику вкралась Савелліева ересь; то принужденъ былъ онъ, по сказанному выше, написать такое посланіе, и въ возраженіе имъ представить сказанное о Спасителѣ по-человѣчески и уничиженно, чтобы,—указаніемъ на человѣческое отнявъ у нихъ возможность утверждать, будто бы Сынъ есть самъ Отецъ,—содѣлать для нихъ болѣе удобопріемлемымъ ученіе о Божествѣ Сына, когда въ другихъ посланіяхъ будетъ по Писаніямъ называть Его Словомъ, Премудростию, силою, *парою* (Прем. 7, 25.) и сіяніемъ Отца. По крайней мѣрѣ, говоря такъ въ посланіяхъ, писанныхъ имъ въ свое оправданіе, дерзновенно выражается онъ о вѣрѣ во Христа и о благочестіи. Посему, какъ Апостолы не подлежатъ обвиненію за указывающія на человѣчество реченія о Господѣ, потому что Господь сталъ человѣкомъ, но тѣмъ болѣе достойны удивленія за особое смотрѣніе и за ученіе, соображенное со временемъ: такъ Діонисій—не аріанинъ за свое посланіе къ Евфанору и Аммоніо противъ Савеллія. Ибо, если употребилъ слова и примѣры низкіе; то и сіе заимствовано имъ изъ Евангелій, и предлогомъ къ употребленію оныхъ имѣетъ онъ яв-

леніе Спасителя во плоти, по которому и сіе и подобное сему о Немъ написано. Какъ Онъ есть Слово Божіе, такъ въ-послѣдствіи Слово плоть бысть (Іоан. 1, 14.), и въ началѣ бѣ Слово (—1, 1.), при скончаніи же вѣковъ имѣла Его во чревѣ Дѣва (Матѣ. 1, 18.), и Господь сталъ человѣкомъ. И хотя одинъ Онъ означаемый тѣмъ и другимъ; потому что Слово плоть бысть; однако же, реченія, употребленныя о Божествѣ Его и о вочеловѣченіи, имѣютъ собственное свое истолкованіе, сообразное съ тѣмъ, что именно означается. И кто пишетъ о томъ, что человѣческаго пріяло Слово, тотъ знаетъ и о Божествѣ Его. И кто въщааетъ о Божествѣ, тому не неизвѣстно, что—свойственно явленію Его во плоти. Но, различая то и другое, какъ свѣдущій и благоискусный торжникъ, шествуетъ онъ прямымъ путемъ благочестія. И когда представляетъ Его плачущимъ,—знаетъ, что Господь, содѣлавшись человѣкомъ, какъ показываетъ, что плакать есть дѣло человѣческое, такъ воскрешаетъ Лазаря какъ Богъ; знаетъ, что Онъ какъ алчетъ и жаждетъ тѣлесно, такъ божески пятью хлѣбами насыщаетъ пять тысящъ; знаетъ, что тѣло человѣческое лежитъ во гробѣ, но, какъ тѣло Божіе, воскрешается самимъ Словомъ. Сему научая и Діонисій, въ посланіи къ Евфанору и Аммонію ради Савеллія написалъ, что сказано о Спасителѣ по-человѣчески. Ибо по-человѣчески сказано о Немъ: *Азъ есмь лоза, Отецъ же дѣлатель* (Іоан. 15, 1.), и: *вѣрна суща сотворшему Его* (Евр. 3, 2.), и: *созда* (Притч. 8, 22.), и: *толико лучший бывъ Ангеловъ* (Евр. 1, 4.). Но не неизвѣстно Діонисію и сіе: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. 14, 10.), и: *видѣвый Мене,*

видъ Отца (—9.). Ибо знаемъ, что написалъ онъ это въ другихъ посланіяхъ, да и тамъ, пиша сіе, помнилъ о чловѣчествѣ Господа. Какъ во образъ *Божіи сый не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу, но Себе умалилъ, зракъ раба приимъ* (Филип. 2, 6. 7.), и *богатъ сый, насъ ради обнища* (2 Кор. 8, 9.): такъ при столь высокихъ и богатыхъ реченіяхъ о Божествѣ Его есть также смиренныя и бѣдныя выраженія о явленіи Его во плоти.

А что по чловѣчеству сказано сіе о Спасителѣ, — въ правѣ мы заключать изъ слѣдующаго. Дѣлатель, по сущности, чуждъ виноградной лозѣ, а розги еднотелны и сродны съ лозою и не отдѣльны отъ нея; онъ, какъ и лоза, имѣютъ одно и то-же происхождение; но, какъ Господь сказалъ, Онъ есть лоза, мы же *рождіе* (Іоан. 15, 5.). Посему, если Сынъ еднотеленъ съ нами и одно имѣетъ съ нами происхождение; то въ семъ отношеніи и Сынъ по сущности будетъ чуждъ Отцу, какъ и виноградная лоза — дѣлателю. А если Сынъ — не то, что — мы, и Онъ — Отчее Слово, а мы сотворены изъ земли, и — Адамовы потомки: то реченіе сіе должно относить не къ Божеству Слова, но къ чловѣческому уже Его явленію; потому что Спаситель сказалъ такъ: *Азъ есмь лоза, вы рождіе, Отецъ дѣлатель*. Мы — въ родствѣ съ Господомъ по тѣлу; почему и сказалъ Онъ: *возвѣщу имя Твое братіи Моей* (Евр. 2, 12.). И какъ розги — еднотелны съ виноградною лозою и отъ нея происходятъ, такъ и мы, имѣя тѣла однородныя съ тѣломъ Господнимъ, *отъ исполненія Его* приедемъ (Іоан. 1, 16.), и тѣло Его для насъ есть корень воскресенія и спасенія. Отецъ же называется дѣлателемъ; потому

что Онъ Словоиъ содѣлалъ лозу, то-есть челоуѣче-
ство Спасителя, и Самъ Словоиъ Своиимъ уготавалъ
намъ путь въ царство. И никтоже приходитъ ко
Господу, [аще не Отець привлечеть его къ Нему
(Иоан. 6, 44.).

Поселику изреченіе сіе имѣеть такое толкованіе; то
необходимо было о названной въ такомъ смыслѣ лозѣ
написать: *вѣрна суца сотворшиму Егѡ, и: толико
лучшій бывъ Ангеловъ, и: созда.* Ибо когда пріялъ
Онъ на себя тѣло, чѣто восхотѣлъ за насъ принести, а
сіе было тѣло отъ Дѣвы Маріи; тогда и написано о
Немъ, что созданъ и сотворенъ, и получилъ бытіе;
потому что таковыя выраженія—приличны людямъ.
Сверхъ того, не по пріятіи тѣла сталъ Онъ лучшимъ
Ангеловъ; иначе окажется, что прежде былъ меньше
ихъ, или равенъ имъ. Напротивъ того, Апостоль,
пиша къ іудеямъ и челоуѣческое служеніе Господа
сравнивая съ служеніемъ Моисеевымъ, сказалъ: *то-
лико лучшій бывъ Ангеловъ; потому что законъ
взглаголапъ Ангелы (Евр. 2, 2.); яко законъ Мо-
сеомъ данъ бысть, благодать же и даяніе Духа
Исусъ Христомъ бысть (Иоан. 1, 17.).* И тогда отъ
Дана до Вирсавіи возвъщаемъ былъ законъ, а нынѣ
во всю землю изыде вѣщаніе ихъ (Псал. 18, 5.); и
язычники поклоняются Христу, и чрезъ Него позна-
ють Отца. Итакъ, написано это о Спасителѣ по
челоуѣчеству, а не иначе.

Посему, ужели Діонисій, какъ разглашаютъ хри-
стоборцы, пиша о челоуѣчествѣ Сына и въ этомъ
отношеніи назвавъ Его произведеніемъ, сказалъ, что
Онъ есть 'одинъ изъ челоуѣковъ? Или, говоря, что
Слово не есть собственность Отчей сущности, думалъ,

что Оно — единосущно съ нами человеками? Но не такъ писалъ онъ въ другихъ посланіяхъ, напротивъ же того, оказывается въ нихъ мудрствующимъ право, и сими посланіями можетъ возразить имъ, говоря такъ: «Не одного я мнѣнія съ вами, богоборцы; не мои слова послужили Арію предлогомъ къ нечестию; напротивъ того, пиша къ Аммону и Евфанору по поводу Савелліанъ, упомянулъ я о дѣлатель и о лозѣ и о другихъ подобныхъ изреченіяхъ, чтобы, доказавъ челоуѣчество Господа, убѣдить ихъ — не утверждать болѣе, будто бы Отецъ сталъ челоуѣкомъ. Какъ дѣлатель не есть лоза, такъ явившееся въ тѣлѣ — не Отецъ, но Слово; Слово же, явившееся въ лозѣ, названо лозою по тѣлесному сродству съ розгами, подь которыми разумѣемъ мы. Итакъ, въ семъ смыслѣ писалъ я къ Евфанору и Аммонію, а вашему безстыдству противопологаю другія, писанныя мною, посланія, чтобы люди благоразумные узнали заключающееся въ нихъ мое оправданіе и правое разсужденіе о вѣрѣ во Христа».

Посему, и аріанамъ, если бы имѣли здравый умъ, должно было бы — подобно сему разсуждать и думать объ Епископѣ. *Вся права разумѣвающимъ, и права обрѣтающимъ разумъ* (Притч. 8, 9.). Поелюку же, не научившись вѣрѣ всеиенской Церкви, впали они въ нечестіе, и ослѣпившись уже умомъ, почитаютъ правое стропотнымъ, и свѣтъ именуютъ тмою, а тму почитаютъ свѣтомъ; то, къ большому осужденію еретиковъ, необходимо нужно представить мѣста изъ другихъ Діонисіевыхъ посланій и причину ихъ написанія. Ибо, изъ сихъ посланій почерпнувъ свѣдѣнія, и мы такъ разсуждаемъ и пишемъ о семъ мужѣ.

Предлогъ же, по которому написалъ онъ другія посланія, есть слѣдующій. Когда Епископъ Діонисій узналъ о бывшемъ въ Пентаполь, и по благочестивой ревности, какъ сказалъ я выше, противъ Савелліевой ереси написалъ посланіе къ Евфанору и Аммонію: тогда нѣкоторые изъ братій той Церкви, правомудрствуя, но не спросивъ Діонисія, чтобы отъ него самого узнать, почему написалъ онъ, пошли въ Римъ, и обвиняли его предъ соименнымъ ему Діонисіемъ, Епископомъ Римскимъ. И Римскій Епископъ, услышавъ о семъ, написалъ вмѣстѣ и противъ держащихся Савелліевыхъ мнѣній, и противъ мудрствующихъ тоже, что утверждалъ Арій; и за что изверженъ онъ изъ Церкви. И онъ говоритъ, что равно, хотя и противоположно одно другому, нечестіе—и Савелліево и тѣхъ, которые утверждаютъ, что 'Слово Божіе есть тварь и произведеніе, и что Оно создано. Писалъ онъ и къ Діонисію Александрійскому, извѣщая, —въ чемъ обвиняли его. На сіе Діонисій скоро далъ отвѣтъ, и книги свои надписалъ: *обличеніе и оправданіе*.

Замѣтъ въ этомъ ненавистный образъ дѣйствования христорборцевъ, и какъ они, къ стыду своему, дѣйствовали противъ себя. Поелику Діонисій, Епископъ Римскій, писалъ и противъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что Сынъ Божій—тварь и произведеніе: то сямъ показывается, что не нынѣ въ первый разъ, но издревле всѣми предаваема была анаѳемъ ересь христорборныхъ аріанъ. Потомъ, поелику Діонисій Епископъ Александрійскій, оправдывается въ-разсужденіи посланія, какое написалъ онъ; то оказывается, что онъ не такъ думалъ, какъ они говорятъ, и вовсе не

имѣлъ Аріева зловѣрія. Къ совершенному осужденію аріанъ и въ доказательство, что они клеветуютъ, достаточно и того одного, что Діонисій оправдывается въ томъ, что разглашаютъ о немъ аріане. Ибо отвѣтъ написалъ онъ не какъ упорствующій въ своемъ, но какъ оправдывающійся, — въ чемъ подозрѣвали его. А оправдывающійся — въ чемъ обвиненъ, что иное дѣлаетъ, какъ не уничтожаетъ всякую подозрѣваемую въ немъ вину, и съ тѣмъ вмѣстѣ обличаетъ клеветниковъ аріанъ?

Но чтобы еще болѣе были они постыжены тѣмъ, что писалъ Діонисій въ свое оправданіе, представлю тебѣ собственныя его выраженія. По онымъ узнаешь, что аріане — зломудренны, Діонисій же — чуждъ ихъ зловѣрія.

Во-первыхъ, посланіе свое надписалъ онъ: *обличеніе и оправданіе*. Что сіе значитъ? — Не то ли, что обличаетъ солгавшихъ и оправдывается въ томъ, что написалъ, показывая, что написалъ не въ томъ смыслѣ, какъ предполагалъ Аріій, но что, припомянувъ сказанное о Господѣ по Его человечеству, не не знаетъ и того, что Онъ есть нераздѣльное съ Отцемъ Слово и Премудрость? Потомъ, жалуется на обвинителей своихъ, — что выраженія его передаютъ не вполнѣ, но въ усѣченномъ видѣ, и какбы не съ доброю, но съ лукавою, совѣстію говорятъ, что хотятъ, и уподобляетъ ихъ клеветующимъ на посланія блаженнаго Апостола. А таковая укоризна совершенно освобождаетъ его отъ худаго подозрѣнія. Ибо, если обвинявшихъ Павла почитаетъ за одно съ обвинявшими его самого; то не что иное сямъ доказываетъ, но то единственно, что написалъ онъ такъ, держась Павлова образа мыслей. И подлинно, отвѣтствуя на каждое

слово обвинителей, всему, что выставляют они, даетъ онъ правильный смыслъ, и какъ первымъ посланіемъ излагаетъ Савеллія, такъ послѣднимъ доказываетъ искреннюю свою благочестивую вѣру.

Итакъ, поелику они говорятъ, будто бы Діонисій думаетъ, что Богъ не всегда былъ Отцемъ, что не всегда былъ Сынъ, а напротивъ того, Богъ былъ безъ Слова, и самого Сына не было, пока не получилъ бытія, и было нѣкогда, что Его не было, потому что Онъ—не вѣченъ, но получилъ бытіе въ-послѣдствіи; то смотри, какъ отвѣтствуетъ на сіе. Большую часть его реченій,—гдѣ или входитъ въ изслѣдованіе своего предмета, или сводитъ умозаключенія, или обличаетъ, предлагая вопросы, или жалуется на обвинителей,—оставляя, чтобы не продолжать рѣчи, привожу одно то, что необходимо идетъ къ обвиненію. Итакъ, оправдываясь въ этомъ, въ первой книгѣ, надписанной *обличеніе и оправданіе*, между прочимъ, пишетъ онъ въ такихъ выраженіяхъ: «не было, когда бы Богъ не былъ Отцемъ». И въ послѣдующемъ говоритъ: «извѣстно, что всегда есть Христось, какъ Слово, Премудрость и Сила; потому что Богъ, не какъ не раждавшій ихъ прежде, родилъ въ-послѣдствіи, но сказано сіе потому, что Сынъ не самъ отъ Себя, но отъ Отца имѣетъ бытіе.» И вскорѣ потомъ еще говоритъ о Сынѣ: «Но, какъ сіяніе вѣчнаго Свѣта, конечно и самъ Онъ—вѣченъ. Поелику всегда есть свѣтъ; то явно, что всегда есть и сіяніе; ибо въ семъ самомъ: издавать сіяніе, подразумевается, что есть свѣтъ. И свѣтъ не можетъ быть не свѣтящимъ. Возвратимся опять къ подобіямъ. Ежели есть солнце; то есть лучъ, есть день. Если же нѣтъ ничего

подобнаго; то трудно сказать, что есть и солнце. Посему, если бы солнце было вѣчно; то и день былъ бы не прекращающійся. Но теперь сего вѣтъ: съ появленіемъ солнца начинается день, и съ прекращеніемъ его свѣта оканчивается. Богъ же вѣчный есть свѣтъ, не начинавшійся, и никогда не перестающій. Следовательно, предъ Нимъ и съ Нимъ—вѣчное сіяніе, безначальное, всегда пребывающее и проявляющее Его; а это и есть Премудрость, Которая говоритъ: *Азъ блъхъ, о Нейже радовашеся, на всякъ же день веселяхся предъ лицемъ Его на всяко время* (Притч. 8, 30.). И чрезъ нѣсколько послѣ присовокупляетъ, говоря о Немъ: «Итакъ есть вѣчный Сынъ вѣчнаго Отца и Свѣтъ отъ Свѣта. Поелику есть родитель; то есть и чадо. А если бы не было чада; то почему и чьимъ можетъ быть родителемъ? Но есть Тотъ и Другой, и Оба—всегда». Потомъ опять присовокупляетъ сіе: «Итакъ, поелику Богъ есть свѣтъ; то Христось есть сіяніе. А поелику Онъ и духъ,— ибо сказано: *Духъ есть Богъ*; то, соответственно сему, Христось называется еще *парою*; ибо сказано: *пара бо есть силы Божія*» (Прем. 7, 25.). И въ другой разъ говоритъ еще: «единый же Сынъ всегда соприсущій Отцу и исполненный Суцаго, и Самъ есть сущій отъ Отца».

Если бы сказано сіе было обоюдно; то имѣло бы потребность въ истолкователь. А поелику объ одномъ и томъ-же написалъ ясно и неоднократно; то пусть Аріи скрежещетъ зубами, видя, что Діонисіемъ испровергнута его ересь, и слыша, какъ онъ, чего не хотѣлось бы Арію, говоритъ: Богъ всегда былъ Отцемъ, и Сынъ — не просто вѣченъ; но поелику вѣ-

ченъ Отець, то вѣченъ и Сынъ и соприсущъ Ему, какъ сіяніе—свѣту. А тѣ, которые хотя подозрѣвали только Діонисія, будто бы мудрствуетъ онъ по-аріански, да оставляютъ такое худое о немъ мнѣніе. Ибо какое у нихъ общеніе, когда Аріій говоритъ: не было Сына, пока не рожденъ, и было, когда Его не было; а Діонисій учить: Богъ есть свѣтъ вѣчный, никогда не начинавшійся и непрестающій; слѣдовательно, предъ Нимъ и съ Нимъ—сіяніе безначальное, всегда пребывающее и проявляющее Его?

И на другое подозрѣніе утверждающихъ, что Діонисій, называя Отца, не именуетъ Сына, и, называя опять Сына, не именуетъ Отца, но различаетъ, отдаляетъ и отдѣляетъ Сына отъ Отца, отвѣтствуетъ и пристыждаетъ ихъ Діонисій, говоря во второй книгѣ: «Изъ сказанныхъ мною именованій каждое не отлучно и не отдѣльно отъ сопряженнаго съ нимъ. Сказалъ я: *Отець*, и прежде, нежели присовокуплю: *Сынъ*, означилъ уже и Его во Отцѣ; присовокупилъ я: *Сынъ*, и если и не предположилъ ему слова: *Отець*; то, безъ сомнѣнія, Отець подразумевается въ Сынѣ; прибавилъ я: *Святый Духъ*, но вмѣстѣ присоединилъ, откуда и чрезъ кого приходитъ. Но они не знаютъ, что Отець, какъ Отець, не отчуждается отъ Сына; потому что имя сіе выражаетъ собою начало единенія; и Сынъ не отлучается отъ Отца; потому что названіе: *Отець* указываетъ на общеніе; и въ Ихъ рукахъ есть Духъ, Который не можетъ быть лишень ни Посылающаго, ни Носящаго. Почему же мнѣ, который употребляю сіи именованія, думать, что Они—раздѣльны и совершенно разлучены между Собою?» Такимъ образомъ, нераздѣльную Еди-

ницу распространяеть въ Троицу, и неумаляемую Троицу сводить въ Единицу.

Потомъ, — поелику обвиняли его, будто бы говорить, что Сынъ есть одинъ изъ сотворенныхъ, и не единосущенъ Отцу, — опять въ первой книгѣ самъ обличаетъ таковыхъ, говоря: «Впрочемъ сказавъ, что должно понимать нѣчто сотворенное и нѣчто произведенное, мимоходомъ представилъ я примѣры таковыхъ вещей, какъ слабѣйшихъ, когда сказалъ, что растение не одно и то-же съ дѣлателемъ, и ладія — съ судостроителемъ; потомъ, остановился на вещахъ болѣе приличныхъ и сродныхъ; особенно же распространился о томъ, что — всего истиннѣе, позбрѣтая многообразныя доказательства, которыя и сообщалъ тебѣ въ другомъ посланіи, гдѣ показалъ, что ложно — то обвиненіе, какое взводятъ на меня, будто бы я не признаю, что Христосъ — единосущенъ Богу. Хотя и говорю, что сего именованія не находилъ и не читалъ нигдѣ въ Священныхъ Писаніяхъ; однако же, послѣдующіе мои доводы, о которыхъ умолчали они, не разногласять съ сею мыслию. Ибо представлялъ я въ примѣръ и человеческое рожденіе, очевидно, какъ однородное, только, безъ сомнѣнія, замѣтивъ, что родители — инаковы съ дѣтьми, потому что не они сами — дѣти, или необходимо не быть ни родителямъ, ни дѣтямъ. Самого письма, какъ прежде сказалъ, не могу доставить по обстоятельствамъ. А если бы могъ; то прислалъ бы тебѣ самыя, употребленныя тогда, реченія, лучше же сказать, списокъ со всего посланія, что и сдѣлаю, какъ-скоро буду имѣть возможность. Знаю же и помню, что представлены мною многія подобія вещей сродныхъ; говорилъ я, что и

растеніе , взошедшее отъ сѣмени , или отъ корня , однако съ тѣмъ , изъ чего оно произракло , хотя , безъ сомнѣнія , осталось однороднымъ съ нимъ ; и рѣка , текущая изъ источника , получаетъ иной видъ и иное имя , потому что ни источникъ не называется рѣкою , ни рѣка—источникомъ , существуютъ же тотъ и другая , и источникъ есть какбы отецъ , а рѣка есть вода изъ источника . Но они притворяются , будто бы не видятъ , что написано сіе и подобное сему , и представляютъ себя какбы слѣпыми . Намѣреваются же издали метать въ меня , какъ камнями , несвязными между собою реченіями , не зная того , что , при разсужденіи о предметахъ малозвѣстныхъ , которые нужно еще сдѣлать доступными познанію , часто не только не сходные , но даже противоположные , знаки служатъ къ изображенію искомаго . Въ третьей же книгѣ говоритъ Діонисій : « жизнь рождена отъ жизни , какъ рѣка истекла изъ источника , и отъ неугасимаго свѣта возженъ блистающій свѣтъ » .

Кто , слыша сіе , не признаетъ безумными подозрѣвающихъ Діонисія , будто мудрствуетъ онъ поаріански ? Ибо , вотъ въ сихъ книгахъ Діонисій явно попираетъ всю Аріеву ересь самыми истинными разсужденіями . Положенія : не былъ , пока не рожденъ ; и было , когда не было Его , — обращаетъ въ ничто однимъ словомъ : *сіаніе* , и также—говоря , что Отецъ Его никогда не былъ не раждавшимъ . Въ ничто также обращаетъ и выраженіе ихъ : *изъ не-сущаго* , когда говоритъ , что Слово есть какъ рѣка изъ источника , отрасль отъ корня , чадо отъ родителя , свѣтъ отъ свѣта , жизнь отъ жизни . И какъ они отлучаютъ

и отдѣляютъ Слово отъ Бога, такъ Діонисій отвергаетъ сіе, говоря, что нераздѣльная и неумалѣемая Тронца сводится въ Единицу. Положеніе же ихъ, — что Сынъ — чуждъ Отчей сущности, вполнѣ попираетъ, говоря, что Сынъ — единосущенъ Отцу. Посему, подивится иной безстыдству нечестивыхъ : почему, — когда Діонисій, котораго называютъ они единомысленнымъ съ ними, говоритъ, что Сынъ — единосущенъ, — они, какъ комары жужжать всюду, будто бы Соборъ неправо написалъ : *Единосущный*? Если Діонисій — имъ другъ : то пусть не отрицаются отъ сказаннаго ихъ единомышленникомъ. А если думаютъ, что сказано сіе неправо ; то почему объ утверждающемъ сіе Діонисіѣ разглашаютъ, будто бы думаетъ онъ одинаково съ ними? Всего же важнѣе то, что Діонисій, какъ оказывается, говоритъ сіе не мимоходомъ : но, написавъ прежде другія посланія, обличаетъ во лжи обвинявшихъ его, — будто бы не называетъ онъ Сына единосущнымъ Отцу, и думающихъ, будто Слово называетъ онъ сотвореннымъ ; опровергаетъ, что не такова — его мысль, какъ они полагаютъ, но если и употребилъ сіи выраженія, то употребилъ съ намѣреніемъ показать только, что не Отецъ, но Сынъ облекся въ тѣло получившее бытіе, и созданное, и сотворенное; почему и говорится о Сынѣ, что Онъ получилъ бытіе, сотворенъ и созданъ.

Поелику же дѣйствительно употребилъ прежде таковыя выраженія Діонисій ; то, хотя далекъ отъ всякаго единомыслія съ аріанами, однако же, у слушающихъ его проситъ *совѣсти благи* (1 Петр. 3, 16.), представляя на видъ трудность, или, можетъ быть, и необъятность предмета изслѣдованія, — про-

снть суждть не выраженїа, но разумнїе пишущаго, и особенно, когда весьма многое свидѣтельствуеть объ его образѣ мыслей. По крайней мѣрѣ самъ онъ сказалъ, что мимоходомъ указалъ примѣры подобныхъ вещей, какъ слабѣйшихъ, а именно: растенїе и земледѣлателя; остановился же на вещахъ болѣе сродныхъ, и особенно распространился о томъ, что—всего истиннѣе. А кто утверждаетъ сіе, тотъ показываетъ, что согласнѣе съ истинною—назвать Сына вѣчнымъ и сущимъ отъ Отца, нежели сотвореннымъ. Ибо послѣднимъ выраженїемъ означается тѣлесное естество Господа, а первыми — вѣчность Божества Его. И снмъ Діонисїй подтверждаетъ, что не просто, но благо-разумно и истинными доводами обличены имъ обвинявшїе его, будто бы Сына не называетъ единосущнымъ Отцу; именно говорить: «хотя не нашелъ я сего реченїа въ Писанїяхъ, но, изъ самыхъ Писанїй составляя понятїе, дозналъ, что Онъ, какъ Сынъ и Слово, не можетъ быть чуждымъ Отчей сущности». Въ доказательство же, что не думаетъ онъ, будто бы Сынъ есть тварь и произведенїе (ибо сіе разглашали о немъ), такъ говорить во второй квигѣ: «Если кто изъ клеветниковъ, когда Бога назвалъ я Творцемъ и Создателемъ всего, подумаетъ, что говорю сіе и о Христѣ; то пусть слышитъ, что прежде еще назвалъ я Бога Отцемъ, а въ семъ именованїи включается и Сынъ. Ибо, назвавъ Отца Творцемъ, присовокупилъ я: и Отецъ не того, чему Творецъ, если собственно Отцемъ называется тотъ, кто родилъ. Обширность же сего наименованїа: Отецъ покажемъ въ послѣдующемъ. Отецъ—не Творецъ, если только творцемъ называть художника, производщаго что-либо своими

руками. Ибо у еллиновъ и мудрецы называются творцами собственныхъ ихъ сочиненій. Есть, какъ сказалъ Апостоль, и *творецъ закона* (Іак. 4, 11.); есть творцы и внутренняго—добродѣтели, или порока, какъ сказалъ Господь: *ждахъ, да сотворитъ судъ, сотвори же беззаконіе* (Иса. 5, 7.).

Слышащему сіе подлинно надобно помнитъ Божіе слово, въ которомъ говорится: *а може обратитъ нечестивый, исчезаетъ* (Притч. 12, 7.). Ибо, вотъ нечестивые ежедневно исчезаютъ, обращаясь всюду, и не имѣя на это никакого предлога въ словахъ Діонисія; потому что онъ явно учитъ, что Сынъ—не произведеіе и не тварь, клеветующихъ же на него, какъ наименовавшего Бога Творцемъ, обвиняетъ и вразумляетъ, что не примѣтили они, какъ прежде сіе наименовалъ Діонисій Бога Отцемъ, въ каковомъ наименованіи включается и Сынъ. А говоря сіе, показываетъ, что Сынъ—не въ числѣ произведеній, и что Богъ—не Творецъ, но Отецъ собственнаго Своего Слова. И поелику нѣкоторые, по неразумію, впили его, что Бога назвалъ Творцемъ Христа; то, разными способами оправдываясь въ этомъ, говорятъ, что и въ такомъ случаѣ слово его—неукоризненно. Ибо признаётся, что «наименовалъ Творцемъ по причинѣ плоти, дѣйствительно сотворенной, какую Слово воспріало на Себя. А если кто будетъ дозрѣвать, что сказано сіе о Словѣ,—и въ такомъ случаѣ прилично имъ выслушать безъ привязчивости, какъ-будто не почитаю Слова произведеіемъ, и Бога называю не Творцемъ, но Отцемъ Его. А если гдѣ, разсуждая о Сынѣ, и скажу невзначай, что Богъ—Творецъ; то и въ семъ случаѣ можно оправдаться;

потому что у еллиновъ мудрецы называютъ себя творцами своихъ сочиненій, тогда-какъ они—отцы ихъ. И Божественное Писаніе именуетъ насъ творцами и сердечныхъ движеній, называя творцами закона и суда, и правды». А такимъ образомъ Діонисій во всѣхъ отношеніяхъ доказывалъ, что Сынъ—не тварь и не произведеніе, да и самъ онъ—чуждъ аріанскаго зловѣрія.

Ни одинъ аріанинъ да не подозрѣваетъ его, будто по-аріански говоритъ онъ и слѣдующее: «Сынъ—соприсущъ Отцу такъ, что хотя имена соединены между собою, однако означаемые ими—весьма далеки другъ отъ друга, и хотя не всегда Сынъ соприсущъ Отцу, но однакожъ, какъ-скоро сталъ Сынъ, такъ скоро и Богъ наименовался Отцемъ; послѣ того, и Сынъ—соприсущъ уже Ему, какъ бываетъ сіе и у людей». Но пусть приведетъ себѣ на мысль и припомнить сказанное прежде, и тогда увидитъ правую Діонисіеву вѣру. Ибо онъ говоритъ: «не было, когда бы Богъ не былъ Отцемъ»; и еще: «Богъ есть вѣчный свѣтъ, никогда не начинавшійся и непрестающій; слѣдовательно, предъ Нимъ и съ Нимъ—вѣчное сіяніе, безначальное, всегда пребывающее и проявляющее Его». А потому, никто вообще не долженъ подозрѣвать его въ чемъ-либо подобномъ. И примѣры источника и рѣки, корня и отрасли, духа и пара постыждаютъ христорборцевъ, которые разглашаютъ о немъ противное.

Поелику же Аріій ко всѣмъ прочимъ своимъ зловѣчіямъ приложилъ и это, какъ изъ гноя извлеченное, реченіе, и присовокупляетъ, что сіе Слово не есть собственное Отчее Слово, но въ Богъ иное есть

слово ; Господь же—чуждъ Отчей сущности , и по промышленію только называется Словомъ , а не по естеству ; и не истинный Божій есть Сынъ , Сыномъ же , какъ тварь , называется по усыновленію ; и говоря сіе , хвалится онъ предъ невѣдущими , будто бы и въ семъ имѣеть своимъ единомышленникомъ Діонисія : то смотри , какова и въ семъ отношеніи Діонисіева вѣра , и какъ Діонисій борется съ таковымъ аріевымъ зломысліемъ . Ибо въ первой книгѣ пишетъ такъ : « Сказано прежде , что Богъ есть источникъ всѣхъ благъ ; рѣка же изъ Него изливающаяся надписывается : Сынъ ; потому что слово есть изліаніе ума , и , говоря по-человѣчески , источается изъ сердца устами . И мысль , исторгаясь съ помощію языка , дѣлается другимъ словомъ , отличнымъ отъ слова въ сердцѣ . Ибо одно , пославъ отъ себя другое , остается такимъ-же , какимъ было ; а другое , бывъ послано , излетаетъ и носится повсюду ; а такимъ образомъ каждое изъ нихъ—и одно въ другомъ пребываетъ , и одно—отлично отъ другаго ; и два—слова , но оба суть одно . Такъ и Отецъ и Сынъ , по сказанному , суть едино , и одинъ въ другомъ пребываютъ » . Въ четвертой же книгѣ говорить такъ : « Мысль наша изрыгаетъ изъ себя слово , по сказанному у Пророка : *отрыгну сердце мое слово благо* (Пс . 44 , 2 .) . И мысль и слово—отличны другъ отъ друга , и занимаютъ свое собственное и отдѣльное отъ прочаго мѣсто ; и мысль пребываетъ и движется въ сердцѣ , а слово—на языкѣ и въ устахъ ; однакожь , они—не разлучны , и ни на одну минуту не бываютъ лишены другъ друга . Ни мысль не бываетъ безъ слова , ни слово—безъ мысли ; но мысль творитъ слово , являсь

въ немъ , и слово обнаруживаетъ мысль , въ ней получивъ бытіе. И мысль есть какбы внутри сокровенное слово; а слово — исторгающаяся мысль. Мысль исходитъ въ слово, а слово заключаетъ мысль въ умахъ слушателей; и такимъ образомъ мысль чрезъ слово водружается въ душахъ слушающихъ , входя вмѣстѣ съ словомъ. И мысль, будучи сама отъ себя, есть какбы отецъ слову, а слово — какбы сынъ мысли; прежде мысли оно не возможно, и не совнѣ откуда-либо произошло вмѣстѣ съ мыслию, но изъ нея произошло. Такъ и Отецъ, высочайшая и всеобъемлющая мысль, имѣетъ Сына, Слово, перваго Своего истолкователя и вѣстника».

Сего или никогда не слыхалъ Арій, или и слыша не понималъ по невѣжеству. А если бы понялъ, то не глалъ бы столько на Епископа. Но, безъ сомнѣнія, и его, какъ и насъ, злословилъ по ненависти къ истинѣ. Какъ христоронецъ, не замедлитъ онъ преслѣдовать мудрствующихъ по Христу; о чемъ предсказалъ самъ Господь: *аще Мене изгнаша, и васъ изженуть* (Іоан. 15, 20.). Или, если покровители вѣщности думаютъ, что Діонисій—единомысленъ съ ними, то пусть напишутъ и исповѣдаютъ это; пусть напишутъ о виноградѣ и дѣлатель, о ладіи и судостроитель, и пусть исповѣдаютъ также, что говорилъ онъ въ защиту единосущія, и о томъ, что Сынъ—отъ сущности, и о вѣчности, объ отношеніи мысли къ слову, объ источникѣ и рѣкѣ, и о прочемъ, чтобы хотя изъ сего различія познать имъ, какимъ образомъ одно сказалъ онъ по смотрѣнію, а другое—по требованію благочестивой вѣры, и говоря уже это, отринуть противный сему образъ мыслей. Ибо что

близкаго съ вредными Аріевыми мнѣніями пмѣть Діонисіева вѣра?—Не то ли, что Аріій говоритъ о Словѣ по промышленію, а Діонисій называетъ истиннымъ и по естеству Божиимъ Словомъ? И одинъ отчуждаетъ Слово отъ Отца, а другой учитъ, что Оно есть собственное и неотдѣльное отъ Отчей сущности, и относится къ Отцу, какъ слово—къ мысли, рѣка—къ источнику. Поэтому, если кто можетъ разлучить и сдѣлать между собою чуждыми слово и мысль, или раздѣлить рѣку и источникъ, и положить между ними преградою стѣну, или рѣку назвать иносущною съ источникомъ и доказывать, что вода—чужда ему, или отважится сіяніе отдѣлять отъ свѣта и утверждать, что сіяніе—отъ иной сущности, а не отъ свѣта: то пусть таковой безумствуетъ съ Аріемъ; ибо окажется, что у него нѣтъ даже и ума человѣческаго. А если сама природа признаетъ сіе нераздѣльнымъ и раждаемое отъ сего—собственнымъ того рожденіемъ: то никто да не мудрствуетъ уже по Аріеву, и да не клеветаетъ на Діонисія; а напротивъ того, по сему самому еще болѣе да удивляется и ясности его рѣчи, и правотѣ вѣры.

Въ удостовѣреніе же, что противъ безумной Аріевой мысли,—будто бы иное есть слово, которое—въ Богѣ, и иное, о Которомъ говоритъ Іоаннъ: *въ началѣ бѣ Слово* (1, 1.); также иная собственная въ Богѣ премудрость, и иная, о Которой говоритъ Апостолъ: Христосъ Божія сила и Божія премудрость (1 Кор. 1, 24.),—Діонисій также возстаетъ, и поражаетъ такое зловѣріе, смотри опять, что пишетъ онъ о семъ во второй книгѣ: *«Въ началѣ бѣ Слово, но не было слова, издающаго Слово; потому что Слово было у*

Бога. Господь есть Премудрость; посему, не было премудрости, произведшей Премудрость; *Азъ бгъхъ*, говоритъ Она, *о нейже радовашеся* (Притч. 8, 30.). Христость есть Истина; а сказано: *благословенъ Богъ истины* (2 Ездр. 4, 40.)». Здѣсь низлагаетъ Діонисій и Савеллія и Арія, и доказываетъ, что объ сѣхъ ереси—равны въ нечестіи; потому что Отець Слова—не Слово, и сущее отъ Отца—не тварь, но собственное рожденіе Его сущности; а также, изшедшее Слово—не Отець; и опять, Слово сіе—не одно изъ многихъ, но единственный, истинный и преискренній по естеству Отчій Сынъ, и нынѣ сущій во Отцѣ и вѣчно и неотдѣльно отъ Него сущій. Такимъ образомъ, Господь есть Премудрость и Истина, и не второй послѣ иной премудрости, но единственный, Тотъ самый, Къмъ Отець все сотворилъ; и Имъ привелъ Онъ въ бытіе многоразличныя сущности сотворенныхъ вещей; чрезъ Него даетъ познавать Себя, кому хочеть; Имъ производится и совершается промышленіе о всемъ. И Діонисій зналъ сіе только одно Божіе Слово.

Вотъ Діонисіева вѣра. Не многое написалъ я, собравъ изъ посланій его, но оно можетъ подать тебѣ поводъ присовокупить бѣльшее, и увеличить стыдъ аріанъ по причинѣ клеветы ихъ на Епископа. Ибо во всѣхъ своихъ писаніяхъ и въ каждомъ отдѣльно Діонисій обличалъ ихъ злонамѣренность и предавалъ позору ихъ ересь.

Итакъ, изъ сего открывается, что посланіе его къ Евѳранору и Аммонію писано съ другою мыслію, по особому смотрѣнію; сіе доказываетъ и оправданіе его. И дѣйствительно, при низложеніи Савелліева

безуміа убѣдителинъ—сей образъ рвчи: чтобы желающему—скорѣе изобличить еретиковъ начинать не съ указаній на Божество Слова, и именно — что Сынъ есть Слово и Премудрость и сила, и *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30.),—чтобы еретики, перетолковавъ прекрасно сказанное, не обратили сего въ предлогъ къ безстыдному своему упорству, когда услышать: *Азъ и Отецъ едино есма, и видѣвый Мене, видѣ Отца* (14, 9.); но, какъ и сдѣлалъ Діонисій, выставлять сперва сказанное о Спасителѣ по-человѣчески, а именно, что Онъ жаждалъ, утомлялся, что Онъ есть лоза, что Онъ молился и пострадалъ. Въ какой мѣрѣ уничижительны сїи реченія, въ такой же мѣрѣ доказываются иши, что не Отецъ содѣлался челоѣкомъ. Ибо, когда Господь именуется лозою,—необходимо быть и дѣлателью, и когда Онъ молился,—быть послушающему Его, и когда просилъ,—быть дающему. Подобныя указанія всего удобнѣе обнаруживаютъ безуміе Савелліанъ; потому что иной—молящійся, а иной—послушающій, иное—лоза, а иное—дѣлатель. Если употребляются какія реченія, какбы отчуждающія Сына отъ Отца; то употребляются о Немъ по причинѣ плоти, какую понесъ на Себѣ ради насъ. Ибо сотворенное, по естеству, чуждо Богу. Посему, поелику плоть сотворена, Слово же, какъ говоритъ Іоаннъ (1, 14.), *плоть бысть*; то, хотя по естеству Оно собственно есть Отчее Слово и неотдѣлимое отъ Отца, впрочемъ по причинѣ плоти говорится, что и Отецъ—далекъ отъ Него; потому что Самъ дозволяетъ говорить о Немъ свойственное плоти, чтобы явно было, что тѣло было Его собственное, а не иному кому принадлежало. Когда та-

новый смысл дается словамъ, тогда всего скорѣе обличень будетъ Савеллій въ томъ, что не Отець сталъ плотію, но Отчее Слово, Которое избавило и привело насъ ко Отцу. Такъ обличивъ и убѣдивъ, болѣе уже приуготовленныхъ будетъ учить и о Божествѣ Слова, а именно, что Слово есть и Премудрость, и Сынъ, и сила, и сіяніе, и образъ. Ибо и здѣсь опять необходимо—представлять себѣ, что, поелику есть Слово, то долженъ быть и Отець Слова; поелику есть Премудрость, то долженъ быть и Родитель Ея; и поелику есть сіяніе, долженъ быть и свѣтъ; а такимъ образомъ и Сынъ и Отець должны быть едино.

Зная сіе, писалъ Діонисій, и однимъ заставлялъ умолкнуть Савеллія, а другимъ ниспровергалъ аріанскую ересь. Ибо какъ Савеллія низлагаетъ то, что есть человѣческаго въ Спаситель, такъ аріанамъ надобно дѣлать обличенія тѣмъ, что указываетъ не на человѣчество, но на Божество Слова; чтобы они, перетолковавъ сказанное о Господѣ по тѣлу, не подумали, что Слово—таково-же, каковы—и мы люди, и не остались уже при своемъ безуміи. Но, если и они будутъ научены о Божествѣ, то осудятъ свое злоуміе, и удобнѣе уже выразумѣвъ, что Слово плоть бысть, стануть потомъ различать и человѣческое и приличное Божеству.

Когда же сіе такъ, и доказано, что Епископъ Діонисій въ написанномъ имъ—благочестивъ; что дѣлать послѣ сего аріанамъ? На кого еще лгать, когда обличены въ этомъ? Ибо имъ,—когда низпали съ основанія Апостолъ (Еф. 2, 20.), и имѣють удобоколеблемый умъ,—необходимо искать опоры,

и поелику не находятъ , лгать уже на Отцевъ. Но никто болѣе имъ не повѣритъ, хотя и будутъ усиливаться клеветать : потому что ересь ихъ осуждена всѣми. Развѣ стануть уже говорить о діаволѣ; потому что онъ одинъ—съ ними въ согласіи , вѣрнѣе же сказать, внушаетъ имъ ересь. Но кто уже наименоуетъ христіанами, а не скорѣе діавольскими тѣхъ, у кого вождемъ—діаволъ, чтобы называться имъ не только христорборцами, но даже діавольскими? Развѣ только переимѣнятся и отрекутся отъ вымышленнаго ими нечестія, познають же истину; ибо и имъ принесетъ сіе пользу; и намъ прилично—желать сего всѣмъ заблуждающимся.

9. ПИСЬМО КЪ ДРАКОНТІЮ.

Недоумѣваю , что написать ? За отказъ ли порицать тебя ? Или—за то , что высматриваешь время и укрываешься *страха ради іудейска* ? Впрочемъ, въ томъ и другомъ случаѣ поступокъ твой, возлюбленный Драконтій, достоинъ порицанія. Не прилично тебѣ было, принявъ благодать , скрываться , и при своемъ благоразуміи подавать другимъ поводъ къ бѣгству; потому что многіе , услышавъ о семъ , соблазняются тѣмъ, что не просто сдѣлалъ ты это, но имѣя въ виду время и предстоящія Церкви скорби. И боюсь , чтобы тебѣ , предавшись бѣгству ради себя, предъ Господомъ не подвергнуться опасности за другихъ. Если соблазняющему *единого малыхъ* желательнѣе было бы, да *объсится жерновъ осель-*

скій на выи его, и потонеть (Матѣ. 18, 6.): что можешь потерпѣть ты, послуживъ соблазномъ для многихъ? Согласіе, неожиданно водворившееся въ Александрійской области съ твоимъ поставленіемъ, необходимо разстроится по причинъ твоего удаленія, и епископство сей области будетъ восхищаемо многими, даже не людьми правомыслящими, но самъ знаешь, какими. Язычники, при твоёмъ поставленіи давшіе обътъ стать христіанами, останутся язычниками; потому что твое благоговѣніе уничижаетъ давнюю благодать. Какое же дано будетъ тобою оправданіе въ этомъ? Какими извиненіями въ состояніи будешь смыть и сгладить съ себя такія вины? Какъ уврачуешь ради тебя падшихъ и соблазнившихся? Или, какъ, по расторженіи мира, возстановишь его снова? вмѣсто радости, возлюбленный Драконтій, причинилъ ты намъ печаль, и вмѣсто утѣшенія — сѣтованіе. Надѣялись, мы утѣшиться тѣмъ, что будешь ты съ нами; а теперь видимъ, что предаешься бѣгству, и предусматриваемъ, что и на судъ будешь обличень, и устыдишься, и подвергнешься опасности, станешь разкаяваться. И кто, какъ сказалъ Пророкъ, *умилосердится о тебѣ, или кто поидеть молити о миръ тебѣ* (Іерем. 15, 5.), видя, что братія, за которыхъ умеръ Христосъ, потерпѣли вредъ отъ твоего бѣгства? Ибо несомнѣнно долженъ ты знать, что до поставленія своего жилъ ты для себя, а послѣ поставленія обязанъ жить для тѣхъ, надъ кѣмъ поставленъ; и до пріятія тобою благодати епископства никто не зналъ тебя, а когда ты сталъ уже Епископомъ, — народъ ожидаетъ, что предложншь ему пищу — ученіе Писаній. Посему, когда ожидающіе

томятся голодомъ, а ты будешь питать себя одного, и прїидеть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, мы же предстанемъ предъ Нимъ,—какое будешь имѣть оправданіе въ томъ, что голодными увидить Онъ собственныхъ овецъ Своихъ? Если бы не прїялъ ты динаріевъ; то не сдѣлалъ бы Онъ тебѣ упрека. А если прїялъ ты, закопалъ и скрылъ; то справедливо укорить тебя, изрекши оныя слова, которыхъ лучше не слышать твоему благоговѣнію: *подобаше тебѣ вдати динарій Мой торжникомъ, да пришедъ Азъ истяжу отъ нихъ* (Матѳ. 25, 27.). Умоляю тебя пощадить себя и насъ, — себя, чтобы не подвергнуться тебѣ опасности,—а насъ, чтобы не печалились мы о тебѣ. Позаботься о Церкви, чтобъ чрезъ тебя не потерпѣли вреда многіе изъ малыхъ, и чтобы другіе сего не обратили для себя въ предлогъ къ удаленію.

Итакъ, если убоился ты времени, и по страху сдѣлалъ сіе; то это—не мужескій образъ мыслей; въ такомъ случаѣ и надлежало—показать ревность по Христу, съ особеннымъ дерзновеніемъ дѣйствовать въ бѣдственныхъ обстоятельствахъ, и сказать словами блаженнаго Павла: *во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ* (Рим. 8, 37.),—тѣмъ болѣе, что подобаешь служить не времени, но Господу.

Если же не нравится тебѣ распоряженіе Церкви, не представляешь себѣ, что епископское служеніе имѣетъ мзду свою, и, напротивъ того, презираешь устроившаго такъ Спасителя; то умоляю тебя, не держись подобныхъ мыслей, не потерпи и тѣхъ, которые совѣтуютъ это. Не достойно сіе Драконтія. Ибо, что учредилъ Господь чрезъ Апостоловъ, то

прекрасно и непоколебимо пребываетъ ; боязнъ же братій прекратится. Если бы всѣ имѣли ту-же мысль, какою имѣють нынѣ твои совѣтники ; то какъ содѣлался бы ты христіанномъ безъ епископовъ ? Если возымѣють такую мысль тѣ, которые будутъ послѣ насъ ; то возможно ли стоять Церкви ? Или совѣтники твои думаютъ , что ничего не пріялъ ты, потому что пренебрегаютъ симъ ? Но сіе—ложно. Въ такомъ случаѣ остается имъ думать, что и благодать крещенія—ничто, если нѣкоторые пренебрегаютъ ею. Пріялъ ты благодать, возлюбленный Драконтій; не терпи при себѣ совѣтниковъ твоихъ, и не обманывай самого себя. Ибо даровавшій сіе тебѣ Богъ потребуеть у тебя отчета. Или не слышалъ ты, что говоритъ Апостоль: *не неради о своемъ дарованіи, живущемъ въ тебѣ* (1 Тим. 4, 14.)? Или не читалъ, какъ Богъ пріемлетъ усугубившаго даръ, и осуждаетъ скрывшаго? О, если бы успѣшилъ ты возвращеніемъ, чтобы и тебѣ стать въ числѣ похваляемыхъ!

Или скажи, чьимъ подражателемъ долженъ ты быть, по желанію совѣтниковъ твоихъ? Ибо должно намъ сообразовать житіе свое съ житіемъ святыхъ и Отцевъ, и имъ подражать, а также знать, что, уклоняясь отъ образа ихъ житія, дѣлаемся чуждыми и общенія съ ними. Кому же подражателемъ желаютъ они видѣть тебя?—Тому ли, кто колеблется, и хотя желаетъ послѣдовать, однако же отлагаетъ сіе, и ради своихъ принимаетъ то и другое намѣреніе? Или—блаженному Павлу, который, какъ-скоро вручено ему было домостройство, *не приложися плоти и крови* (Галат. 1, 16.)? Хотя и говорилъ онъ: *нѣсмь достоинъ нарещися Апостоль* (1 Кор. 15, 9.);

однако же, зная, что пріялъ, и не невѣдая Даровашаго, писалъ: *горе мнѣ есть, аще не благовѣствую* (1 Кор. 9, 16.). Но какъ *горе мнѣ*, не благовѣствую, взывалъ онъ, такъ уча и проповѣдуя Евангеліе, научаемыхъ имъ почиталъ для себя *радостію и вѣнцемъ* (Фил. 4, 1.). Отъ сего-то и рачевіе у святаго Апостола—проповѣдовать даже до Иллирика, не медлить отшествіемъ въ Римъ, идти въ Испанію (Рим. 15, 19—28.), чтобы, въ какой мѣрь потрудится, въ такой-же пріялъ большую награду за трудъ. Почему, и хвалился, *подвигомъ добрымъ подвизаясь*, и надѣялся получить славный вѣнецъ (2 Тим. 4, 7. 8.). Итакъ, возлюбленный Драконтій, кому подражая, поступаешь такъ? Апостолу ли блаженному, или тѣмъ, которые не подобны ему? А я желаю, чтобы тебѣ и мнѣ быть подражателемъ всѣхъ святыхъ.

Или, можетъ быть, иные совѣтують тебѣ скрывать-ся потому, что далъ ты слово и клятву не оставаться, если будешь поставленъ. Ибо слышу, что они такими рѣчами оглушаютъ слухъ, и думаютъ показать тѣмъ свое благоговѣніе. Но если бы подлинно были они благоговѣйны; то наипаче благоговѣли бы предъ Богомъ, возложившимъ на тебя сіе священнослуженіе. А если бы читали Священные Писанія: то не давали бы совѣтовъ противныхъ имъ. Иначе, надлежало бы имъ оуждать и Иеремію, обвинять и великаго Моисея, потому что не послушали они совѣта ихъ, но, убоявшись Бога, совершили служеніе, и скончались Пророками. Ибо и они, когда были посылаемы и пріяли уже благодать пророчества, сперва отрицались, а потомъ пришли въ страхъ, и не уничижили Пославшаго. Поэтому, если ты *худогласенъ и косноязыченъ*

(Исх. 4, 10.), убойся Создателя своего Бога. Если говоришь о себѣ, что юнѣ ты для проповѣди; возблагословенъ предъ Тѣмъ, Кто позналъ тебя, *прежде неже создати тя во чревь* (Иерем. 1, 5.). Если и слово ты далъ (а слово для святыхъ то-же, что клятва); то прочти у Иереміи, какъ и онъ,—сказавъ: *не вспомяну имене Господил* (Иерем. 20, 9.), а въ-послѣдствіи убоавшись, когда стало оно въ немъ огнемъ,—не сдѣлалъ, какъ сказалъ, и не скрылся, какъ связанный предварительно клятвою, но, благословля къ Поручающему дѣло, исполнилъ пророческое служеніе. Или не знаешь, возлюбленный, что Іона, предавшись бѣгству, потерпѣлъ то, что совершилось съ нимъ, и потомъ опять сталъ пророчествовать? Итакъ, не принимай иныхъ совѣтовъ, кромѣ сего. Господь лучше насъ знаетъ наше состояніе; Онъ знаетъ, кому поручаетъ Церкви Свои. Хотя бы кто и недостойнъ былъ,—да не смотритъ на прежнюю жизнь, но да исполнитъ служеніе, чтобы, при осужденіи за жизнь, не понести на себѣ клятвы и за нерадѣніе.

Ужели же ты, возлюбленный Драконтій, зная это, при благоразуміи своемъ, не сокрушаешься въ душѣ? Ужели не заботишься, чтобы не погибъ кто изъ порученныхъ тебѣ? Ужели совѣсть не сожигаетъ тебя, какъ огнемъ? Ужели не страшишься суднаго дня, въ который никто изъ совѣтующихъ нынѣ не будетъ тамъ помощникомъ? Ибо каждый дастъ отчетъ за порученныхъ ему. Скрывшему динарій какую пользу принесло извиненіе его? Что было пользы Адаму, когда сказалъ: жена прельстила меня? Если и по-длинно немощенъ—ты, возлюбленный Драконтій; то

слѣдуетъ тебѣ принять на себя попеченіе, — чтобы, когда Церковь будетъ безъ надзора, не причинили ей вреда враги, воспользовавшись твоимъ бѣгствомъ. И тебѣ слѣдуетъ препоясаться, чтобы не оставить въ подвигѣ насъ однихъ; и тебѣ слѣдуетъ потрудиться, чтобы со всеми пріять мзду. Итакъ поспѣши, возлюбленный, не медля болѣе, и не потерпи тѣхъ, которые препятствуютъ тебѣ, но помни Даровавшаго тебѣ благодать, и пріиди къ намъ, которые любимъ тебѣ и совѣтуемъ тебѣ, что — согласно съ Писаніями, чтобы и мы сопроводили тебѣ, и ты, священнодѣйствуя въ церквахъ, воспоминалъ и о насъ.

Не ты одинъ поставленъ изъ монаховъ, не ты одинъ настоятельствовалъ въ монастырѣ, или любимъ былъ монахами. Напротивъ того, знаешь, что и Серапіонъ — монахъ, и настоятельствовалъ надъ такимъ числомъ монаховъ. Не безъизвѣстно тебѣ, — сколькихъ монаховъ Отцемъ сталъ Аполлонъ; знаешь Агаѳона; не неизвѣстенъ тебѣ Аристонъ; помнишь Аммонія, страждовавшаго съ Серапіономъ; слышалъ, можетъ быть, о Мовитѣ въ верхней Фивандѣ; можешь осведомиться о Павлѣ въ Литополѣ, и о многихъ другихъ. Они, когда были поставлены, не прекословили, но, взявъ въ образецъ Елиссея, зная, какъ поступилъ Илія, наученные примѣромъ учениковъ и Апостоловъ, приняли на себя попеченіе, и не пренебрегли священнослуженіемъ, и не содѣлались худшими самихъ себя, но паче и паче ожидаютъ награды за, трудъ — и сами преспѣвая, и другихъ увѣщавая къ преспѣванію. Сколь многихъ отвратили они отъ плотовъ! Сколь многихъ убѣдили отстать отъ сего демонскаго обычая! Сколькихъ рабовъ представили Господу! Посему и

тъ, которые видятъ сія знаменія, взирая на сіе, дивятся. Не великое ли это знаменіе—сдѣлать, чтобы юная дѣва хранила дѣвство, и юноша хранилъ воздержаніе, и идолослужитель позналъ Христа? И такъ, да не возбраняють тебѣ монахи, какъ будто одинъ ты поставленъ изъ монаховъ.

Не представляй въ предлогъ, будто бы содѣлаешься хуже себя самого. Можешь содѣлаться и лучшимъ, подражая Павлу, соревнуя дѣяніямъ Святыхъ. Ибо знаешь, что такіе домостроители Таинъ, когда были поставлены, тѣмъ паче къ намъренному текли, къ почести вышняго званія (Филип. 3, 14.). Когда Павелъ сталъ свидѣтелемъ, и возымѣлъ надежду получить вѣнецъ? Не тогда ли, какъ посланъ былъ учить? Когда Петръ сталъ исповѣдникомъ? Не тогда ли, какъ сдѣлался благовѣстникомъ и ловцемъ чelовѣковъ? Когда восхищенъ на небо Ілія? Не тогда ли, какъ совершилъ все пророческое служеніе? Когда Елисей пріялъ сугубый духъ? Не тогда ли, какъ, оставивъ все, послѣдовалъ за Іліею? Для чего и избралъ Спаситель учениковъ? Не для того ли, чтобы посылать ихъ? Поэтому, возлюбленный Драконтіи, имѣя образцемъ ихъ, не говори, и не вѣрь тѣмъ, которые говорятъ, будто бы епископство—поводъ ко грѣху, и доставляетъ случай грѣшить. И бывъ епископомъ, можно пребывать въ алчбѣ и жадѣ, подобно Павлу (2 Кор. 11, 27.). И ты можешь не пить вина, какъ Тимофей; и ты можешь часто поститься, какъ дѣлалъ Павелъ, чтобы, подобно ему, постясь такимъ образомъ, насыщать другихъ словомъ, и терпя жажду и воздерживаясь отъ питія, напоевать другихъ учениемъ. Посему, да не представляютъ тебѣ сего въ пред-

логъ совѣтники твои. Знаемъ и епископовъ постящихся, и монаховъ ядущихъ; знаемъ и епископовъ не пьющихъ вина, и монаховъ пьющихъ; знаемъ и епископовъ творящихъ знаменія, и монаховъ не творящихъ. Многіе изъ епископовъ не вступали въ бракъ, а монахи были отцами чадъ; а знаемъ также и епископовъ, бывшихъ отцами чадъ, а монаховъ—последнимъ въ родѣ. И еще знаемъ и клириковъ живущихъ въ алчбѣ, и монаховъ постящихся. И одно возможно, и другому нѣтъ препятствія. Гдѣ бы кто ни былъ, да подвизается вездѣ: вѣнецъ дается не по мѣсту, а по дѣланіямъ.

Итакъ, не слушай тѣхъ, которые совѣтуютъ иное, а не это; но лучше поспѣши, и не медли тѣмъ паче, что приближается святой праздникъ, чтобъ народъ безъ тебя не совершилъ сей праздникъ, и тебѣ не навлечь на себя великой опасности. Ибо, кто будетъ благовѣствовать имъ Пасху, когда нѣтъ тебя съ ними? Кто будетъ благовѣствовать имъ день Воскресенія, когда ты скрываешься? Кто посоветуетъ имъ праздновать, какъ должно, когда ты въ бѣгствѣ? О, какъ многіе получаютъ пользу отъ твоего прибытія къ нимъ, и какъ многіе потерпятъ вредъ отъ твоего бѣгства! И кто одобритъ тебя за это?

Для чего совѣтуютъ тебѣ не приипмать на себя епископства, сами желая имѣть у себя пресвитеровъ? Если ты не способенъ; пусть не имѣютъ съ тобою общенія. А если признаютъ тебя способнымъ; пусть не завидуютъ другимъ. Если учить и представлять, по словамъ ихъ, служить поводомъ ко грѣху; то пусть сами не учатся, и не имѣютъ у себя пресвитеровъ, чтобы и самими, и учащими ихъ, не

сдѣлаться худшими себя самихъ. Но не внимай симъ человеческимъ вѣщаніямъ, не слушай подающихъ такіе совѣты, какъ много разъ говорилъ уже я; а лучше поспѣши и обратись ко Господу, чтобы, имѣя попеченіе объ овцахъ Его, вспомнать тебѣ и о насъ.

По сей-то причинѣ убѣдилъ я идти къ тебѣ возлюбленныхъ нами Іеракса пресвитера и Максимъ чтеца, чтобы и словесно убѣдилъ тебя, и могъ ты узнать изъ сего и расположеніе, съ какимъ писалъ я, и опасность—прекословить церковному распорядженію.

10.

Къ Епископамъ Египта и Ливіи—ОКРУЖНОЕ ПОСЛАНІЕ ПРОТИВЪ АРІАНЪ.

Все, что, какъ написалъ Лука, творилъ, и чему училъ Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, сотворилъ Онъ, для нашего явившсѣ спасенія; потому что пришелъ, какъ говоритъ Іоаннъ, *не да судитъ мірови, но да спасетъ Имъ міръ* (Іоан. 3, 17.) Но подивиться должно благодати Его между всѣмъ прочимъ и въ томъ, что не умолчалъ и о прецирающихся съ нами, а, напротивъ того, ясно предсказалъ, чтобы, когда будетъ это, тотчасъ оказалось, что умъ нашъ огражденъ ученіемъ Его, въ которомъ говорится: *Возстанутъ лжепророцы и лжехристи, и дадутъ знаменія велія и чудеса, якоже прельстятъ, аще возможно, и избранныя. Се прежде рѣчь вамъ* (Матѣ. 24, 24.). Хотя многочисленны и выше

человѣка—сообщенныя намъ отъ Него ученія и дарованія, какъ-то: образъ небеснаго жительствова, власть надъ бѣсами, всыновленіе, и все превышающее и превосходящее дарованіе — вѣдѣніе Отца и Его Слова, также Духа Святаго; однако же, помышленіе человѣческое прильжно прильжитъ на злая (Быт. 8, 21.), а супостатъ нашъ діаволь, завидуя, что столько даво намъ благъ, ходитъ искій похитить у насъ съмена Слова (1 Петр. 5, 8.). Посему-то, Господь, какбы драгоценности Свои, ученія сіи запечатлѣвая въ насъ предреченіемъ, сказалъ: *Блюдите, да никтоже васъ прельститъ. Мнози бо придуть во имя Мое, глаголюще: Азъ есмь; и время приближися: и мнози прельстятъ: не изыдите убо во слѣдъ имъ* (Матѳ. 24, 4. 5. Лук. 21, 8.). Великое нѣкое дарованіе пріяли мы отъ Слова — не обольщаться видимымъ, но и даже и тѣ, что—прикровенно, различать по благодати Духа. Поелику всецѣлоненавистенъ—изобрѣтатель грѣха, и великій демонъ есть діаволь; то, едва явится, всѣ его преслѣдуютъ, какъ змія, какъ дракона, какъ льва, который ищетъ, кого похитить и поглотить.

Потому утаиваетъ и скрываетъ о себѣ, что—онъ такое, и хитро присволяетъ себѣ вождельнное всѣмъ имя, чтобы, обольстивъ пустою наружностію, обольщенныхъ уже опутать своими узами. Кто хочетъ чужихъ дѣтей предать въ рабство, какъ-скоро отлучатся ихъ родители, принимаетъ на себя ихъ видъ; а потомъ, отвѣдя ихъ далеко, губить уже. Такимъ же образомъ злый демонъ и обманщикъ діаволь, не имѣя смѣлости дѣйствовать открыто, зная человѣческую любовь къ истинѣ, ложно принимаетъ на

себя видъ истины, и извергаетъ ядъ свой на тѣхъ, которые идутъ во слѣдъ его. Такъ обольстиль онъ и Еву, не свое говори, но лживо употребляя Божіи глаголы и измѣняя ихъ смыслъ. Такъ низложилъ и жену Іова, внушивъ ей прикрыть себя любовію къ мужу, и научивъ хулить Бога. Такъ льстецъ сей обманываетъ людей пустою наружностію, похищая каждаго и вовлекая въ свою пучину грѣха. Такъ въ древности, обольстивъ перваго человека Адама и подумавъ, что чрезъ него всѣхъ сдѣлалъ себя подвластными, съ дерзостію посмѣвался, говоря: *вселенную всю объму рукою яко гнѣздо, и яко оставенная лица возму, и нѣсть иже убѣжитъ мене, или противу мнѣ речеть* (Иса. 10, 14.).

Когда же пришелъ Господь, и врагъ опытно узналъ о Его человѣческомъ домостроительствѣ, потому что не возмогъ обольстить носимую Имъ плоть: съ тѣхъ поръ этотъ горделивецъ, обѣщавшійся объять рукою цѣлую вселенную, послѣ Христа, по Христовой силѣ, какъ воробей, служить уже игралищемъ для дѣтей; потому что нынѣ *отроча младо*, возложивъ руку на пещеру аспидовъ (Иса. 11, 8.), посмѣвается обольстившему Еву, и всѣ право вѣрующіе въ Господа ногами попираютъ сказавшаго: *поставлю престолъ мой выше облакъ, възду; подобенъ буду Вышнему* (Иса. 14, 13. 14.). Такъ со стыдомъ терпитъ сіе врагъ. Однако же, отваживается сей безстыдный принимать на себя чужой видъ: но носящіе на чель знаменіе еще легче узнаютъ нынѣ *окаяннаго*, и съ бѣльшею силою отговяютъ отъ себя униженнаго и посрамленнаго. Ибо, хотя и нынѣ, какъ пресмыкающійся змій, превращается въ

Ангела свѣтла; однако же, лицемеріе — не въ пользу ему; такъ какъ научены мы, что *еще и Ангелъ съ небесе благовѣститъ намъ паче, еже придемъ, апаоема будетъ* (Гал. 1, 8. 9.). Если же и снова закроетъ свою ложь и притворно будетъ говорить устами истину; то, зная его умышенія, можемъ сказать изреченное о немъ Духомъ: *грѣшнику же рече Богъ: вскую повѣдаеши оправданіа Мол* (Псал. 49, 16.)? и: *не красна похвала во устѣхъ грѣшника* (Сирах. 15, 9.); ибо не заслуживаетъ вѣролтія этотъ коварный, когда говорить и истину. Сіе показало и Писаніе, повѣствуя о злоухищреніи его въ раю противъ Евы. И Господь обличилъ его, во-первыхъ на горѣ, когда раскрылъ изгибы сердца его, показалъ, кто—сей льстець, и сдѣлавъ лжнымъ, что искуситель— не кто-либо изъ святыхъ, но—сатана, сказавъ ему: *иди за мною сатано, писано бо есть: Господу Богу твоему поклониши и Тому единому послужиши* (Матѣ. 4, 10.); и еще,—когда заставилъ молчать бѣсовъ, взывающихъ изъ гробовъ. Хотя истинно было утверждаемое ими, и не лгали тогда, говоря: Ты Сынъ Божій (Матѣ. 8, 29.), *Святый Божій* (Марк. 1, 24.); однако же, не захотѣлъ, чтобы истина произносима была нечистыми устами, и особенно устами бѣсовъ, и чтобы, подъ предлогомъ истины, примѣшавъ свою грѣховную волю, не всѣяли оной *сплицимъ человекомъ* (Матѣ. 13, 25.). Почему, какъ Самъ не терпѣлъ, чтобы говорили это бѣсы, такъ не желалъ, чтобы и мы терпѣли подобное сему, и Самъ повѣлѣвалъ, говоря: *внемлите отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутри же суть волцы хищницы* (Матѣ 7, 15.), и чрезъ

святыхъ Апостоловъ: *не всякому духу вѣруйте* (1 Иоан. 4, 1.).

Таковъ образъ сопротивнаго дѣйствованія, таковы еретическія скопища. Ибо каждая ересь, имѣя отцемъ примышленія ископни совратившагося и содѣлавшагося челоувѣкоубійцею и лжецемъ діавола, и стыдѣсь произнести ненавистное его имя, притворно принимаетъ на себя прекрасное и превысшее всего Спасителево имя, собираетъ изреченія Писаній, произноситъ слова, утаиваетъ же истинный смыслъ, и наконецъ, прикрывъ какою-то лестію свое изобрѣтенное ею примышленіе, сама дѣлается челоувѣкоубійцею введенныхъ въ заблужденіе. Ибо, для чего—Евангеліе у Маркіона и Манихея, отрицающихъ законъ? Вѣтхимъ доказывается новое, а новое свидѣтельство о вѣтомъ. Посему, отрицающіе последнее исповѣдуютъ ли тѣ, что онымъ доказывается? Павелъ сталъ Апостоломъ благовѣстія, *еже Богъ прежде обѣща пророки Своими въ Писаніихъ святыхъ* (Рим. 1, 2.). Самъ Господь сказалъ: *испытайте Писаній, яко та суть свидѣтельствующая о Мнѣ* (Иоан. 5, 39.). Посему, какъ же будутъ исповѣдовать Господа, не испытавъ прежде Писаній о Немъ? Ученики говорятъ, что обрѣли Того, *Егоже писа Моисей и Пророцы* (Иоан. 1, 45.). На что опять законъ и саддукельмъ, не приѣмлющимъ Пророковъ? Богъ, давшій законъ, самъ обѣщаль въ законѣ воздвигнуть и Пророковъ; потому что Онъ — Господь и закона и Пророковъ; и отрицающій одно изъ двухъ несомнѣнно отрицаетъ и другое. На что уже и вѣтхое Писаніе іудеймъ, не познавшимъ ождансмаго по оному Господа? Если бы вѣрили въ Писанія

Моисей; то утврвали бы и въ слова Господа: *о Мнѣ бо той писа, говорить Господь* (Іоан. 5, 46.). На что Писанія Самосатскому, который отрицаетъ Божіе Слово и пришествіе Слова во плоти, названное и указанное въ Писаніяхъ Ветхаго и Новаго Завѣта! На что Писанія и аріанамъ?—Для чего предлагаютъ ихъ люди, которые утверждаютъ, что Слово Божіе есть тварь, и, подобно язычникамъ, служатъ *твари паче Творца* Бога (Рим. 1, 25.)? По нечестію своего прпмышленія, каждая изъ сихъ ересей не имѣетъ ничего общаго съ Писаніями, и защитники ересей знаютъ, что Писанія во многомъ, или лучше сказать—во всемъ, противны мудрованію каждой изъ нихъ. Но для обольщенія простодушныхъ, каковы упоминаемые въ Притчахъ: *незловивый въру емлетъ всякому словеси* (Притч. 14, 15.), принимаютъ они на себя видъ, подобно отцу своему діаволу, что изучаютъ и собираютъ изреченія Писанія, чтобы сими изреченіями показать правильность своего мудрованія, а наконецъ, убѣдить бѣдныхъ людей мудрствовать вопреки Писаніямъ. И конечно, въ каждой ереси прикрывающійся такимъ образомъ діаволь выставялъ на видъ изреченія, исполненныя лъсти. Ибо Господь сказалъ о нихъ, что *возстанутъ лжехристи и лжепророцы, якоже прельстити многихъ* (Матѣ. 24, 24.). Такъ приходилъ *діаволь*, говоря отъ лица каждой ереси: *азъ есмь Христось*, у меня—истина; и всѣ ереси клеветникъ сей заставлялъ лгать и отдѣльно, и въ совокупности. И странно—то, что всѣ онѣ, препираясь между собой за все, что каждою выдуманно худаго, неразрывно соединились одна съ другою въ одномъ, именно во лжи;

потому что одинъ у нихъ отецъ, который во всѣхъ всѣваетъ ложь.

Посему, вѣрный ученикъ Евангелія, имѣющій благодать разсуждать о духовномъ и на камень создавшій домъ вѣры своей, стоитъ твердо, и безопасенъ отъ ихъ обольщенія. А кто простъ, какъ сказалъ я выше, и не крѣпко наставленъ въ вѣрѣ, тотъ, имѣя въ виду одни слова и не проникая въ смыслъ, скоро увлекается ихъ кознями. Посему, прекрасное и необходимое дѣло—пожелать себѣ пріять дарованіе различенія духовъ, чтобы каждому, по Іоанновой заповѣди, знать, кого надобно отринуть и кого принять, какъ друзей и единовѣрныхъ. И многое могъ бы написать тотъ, кто вознамѣрился бы войти въ подробности; тогда злочестіе и злонамѣренность ересей оказались бы чрезвычайными и разнообразными, и хитрость обманщиковъ крайне ужасною. Но поелику Божественное Писаніе всего достаточнѣе; то желающимъ знать о семъ многое посовѣтовавъ читать Божіе Слово, самъ я постарался теперь раскрыть самое нужное, почему особенно и написалъ такъ.

Слышалъ я, проживая въ сихъ странахъ (сказывали же мнѣ это вѣрные и православные братія), что нѣкоторые изъ держащихся аріанскаго образа мыслей, сошедшись вмѣстѣ, написали о вѣрѣ, что было имъ желательно, и хотятъ послать это къ вамъ, чтобъ, или подписью изъявили вы согласіе на ихъ мнѣніе, лучше же сказать—на то, что внушилъ имъ діаволь, или подвергся изгнанію всякій, кто станетъ сему прекословить; потому что начинаютъ уже тревожить и епископовъ сихъ странъ. Итакъ, изъ сего дѣлается явнымъ нравъ писавшихъ. Ибо напи-

савшіе съ тѣмъ, чтобы концемъ ихъ писаній были изгнаніе и другія казни, могутъ ли быть не чуждыми христіанамъ и недрузьями діаволу и его демонамъ, тѣмъ болѣе, что богочестивѣйшій Царь Константій челоувѣколюбивъ, а они противъ воли его разглашаютъ, что хотятъ? Ибо и сіе дѣлаютъ съ великою хитростію, и какъ мнѣ кажется, всего болѣе по симъ двумъ причинамъ: во-первыхъ, чтобы, когда поднишетесь и вы, утихла, по видимому, худая молва объ Аріѣ, да и сами они сдѣлались непримѣтными, какъ не держащіеся уже аріанскихъ мыслей; а во-вторыхъ, чтобы, написавъ это, по видимому, затмить также бывшій въ Никей Соборъ и изложенную на ономъ противъ аріанской ереси вѣру. Но симъ-то болѣе и обличаются ихъ злонравіе и неправославіе. Ибо, если бы право вѣровали; то довольствовались бы вѣрою, изложенною цѣлымъ вселенскимъ Соборомъ въ Никей. И еслибъ думали, что на нихъ клеветуютъ и напрасно называютъ ихъ аріанами; то не надлежало бы имъ стараться измѣнять написанное противъ Арія, чтобы противъ Него написанное не служило какбы постановленнымъ противъ нихъ. Теперь же поступаютъ они не такъ: подвизаются за самихъ себя, какъ будто они — самъ Аріій. Ибо смотрите: не объ истинѣ попеченіе у нихъ, а, напротивъ того, все говорятъ и дѣлаютъ въ пользу аріанской ереси. Осмѣливаясь клеветать на то, что прекрасно опредѣлено Соборомъ, и предприимая писать иное — противное тому, что другое дѣлаютъ они, — не то ли одно, что обвиняютъ Отцевъ и заступаются за ересь, противъ которой стояли и дали свой приговоръ Отцы? Что и теперь пишутъ, — пишутъ, какъ

уже сказалъ я, не объ истинѣ заботясь, по скорѣе для забавы, съ хитростію дѣлають сіе на обольщеніе людямъ, чтобы разсылкою писемъ обратитъ на это вниманіе народа, самимъ выиграть время для избѣжанія обвиненія, и скрывъ свое нечестіе, имѣтъ возможность распространять ересь подобно гангренѣ, которая вездѣ находитъ себѣ пишу. Все приводятъ они въ движеніе и смятеніе, недовольствуются и своими опредѣленіями. Ежегодно сходятся какъ будто писать договоры, и сами дѣлають видъ, что пишутъ о вѣрѣ, всего болѣе подвергая себя осмѣянію и посященію тѣмъ, что не другимъ, но ими-же самимъ отвергаются ихъ опредѣленія. Ибо если бы увѣрены были въ томъ, что написано ими прежде; то не старались бы писать другаго, и оставивъ опять это, не стали бы писать теперь еще новаго, что, безъ сомнѣнія, подумавъ объ этомъ, опять измѣнять, какъ скоро пройдетъ немного времени и представится случай—по обычаю устроить кому-либо козни. Ибо, когда строятъ козни: тогда особенно показываютъ видъ, что пишутъ о вѣрѣ, чтобы, какъ Пилать умылъ руки, такъ и имъ, написавъ, убивать благочестно вѣрующихъ во Христа, и чтобы, составляя опредѣленіе о вѣрѣ, какъ не однократно говорилъ я, по видимому, избѣжать обвиненія въ неправославіи. Но не возмогутъ они ни скрыться, ни убѣжать; потому что, пока оправдываютъ себя, всегда дѣлаются своими обвинителями. И это справедливо; потому что не обличающимъ ихъ отвѣчаютъ они, но сами себя убѣждаютъ, въ чемъ хотять. Когда же подсудимый разрешается отъ вины по собственному своему суду? Потому-то всегда они пишутъ, и непрестанно измѣ-

няя свои мнѣнія, дѣлають, что неизвѣстна ихъ вѣра, вѣрнѣе же сказать, явны ихъ невѣріе и злонамѣренность. И, кажется, справедливо сіе терпятъ. Поелику, отступивъ отъ истины и желая извратить прекрасно написанную въ Никее вѣру, возлюбиша, по написанному, *подвизати нозъ свои* (Іер. 14, 10.); то по сему самому, какъ нѣкогда Іерусалимъ, утруждають и изнуряють себя сими премѣненіями, пиша одно вмѣсто другаго, только бы выиграть время и остаться имъ христорборцами, вводящими людей въ заблужденіе.

Посему, кто же изъ наиболее пекущихся объ истинѣ пожелаетъ еще терпѣть ихъ? Кто не погнушается по всей справедливости сими пишущими? Кто не осудить ихъ дерзости? Они не многочисленны, но хотять, чтобы ихъ мнѣнія были сильнѣе всего; желая же, чтобы скопища ихъ, собирающіяся въ мѣстахъ скрытныхъ и подозрительныхъ, одержали верхъ, усиливаются нарушить и обратить въ ничто бывшій вселенскій неслестный и чистый Соборъ. И люди, Евсевіевыми приверженцами возвышенные за то, что защищали христорборную ересь, осмѣливаются составлять опредѣленіе о вѣрѣ; и когда должны подлежать суду, какъ виновные, — подобно Каіафѣ, предприемлють судить сами, сочиняють Талію, желая, чтобъ имъ вѣрпли, когда не знаютъ, какъ сами вѣрують. Ибо кому не извѣстно, что Секундъ Пентапольскій, прежде не однократно низложенный, пми принять за Аріево безуміе, и что возвысились Георгій, который теперъ въ Лаодикіи, и Леонтій скопецъ, а прежде него Стефанъ и Θεодоръ, что въ Ираклеи? Урсакій и Валентъ, которые вначалъ, какъ младшіе, наставлены въ вѣрѣ Аріемъ и нѣкогда низло-

жены изъ пресвитерскаго сана, въ-послѣдствіи за нечестіе наименованы епископами; Акакій, Патрофилъ • и Наркисъ были самыя отважныя на всякое нечестіе, и они низложены на великомъ Сардикійскомъ Соборѣ, а Евематій, который теперь въ Севастіи, Димофилъ, Герминій, Евдоксій и Василій, защитники нечестія, возведены въ санъ. О нынѣшнихъ же—Кекроніѣ, такъ называемомъ Авксентіѣ, скоморохѣ Эпиктитѣ, напрасно и говорятъ, когда всякому явно, какимъ образомъ, по какимъ предлогамъ, и какими врагами поставлены они,—слагать клеветы на православныхъ епископовъ, которымъ строятъ козни; потому что и они, хотя жили за восемьдесятъ переходовъ и не знаемы были народомъ, однако же, за нечестіе приобрьли себѣ епископское имя. Для сего-то, нанявъ какого-то Георгія изъ Каппадокіи, хотятъ теперь послать къ вамъ. Но и о немъ нѣтъ слова; потому что въ странахъ сихъ носится слухъ, будто-бы онъ вовсе не христіанинъ, а скорѣе ревнитель идоловъ и ремесломъ палачъ. Почему и приняли они къ себѣ такого человѣка, чтобъ могъ дѣлать обиды, хищенія, убійства; такъ какъ въ этомъ упражнялся онъ болѣе, вовсе же не знаетъ, что свойственно вѣрѣ во Христа. Такъ ухищряются они противъ истины, и мысль ихъ очевидна будетъ всякому, хотя и тысячи предпримуть средствъ ускользнуть, подобно угрямъ, и скрыть, что они христорборцы.

Потому, умоляю васъ: никто изъ васъ да не вдается въ обманъ, никто изъ васъ да не будетъ уловленъ ими, но поревнуйте всѣ о Господѣ, какъ будто бы Христовой вѣрѣ угрожало іудейское нечестіе. Каждый, держа вѣру, принятую отъ Отцевъ, которую

и собравшіся въ Пнкен предали памяти письменно, да не потерпять тѣхъ, которые противъ нея замышляютъ нововведенія. Хотя напишутъ вамъ изреченія изъ Писаній, не потерпите написавшихъ; хотя произнесутъ православныя реченія, не внимайте говорящимъ такъ; потому что говорятъ не по правильному смыслу, но, какбы овчею одеждою, облекаясь словами, мудрствуютъ внутренно по-аріански, подобно ересеначальнику діаволу. Ибо и онъ говорилъ словами изъ Писаній, но заставленъ умолкнуть Спасителемъ. Если бы, что говорилъ, то и думалъ; то не ниспалъ бы онъ съ неба. А нынѣ сей хитрецъ, павъ мыслию, притворствуетъ въ словахъ. Нерѣдко сей зложелатель покушается вводить въ обманъ языческимъ красноглаголаніемъ и языческими лжеумствованіями.

Итакъ, если что написано православными, напримеръ Осіею, великимъ исповѣдникомъ, Максимомъ, Епископомъ Галліи, или его преемникомъ, или Филогоніемъ и Евстаѳіемъ, Епископами восточными, или Юліемъ и Ливеріемъ, Епископами Римскими, или Кипріаномъ, Епископомъ Мисіи, или Пистомъ и Аристеємъ, Епископами Емады, или Силвестромъ и Протогеномъ, Епископами Дакии, или Леонтіемъ и Евсихіемъ, Епископами Каппадокіи, или Кеккиліаномъ, Епископомъ Африки, или Евсторгіемъ, Епископомъ Италіи, или Капитономъ, Епископомъ Сициліи, или Макаріемъ, Епископомъ Іерусалима, или Александромъ, Епископомъ Константинова града, или Педеротомъ Епископомъ Иракліи, или великимъ Мелетіемъ и Василиемъ, и Лонгіаномъ и прочими съ ними Епископами Арменіи и Понта, или Луппомъ и Амфіономъ, Епископами Киликіи, или

Іаковомъ и прочими съ нимъ Епископами Месопотаміи, или нашимъ блаженнымъ Александромъ и единовѣрными съ нимъ: то въ писанномъ ими ничего вѣтъ подозрительнаго; потому что нельстивъ и простъ—правъ сихъ апостольскихъ мужей.

Поселику же написано сіе подкупленными защищать ересь, а, по Божественной Притчѣ, *словеса нечестивыхъ лстива* (Притч. 12, 6.), и *уста нечестивыхъ отвѣщаютъ злая* (Притч. 15, 28.), и *управляютъ нечестивіи лести* (Притч. 12, 5.): то, какъ сказалъ Господь, должно намъ, братія, бдѣть и трезвиться (Матѣ. 24, 42.), чтобы не обольстили насъ красноглаганіе и хитрость, и не пришелъ кто во имя Христова, говоря о себѣ: «и я Христа проповѣдую», и не оказался вскорѣ антихристомъ. Вся же тѣ—антихристы, которые приходятъ къ вамъ посеять Аріево безуміе. Ибо чего недостаетъ у васъ, чтобы нужно было приходять кому къ вамъ изъ чужой стороны?» Или, въ чемъ имѣютъ нужду Церкви—Египетская, Ливійская и Александрійская, чтобы промыслившіе себѣ епископство за дерево и корабельный грузъ вторглись въ принадлежащія имъ церкви? Кто не знаетъ и не видитъ ясно, что все это дѣлаютъ, чтобы составить заговоръ въ пользу нечестія? Посему-то, хотя представляютъ себя изумленными, хотя имѣютъ воскрилія бдльшія фарисейскихъ, ширятся въ вщаніяхъ, и упражняютъ силу голоса: не должно, однако же, имъ вѣрять; потому что вѣру утверждаютъ не изреченія, но смыслъ и благочестивая жизнь. Почему, саддукеи и иродіане, хотя и имѣли законъ на устахъ, посрамлены Спасителемъ, услышавъ отъ Него: *прельщается, не вѣду-*

ще Писанія, ни силы Божія (Матѣ. 22, 29.); и всякому стало извѣстно, что изрекающіе, по видимому, законъ обличены въ сердца еретиками и богоборцами. Итакъ, говоря это, вводили они другихъ въ обманъ; но не могли обмануть Господа, содѣлавшагося человекомъ. Ибо *Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 14.), — Слово, Которое *въсть помышленія человѣческая, яко суть суетна* (Псал. 93, 11.). Такъ обличилъ Господь подѣскивающихся противъ Него іудеевъ, сказавъ: *« аще Богъ Отець вашъ бы былъ, любили убо бысте Мене: Азъ бо отъ Бога изыдохъ, и приидохъ въ вамъ* (Іоан. 8. 42.). Такъ и сіи, кажется, поступаютъ нынѣ; потому что скрываютъ, что думаютъ, и въ писанія свои заимствуютъ уже изреченія Писаній, чтобы, ими уловивъ невѣдущихъ, вовлечь въ свою злобу.

Разсмотрите же, не такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Ибо, если пишутъ о вѣрѣ безъ всякой предположенной цѣли: то излишнее — это предпріятіе, а, можетъ быть, и вредное; потому что, когда не стоитъ никакого вопроса, подають они поводъ къ словопренію, разстроивая незлобивыя сердца братій и всѣвая въ нихъ, чего никогда не приходило имъ на умъ. Если же предпріемлютъ писать въ свою защиту, — что не держатся аріанской ереси; то должно было — напередъ истребить сѣмена возросшихъ золь и предать позору доставившихъ сіи сѣмена, а такимъ образомъ, писать противъ нихъ православно, или явно преслѣдовать аріанское ученіе, чтобы христорборцы не оставались сокровенными, но явно были обнаружены, и всѣ бѣжали отъ нихъ, *якоже отъ лица зміева* (Сирах. 21, 2.). Теперь же Аріево ученіе

скрываютъ, и притворяются,—что пишутъ о другомъ. И врачъ,—который призванъ къ язвенному и страждущему, но, вошедши, ничего не скажетъ о язвахъ, а станетъ разсуждать о здоровыхъ членахъ,— можетъ быть обвиненъ въ великомъ скудоуміи, потому что молчитъ о томъ, для чего пришелъ, разсуждаетъ же о другомъ, для чего нѣтъ въ немъ нужды. Подобно сему и они оставляютъ относящееся къ ихъ ереси, предпріемлютъ же писать другое. А еслибъ заботились они о вѣрѣ, и любили Христа; то надлежало бы напередъ истребить хульные противъ Него реченія, и тогда уже вмѣсто ихъ изречь и написать словеса здравыя. Но они сами сего не дѣлаютъ, и желающимъ дѣлать не дозволяютъ, или по невѣдѣнію, или изъ хитрости. Если подпадаютъ сему по невѣдѣнію; то могутъ быть обвинены въ безразсудности за то, что говорятъ о томъ утвердительно, чего не знаютъ. Если же зная это притворяются: то еще бѣльшее осужденіе падаетъ на нихъ за то, что, разсуждая о собственныхъ своихъ дѣлахъ, ничего не дѣлаютъ небрежно, а пиша о вѣрѣ во Христа нашего, шутятъ и скорѣе дозволяютъ себѣ все, нежели—стоять въ истинѣ; скрываютъ то, въ чемъ осуждается ихъ ересь, приводятъ же изреченія изъ Писаній. А это—явное хипченіе истины, и исполнено всякой неправды; что, какъ хорошо знаю, и ваше благочестіе вполне можетъ усмотрѣть изъ сего. Никто, обвиняемый въ прелюбодѣліи, не оправдывается тѣмъ, что онъ—не тать. И кто обвиняетъ въ убійствѣ, тотъ не потерпаетъ, чтобы обвиняемые оправдывались, говоря: «мы не нарушили клятвы, но сохранили намъ ввѣренное». Это скорѣе можно на-

звать шуткою, нежели оправданіемъ въ винѣ и доказательствомъ истины. Какое отношеніе между убійствомъ и сохраненіемъ ввѣреннаго, или прелюбодѣліемъ и хищеніемъ? Хотя всѣ пороки имѣють между собою связь, выходя изъ одного и того-же сердца; однако же, при оправданіи въ преступленіи, не имѣють они между собою ничего общаго. Такъ Ахаръ, по написанному въ книгѣ Исуса Навина, обвиненный въ хищеніи, не сталъ оправдываться, представляя свое усердіе къ военнымъ дѣламъ, но уличенный въ татѣбъ, замѣтанъ отъ всѣхъ камнями. И Саулу, обвиняемому въ небреженіи и нарушеніи закона, не принесло пользы извиненіе себя другими предлогами. Ибо оправданіе въ одномъ не разрѣшаетъ отъ вины въ другихъ преступленіяхъ. Но если во всемъ должно поступать законно и справедливо; то надлежитъ въ томъ и оправдываться, въ чемъ кто обвиняется, или доказать, что не дѣлалъ сего, или, если обличень, обѣщаться, что уже не дѣлаетъ и не будетъ больше дѣлать того. Если же сдѣлалъ и привелъ въ исполненіе, но, скрывая, не сознается, и будетъ говорить одно вмѣсто другаго; то явно, что поступилъ неправо, и самъ сознаетъ свое преступленіе.

Но нужно ли много говорить, когда сами они служатъ обвинителями аріанской ереси? Если не осмѣливаются произнести, а болѣе скрываютъ хульные свои реченія; то явно, что и они признають ересь сію странною и чуждою истины. Но поелику они скрываютъ и страшатся говорить; то намъ необходимо нужно совлечь завѣсу съ нечестія и выставить на позоръ сію ересь; такъ какъ знасмъ, что говорили тогда аріане, какъ изринуты они изъ Церкви и низ-

ложены изъ клира. Но прежде нужно испросить извиненіе въ тѣхъ скверныхъ реченіяхъ, какія будемъ произносить; потому что говоримъ сіе, не одинаково мудрствуя съ еретиками, но обличая ихъ.

Итакъ, блаженной памяти Епископъ Александръ извѣргъ изъ Церкви Арія, который мудрствовалъ и говорилъ такъ: «Богъ не всегда былъ Отцемъ; не всегда былъ Сынъ; но какъ всѣ существа изъ не-сущаго, такъ и Сынъ Божій изъ не-сущаго, и какъ всѣ существа суть твари, такъ и Онъ—тварь и произведеніе. Какъ всѣ существа не были прежде, но пришли въ бытіе; такъ было нѣкогда, что и само Божіе Слово не было;—и Оно не было, пока не рождено; имѣеть же начало бытія. Ибо тогда пришло въ бытіе, когда угодно стало Богу создать Его; потому что и Оно—въ числѣ дѣлъ Божіихъ. И хотя Оно—измѣняемо по естеству, но, по собственной свободѣ, сколько хочеть, пребываетъ совершеннымъ. А если бы пожелало; то можетъ и Оно измѣниться, какъ и все прочее. Посему-то, Богъ по предъувѣдѣнію, — что будетъ Оно совершеннымъ, предварительно даровалъ Ему ту славу, какую бы въ-послѣдствіи стало имѣть за добродѣтель; почему, за дѣла свои, которыя предъувѣдалъ Богъ, и стало Оно нынѣ таковымъ». На семъ основаніи говорятъ они, что Христось—не истинный Богъ, но что Онъ, какъ и всѣ другіе, именуется Богомъ по причастію.» Присовокупляютъ и то, что «Христось не есть по естеству сущій во Отцѣ, и собственное Слово Его сущности, и собственная Его Премудрость, Которою и міръ сей сотворенъ, но иное есть, со Отцемъ сущее, собственное Его слово, и иная есть, въ Отцѣ сущая, соб-

ственная Его премудрость, каковою премудростию сотворилъ и Слово сіе. Самъ же Господь сей называется Словомъ по примышленію, по причинъ словесныхъ тварей, и Премудростию вазывается по примышленію же, по причинъ тварей, одаренныхъ мудростию». Говорятъ они, безъ сомнѣнія, и сіе: «какъ всѣ существа по сущности—далеки отъ Отца и чужды Ему: такъ и Христось—по всему далекъ отъ сущности Отчей и чуждъ оной, состоитъ же въ свойствѣ съ существами, получившими бытіе и съ тварями, и есть одинъ изъ числа ихъ; потому что Онъ—тварь, произведеніе, дѣло». И еще говорятъ, что «Богъ не насъ создалъ для Него, но Его для насъ: потому что, какъ утверждаютъ, одинъ былъ Богъ и не было съ Нимъ Слова; а потомъ, восхотѣвъ насъ создать, сотворилъ уже и Его, и, какъ-скоро пришелъ Онъ въ бытіе, наименовалъ Его Словомъ, и Сыномъ, и Премудростию, чтобы чрезъ Него и насъ создать. И какъ все не существовавшее прежде состоялось Божіею волею: такъ и Онъ, не имѣя прежде бытія, волею Божіею приведенъ въ бытіе; потому что Слово не есть собственное по естеству рожденіе Отца, по и Само произошло по благодати. Сущій Богъ сотворилъ не-сущаго Сына тѣмъ-же изволеніемъ, которымъ и все сотворилъ, произвелъ, создалъ, восхотѣлъ, чтобы пришло въ бытіе». Ибо говорятъ и то еще, что «Христось не есть собственная и истинная сила Божія, но какъ гусеница и мшица называются силою (Лом. 2, 25.), такъ и Онъ именуется силою Отчею». Къ сему присовокуплялъ Арій, что «Отець—тайна для Сына, и Сынь не можетъ ни видѣть Отца, ни знать Его совершенно и въ-точности; потому что,

имѣя начало бытія, не можетъ познавать Безначальнаго, даже что познаётъ и видитъ, то знаетъ и видитъ соответственно собственной своей мѣрѣ, какъ и мы познаёмъ и видимъ по мѣрѣ собственныхъ своихъ силъ». Аріій прилагалъ къ сему еще и то, что «Сынъ не только не знаетъ въ-точности Своего Отца, но даже не знаетъ и собственной Своей сущности». Сіе и подобное сему утверждалъ Аріій, за то и объявленъ еретикомъ; а я каялся и въ томъ, что написалъ только это, хотя думаю противное сему и держусь благочестиваго разумѣнія. Ибо и всѣ отовсюду сошедшіеся на Соборъ въ Никее Епископы заграждали себѣ слухъ при сихъ Аріевыхъ словахъ, и всѣ единогласно осудили за это и предали анафемѣ его ересь, подтвердивъ, что она—нова и чужда церковной вѣрѣ. Не принужденіе привело къ этому дававшихъ судъ, но всѣ по собственному изволенію вступились за истину; дѣлали же это законно и по праву, потому что сими ученіемъ вводится безбожіе, вѣрнѣе же сказать, противное Писаніямъ іудейство, за которымъ не далеко слѣдуетъ язычество. И кто имѣетъ такой образъ мыслей, того не должно уже называть и христіаниномъ, ибо все это—противно Писаніямъ.

Іоаннъ говорить: *въ началъ бѣ Слово*; а сіи еретики утверждаютъ: Онъ не былъ, пока не рожденъ. И еще Іоаннъ написалъ: и да будемъ во Истиннѣмъ, въ Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ. Сей есть истинный Богъ и животъ вѣчный (1 Іоан. 5, 20.); они же, какъ противоборцы, говорятъ, что Христосъ не истинный Богъ, что и Онъ, какъ и всѣ, называется Богомъ по причастію. И Апостолъ обвиняетъ язык-

никовъ, что чествуютъ тварей, говоря: *послужиша твари паче Творца* (Рим. 1, 25.); они же, утверждая, что Господь есть тварь, и служа Ему, какъ твари, чѣмъ отличаются отъ язычниковъ? Если такъ они мудрствуютъ; то не противъ ли ихъ—приведенное мѣсто, не ихъ ли порицаетъ блаженный Павелъ? И Господь говорить: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30.); и: *видѣвый Мене, видѣ Отца* (Іоан. 14, 9.), и посланный Имъ на проповѣдь Апостоль пишеть: *Иже сый сіяніе славы и образъ впостаси Его* (Евр. 1, 3.); сіи же безбожные осмѣливаются отдѣлять и называть Его чуждымъ Отчей сущности и вѣчности, и представлять измѣняемымъ, не видя того, что, утверждая сіе, дѣлають Его единымъ не со Отцемъ, но съ тварями. Ибо кто не усмотритъ, что сіяніе не отдѣлимо отъ свѣта и есть собственность, пребывающая съ нимъ по естеству, а не въ послѣдствіи произошло? Потомъ, Отецъ говорить: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный* (Матѣ. 3, 17.), и Писанія говорятъ, что *Онъ есть Отчее Слово, Которымъ небеса утвердишася* (Псал. 32, 6.), и, короче сказать, чрезъ Котораго *вся быша* (Іоан. 1, 3.); сіи же, ставъ изобрѣтателями новыхъ догматовъ и вымысловъ, вводятъ иное слово, говорятъ, что есть другая Отчая премудрость, а Христось по примышленію, по причинѣ словесныхъ тварей, именуется Словомъ и Премудростію, и не видятъ, сколько изъ сего выходитъ нелѣпостей. Ибо, если Словомъ и Премудростію именуется ради насъ по примышленію; то, конечно, не скажутъ, что же такое Онъ? Если Писанія утверждаютъ, что Онъ есть Слово и Премудрость, а имъ не угодно, чтобы былъ Господь Словомъ и

Премудростию; то сямъ безбожникамъ и противникамъ Писаній льво не угодно и бытіе Его. Но вѣрующіихъ могутъ научить сему самыи Отеческій гласъ, также покланяющіеся Ему Ангелы и писавшіе о Немъ Святыи. Они же, поелику не имѣють чистаго разумѣнія и не способны внимать мужамъ божественнымъ и Богословамъ, то могутъ научиться хотя у подобныхъ имъ демоновъ; потому что не многихъ признавая возглашали, но Сего единаго вѣдая, говорили: Ты *Святыи Божій* (Марк. 1, 24.), и *Сынъ Божій* (Матѳ. 8, 29.). И тотъ, кто внушилъ имъ ересь, искушая на горѣ, не сказалъ: *еще и Ты Сынъ еси Божій*, предполагая, что есть и другіе сыны, но говорить: *еще Сынъ еси Божій* (Матѳ. 4, 3.), признавая, что Онъ одинъ есть Сынъ. А теперь видимъ, что, какъ язычники, утративъ понятіе о единомъ Богѣ, дошли до многобожія, такъ и сіи чудные люди, не вѣруя, что одно есть Отчее Слово, низпали до примышленія многихъ. Отрицають Того, Кто истинно есть Богъ и истинное Слово, осмѣливаются же представлять Его себѣ тварію, не примѣчая, какого нечестія исполнено сіе мудрованіе. Если Онъ—тварь; то какъ Онъ-же—звждитель тварей? Или, какъ тотъ-же Сынъ и Премудрость, и Слово? Слово не творится, но раждается, и тварь—не сынъ, но произведеніе. И если твари чрезъ Него пришли въ бытіе, самъ же Онъ—тварь; то чрезъ кого Самъ Онъ пришелъ въ бытіе? Ибо произведеніямъ необходимо прійти въ бытіе чрезъ кого-нибудь, какъ и дѣйствительно пришли чрезъ Слово; потому что Оно—не произведеніе, но Отчее Слово. И еще: ежели, кромѣ Господа, есть иная, во Отцѣ сушая, премудрость; то и

Премудрость приведена въ бытіе премудростію. И ежели Премудрость есть Слово Божіе; то и Слово словомъ произведено. И ежели Слово Божіе есть Сынъ; то Сынъ сотворенъ сыномъ. Посему, какъ же Господь сказалъ: *Азъ во Отца и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. 14, 10.), когда во Отца есть другой, кѣмъ и самъ Господь приведенъ въ бытіе? Почему и Іоаннъ, умолчавъ о томъ другомъ, о Семъ повѣдалъ, говоря: *вся Тьма быша, и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. 1, 3.)? Если все, сотворенное изволеніемъ, сотворено Имъ; то какимъ же образомъ самъ Онъ есть одинъ изъ вещей сотворенныхъ? Почему, когда Апостоль говоритъ: *Егоже ради всяческая и Имже всяческая* (Евр. 2, 10.), они утверждаютъ: не мы ради Его, но Онъ ради насъ получилъ бытіе? Еслибъ это было такъ,—Апостолу надлежало бы сказать: *иже ради стало Слово*. А теперь, не сіе говоря, но: *Егоже ради всяческая и Имже всяческая*, показываетъ тьмъ, что они—еретики и клеветники. Иначе же, если осмѣлились утверждать, что въ Богъ есть иное слово; то, поелику не имѣють на сіе ясныхъ доказательствъ въ Писаніяхъ, пусть укажутъ хотя единое дѣло инаго слова, или дѣло Отца, совершенное безъ Слова, нами проповѣдуемаго, чтобы имѣть какой-либо видимый предлогъ къ своему примышленію. Дѣла истиннаго Слова всѣмъ явны, и само Оно познаётся изъ сихъ дѣлъ въ соотвѣтственной мѣрѣ; потому что, какъ видя тварь, уразумѣваемъ создавшаго ее Бога, такъ усматривая, что въ сотворенномъ нѣтъ ничего безпорядочнаго, что все движется и пребываетъ въ порядкѣ и по распоряженіямъ Промысла, заключаемъ, что есть надъ всѣмъ сущее и владычественное Божіе

Слово. О семъ свидѣтельствуютъ и Божественныя Писанія, говоря, что сіе Слово есть Божіе Слово, и что *вся Тьма быша, и безъ Него ничтоже бысть.* А того слова, о которомъ они говорятъ, не указывается ими ни-одного реченія, ни-одного дѣла. Ибо самъ Отецъ, говоря: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный,* даетъ разумѣть, что нѣтъ инаго Сына, кромѣ Его. Посему, въ этомъ отношеніи чудные сіи люди приложились уже къ манихеямъ. Ибо и тѣ именуютъ по имени только благаго Бога, и не могутъ указать ни видимаго, ни невидимаго Его дѣла; отрицая же истиннаго и дѣйствительно сущаго Бога, Творца неба и земли и всего невидимаго, безъ сомнѣнія, слагаютъ чистую баснь. То-же, кажется мнѣ, испытываютъ на себѣ и сіи зломысленные. Ибо видятъ дѣла истиннаго и единаго во Отцѣ сущаго Слова, и отрицаютъ Его, вымышляютъ же себѣ иное слово, котораго не могутъ доказать ни изъ дѣлъ, ни по слуху, слагаютъ басни, примышляя сложнаго Бога, который, какъ человекъ, говоритъ и измѣняетъ слова, и точно опять также мыслить и умудряется; между-тѣмъ не видятъ, въ какое неразуміе впадаютъ, говоря сіе. Ибо если пмѣеть слова случайныя; то Онъ, по мнѣнію ихъ, совершенный человекъ. Если же произносятся Имъ слова, и потомъ исчезаютъ, то сказать сіе—еще нечестивѣе; потому что симъ и то, что—отъ Сущаго, разрѣшается въ небытіе. Если вообще предполагаютъ, что Богъ раждаетъ; то лучше и благочестнѣе—сказать, что Богъ есть Родитель единаго Слова, Которое есть полнота Божества Его, въ которомъ сокровены и сокровища всякаго вѣдѣнія, и признать, что Оно есть Слово, и сопробываетъ со

Отцемъ Своимъ, и что *вся Тьма быша*, — не жели почитать Бога Отцемъ многихъ неявляемыхъ, и простое по естеству существо воображать сложенымъ какбы изъ многихъ, какбы подобострастнымъ чело­вѣку и многообразнымъ. Потомъ, когда Апостоль говорить: *Христосъ Божія сила и Божія Премудрость* (1 Кор. 1, 24.), — они Его единого соприс­ляютъ ко многимъ силамъ, и, что еще хуже, безза­конные сии стявять Его въ сравненіе съ мшицею и съ другими безсловесными тварями, посылаемыми Имъ въ наказаніе. Присемъ, поелику Господь гово­рить: *никтоже знаетъ Отца, токмо Сынъ* (Матѣ. 11, 27.), и еще: *не яко Отца видѣль есть кто, токмо Сый отъ Бога* (Іоан. 6, 46.); то не по самой ли истинѣ они суть богоборцы, когда утвер­ждаютъ, что Отецъ невидимъ и непознаваемъ въ совер­шенствѣ Сыномъ? Если Господь говорить: *якоже знаетъ Мя Отецъ, и Азъ знаю Отца* (Іоан. 10, 15.), Отецъ же не отчасти знаетъ Сына; то не безумству­ютъ ли они, суетлова, что Сынъ отчасти, а не вполне, познаетъ Отца? Потомъ, если Сынъ имѣетъ начало бытія, а также и все имѣетъ начало своего сотворенія; то пусть скажутъ, что — чего первоначаль­нѣе? Но ничего не умѣютъ сказать сии коварные, не могутъ указать такого начала для Слова; потому что Оно есть истинное и собственное Отчее рожденіе, и *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово*. А на то, что говорятъ они, будто бы Сынъ не знаетъ Своей сущности, излишнимъ будетъ и от­вѣчать, развѣ только нужно осудить ихъ безуміе, будто бы не знаетъ Себя Слово, которое *всѣмъ дару­етъ вѣдѣніе объ Отцѣ и о Себѣ, и укоряетъ тѣхъ, которые не познаютъ себя*.

Но, говорятъ, написано: *Господь созда Мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя* (Притч. 8, 22.). О невѣжды и поврежденные въ умъ! Въ Писаніяхъ названъ Онъ и рабомъ, и сыномъ рабыни, и агнцемъ, и овчатей; сказано о Немъ, что утомлялся, жаждалъ, былъ біенъ и пострадалъ. Но таковыя выраженія въ Писаніяхъ имѣютъ близъ себя и предлогъ, и основательную причину, именно же—въ томъ, что сталъ Онъ человѣкомъ и сыномъ человѣческимъ, пріявъ на Себя образъ раба, то есть плоть человѣческую. Ибо Іоаннъ говоритъ: *Слово плоть бысть*. Если же сталъ человѣкомъ; то не должно инымъ соблазняться подобными выраженіями; потому что человѣку свойственно быть созданнымъ, прійти въ бытіе, образоваться, утомляться, страдать, умереть, быть воскресеннымъ изъ мертвыхъ. И, какъ будучи Словомъ и Премудростію Отчею, имѣть все принадлежащее Отцу: вѣчность, неизмѣняемость, подобіе по всему и во всемъ, и тѣ, что—не первоначальнѣе по бытію и не въ-послѣдствіи пришелъ въ бытіе, но сопробываетъ со Отцемъ и Самъ есть тотъ-же образъ Божества, а также—зидительность и несозданность; потому что, будучи подобенъ Отцу по сущности, Онъ не сотворенъ, но есть Творецъ, какъ Самъ сказалъ: *Отецъ Мой досель дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (Іоан. 5, 17.); такъ, ставъ человѣкомъ и понесши на Себя плоть, по необходимости называется созданнымъ, и сотвореннымъ, и имѣющимъ все свойственное плоти, хотя еретики, подобно іудейскимъ корчемникамъ, смѣшиваютъ вино съ водою, уничижалъ Слово, и Божество Его подводи подъ понятіе вещей сотворенныхъ.

Посему, по праву и справедливо вознегодувати

Отцы и предали ападемъ нечестивѣйшую ересь сію; а сія, сознавая, что она—удобоопровержима и во всѣхъ отношеніяхъ не тверда, боятся и скрываютъ оную. И мы кратко написали это въ ихъ осужденіе; а если кому будетъ угодно сдѣлать имъ пространнѣйшее обличеніе, то найдетъ, что ересь сія—недалека отъ язычества и составляетъ остатки и отсѣдъ другихъ ересей. Ибо тѣ—или заблуждаются въ ученіи о тѣлѣ и вочеловѣченіи Господнемъ, погрѣшая однѣ такъ, другія иначе, или пребываютъ въ обольщеніи, подобно іудеямъ, думая, что Господь вовсе не приходилъ къ намъ; но сія одна, съ бѣльшимъ безуміемъ возставая противъ самого Божества, осмѣлилась утверждать, что вовсе нѣтъ Слова, и Отецъ не есть Отецъ. Почему, не безъ основанія можетъ ипый сказать, что именно противъ нихъ написанъ Псаломъ: *Рече безуменъ въ сердце своемъ: нѣтъ Богъ. Распльша и омерзшася въ начинаніихъ своихъ* (Псал. 13, 1.).

Но говорятъ: «мы въ состояніи и можемъ защитить ересь хитрыми способами». Лучше было бы ихъ защищеніе, если бы могли защитить ее не какимъ-либо искусствомъ, и не еллинскими лжеумствованіями, но простою вѣрою. Почему, если знаютъ и увѣрены, что таково—церковное ученіе; то пусть открыто скажутъ свое мудрствованіе. *Никтоже свѣтильникъ вжегъ, поставляетъ его подъ спудомъ, но на свѣщницу, и свѣтитъ всѣмъ входящимъ* (Матѣ. 5, 15. Лук. 8, 16.). Посему, если и она могутъ защитить свою ересь: то пусть напишутъ сказанное предъ симъ, и свою ересь, какъ свѣтильникъ, покажутъ безъ всякаго покрова; пусть явно обвѣщаютъ блаженной

памяти Епископа Александра, что несправедливо извѣргъ Арія, утверждавшаго это; пусть порицають Никейскій Соборъ, который написалъ и предалъ памяти, вмѣсто нечестія, благочестивую вѣру. Но очень знаю, что не сдѣлають они сего; потому что не безъизвѣстно имъ, какое зло ими измышлено и стараются они разсвѣтать. Напротивъ того, хорошо знаютъ они, что, хотя вначалѣ пустымъ своимъ обольщеніемъ и увлекутъ людей простодушныхъ, однако же, вскорѣ ученіе ихъ, какъ *свѣтъ нечестивыхъ, угаснетъ* (ов. 18, 5.); и повсюду предаются они позору, какъ враги истины. Почему, и дѣлая все юродиво, и говоря, какъ юродивые, въ томъ одномъ, какъ *сынове вѣка сего*, поступаютъ благо-разумно, что свѣтильникъ свой скрываютъ подъ спудомъ, чтобы предполагалась возможность стать ему видимымъ, и былъ онъ не угашенъ осужденіемъ, дѣйствительно ставъ видимымъ.

И самъ ересеначальникъ и сообщникъ Евсевіевъ, хитрый Арій, — когда, по старанію Евсевіевыхъ приверженцевъ, призванъ былъ блаженной памяти Августомъ Константиномъ, и потребовали у него вѣру свою изложитъ письменно, — скрывая свои нечестивыя выраженія и лицемѣря, какъ діаволь, написалъ, употребивъ простыя реченія Писаній, и какъ дѣйствительно написано. Потомъ, когда блаженной памяти Константинъ сказалъ: если не имѣешь въ мысли ничего инаго, кроме сего, то призови во свидѣтели истину (потому что Господь накажетъ тебя, если поклянешься лживо); тогда поклялся сей несчастный, что, сверхъ написаннаго теперь, ничего не имѣетъ въ мысли, и никогда не говорилъ, и не думалъ инаго.

Но вскорѣ вышедши, какъ дѣйствительно понесшій наказаніе, упалъ и ницъ бывъ, просьдѣлся посредь (Дѣян. 1, 18.). Правда, что смерть есть общій конецъ жизни всѣмъ людямъ, и не должно ни надъ кѣмъ издѣваться, хотя бы скончавшійся былъ и врагъ, потому что не извѣстно, не постигнетъ ли и насъ самыхъ тотъ-же конецъ еще прежде вечера; но конецъ Аріевъ былъ не простъ, и потому стоитъ, чтобы пересказать о немъ. Евсевіевы сообщники угрожали, что введутъ Аріа въ Церковь, Епископъ Константинопольскій Александръ прекословилъ, Аріій же твердо надѣялся на Евсевіевы насилія и угрозы. День былъ субботній, и Аріій ждалъ, что на слѣдующій день будетъ онъ принятъ. По этому происходила сильная борьба; тѣ угрожали, Александръ молился. Но Господь, ставъ Судіею, изрекъ опредѣленіе на обидчиковъ. Не заходило еще солнце, какъ нужда повлекла Аріа на опредѣленное къ тому мѣсто; тамъ онъ упалъ, — и вдругъ лишенъ того и другаго, — и общенія съ Церковію, и жизни. Скоро услышавъ о семъ, блаженной памяти Константинъ удивился, видя, что обличенъ онъ клятвopеступникомъ. Всѣмъ тогда стало явно, что угрозы Евсевіевыхъ сообщниковъ оказались безсильны, и надежда Аріева сдѣлалась суетною. Оказалось также, что аріанскому безумію нѣтъ общенія со Спасителемъ ни здѣсь, ни въ Церкви первородныхъ на небесахъ. Посему, кто не подивится, видя крайне упорствующими тѣхъ, кого осудилъ Господь, и примѣчая, что они защищаютъ ересь, о которой Господь далъ звать, что лишена общенія съ Нимъ, не допустивъ начальника оной войти въ Церковь, и не страшатся написаннаго, но предприемлютъ

невозможное? Яже бо Богъ Святый совопта, кто разоритъ (Иса. 14, 27.)? И кого Богъ осудилъ, тому кто оправдатель?

Пусть, защищая мечты свои, пишутъ они, что хотять; но умоляю васъ, братія, какъ хранителей Божіихъ сосудовъ, какъ защитниковъ церковныхъ догматовъ, будьте судіями дѣла сего. И если употребляютъ другія реченія, кромѣ упомянутыхъ выше Аріевыхъ; то осуждайте ихъ за сіе, какъ лицемѣровъ, которые скрываютъ ядъ своего мудрованія, и подобно змію, льстятъ словами устъ. Ибо, пища это, имѣютъ при себѣ изверженныхъ тогда съ Аріемъ Пентаполита, Секунда и обличенныхъ нѣкогда Александрійскихъ клириковъ. И симъ жителямъ Александріи пишутъ, а меня и близкихъ ко мнѣ, что чудно, довели до изгнанія. Хотя благочестивѣйшій Царь Константинъ, попечительный о народномъ единомысліи, съ миромъ послалъ меня въ отечество и въ Церковь; но они сдѣлали то, что церкви переданы теперь имъ, и всякому стало видно, что всѣ злоумышленія противъ меня и противъ другихъ съ самаго начала были по ихъ милости. Дѣлая же это, могутъ ли внушить довѣріе къ тому, что пишутъ? Если бы писали право-мысленно: то истребили бы написанную Аріемъ Талію, и отринули бы эти отпрыски ереси; потому что сдѣлались они учениками и сообщниками и нечестія, и наказанія Аріева. А посему, не отвергалъ еретиковъ, для всякаго дѣлаютъ очевиднымъ, что не имѣютъ праваго образа мыслей, хотя тысячу разъ будутъ писать. Поэтому, надлежитъ бодрствовать, чтобы подъ покровомъ писменъ не скрывалось какого обольщенія, и не отвлекли они иныхъ отъ благочестивой

вѣры. Если же, видя себя благоуспѣшными и во
 всемъ счастливыми, осмѣлятся и будутъ писать по
 Аріеву; то намъ ничего не остается болѣе, какъ упо-
 употребить великое дерзновеніе. Помня предреченія
 Апостола, написанныя въ предохраненіе наше отъ
 подобныхъ ересей, и намъ прилично сказать: знаемъ,
 что въ послѣднія времена отступятъ нѣщцы отъ
 здоровой вѣры, внемлюще духовомъ лестчымъ и уче-
 ніемъ бѣсовъ (1 Тит. 4, 1.), отвращающихся отъ
 истины (Тит. 1, 14.); и: вси же, хотящіи благо-
 честно жити о Христвѣ, гоними будутъ. Лукавіи
 же челоуѣцы и чародѣи преусупють на горшее,
 прельщающе и прельщаеми (2 Тим. 3, 12. 13.). Но
 насъ ничто подобное не убѣдитъ и не отлучитъ отъ
 любви Христовой, хотя бы еретики угрожали намъ и
 смертію; потому что мы—христиане, а не ариане. О,
 если бы и тѣ, которые написали сіе, не держались
 Аріевыхъ ученій!

Да, братія; теперь нужно такое дерзновеніе: не
 пріяхомъ бо духа работы паки въ боязнь (Рим. 8,
 15.), но на свободу призвалъ насъ Богъ (Галат. 5,
 13.). И подлинно стыдно, крайне стыдно, если отъ
 Спасителя чрезъ Апостоловъ имѣемъ вѣру, и ее по-
 губимъ ради Арія, или ради тѣхъ, которые держатся
 Аріевыхъ мыслей и защищаютъ ихъ. Посему, весьма
 многіе и въ здѣшнихъ странахъ, узнавъ коварство
 пишущихъ, готовы даже до крови противостоятъ ихъ
 кознямъ, особенно же, слыша о вашей твердости.
 Поелику же и вами возвыщается обличеніе ереси, и
 она обнаружена у васъ, какъ змій въ норѣ; то зна-
 чить, что соблюдено у васъ Отроча, Которое искалъ
 убить Иродъ, и что живетъ въ васъ истина, и здрава—

вѣра ваша. Посему, умоляю, имѣя въ рукахъ написанную въ Никей Отцами вѣру, и защищая ее съ великимъ усердіемъ и съ упованіемъ на Господа, будьте для всѣхъ образцами, показывая, что теперь предлежитъ борьба съ ересью за истину, и что многообразны — козни врага. Ибо не только не приносить въ жертву куреній — значить быть мученикомъ, но и не отречься отъ вѣры есть уже свѣтлое мученичество въ совѣсти. Не только поклонявшіеся идоламъ, но и предавшіе истину осуждены, какъ чуждые. Посему, Іуда изверженъ изъ Апостольскаго сана не за приношенія жертвы идоламъ, но за то, что сталъ предателемъ. И — Именей и Александръ, не къ идоламъ обратившись, отпали, но потому, что потерпѣли крушеніе въ вѣрѣ. Также Патріархъ Авраамъ увѣнчанъ не за то, что умерщвленъ, но за то, что сталъ вѣренъ Богу. И другіе святые, — о которыхъ говорить Павелъ, — Гедеонъ, Варакъ, Сампсонъ, Іефеай, Давидъ и Самуиль, и прочіе съ ними не пролитіемъ крови достигли совершенства, но оправдались чрезъ вѣру, и донынѣ внушаютъ удивленіе; потому что готовы были претерпѣть смерть ради благочестія предъ Господомъ. Если же должно присовокупить и у насъ бывшіе примѣры; то знаете, какъ блаженной памяти Александръ даже до смерти боролся съ сею ересью, и будучи старцемъ, многія скорби и великіе труды претерпѣлъ, и въ преклонномъ уже возрастѣ приложился къ Отцамъ своимъ. И многіе другіе сколько имѣли трудовъ, уча противиться сему нечестію, и о Христѣ имѣютъ похвалу сего исповѣданія!

Посему и мы, какъ обязанные вступить въ подвигъ для защищенія всего, когда предстоитъ — или отречься

отъ вѣры, или сохранить оную, рѣшимся и употре-
 бимъ старанія—храити, что пріяли, имѣя напомина-
нiемъ вѣру, написанную въ Никей, отращаться же
нововведенiй и учить народъ, чтобы не внимали ду-
ховомъ лестчымъ, по всемѣрно уклонялись отъ
 злочестiя арианъ и состоящихъ съ ними въ заговоръ
 мелетiанъ. Ибо видите, что, препираясь прежде
 между собою, теперь, какъ Иродъ и Понтiй, согла-
 сились они въ хулъ на Господа нашего Исуса Христа,
 за что справедливо иной возненавидитъ ихъ; потому
 что ради своихъ враждовали другъ противъ друга,
 во враждѣ же къ истинѣ, въ нечестiи предъ Богомъ
 стали друзьями и подають другъ другу руки, все же
 это терпѣливо сносятъ противъ своего чаянiя, каж-
 дый въ угодность собственному своему намѣренiю:
мелетiане—ради первостоятельства и по безумной
страсти сребролюбiя, ариане же—ради собственного
 своего злочестiя,—чтобы при такомъ заговорѣ можно
 имъ было послужить другъ другу своимъ злоумiемъ,
 и однимъ—прикрыть нечестiе другихъ, и другимъ—
 споспѣшествовать лукавствомъ своимъ злобѣ первыхъ,
 и сообща уже,—лукавыя дѣла свои смѣшавъ въ одно,
 какъ вавилонскую чашу (Апок. 18 в.),—злоумышлять
 противъ тѣхъ, которые право благочествуютъ предъ
 Господемъ нашимъ Исусомъ Христомъ. Лукавство и
 клеветы мелетiанъ всѣмъ были явны и прежде сего,
 злочестiе и богоборная ересь арианъ издавна по-
 всюду и всѣмъ открыты; потому что не мало уже
 сему времени. И пятьдесятъ пять лѣтъ тому, какъ
одни сдѣлались раскольниками, а тридцать шесть
лѣтъ тому, какъ другiе объявлены еретиками и изри-
нуты изъ Церкви по суду цѣлаго вселенскаго Собора.

Но сдѣланное ими нынѣ и тѣмъ, которые, по видимому, благопріятствовали имъ, ясно показало, что не по чему иному, а ради собственной злочестивой своей ереси, съ самаго начала злоумышляли они и противъ меня, и противъ всѣхъ православныхъ епископовъ. Ибо вотъ совершилось нынѣ то, къ чему издавна стремились Евсевіевы приверженцы: они сдѣлали, что церкви у насъ похищены; епископы и пресвитеры, не имѣвшіе съ ними общенія, изгнаны, какъ имъ желалось; всѣ, кто отвращается ихъ, удалены изъ церквей; переданы же церкви сіи аріанамъ, которые столько уже времени осуждены, переданы для того, чтобы, когда соединено съ ними и лицемеріе мелетіанъ, безопасно имъ было изрыгать въ церквахъ нечестивыя свои реченія и готовить, какъ сами думаютъ, путь обольщенія всѣявшему въ нихъ ересь антихристу.

Итакъ, пусть въ усыпленіи своемъ напрасно предаются столькимъ мечтаніямъ. Ибо знаемъ, что чело-вѣколюбивый Царь, услышавъ, возбранить ихъ лукавствамъ, и не долго будутъ они въ силѣ, но, по написанному, *сердца нечестивыхъ скоро исчезнутъ* (Притч. 10, 20.). А мы, какъ противъ отступниковъ, желающихъ безуміе свое утвердить въ дому Господнемъ, облекшись, по написанному, въ словеса Божественныхъ Писаній, противопоставимъ имъ, и какъ не убоимся тѣлесной смерти, такъ не поревнуемъ путямъ ихъ. Папротивъ того, всему да предпочтется слово истины. Ибо и мы, — какъ всѣ вы знаете, убѣждаемые тогда Евсевіевыми сообщниками, или притворно принять ихъ нечестіе, или ожидать отъ нихъ козней, — не пожелали согласиться съ ними, но рѣшились — лучше

быть отъ нихъ гонимыми, нежели подражать Иудину нраву. Конечно, они сдѣлали, чѣмъ угрожали, и подражая Иезавели, приготовили у себя въ засаду меле-тианъ. Зная, какъ вели они себя противъ блаженнаго мученика Петра, и послѣ него противъ великаго Ахилла, потомъ противъ блаженной памяти Александра, подобнымъ образомъ и противъ меня меле-тиане, какъ опытные въ этомъ, должны были вести дѣло, какъ будетъ имъ внушено, чтобы арианамъ найдти въ этомъ предлогъ гнать меня и искать моей смерти. Ибо жаждутъ сего, и досель не перестаютъ жаждать, желая пролить кровь мою. Но о семъ нималой нѣтъ у меня заботы; ибо знаю и увѣренъ, что претерпѣвшимъ будетъ награда отъ Спасителя, и что вы, претерпѣвъ, какъ Отцы, ставъ образцами для народа и изложивъ это странное и чуждое примышленіе нечестивыхъ, будете имѣть похвалу, говоря: *вѣру соблюдохомъ* (2 Тим. 4, 7.). Пріймите же и *вѣнецъ жизни, егоже обѣща Богъ любящимъ Его* (Іак. 1, 12.). О, если бы и мнѣ наследовать съ вами обѣтованія, возвышенныя не одному Павлу, но и всѣмъ возлюбившимъ пришествіе Господа, Спасителя, Бога и Всецаря нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго Отцу слава и держава въ Духъ Святомъ, и нынѣ, и во вѣки вѣковъ! Аминь.

СОДЕРЖАНІЕ

СЕМНАДЦАТАГО ТОМА ТВОРЕНІЙ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО АОНАСІЯ АРХІЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО.

	страни.
1. Слово на язычниковъ	5
2. Слово о воплощеніи Бога-Слова, и о пришествіи Его къ намъ во плоти	79
3. Изложеніе вѣры	161
4. На слова: <i>всѣ Мнѣ предаша суть Отцемъ Моимъ: и никто же знаетъ, кто есть Сынъ, токмо Отецъ: и кто есть Отецъ, токмо Сынъ, и емуже аще волитъ Сынъ открыти</i>	166
5. Окружное посланіе	175
6. Защитительное слово противъ арианъ	189
7. Посланіе о томъ, что Соборъ Никейскій, усмотрѣвъ коварство Евсеіевыхъ приверженцевъ, опредѣленіе свое противъ арианской ереси изложилъ приличнымъ образомъ и благочестно	310
8. О Діонисіи Епископѣ Александрійскомъ, а именно, что онъ, какъ и Никейскій Соборъ, думаетъ противно арианской ереси, и напрасно клеветуютъ на него ариане, будто бы онъ единомысленъ съ ними	361
9. Письмо къ Драконтію	392
10. Къ Епископамъ Египта и Ливіи—окружное посланіе противъ арианъ	401

О ПЕЧАТКИ

<i>Напечатано:</i>			<i>Должно читать:</i>	
Стр.	Строк.			
8	4	сверх.	нимъ	спяъ
9	7	—	Боту	Богу
13	14	—	богъ	Богъ
18	3	—	омиралися	омиралися
20	5	—	Писидонъ	Посидонъ
—	13	сниз.	Кара	Кора
22	6	—	Сарисдона	Сарисдова
23	4	сверх.	убить	связанъ
25	5	сниз.	<i>древодылатъ</i>	<i>древодылатель</i>
32	8	сверх.	Тринтоленъ	Тринтолемъ
36	5	—	овнаеяному	ознаеяному
49	15	—	изваяніе	изваяніа
60	3	сниз.	смѣшеніе	смѣтеніе
73	2	—	вникая	вникая
76	11	сверх.	подтверждаемъ	подтверждаетъ
82	3	сниз.	<i>сотворилъ Я</i>	<i>сотворилъ я</i>
87	5	—	ними	нами
92	12	сверх.	приложить	приложить
95	10	—	благополучно	благополучною
122	4	сниз.	идоловъ	демоновъ
126	3	—	И еще : <i>прежде</i>	И еще говоритъ Исаія : <i>прежде</i>
130	15	сверх.	Иерусалимъ	Иерусалимъ
146	1	—	воды	водъ
163	14	—	представляя	представляя
164	13	—	сказуемое	сказуемое
169	5	сниз.	<i>человѣка</i>	<i>человѣка</i>
176	12	сверх.	указать а	указать на
206	9	сниз.	чествуетъ	нечествуетъ
219	11	сверх.	желаютъ	желаете
232	10	сниз.	что	чтобы
265	6	сверх.	всѣмъ	всемъ
284	14	сниз.	Вускри	Вусири
286	13	—	зрителямъ	зрителями
297	4	—	много	мною
—	3	—	государя	государя
387	1	—	отривуть	отривуть
388	3	сверх.	примышленію	примышленію
398	5	сниз.	за, трудъ—	за трудъ,
415	10	—	стоятъ	стоятъ

COLUMBIA UNIVERSITY

0027032965

08699143

1
E6 V1 C1

DEMCO

